Игорь Геннадьевич Ермолов
Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944

«Ермолов И. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. (На линии фронта. Правда о войне)»: ЗАО Центрполиграф; Москва; 2010
ISBN 978-5-9524-4886-5

Аннотация

Книга детально освещает малоизвестную страницу истории Великой Отечественной войны — сотрудничество граждан СССР с нацистами на оккупированных территориях.

В своем исследовании кандидат исторических наук Игорь Ермолов, опираясь на обширную базу достоверных источников, доказывает, что нередко оккупанты и советское население сосуществовали мирно и даже взаимовыгодно. Что же толкало советских людей на сотрудничество с врагом? В каких формах оно существовало? Кто и по каким причинам становился коллаборационистом? Имело ли гражданское население возможность участвовать в управлении общественной жизнью, получать образование и медицинскую помощь? Или все вели партизанскую борьбу, и их убивали и мучили гитлеровцы? Ответы на эти вопросы вы найдете в этой книге.

Игорь Ермолов
Три года без Сталина
Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками
1941–1944

Введение

Как жили наши соотечественники в период оккупации? Ответ на этот вопрос мы тщетно будем искать в многочисленной литературе, выпущенной в нашей стране в послевоенные годы. Разумеется, в книгах о войне встречаются описания периода оккупации, положения россиян, оставшихся по ту сторону фронта. Но выглядят эти письмена по меньшей мере странно. Подчас даже неправдоподобно. Так, всегда принято было считать, что население либо единодушно поддерживало партизанское движение, либо стонало под игом оккупантов, было ими убиваемо, мучимо. Да, прислуживали гитлеровцам немногочисленные предатели — какие-то старосты, полицейские. Однако это были одиночки, чаще из числа пьяниц, лодырей, уголовников…

Почему же на события, связанные с оккупацией, существует столь упрощенный взгляд? Да и сама Вторая мировая война, хотя и окончилась сравнительно недавно, до сих пор остается малоизученным событием

отечественной истории. Причина заключается в том, что эта война совпала по времени с апогеем сталинской тирании, в результате многие ее негативные моменты, как в сталинские времена, так и в последующие десятилетия, тщательно скрывались или ретушировались, а позитивные — утрировались. В итоге написанная под идеологическим прессом тоталитарного режима история Второй мировой представляет ряд ее событий не такими, какими они были в действительности, а такими, какими их хотелось бы видеть существовавшему в СССР строю.

Хотя политика нашего государства за последние годы претерпела ряд позитивных изменений, вылившихся в пересмотр официального отношения к ряду событий советского периода, историческая оценка некоторых моментов военных лет фактически не сдвинулась с мертвой точки, в целом оставшись такой, какой она была в сталинские времена. Все, что не вписывалось в прокрустово ложе официальных догм, было принято считать очернительством истории. Идеологический запрет объективно освещать все то, что могло бы поколебать штампы о морально-политическом единстве советского народа в Великой Отечественной войне[1], привел к тому, что отечественные авторы на протяжении десятилетий оставляли тему сотрудничества наших сограждан с внешним врагом за рамками исследований. Между тем можно согласиться с немецким историком К.Г. Пфеффером, что «немецкие фронтовые войска и служба тыла на Востоке были бы не в состоянии продолжать борьбу в течение долгого времени, если бы значительная часть населения не работала на немцев и не помогала немецким войскам». Следовательно, игнорирование такой важной проблемы, как коллаборационизм, создало брешь в истории Второй мировой войны, в результате некоторые ее страницы были и остаются труднодоступны для понимания и правильного научного осмысления. К таковым можно отнести экономику, инфраструктуру, религиозную жизнь, судебную и правоохранительную системы на оккупированных территориях СССР, особенности оккупационного режима и самоуправления, созданного с ведома оккупантов на временно захваченных территориях, партизанского движения.

Для читателей этой книги будет полной неожиданностью, что советские граждане, оставшиеся за линией фронта, в ряде случаев вели довольно нормальную и сносную жизнь. В частности, сами осуществляли самоуправление своими населенными пунктами, были защищены от

---

1 Газета «Правда» 29 июля 1941 г. в передовой статье «Великая дружба народов СССР» писала: «…когда наша страна вступила в смертельную схватку с разбойничьими ордами Гитлера, весь наш народ един в своей ненависти к германскому фашизму, в своей готовности бороться против него». «Пролетарская правда» 19 июля 1941 г. писала: «При помощи угроз, шантажа и „пятой колонны“, при помощи продажных холопов, готовых за тридцать сребреников предать свою нацию, Гитлер смог осуществить свои гнусные намерения в Болгарии, Хорватии, Словакии… Даже в Польше, в Югославии и Греции… внутренние противоречия между нациями и классами и многочисленные измены как на фронте, так и в тылу ослабили силу сопротивления оккупантам. Но грабительские козни Гитлера неминуемо будут разбиты в прах теперь, когда он вероломно напал на СССР, могучую страну, вооруженную… несокрушимой дружбой народов, непоколебимым морально-политическим единством народа…»

И. Эренбург 4 ноября 1941 г. писал: «Эта война — не гражданская война. Это отечественная война. Это война за Россию. Нет ни одного русского против нас. Нет ни одного русского, который стоял бы за немцев» (*Эренбург И.* Нет тыла // Война. М., 2004. С. 131).

уголовников и прочих нарушителей порядка, могли отстаивать свои права в суде. В случае болезни имели возможность обратиться за медицинской помощью, а по выходным — сходить в кино, в театр, в музей. А подрастающее поколение могло продолжать получать не только школьное, но и профессиональное образование. Конечно, права наших сограждан в период оккупации были ограничены, но тем не менее с приходом немецкого солдата жизнь на оккупированных территориях не остановилась. Разумеется, жить под пятой нацистов было невозможно без сотрудничества с ними. И каждый, кто вел какую-то разрешенную германскими властями деятельность, по терминологии сталинского правительства считался «изменником», «немецким прихвостнем», «врагом народа». Между тем в ходе Великой Отечественной войны оккупации подверглись, если не брать Прибалтику, территории пяти союзных республик. Только в РСФСР были полностью или частично оккупированы двенадцать краев и областей. Причем за линией фронта оказалось около 40 % населения Советского Союза. Общее количество населения СССР, вынужденного прожить под гитлеровской оккупацией два, а то и три года, составило не менее 80 млн человек, из них населения РСФСР — около 30 млн человек. В ходе этого среди части населения РСФСР возникло такое явление, как коллаборационизм (от франц. collaboration — сотрудничество, совместные действия), под которым следует понимать любую форму добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства, проявившуюся в период военных действий. Особое место в ряду известных форм коллаборационизма является его проявление в гражданской сфере.

Гражданский коллаборационизм — термин в исторической науке новый, до сих пор даже не упоминавшийся в специальных работах — отечественные авторы предлагали иную классификацию форм сотрудничества с противником[2]. Гражданский же коллаборационизм — термин собирательный. Он представляет собой сотрудничество советских граждан с оккупантами в административной, экономической и идеологической сферах. Сотрудничество наших сограждан с противником в гражданской сфере стало довольно масштабным. Так, если в военных коллаборационистских процессах, то есть вооруженной борьбе против своего правительства, приняло участие, по различным оценкам, от 1 до 1,5 млн советских граждан, то в гражданской сфере с оккупантами сотрудничало около 22 миллионов граждан СССР[3].

В данной книге к гражданским коллаборационистам периода Великой Отечественной войны отнесены следующие категории советских граждан:

1. Сотрудники органов местного самоуправления, созданных на оккупированных территориях СССР и способствовавших проведению «восточной» политики гитлеровской Германии.

2. Руководители, технический персонал и работники промышленных

---

2 *Кудряшов С.В.* «Предатели», «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942)//Свободная мысль. 1993. № 14. С. 89, 91; *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 293; *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 11.

3 *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Война 1941–1945. М., 2004. С. 214.

и торговых предприятий, работа которых была направлена на удовлетворение потребностей как местного населения, так и германской армии.

3. Сотрудники органов полиции, судов и учреждений юстиции, созданных с целью поддержания так называемого нового порядка.

4. Работники сферы обслуживания, здравоохранения и социального обеспечения, образования, культуры, деятельность которых в той или иной мере способствовала осуществлению интересов Германии в занятых областях Советского Союза.

5. Служители религиозных культов, в той или иной мере способствовавшие осуществлению оккупационной политики.

6. Идеологи, пропагандисты, основатели и участники различных партий и движений антисоветского толка, журналисты, авторы листовок, воззваний, а также иные лица, так или иначе участвовавшие в идеологических мероприятиях, обосновывавших сотрудничество советских граждан с нацистами.

Что касается историографии проблемы, содержащиеся в различных трудах советского периода эпизодические упоминания о сотрудничестве граждан СССР с врагом вовсе не раскрывают данную тему, так как авторы изданий были вынуждены преподносить коллаборационизм не иначе, как в рамках идеологии того времени[4]. То же можно сказать об анализе всего спектра причин возникновения и развития гражданского коллаборационизма.

В качестве исследователей зачастую выступали не профессиональные историки, а журналисты, военные, юристы, сотрудники органов госбезопасности. В их трудах говорится не столько о коллаборационизме, сколько о коллаборационистах, то есть об отдельных личностях, одиночках, вставших на путь сотрудничества с врагом. В этом просматривается попытка указать на коллаборационизм не как на явление, а скорее как на недоразумение, крайне несвойственное советскому народу[5], а также преуменьшить масштабы коллаборационизма, сделать его незаметным на фоне массового патриотизма народов СССР в годы войны. Некоторые авторы указали, что в период оккупации с гитлеровцами хотя и сотрудничали русские, никакого отношения к советскому народу они не имели, так как значительная их часть была из эмигрантов, носителей белой идеи. Так, Л.В. Котов указал, что «на руководящие посты в этом аппарате (в органах местного самоуправления. — *И. Е.*) назначались прибывшие в обозе гитлеровской армии белоэмигранты, в том числе члены белогвардейской организации Национально-трудовой союз (НТС), находившейся на службе у фашистов… Они всячески помогали германской армии… Но советские люди не мыслили свободы своей Родины без ее верных сынов-коммунистов»[6]. В другом труде по истории войны говорится: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению

4 См., напр.: Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985. С. 161; *Макашов А.И.* В центре России. Орел, 1994. С. 36. *Фефелов В.И.* Подвигу жить вечно. Тула, 1983. С. 28–42.

5 История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 346.

6 *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: Сб. статей. М., 1970. С. 6.

народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты… в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии»[7].

К трудам советской эпохи, эпизодически коснувшимся вопросов гражданского коллаборационизма, относятся работы Г. Глазунова[8], Н. Майорова[9], А. Ананьева, Ф. Тулинова[10], Н. Мюллера[11]. Этой же проблеме посвящены отдельные места общих трудов по истории Великой Отечественной войны[12], литература, описывавшая работу советских органов госбезопасности во время войны[13]. Советские авторы упрощали создание оккупационных учреждений и работу в них советских граждан до банального прислуживания немцам. А мотивами вступления на путь коллаборации считали тщеславие, карьеристские побуждения, трусость, шкурные интересы.

Можно согласиться с Е.Ф. Кринко и О.А. Чубарьяном, что тема коллаборационизма как научная проблема в советской историографии полностью игнорировалась[14]. А также с Л.М. Млечиным, что жизнь на оккупированных территориях не была изучена, будучи «запретной темой для советской историографии»[15].

В перестроечный период в СССР проникли работы западных исследователей, в частности книга А.И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»[16], преподнесшая коллаборационизм в ином ракурсе, были изданы мемуары политзаключенных[17], представлявшие любую форму коллаборации с германским нацизмом как вызов большевизму. Они

---

7 История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 2. С. 346.

8 *Глазунов Г.* Это было в Краснодоне// Неотвратимое возмездие: Сб. статей / Сост. Н.Ф. Чистяков, М.Е. Карышев. М., 1974. С. 167–184.

9 *Майоров Н.* Краснодарский процесс // Неотвратимое возмездие. С. 200–213.

10 *Ананьев А., Тулинов Ф.* Трагедия на Анчупанских холмах // Неотвратимое возмездие. С. 271–288.

11 *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация. М., 1974.

12 Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1974; *Вдовин А.* Русские в XX веке. М., 2004; *Павлов В.В.* Сталинград: мифы и реальность. М., 2003.

13 Чекисты: Сб. статей / Сост. А.В. Сапаров. Л., 1967. С. 191–201; Армейские чекисты. Воспоминания военных контрразведчиков Ленинградского, Волховского и Карельского фронтов / Сост. А.А. Богданов, И.Я. Леонов. Л., 1985. С. 57–64, 74, 79–80, 114–117, 145–146, 149–150; Чекисты: Сб. статей. М., 1970. С. 260–279; За линией фронта: Сб. статей. Тула, 1968.

14 *Кринко Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны: старые и новые подходы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. № 2. С. 144; *Чубарьян О.А.* Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 11.

15 *Млечин Л.М.* Адольф Гитлер и его русские друзья. М.: Центрполиграф, 2006. С. 388.

16 *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1989. Т. 5. С. 224–232.

17 *Панин Д.М.* Лубянка — Экибастуз: Лагерные записки. М., 1990.

возбудили интерес исследователей к проблеме коллаборационизма, возможность для реализации которого значительно возросла после распада СССР.

Из работ историков постсоветского периода стоит назвать труды М.И. Семиряги[18], Ю.Н. Арзамаскина[19], А.Ф. и Л.Н. Жуковых[20], С.И. Дробязко[21], Б.В. Соколова, отличающиеся объективным анализом причинности коллаборационизма. Определенным вкладом в науку стал выход сборника «Под оккупацией в 1941–1944 гг.», включившего исследования А.С. Гогуна, К.Л. Таратухина, И.В. Грибкова, Т.С. Джолли, Р.И. Матвеевой-Рацевич, Р.В. Полчанинова[22]. Объективностью в исследовании отдельных моментов гражданского коллаборационизма отличаются труды А. Перелыгина[23], Д.И. Чернякова[24], М.В. Шкаровского[25], Д.В. Поспеловского[26]. Отрывочные сведения о локализованных фактах проявления гражданского коллаборационизма сообщаются также на страницах периодических печатных изданий[27], в религиозной литературе[28].

---

18 *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М., 1991; *Он же.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов//Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М., 1996. С. 313–339; *Он же.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33; *Он же.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.

19 *Арзамаскин Ю.* Заложники Второй мировой. М., 2001.

20 *Жуков А.Ф., Жукова Л.Н.* К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне // Клио. 1997. № 2. С. 173–181.

21 *Дробязко С И.* Русская Освободительная Армия. М.: ООО «Фирма „Издательство АСТ“», 1998; *Он же.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 168–216; *Он же.* Под знаменами врага. М., 2004.

22 Под оккупацией: Сб. статей и воспоминаний // Под ред. Б.С. Пушкарева. М., 2004.

23 *Перелыгин А.* Орловская епархия в 1941–1945 гг.// Истории русской провинции: Сб. статей / Под ред. Н. Макарова. СПб., 2006; *Он же.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). Орел: Типография «Труд», 2008.

24 *Черняков Д.И.* Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 — сентябрь 1943 гг.) // Наш край в судьбе Отечества: Материалы научно-практической конференции / Сост.: Управление по делам архивов Брянской области. Брянск, 2008. С. 71–86.

25 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и православная Церковь. М. 2002.

26 *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.

27 *Лукашев А., Головачев П.* Волки охотятся ночью// Брянский рабочий. 1993. 16 апреля. № 73, 21 апреля. № 76, 22 апреля. № 77, 27 апреля. № 80, 7 мая. № 85; *«Казаки»* со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 15–21; *Мангазеев И.А.* Трудовая жизнь в оккупации // Тверские губернские известия. 1998. 15–21 июля. *Он же.* Тверской коллаборационизм // Вечерняя Тверь. 2001. 2–8 ноября. *Он же.* Коллаборационисты // Вечерняя Тверь. 2005. 18 февраля.

28 *Амиргулова В.И.* Блаженны изгнанные правды ради. Орловский Христа ради юродивый Афанасий Андреевич Сайко. Орел: Православное молодежное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, 2007–2008.

Заслуживают внимания исследования коллаборационистских процессов среди казачества[29]. Данные труды демонстрируют новый подход к событиям, заключающийся в рассмотрении советского коллаборационизма как социально-политического явления, требующего всестороннего исследования. Что касается исследования истории псевдогосударственных территориальных образований, а также особенностей оккупационной политики, несомненным вкладом в науку стали вышедшие в последние годы труды И.В. Грибкова[30], Д.А. Жукова[31], И.И. Ковтуна[32], С.И. Веревкина[33].

Однако ряд авторов последнего времени не в силах отказаться от парадигм советского периода. Так, А. Попов[34]признает огромное влияние коллаборационизма на ход войны, достаточную численность русских, находившихся на службе у оккупантов, «неоценимую помощь», оказанную немцам населением Украины, Белоруссии, Закавказья, называя при этом националистические мотивы[35]. В то же время считает, что на службу к врагу шли преимущественно «уголовники и лица, обиженные советской властью»[36]. Б.Н. Ковалев в своей монографии «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 гг.»[37] пытается воссоздать картину сотрудничества граждан СССР с противником в экономической, культурной, религиозной областях. Однако в своих выводах по категоричности суждений превосходит репрессивные органы сталинского периода. Так, если даже в послевоенный период деятельность работавших на оккупированных территориях старост, работников здравоохранения, просвещения и т. п. не подпадала под уголовное преследование, подвергаясь лишь моральному осуждению, то, по мнению Б.Н. Ковалева, деятельность коллаборационистов «должна быть охарактеризована как измена родине, как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия». Столь же резким несоответствием фактологической

29 *Дробязко С.И.* Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Там же. Т. 4. С. 51 — 115; *Смирнов А.А.* Атаман Краснов. М., 2003; *Сидоров А.* Вот такие «казаки» // Станица. 2003. Август. № 2 (40). С. 11; *Крикунов П.* Казаки. Межцу Гитлером и Сталиным. М., 2005.

30 *Грибков И.В.* Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М.: Московский писатель, 2008.

31 *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* 29-я гренадерская дивизия СС «Каминский». М.: Вече, 2009.

32 *Ковтун И.И.* Партизаны Брянщины: мифы и правда//Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 17–25.

33 *Веревкин С.И.* Самая запретная книга о Второй мировой. Была ли альтернатива Сталину? М.: Яуза-Пресс, 2009.

34 *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; *Он же.* Диверсанты Сталина. М., 2004.

35 *Попов А.Ю.* Диверсанты Сталина. С. 99.

36 Там же. С. 104.

37 *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944 гг. М., 2004.

части выводам отличаются работы Л.М. Млечина[38].

Кроме того, в последнее время появляются отечественные издания, не вносящие чего-либо нового в тему исследования, а составленные исключительно путем механического соединения фактов, изложенных в других изданиях. Характерным примером может служить книга С.Г. Чуева «Проклятые солдаты»[39]. Автор допустил смысловые ошибки, нарушил хронологию событий. А выводы предложил совершенно противоположные изложенному.

Зарубежная историография в ряде случаев имела те же черты, что и отечественная. Зарубежные исследователи в большинстве случаев занимались историей воинских формирований из граждан СССР, практикой их боевого применения. Другим сторонам советского коллаборационизма в их работах отведено меньше места. Высокой оценки заслуживают работы доктора Й. Хоффмана[40], Г. Фишера[41], И.А. Дугаса, Ф.Я. Черона[42], Ю. Торвальда[43], А.Д. Даллина[44], А.Д. Муноза[45], Р. Михаэлиса[46], М. Купера[47], Т. Шульте[48], А. Верта[49], С. Стеенберга[50], А.

---

38 См., напр.: *Млечин Л.М.* Адольф Гитлер и его русские друзья. М., 2006.

39 *Чуев С.* Проклятые солдаты. М., 2004.

40 *Хоффман Й.* История власовской армии. Париж, 1990 (название оригинала: Hoffmann J. Die Geschichte der Wlassow-Armee. Freiburg, 1986); *Он же.* Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinner im deuischen Heer. Freiburg, 1982; *Он же.* Kaukasier 1942/43. Das deuische Heer und die Orientvolker der Sowietunion. Freiburg, 1991.

41 *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Studi in World War II. Cambridge, 1952.

42 *Дугас И.А., Черон Ф.Я.* Вычеркнутые из памяти. Париж, 1994.

43 *Томашевский М.В.* Очерки истории Освободительного Движения Народов России (пер. на рус. яз. монографии: *Thowald J.* Wenn sie verderben wollen. Stuttgart, 1952); *Он же.* Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии. Нью-Йорк, 1974; *Он же.* The Illusion: Soviet Soldiers in Hitlers Armies. Б. м., 1975.

44 *Dallin A.D.* The German rule in Russia 1941–1945: A studi in occupation Policies London, 1957, 1981. *Он же.* The Kaminski Brigade: A Case-Studi in Soviet disaffection // In Revolution and Politics in Russia. Indiana, 1972.

45 *Munoz A. J.* Hitlers Easter Legions. N. Y.: Vol. I., 1996. Vol. II. The Osttruppen. 1997; *Он же.* Проигрыш во Второй мировой войне: нацистская расовая политика и вербовка добровольцев на Востоке // Комманд. 1995. Ноябрь. № 35.

46 *Michaelis R.* Die russische Volksbefreiungsarmee «RONA» 1941–1944. Russen im Kampfgegen Stalin. Erlangen, 1992.

47 *Cooper M.* Nazi war against sowiet partisans. N. Y., 1979.

48 *Schulte T.* The German Armi and Nazi Policies in occupied Russia. Oxford N. Y. Muenich, 1980.

49 Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967.

50 *Стеенберг С.* Андрей Андреевич Власов. Мельбурн, 1974; *Он же.* Vlasov. New York, 1970.

Пронина[51], Н.П. Вакра[52], А. Редклиффа[53], Д. Армстронга[54].

Но многие зарубежные авторы старались представить советский коллаборационизм почти исключительно как политический протест против существовавшего в СССР режима, оставив полный набор причин этого явления за рамками исследований.

Таким образом, существующая на сегодняшний день отечественная и зарубежная историография не позволяет говорить о проблеме гражданского коллаборационизма как о детально изученной.

Для раскрытия темы сотрудничества граждан РСФСР в гражданской сфере нами использованы две основные группы источников:

— неопубликованные, включающие документы и материалы, хранящиеся в архивах (государственных и частных коллекциях), а также неопубликованные источники личного происхождения — устные свидетельства участников событий;

— опубликованные, включающие специальные сборники документов и материалов, источники личного происхождения — мемуары бывших коллаборационистов, советских партизан, военнослужащих РККА, печать военного времени.

К первой группе относятся прежде всего архивные материалы, обнаруженные автором в центральных и областных архивах Российской Федерации. Кроме того, использованы документы личного архива автора (Личный архив И.Г. Ермолова — ЛАЕ), собранные в течение 1998–2008 гг., включающие пропагандистские материалы (коллекция листовок, плакатов и т. д.), периодику военного времени, документы по исследуемой тематике (приказы, сводки, касающиеся периода оккупации), копии судебных документов, дневники и письма участников рассматриваемых событий и т. д.

Также использованы справочно-документальные издания, например сборники «Партизаны Брянщины»[55], «От ЧК до ФСБ»[56], «Неизвестная блокада»[57], «Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–

---

51 *Пронин А.* Партизанская война на оккупированных немцами советских территориях 1941–1945 гг. Джорджтаун, 1965.

52 *Вакр Н.П.* Белоруссия: формирование нации. Исследование. Кембридж, 1956.

53 *Редкаифф А.* Уроки, извлеченные из партизанской войны в России. МО № Р055С, Управление Военной Истории. Б. м., б. д.

54 *Армстронг Д.* Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2007.

55 Партизаны Брянщины: Сб. материалов и документов Б ПА. Брянск, 1959. Т. 1; *Партизаны* Брянщины: Сб. материалов и документов БПА. Брянск, 1962. Т. 2.

56 От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918–1998. Тверь, 1998.

57 Неизвестная блокада. М., 2003.

1945 гг.»[58], документальные публикации А. Попова[59], В.И. Дашичева[60], О.В. Вишлева, A. Munoz[61], справочно-документальные сборники[62], документальные публикации краеведов[63].

Важной составляющей источниковой базы служат опубликованные мемуары бывших коллаборационистов и лиц, в период войны близко стоявших к коллаборационистским процессам[64], германских политиков и военнослужащих высокого ранга[65], бывших партизан, подпольщиков, сотрудников органов госбезопасности[66], советских военачальников[67].

Кроме того, в книге использованы коллаборационистские периодические издания, пропагандистские брошюры[68], агитационные листовки и плакаты, советская периодика.

---

58 Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3 кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000.

59 *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М., 2003.

60 *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973.

61 *Вишлев О.В.* Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Новая и новейшая история. 1996. № 4. С. 131–140; *Munoz A.* Бригада Каминского: история. Нью-Йорк, 1995.

62 *Городков В.* По старинным аллеям. Тула, 1983. С. 88–95; *Свод* памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М., 1996; *Горелов М.И.* Станислав Юлианович Жуковский: жизнь и творчество. 1874–1944. М., 1982.

63 *Осипов Б.* Великокняжеская вотчина// Брянские известия. 1998. 29 мая; *Шпачков В.* Тайны темных аллей // Российские вести. 1995. 25 мая.

64 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. М., 1993; *Редлих Р.Н.* В бригаде Каминского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Т. 2; *Казанцев А.С.* Третья сила. Русские и немцы между Гитлером и Сталиным. М.: Посев, 1994; *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена… М., 2002; *Кромиади К.* За землю, за волю… Сан-Франциско, 1980.

65 *Гитлер А.* Моя борьба. М., 2000; *Шелленберг В.* Мемуары. М., 1991; *Он же.* Лабиринт. М., 1991; *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1973.

66 *Анищенко Е.Н.* Партизанская республика. Тула: Приокское книжное издательство, 1992; *Богатырь З.А.* В тылу врага. М., 1963; *Калинин П.З.* Партизанская республика. М., 1964; *Он же.* Участие советских воинов в партизанском движении Белоруссии // ВИЖ. 1962. № 10; *Лобанок В.Е.* В боях за Родину. Минск, 1964; *Он же.* Партизаны принимают бой. М., 1972; *Репин Г.* Будни особого отдела // Чекисты: Сб. статей / Сост. А.В. Сапаров. Л., 1967; *Кравченко И.С., Крючок Р.Р.* Подполье в западных областях Белоруссии // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В.Е. Быстров. М., 1970; *Абрамович И.Е.* Шумел сурово брянский лес // За линией фронта: Сб. мемуаров / Под ред. З.Я. Сидельниковой. Тула, 1968; *Фирсанов К.Ф.* Как ковалась победа // За линией фронта; *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В.Е. Быстров. М., 1970; *Григоров М.С.* Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971; *Морозов В.К.* Врагу от нас не уйти // Незримого фронта солдаты; *Кошелев Н.Н., Лебин Б.Д.* За поединком поединок // Военные контрразведчики: Сб. статей / Сост. Ю.В. Селиванов. М., 1978; *Слободской Л.* Бои с карателями // Псковщина партизанская: Сб. статей / Сост. В.А. Ахатов. Л., 1979.

67 *Попель Н.К.* Танки повернули на запад. М., 1960; *Чуйков В.И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972.

68 *Октан М.* Является ли эта война отечественной для народов России? Орел, 1942; Боец Красной Армии не сдается! Л., 1940.

Избранная источниковая база позволяет реконструировать рассматриваемые стороны гражданского коллаборационизма. Однако автор не претендует на полное и окончательное раскрытие данной темы. Правильнее будет сказать, что эта работа только начинается. В частности, каждый из разделов настоящей книги может в дальнейшем стать предметом самостоятельного глубокого исследования.

Глава 1
Причины и условия возникновения и развития гражданского коллаборационизма на оккупированных территориях СССР

§ 1. Восточная политика Германии и практика ее воплощения

Проблему гражданского коллаборационизма следует рассматривать в совокупности с постулатами гитлеровской восточной политики, то есть комплекса основополагающих установок национал-социализма по отношению к СССР и его населению. Еще в середине 1920-х гг. А. Гитлер так сформулировал основной стержень этой политики: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке… Когда мы говорим о завоевании, новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены… Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства…»[69]

Здесь же будущий фюрер указал на историческую роль Германии в установлении государственности «внутри более низкой расы», то есть славян, а также на якобы имевшую место ассимиляцию евреев в российское общество, что, по его мнению, привело к истреблению германского правящего ядра и занятию евреями места, исторически предназначенного германцам[70]. То есть Гитлер напрочь отказывал русским в способности самим осуществлять государственное руководство, считая, что государственные функции среди русского народа поочередно выполняли то немцы, то евреи, но никак не сами русские.

Следует отметить, что Гитлер был далеко не первым из германских политиков, кто отводил русским роль людей второго сорта. Впервые мысль о русских как о «недочеловеках» была высказана основоположником коммунизма Карлом Марксом[71]. Он же назвал славянские народы «этническим дерьмом»[72], подлежащим полному

69 *Гитлер А.* Указ. соч. С. 556.

70 *Гитлер А.* Указ. соч. С. 556.

71 *Wurmbrand R.* Der unbekannte Karl Marx. Seewis, 1983. S. 42.

72 New York Times. 1863. 25 Juni.

уничтожению в ходе всемирной революционной войны[73].

Более «гуманный» по отношению к славянам Гитлер планировал лишь порабощение славян и их частичное уничтожение. В 1940–1941 гг. во время подготовки плана «Барбаросса» гитлеровские постулаты нашли свое практическое применение.

Первоначальный проект «восточного вопроса» предусматривал создание буфера между Германской империей и азиатской частью СССР. С этой целью на территории европейской части Советского Союза планировалось формирование нескольких национальных государств с собственными правительствами (Украина, Белоруссия, Литва, Латвия), которые отделяли бы Германию от России, расколовшейся на ряд «крестьянских республик». Замена коммунистической России националистическим государством не предусматривалась, так как оно впоследствии могло бы стать врагом Германии[74].

Но с началом Второй мировой войны Гитлер внес коррективы в первоначальные планы, отказавшись от идеи буферных государств. Теперь, по мнению фюрера, необходимо было препятствовать возрождению любых национальных стремлений, могущих представлять опасность для Германии. В случае захвата СССР предусматривалась передача власти на оккупированных территориях германской администрации и разделение Советского Союза на отдельные области в целях наилучшего хозяйственного освоения. В частности, планировалось разделить СССР на четыре имперских комиссариата: «Остланд», включавший Прибалтику и Западную Белоруссию, «Украину», «Московию», то есть Центральную Россию, и «Кавказ».

Данная концепция была выражена в так называемом генеральном плане «Ост», явившемся, по сути, долговременной программой колонизации Восточной Европы. В соответствии с ним СССР как государство подлежал ликвидации, а населявшие его народы навечно лишались самостоятельного государственного существования. Так называемая восточная политика предусматривала постепенную замену славянских народов немецкими переселенцами-колонизаторами. Планировалось в течение 30 лет истребить и выселить около 31 млн славян, а их земли предоставить для расселения немцам. Снизить численность русских предполагалось путем проведения целого комплекса мероприятий, в частности снижения рождаемости. На бывшей советской территории допускалось оставить не более 14–15 млн коренных жителей, подлежащих постепенному онемечиванию[75]. Несколько меньше пострадать от этого плана могли лишь народы Прибалтийских республик. Так, если из Западной Украины предполагалось выселить 65 % населения, а из Белоруссии — 75 %, то с территории Литвы, Латвии и Эстонии подлежало выселению лишь 50 % коренных жителей[76].

Зондерфюрер В.К. Штрик-Штрикфельдт описал беседу, прошедшую летом 1941 г. между фельдмаршалом Ф. фон Боком, Розенбергом и его

---

73 *Wolfe B.* Marxismus. New York, 1965.

74 *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 22.

75 *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 30–31.

76 Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1982. S. 118.

особоуполномоченным, где Розенберг лично изложил фельдмаршалу планы Германии относительно русских. Так, министр утверждал, что «русских на 40 миллионов больше, чем нужно, и они должны исчезнуть.

— Каким образом?

— Голодной смертью. Голод уже стоит у дверей.

— А если удастся решить проблему голода?

— Все равно 40 миллионов населения — лишние.

— А по ту сторону новой границы, на востоке?

— Там будут влачить „степное существование“ уцелевшие русские, евреи и другие унтерменши[77]. И эта „степь“ не будет больше никогда опасной для Германии и Европы»[78].

Уже в ходе войны возглавляемое бывшим российским подданным Альфредом Розенбергом министерство по делам оккупированных восточных территорий предложило увеличить число подлежащих выселению славян до 45–51 млн человек. Что касается отношения к русскому народу как к таковому, в одном из документов говорилось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве. Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорей всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их… Важно, чтобы на русской территории население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот для германского руководства»[79]. Административные районы, на которые предполагалось разделить исконно русские территории, должны управляться немецкими генеральными комиссарами. Причем последние обязаны были всеми силами проводить политику национального разобщения русской нации, обеспечив в каждом районе «обособленное национальное развитие». Планировался также подрыв культурного и научного потенциала народов СССР, что обеспечивалось путем уничтожения интеллигенции. Подобной точки зрения придерживался и министр земледелия Германии Дарре, считавший, что «на всем восточном пространстве только немцы имеют право быть владельцами крупных поместий. Страна, населенная чужой расой, должна стать страной рабов, сельских слуг и промышленных рабочих»[80].

---

77 От нем. der Untermensch — недочеловек. Следует отметить, что равным образом и советская сторона пропагандировала национальную неполноценность немцев, порой отказывая представителям немецкой нации в праве считаться людьми. Писатель и журналист И.Г. Эренбург в своих статьях, возведенных в догму, называл немцев «дикими животными», «животными в очках», «учеными животными», «дикими зверями», «двуногими скотами», «арийскими скотами», «подсвинками», «бешеными волками», «олухами с рыбьими глазами», «серо-зелеными гадами» и т. д., настойчиво внушая читателю, что «немцы не люди». Причем распространял эти характеристики не только на национал-социалистов, но и на немецкую нацию в целом. См.: *Эренбург И.Г.* Война: Сб. статей. М., 2005; Красная звезда. 1942. 4 июня, 13 августа. Даже активный представитель советской военной пропаганды В. Гроссман упрекнул Эренбурга в том, что тот не видит разницы между немцами и, с другой стороны, фашистами и гитлеровцами. А шведская газета «Дагпостен» вынуждена была заметить, что «Эренбург держит все рекорды в интеллектуальном садизме». См.: *Гофман И.* Указ. соч. С. 168.

78 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 41.

79 *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 36–38.

80 Немецко-фашистский оккупационный режим (1941–1945 гг.): Сб. докладов и сообщений советских историков на 3-й международной конференции по истории

30 марта 1941 г. Гитлер назвал запланированную войну против СССР «войной мировоззрений», отметив, что сама жестокость в ней есть благо для будущего[81]. На основе этих установок были разработаны некоторые документы, например распоряжение о ведении военного судопроизводства. Оно, по сути, снимало с германских военнослужащих ответственность «за действия против вражеских гражданских лиц». А «приказ о комиссарах» и ряд других приказов санкционировали уничтожение партийных и советских работников, комиссаров, евреев, интеллигенции, на которых накладывалось клеймо «неприемлемых с политической точки зрения»[82].

Однако планы гитлеровского руководства в отношении СССР и его населения предполагалось тщательно скрывать. Специальная директива по вопросам пропаганды предписывала разъяснять населению СССР, что противником Германии являются не народы Советского Союза, а евреи, созданное ими большевистское советское правительство, коммунистическая партия. При этом предписывалось пропагандировать, что германская армия лишь стремится избавить людей от гнета большевиков. За счет подобной пропаганды предполагалось осуществить разделение СССР на обособленные административные образования, завуалировать намерения гитлеровского руководства относительно будущего Советского Союза[83]. На тот период времени пропаганда не ставила своей целью привлечение советского населения к вооруженной борьбе на стороне Германии, так как германскому руководству представлялось, что война будет скоротечной. Но сотрудничество населения СССР с оккупантами в гражданской сфере виделось необходимым, для чего было целесообразно заинтересовать жителей Советского Союза отдельными аспектами «нового порядка». Кроме того, это было необходимо для минимизации сопротивления оккупантам, недопущения массового партизанского движения.

С этой целью после 22 июня 1941 г. немецкая пропаганда провозгласила войну против Советского Союза «крестовым походом Европы против большевизма» и «всеевропейской освободительной войной»[84].

Если верить мемуарам офицеров вермахта, большинство из них, не говоря уже о солдатах, не имело понятия о действительных целях нацистской верхушки в отношении СССР и его народов. Так, фельдмаршал фон Бок летом 1941 г. принял в главном штабе группы армий «Центр» в Борисове министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга и его особоуполномоченного, выслушав их концепцию о будущем СССР. Присутствовавший при этом зондерфюрер В.К. Штрик-Штрикфельдт отметил реакцию фельдмаршала на услышанное: «То, что эти высокие гости наговорили Боку за обедом,

---

движения Сопротивления. М., 1965. С. 25–28.

81 *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 430–431.

82 Война Германии против Советского Союза. Берлин, 1992. С. 41, 44–46; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 34.

83 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 34.

84 Там же. С. 35.

настолько потрясло его, что он усомнился в психическом состоянии их и их начальства. Он сказал им это совершенно открыто… Такова была, значит, программа освободителя! Бок отказывался верить услышанному»[85].

Однако восточная политика на протяжении всего военного периода не оставалась неизменной. При сохранении своей сущности она на различных этапах «восточной кампании» претерпевала эволюцию, что напрямую было связано с положением на фронтах. Некоторые же изменения восточной политики были продиктованы поражениями германской армии, в результате которых ряды коллаборантов таяли, и нацистам приходилось изыскивать средства, чтобы минимизировать переход изменников в ряды партизан.

Несмотря на провал блицкрига, 1941–1942 гг. были отмечены рядом побед германской армии и ее продвижением на восток в глубь советской территории. В этой обстановке немецкие командиры были поставлены перед необходимостью настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Тем более что занятая германскими войсками территория РСФСР относилась к зоне военного управления. Выразительный вывод сделал в своем докладе от 6 сентября 1942 г. генерал фон Рок. Выступая перед своими подчиненными в г. Пскове, он заявил: «Без доброй воли русских людей целей достичь невозможно»[86].

В конце 1942 г. положение германской армии ухудшилось — продвижение вермахта было остановлено под Сталинградом. 23 ноября завершилась четырехдневная операция по окружению группировки Паулюса, провалились попытки ее деблокирования. Крушение мифа о непобедимости германской армии отразилось на настроениях гражданского населения, пребывавшего на оккупированных территориях СССР. Случаи переходов коллаборационистов к партизанам участились, приняли массовый характер[87]. Одновременно стало усиливаться партизанское движение, получая пополнение не только за счет местного населения, но и переходящих к партизанам коллаборантов.

В этой обстановке ряд офицеров вермахта поставил перед восточным министерством вопрос о пересмотре восточной политики с целью завоевать симпатии населения, изыскав дополнительные ресурсы для борьбы с партизанами в условиях затяжной войны. Обобщив поступавшие из оккупированных областей СССР сведения, шеф политического отдела восточного министерства доктор О. Бройтигам адресовал Розенбергу свои заметки. В них он указывал, что, поскольку войну в короткий срок выиграть невозможно, необходимо использовать людские ресурсы оккупированных областей СССР, использовав идею гражданской войны. В этой связи требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающие обещания относительно их судьбы»[88]. Тут же Бройтигам указывал: «Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, то можно с уверенностью сказать, что

85 *Штрик-Штрикфелъдт В.К.* Указ. соч. С. 40.

86 Цит. по: *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области // http://vivoco.rsl.ru

87 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

88 Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 234.

сила сопротивления Красной армии и всего русского народа еще больше возрастет… Если же мы сумеем переменить курс политики, то… этим самым нам удастся разложить Красную армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем Советы»[89].

18 декабря 1942 г. в Берлине прошла созванная Розенбергом конференция по обсуждению вопросов обращения с русским населением и дальнейшего курса восточной политики, на которой присутствовали начальники тыловых районов Восточного фронта, военные чиновники, ответственные за проведение политики на оккупированных территориях. Военные подчеркивали необходимость использования населения СССР для борьбы с партизанами и пополнения войск. Для этого они считали необходимым принятие ряда мер как экономического, так и политического характера. В частности, предлагали восстановить для населения право частной собственности, прежде всего на землю, улучшить продовольственное обеспечение населения, минимизировать принудительный угон трудоспособных в Германию, привлечь местных жителей к ограниченному участию в решении ряда административных вопросов. В политическом плане предлагалось дать населению СССР цель, которая отвечала бы его вкусам.

При этом подчеркивалось, что комплекс указанных изменений — лишь временная мера, которую можно пересмотреть после войны[90]. В частности, был зачитан доклад уполномоченного по вопросам Кавказа при группе армий «А» генерала Э. Кестринга, один из выводов которого гласил: «Затяжной характер восточного похода требует, чтобы мы убедили население оккупированных областей в том, что при нас его ожидает лучшая жизнь, чем при Сталине и при царе»[91]. По мнению докладчика, для этой цели необходимо привлечение к борьбе против советского строя русского (местного) населения, так как «Россия должна и может быть побеждена только с помощью русских»[92]. В заключение конференции председательствующий Розенберг пообещал обобщить предложения, высказанные его участниками, после чего довести их до сведения фюрера[93]. Результатом явилось принятие ряда решений о лояльном отношении к русским[94].

Что касается экономической политики на оккупированных территориях СССР, ее цели довольно выразительно воспроизводит фигурировавший на Нюрнбергском процессе приказ фельдмаршала фон Манштейна, изданный в самом начале войны: «Положение с продовольствием в стране (Германии. — *И. Е.*) требует, чтобы войска кормились за счет местных ресурсов, а возможно большее количество продовольственных запасов оставлялось для рейха. Во вражеских городах

89 Там же. С. 238.

90 *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 260–261.

91 Там же.

92 Там же.

93 Там же.

94 *Дробязко С И.* Под знаменами врага. С. 102.

значительной части населения придется голодать. Не следует, руководствуясь ложным чувством гуманности, что-либо давать военнопленным или населению, если только они не находятся на службе немецкого вермахта»[95].

Таким образом, планы нацистской Германии, в частности Гитлера и номенклатуры НСДАП, в отношении Советского Союза и его населения в их первоначальном варианте были направлены на ликвидацию СССР как самостоятельного государства. Понятно, что они в том виде, в котором были провозглашены, никак не могли завоевать каких-либо симпатий населения Советского Союза. Даже если принять за аксиому утверждение, что большая часть населения СССР, затронутая сталинскими репрессиями, вынужденная нести тяжесть коллективизации, жить в условиях тотального дефицита, вовсе не симпатизировала И.В. Сталину и курсу ВКП(б), гитлеровские планы относительно будущего нашей страны никак не могли стать для советских граждан приемлемой альтернативой.

§ 2. Причины и условия формирования коллаборационистских настроений

В отличие от военного коллаборационизма, в котором приняли участи три основные категории советских граждан — советские военнопленные, дезертиры и перебежчики из партизанских отрядов и РККА, гражданское население оккупированных областей, в гражданских коллаборационистских процессах была задействована в основном последняя категория граждан СССР.

Гражданское население оккупированных областей составило довольно многочисленную, основную категорию лиц, сотрудничавших с врагом в гражданской сфере. Именно местные жители стали незаменимым контингентом в формировании учреждений местного самоуправления, органов вспомогательной полиции, действовавших практически в каждом населенном пункте. Зная условия данной местности, язык, они выполняли свои обязанности по обеспечению управления оккупированными населенными пунктами и административными образованиями гораздо лучше, чем тыловые армейские структуры и чиновники восточного министерства Германии.

Немалое число гражданского населения, ставшего на путь сотрудничества с врагом, таким образом выразило свое недовольство советской властью. Партийный диктат, всесилие бюрократии, коллективизация, неразумное решение национального и религиозного вопросов, развязанный большевиками кровавый террор и репрессии — все это вызвало у определенной части населения неудовлетворенность и ожесточенность. Антисоветские настроения стали особенно часто всплывать в преддверии нападения Германии на СССР. Так, осужденный Орловским областным судом 29 июля 1941 г. бригадир Д.Т. Ободов накануне войны наставлял своих подчиненных следующим образом: «Теперь заманивают в Эстонию, Латвию и Литву. Там пока жить хорошо, но скоро и там будут все голодать так же, как и у нас. Колхозы бедные, у крестьян все отобрали, и там отберут все у крестьян, и будет голодовка.

95 Цит. по: *Верт А.* Указ. соч. С. 511.

Теперь куда ни пойди — все равно плохо, нас везде зажали». «Наше правительство все продукты вывозит в Германию, а нам здесь есть нечего. А Германия разобьет Европу, а потом и нас бить начнет»[96].

После вторжения германских войск в СССР часть гражданского населения была поставлена перед дилеммой: защищать сложившийся государственный строй с его репрессивной системой, затронувшей к тому времени значительную часть населения СССР, или же пойти на сотрудничество с Германией, объявившей крестовый поход против большевизма. При всей преступности нацистской политики она, особенно в первые месяцы войны, не казалась некоторой части населения СССР такой отталкивающей, какой ее преподносила советская пропаганда. Характерным примером служат опубликованные в газете Локотского самоуправления выдержки из документов захваченного немцами Дмитровского райотдела НКВД (Орловская область), показывающие настроения части населения в первые недели войны. Так, в секретном отчете райвоенкома Суркова райкому партии говорилось, что «гражданка Булатова, работавшая в Дмитровской аптеке, на возмущение гражданки Ткачевой по поводу зверств немецкой армии на оккупированной территории заявила: „А это они не над нашим братом расправляются, это они над партийными, а мы что, сейчас народ подневольный, и тогда будем работать, нам все равно“»[97].

Противоречие между властью и народом, заложенное в самой тоталитарной системе, проявилось в настроениях населения многих оккупированных областей. Арестованная органами Калининского НКВД Н.П. Евдокимова так объяснила мотивы своего сотрудничества с оккупантами: «Мое социальное происхождение (дворянское. — *И. Е.*) служило поводом к тому, что меня неоднократно увольняли с работы, и вследствие этого мне приходилось испытывать материальные трудности. Кроме того, у меня было два брата, оба офицеры царской армии. Один из них, боясь репрессий советской власти, покончил жизнь самоубийством еще в начале Октябрьской революции, а второй, несколько позже, будучи репрессирован советской властью, умер в тюрьме… Все это возбудило во мне ненависть к советской власти, и с приходом немцев в город Калинин я охотно встала на путь предательской деятельности»[98].

Часть сельского населения, настроенная враждебно к советской власти в результате политики раскулачивания, длительное время скрывала свои настроения из-за страха перед репрессиями. Лишь в ходе оккупации советских территорий германскими войсками эти антисоветские настроения проявились, демонстрируя неоднородность советского общества. Так, в августе 1941 г. жительница деревни Левашово Емельяновского района Калининской области А.М. Новоселова говорила односельчанам: «Когда придет немец, обо всех коммунистах донесем, пускай их расстреливают»[99].

---

96 ЛАЕ. Справка Верховного Суда РФ от 18.09.2002. № 37-9 нс-5; ЛАЕ. Материалы уголовного дела Ободова Дмитрия Терентьевича. Л. д. 11–12.

97 Жизнь на сталинской каторге и ожидание немцев-освободителей // Голос народа. 1942. 5 ноября.

98 АУФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10. Л. 23–24.

99 ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.

Американский корреспондент Чарльз В. Тейер засвидетельствовал, как крестьяне одной из деревень к юго-западу от Москвы после известия о нападении Германии говорили: «Наконец-то! Пусть Кремль только даст нам оружие. Мы уже знаем, в кого будем стрелять. Если Гитлер появится на мосту перед нашей деревней, мы все выйдем ему навстречу с хлебом-солью»[100].

Причин формирования в сознании людей подобных убеждений, на наш взгляд, несколько. Во-первых, часть населения, в основном затронутая репрессиями, вряд ли могла допустить, что какой-то иной режим может оказаться хуже большевистского, тем более что информацию по этому поводу ранее приходилось черпать не иначе как из советских источников, потерявших в их глазах всякое доверие. Во-вторых, восточная политика Германии в отношении славян как представителей низшей расы, особенно в первые месяцы войны, еще не успела во всей полноте проявить свою сущность. Впрочем, даже после того, как национал-социализм уже порядком показал свое лицо, некоторая часть населения оккупированных областей все же предпочла его большевизму. В-третьих, ряд мероприятий германских оккупационных властей действительно был направлен на поддержание гражданского населения оккупированных областей, что отчасти объясняется более трезвым мышлением военных, не успевших еще как следует проникнуться нацистскими догмами[101].

То есть в сознании людей произошла переоценка ценностей, вызванная широким спектром причин — от искренних антисоветских убеждений до соображений практической целесообразности, порожденных сложившейся обстановкой.

В этой связи было бы неправильным объяснять вступление части гражданского населения на путь коллаборации с нацистами лишь политическими причинами. Большинство коллаборационистов руководствовалось в своем выборе именно соображениями целесообразности. Страх перед оккупантами, с одной стороны, и давление нацистской пропаганды, внушавшей, что советская власть больше не вернется, — с другой, заставляли гражданское население изыскивать способы существования в новых условиях. Это касалось не только рядовых граждан, но и членов ВКП(б), ВЛКСМ, партийных и советских работников. Так, в каждом райцентре Калининской, Курской, Орловской, Смоленской областей добровольно приходило на регистрацию в немецких комендатурах в среднем от 80 до 150 коммунистов, большинство из которых до войны работало на ответственных должностях. Около 70 % из них в период оккупации добровольно работало на немцев. В этом отношении показательны данные по Суражскому району Орловской области на 1 января 1943 г., согласно которым всего зарегистрировалось 93 члена ВКП(б), в том числе 34 человека по городу Сураж[102]. Из них:

— председателей колхозов — 16;

— председателей сельских советов и их заместителей — 8;

— бригадиров, мастеров, начальников участков — 7;

---

100 Цит. по: *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 39.

101 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 23–25.

102 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 50–52 об.

— счетоводов колхозов, сельпо, бухгалтеров, статистиков — 6;
— педагогов — 5;
— председателей сельпо — 2;
— секретарей сельских советов — 2;
— секретарей парторганизаций — 1;
— народных судей — 1;
— начальников тюрьмы — 1;
— прочих советских специалистов — 7[103].

Лишь 3 человека ушли в партизаны[104], 2 человека были арестованы немцами и отправлены в лагерь[105], 1 человек расстрелян немцами[106].

После освобождения Воронежской области по 9 районам было учтено 1445 комсомольцев, переживших оккупацию, у 980 из них не оказалось комсомольских билетов.

Согласно их объяснениям, они сами уничтожили свои комсомольские билеты при приближении немцев, будучи абсолютно уверены, что те пришли навсегда. Было выявлено 400 членов ВЛКСМ, прошедших регистрацию в немецких комендатурах и находившихся на легальном положении. По сообщению Воронежского обкома ВКП(б), многие из них работали полицейскими, а девушки-комсомолки сожительствовали с итальянскими и немецкими офицерами[107]. В апреле 1942 г., в период, когда райцентр Дятьков Орловской области временно был захвачен партизанами, был произведен учет коммунистов, оставшихся на оккупированной территории района. Из 394 членов районной парторганизации, включавшей 77 кандидатов и 317 членов ВКП(б), на учетный период осталось всего 134 человека. Из остальных членов ВКП(б) 193 человека уничтожили свои партбилеты, 66 человек было исключено из партии[108].

Усиливал коллаборационистские процессы и приток на оккупированные территории советских военнопленных и дезертиров. Их количество, а также свидетельства о положении на фронте давали местному населению понять то положение, в котором оказалась Красная армия в 1941–1942 гг. Говоря о масштабах дезертирства, уместно привести цифры по нескольким районам Тульской области, которая долгое время оставалась прифронтовой зоной. Так, только в двух деревнях Ефремовского района — Пожилино и Никольское — заградительными группами РО НКВД было за несколько дней задержано 100 дезертиров[109]. В докладной записке Тульскому управлению НКВД начальник Ефремовского РО НКВД лейтенант госбезопасности Надеждин сообщает, что во время каждой ночной проверки по городу Ефремов чекистами

---

103 Там же.

104 Там же. Л. 51–51 об., 52 об.

105 Там же. Л. 52 об.

106 Там же. Л. 51 об.

107 Независимая газета. 2001. 22 июня. № 079 (4320).

108 ЦНИБО. Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

109 Хранить вечно. Документы 4-го отдела: Сб. документов / Под ред. В.П. Лебедева. Тула: УФСБ России по Тульской области, 2008. С. 23.

задерживается по 50–60 дезертиров[110]. На большое количество дезертиров и изменников в прифронтовых районах Тульской области указывают также докладные записки руководства Воловского и Ленинского и других РО НКВД[111]. В частности, за октябрь 1941 г. по Дубенскому району задержано 400 дезертиров, по Каменскому — 350, по Кимовскому — 200[112]. За период с 15 января 1941 г. по 15 марта 1942 г. по полностью или частично освобожденным районам Тульской области бойцами истребительных батальонов, созданных НКВД, задержано 378 дезертиров[113]. На этом фоне интересно, что из бойцов истребительных батальонов при подходе врага разбежалось 473 человека[114]. По данным Калининского управления НКВД, проблема дезертирства по Калининской области, также являвшейся прифронтовой зоной, выглядела следующим образом. С 16 декабря 1941 г. по 15 января 1942 г. УНКВД провело по городу Калинину две операции по задержанию дезертиров, в результате которых было задержано 638 человек[115]. А в течение 1942 г. на территории Калининской области было задержано 4323 дезертира[116].

Мотивы дезертирства из рядов РККА в первые месяцы войны не обязательно были связаны с желанием поступить на службу к немцам. Напротив, чаще всего дезертирство объяснялось чисто бытовыми причинами, например желанием уклониться от военной службы, остаться на оккупированной территории, где жили семьи оставлявших свои части красноармейцев, избежать кровопролитных боевых действий с целью спасти жизнь и т. д. Эту категорию дезертиров нельзя однозначно отнести к коллаборационистам, поскольку они, оставляя части РККА, не преследовали конкретной цели поступить на службу к немцам. Зарубежные и отечественные исследователи указывают как на один из распространенных мотивов перехода через линию фронта страх за свои семьи, оставшиеся на оккупированной территории, боязнь, что они подвергнутся репрессиям со стороны оккупантов за службу одного из членов семьи в Красной армии[117]. Известны случаи, когда красноармейцы из страха репрессий за какую-либо провинность искали спасения, переходя к противнику[118]. Дезертиры из РККА становились на оккупированных территориях незаменимым материалом для формирования гражданской вспомогательной полиции, штатов

---

110 Там же.

111 Хранить вечно. Документы 4-го отдела: Сб. документов. С. 9, 12.

112 Там же. С. 41.

113 Там же. С. 41–42.

114 Там же. С. 41.

115 ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 28. Л. 156.

116 *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 132.

117 Война Германии против Советского Союза. С. 60; *Дробязко С И.* Под знаменами врага. С. 53.

118 Вторая мировая война: актуальность проблемы: [Сб. ст.] / Отв. ред. О.А. Ржешевский. — М.: Наука, 1995. С. 308.

промышленных предприятий, а также использовались в качестве рабочей силы в сельском хозяйстве.

Оккупационные власти и созданные ими органы местного самоуправления, в очевидном расчете на то, что среди оставшихся на оккупированной территории коммунистов немало советских работников, специалистов, в ряде случаев создавали определенные условия для их привлечения на путь коллаборации. Так, бургомистр Клинцовского округа (Орловская область) Грецкий наставлял подчиненных районных бургомистров о необходимости привлечения членов ВКП(б) к участию «в строительстве новой жизни», недопущении применения к коммунистам угроз уничтожения и всего того, что могло бы обусловить их переход к партизанам[119].

Вряд ли можно сомневаться в том, что значительное количество жителей оккупированных областей шло на сотрудничество с оккупантами не по политическим, а по чисто бытовым причинам. В точности отделить эту категорию изменников от убежденных противников советского режима сложно, так как социологический опрос никто не проводил, а лица, заявлявшие о своей готовности сотрудничать с немцами, как правило, называли именно политические мотивы — неприятие советской власти, желание бороться против большевизма. Имеющиеся в нашем распоряжении, а также в архивных фондах немецкие, коллаборационистские и партизанские документы, хотя и изобилуют различными описаниями коллаборационистского контингента, не приводят каких-либо цифр, которые могли бы в полной мере прояснить ситуацию относительно мотивов коллаборации.

В наличии большого количества коллаборационистов, движимых именно бытовыми, неполитическими причинами, нет оснований сомневаться, если рассматривать коллаборационистский контингент в контексте привилегий, предоставлявшихся оккупантами своим пособникам. Вступление в антипартизанские формирования, устройство на работу в органы самоуправления давало гражданским лицам ряд преимуществ: спасение от угона на работу в Германию, льготы при налогообложении, наделение землей и сельхозинвентарем, гарантированную зарплату. Так, в конце 1942 г. выходившая в городе Пскове коллаборационистская газета «За Родину» опубликовала объявление о наборе мужчин в антипартизанские отряды. В центре стояли не политические призывы, а посулы экономического характера: обещание жалованья, больших земельных наделов. Указывалось также на возможность карьерного роста — отличившимся в боях обещались посты в аппарате самоуправления[120]. В то же время лишение льгот вызывало обратный процесс — отток коллаборационистов и даже, в некоторых случаях, их переход к партизанам[121].

Однако рычагов экономического давления не всегда было достаточно. Так, к концу лета 1942 г. немцы начали повсеместно практиковать принудительную мобилизацию в антипартизанские

---

119 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

120 За Родину (Псков). 1942. 24 декабря.

121 *Чуев С.* Указ. соч. С. 104.

отряды[122], а осенью того же года мобилизация проводилась уже под угрозой репрессий. Уклоняющихся привлекали к суду по законам военного времени, их семьи могли выселить из дома, в некоторых случаях — взять из семьи заложника[123]. Назначение старост, волостных старшин и прочих работников самоуправления также зачастую проводилось в принудительном порядке, причем заложниками часто становились их семьи.

Как уже отмечалось, оккупированные территории РСФСР относились к зоне военного управления, оккупационные структуры которого с целью завоевания симпатий населения, поддержания коллаборационистских настроений проводили более мягкую политику, нежели гражданская администрация. К этому относятся щадящая налоговая политика, поддержание материального уровня работающих, религиозной активности, создание видимости законности путем запретов разграбления германскими военнослужащими местного населения и многое другое.

В аналитической записке органов ГБ УССР от 24 января 1943 г. значится: «В отличие от грабительской политики, проводимой фашистскими властями в тыловых местностях оккупированной территории, последние, чтобы завоевать симпатии населения, проживающего в непосредственной близости к линии фронта, в так называемой „военной зоне“, проводят более мягкий режим»[124]. В этом же документе констатируется, что натуральные и денежные налоги в прифронтовой полосе взимаются в значительно меньших размерах, нежели в глубоком тылу, а ряд налогов, взимаемых в тылу, в «военной зоне» вообще не налагается[125]. В качестве мер поддержки сельского населения указывается практика выдачи сельскохозяйственным труженикам «по 10–16 кг зерна в месяц, чего не делается в тыловых областях», а также разрешение, в отличие от зоны «гражданского управления», праздновать религиозные праздники, на период которых крестьяне освобождаются от работ[126]. Итогом такой политики, по словам составителя аналитической записки, стало то, что «значительная часть населения так называемой „военной зоны“ оказывает активную помощь оккупантам, затрудняя прохождение по этой зоне нашей агентуры, бежавших из плена военнослужащих Красной армии, выходящих из окружения, помогая немцам вылавливать партизан»[127].

В то же время германские властные структуры в зоне военного управления не могли пользоваться абсолютной властью на захваченных территориях. Так, глубина фронта германской армии составляла не более 10 км. Далее, в глубине оккупированной территории, кроме крупных городов, воинские части встречались редко. Охранные части

---

122 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 739. Л. 16.

123 Там же. Д. 750. Л. 105.

124 Цит. по: *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. С. 15–16.

125 Там же. С. 16.

126 Там же.

127 Там же.

располагались лишь вдоль железных и шоссейных дорог. На расстоянии 30–50 км от снабжающих фронт коммуникаций воинских частей почти не было[128].

Формально являясь властью на этих территориях, оккупанты далеко не всегда могли оспаривать эту власть у партизан. Так, тылы группы армий «Центр» были перед партизанами практически бессильны. Это подтверждается следующими цифрами: зона ответственности 582-го тылового корпуса уже в 1941 г. охватывала 6900 квадратных миль с более чем 1500 населенными пунктами. Для поддержания здесь порядка тыловой корпус располагал всего 16 ротами по 85 человек в каждой, то есть 1400 солдатами, из них на борьбу с партизанами могло быть выделено не более 300 человек[129]. Генерал Роквес уже 14 сентября 1941 г. в секретном приказе № 1198/41 констатировал: «В лице русских партизан мы встречаем очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность… и, действуя в собственной стране, в большинстве случаев пользуется поддержкой населения»[130]. Ввиду этого советских партизан следует рассматривать как силу, имевшую реальную власть на тех или иных участках оккупированной территории РСФСР.

Население же, вне зависимости от политических настроений, большей частью оказывалось перед дилеммой, к кому примкнуть и кого поддерживать: оккупантов или партизан. Все зачастую зависело от того, какая из противоборствующих сил имела в той или иной местности больше силы и влияния. Довольно выразительным на этот счет является сообщение одного из районных бургомистров, рассматривающее положение дел с точки зрения оккупантов: «Когда перед крестьянином встает проблема: помогать ему партизанам или немецким войскам, мы, к сожалению, часто вынуждены наблюдать, что ему невозможно отказать в помощи партизанам. Действительно, он видит партизан почти ежедневно, а немцев очень редко. Даже если он всем сердцем хочет сражаться с партизанами, как он это должен делать? Вступать с ними в открытую борьбу, не имея оружия, — это абсурд. Вступить в отряд самообороны — значит лишить землю, которую он должен обрабатывать, единственного работника и обречь семью на уничтожение партизанами. Когда крестьянин следит за партизанами и сообщает об этом в комендатуру, об этом становится быстро известно, поскольку в деревне ничего нельзя сохранить в тайне, и расплата следует незамедлительно. К тому же уже сложилось убеждение, что их сообщения [немцам] в подавляющем большинстве случаев не ведут ни к каким действиям. Комендатура день за днем получает сообщения о партизанах из разных концов района, но может реагировать на них лишь в редких случаях, поскольку не располагает силами»[131]. Несмотря на односторонность данного документа, автор которого относит частые отказы населения от сотрудничества с

128 *Попов А.* НКВД и партизанское движение. С. 70; *Ермолов И.Г.* Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг. С. 78.

129 *Попов А.* НКВД и партизанское движение. С. 171–172.

130 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 818. Л. 131.

131 Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 409.

оккупантами на счет практической целесообразности, абсолютно игнорируя присущий ощутимой части населения советский патриотизм, следует признать, что страх перед партизанами был реальным фактором, в той или иной мере сдерживающим масштабы коллаборационизма.

С другой стороны, именно аномалии партизанского движения становились и немаловажным условием, способствующим формированию коллаборационистских настроений. Так, в августе 1943 г. командир корпуса охранных войск Центральной административной группы отмечал, что резкое недовольство и противостояние населения вызывает поведение партизан в контролируемых ими районах: «В районах, где господствуют партизаны, они с крестьян берут налог до 165 кг с гектара. Там, где партизанам не удается снять урожай, они стремятся воспрепятствовать уборке или уничтожают его»[132]. В июне 1943 г. представителю ЦШПД на Калининском фронте Рыжикову поступило выразительное донесение о том, что по приказу командования партизанской бригады № 10 комбрига Варакcова были сожжены три деревни Луги, Столбово, Козлово. 70 семей остались без крова. Согласно рапорту капитана З.Л. Дороша, «люди разошлись по селам и стали рассказывать, что делают партизаны 10-й Калининской бригады, что не только сжигают немцы, а даже и партизаны». В результате 20 человек мужчин из сожженных деревень пошли на службу в полицию в райцентр Мозули, стали участвовать в засадах на партизан[133]. Упомянутый комбриг Вараксов устроил себе некое подобие поместья в деревне Мылинки, где держал в своем личном хозяйстве 25 коров, четыре лошади, владел четырьмя патефонами, веломашиной. Одну из лошадей по приказу комбрига кормили только мукой. Для ведения хозяйства партизанский комбриг держал нескольких партизан, которые специально для него делали масло, сливки, сметану. Двое бойцов в звании старшин обслуживали самогонный аппарат, гнали самогон. Некоторые партизаны по приказу комбрига делали налеты на крестьян, систематически мародерствовали[134].

При инспектировании Калининских партизанских бригад по приказу начальника ШПД, члена Военного совета Калининского фронта полковника госбезопасности Бельченко в нескольких бригадах выявлены случаи грабежей партизанами мирного населения, издевательств над крестьянами, увода из деревень женщин для сожительства[135]. Заявления крестьян партизанскому командованию с просьбами вернуть награбленное и с описанием обстоятельств изъятия партизанами вещей и продуктов дают основания заключить, что отношения между населением и партизанами были весьма напряженными[136]. Если принять во внимание наличие у населения оккупированных областей в качестве альтернативы поддержки партизанского движения, политика советских партизан далеко не всегда способствовала этому. Так, в докладной записке секретаря Себежского райкома ВКП(б) А.С. Кулеша на имя секретаря

132 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

133 Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 14 об., 19 об. 20.

134 Там же. Л. 19 об, — 20 об.

135 Там же. Д. 637. Л. 33 об.-35.

136 Там же. Л. 7–7 об., 10, 21, 25.

Калининского обкома ВКП(б) Воронцова от 27 июля 1943 г. указывается, что партизаны проводят мобилизацию местного населения, после чего оказывается, что вооружить такую массу мобилизованного народа невозможно, а держать в бригаде трудно материально. В результате распушенные по домам за ненадобностью мобилизованные ставились «под верный удар врага», так как теперь формально считались партизанами. Тем не менее только мобилизованные 10-й Калининской партизанской бригадой 400 человек были вынуждены разойтись по домам[137]. Один из допрошенных в 1942 г. советских агентов в этой связи показал: «В сознании населения партизаны являются бандитами и грабителями. В ряде случаев партизаны небольшими группами (от пяти до семи человек) совершали набеги на деревни. В этих случаях люди, в особенности мужчины, в панике бежали из деревень. Даже там, где появлялись ложные слухи о приходе партизан, мужчины старались скрыться»[138].

При налете партизан на населенные пункты их жертвами далеко не всегда становились германские военнослужащие и коллаборационисты, но зачастую мирные жители. Так, по Суражскому району Орловской области за вторую половину 1942 г. партизанами было убито 37 человек, из них работников районных и волостных управ — 8 человек, мирных жителей, не имевших никакого отношения к коллаборационизму, — 29 человек[139]. По Мглинскому району жертвами партизан за тот же период стали 80 человек, 14 человек были уведены партизанами. Кроме того, партизанами было угнано много скота, принадлежавшего крестьянам[140].

Немаловажным фактором стала репрессивная деятельность немцев по отношению к местному населению в ответ на действия партизан. Так, немцы широко практике вали взятие заложников, их последующее уничтожение в ответ на партизанские вылазки. Порча партизанами немецкой военной техники, убийства военнослужащих ста вили под удар оккупантов тот населенный пункт, где это происходило. Так, во второй половине 1941 г. возле деревни Красный Колодец Брасовского района Орловской области десять партизан под командованием В.А. Капралова, напав на немецкую штабную машину, убили офицера. В ответ немцы сожгли часть деревни[141]. По Дятьковскому району за декабрь — январь 1941–1942 гг. расстреляно 45 жителей села Овсорок за появление в деревни партизан. По той же причине в деревне Липово сожжено 57 домов, также заживо сожжены местная учительница и ее дочь. За приход партизан в один из домов поселка Маково расстрелян хозяин дома и его двое сыновей, сожжены все дома поселка[142]. За убийства партизанами германских военнослужащих к мирному населению принимались более жесткие меры. В деревне Стеклянная Радица того же Дятьковского

137 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 15. Л. 16–17.

138 Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 416.

139 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 59–61.

140 Там же. Д. 21. Л. 33.

141 *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 16.

142 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 4. Л. 30–30 об.

района в ответ на уничтожение партизанами двух автомашин и десятка солдат была не только сожжена деревня, но и расстреляно 150 ее жителей; кроме того, в течение нескольких дней расстреливали каждого прохожего, идущего по большаку через Стеклянную Радицу[143].

В результате, испытывая страх перед партизанами и ответными репрессиями немцев, часть гражданского населения уже в первые месяцы оккупации выражала готовность к сотрудничеству с немцами. Так, в Дмитровском районе Курской области осенью 1941 г. крестьяне предъявили «ультиматум» одному из партизанских отрядов, потребовав прекратить всякую боевую деятельность. В противном случае угрожали выдать немцам расположена отряда. В результате 28 октября 1941 г. отряд сложил оружие, отказавшись от дальнейшей борьбы[144].

Сокращение инфраструктуры, промышленности и, соответственно, рабочих мест также способствовало активизации коллаборационистских настроений. Так, за вторую половину 1942 г. в результате действий партизан из 32 школ Мглинского района 14 закрылось, убит 1 учитель. В том же районе партизанами были разгромлены 2 больницы[145]. За первое полугодие 1943 г. партизанами на территории Калининской области уничтожено промышленных предприятий: бригадой Вараксова — 4, бригадой Лисовского — 3, бригадой Шиповалова — 1, бригадой Буторина — 1[146]. Лишенный работы персонал чаще всего был поставлен перед необходимостью трудоустройства в полицию.

В партизанском донесении от 10 июля 1943 г. различные аномалии партизанского движения называются одним из основных факторов, способствующих возникновению и развитию коллаборационизма в крестьянской среде[147]. В частности, констатируется «исключительно тяжелая обстановка во взаимоотношениях партизан и населения», а также что «настроения населения значительно портят неправильные, по существу антипартизанские отношения к населению», «все это очень вредно отражается на настроении населения, вызывает законное недовольство»[148]. В другом донесении указывается: «Грабеж партизанами населения, слабая забота об этом командования приводят к полному произволу. Отсюда массовые случаи воровства, незаконных обысков и изъятия продуктов и другого личного имущества населения. Все это ухудшает и без того тяжелое положение населения, что вызывает законное недовольство последнего»[149]. Среди аномалий партизанского движения наиболее часто указываются случаи сожжения партизанами деревень, мародерство, изнасилования, увод женщин для сожительства, избиения и расстрелы мирных граждан[150]. Причем указывается не на

143 Там же. Л. 30 об.

144 *Жуков Д. А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 13.

145 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

146 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 152–152 об., 158; Оп. 1. Д. 583. Л. 56.

147 Там же. Оп. 2. Д. 22. Л. 25–26.

148 Там же. Л. 25.

149 Там же. Л. 52 об.

150 Там же. Л. 26, 52 об.; Д. 15. Л. 16–17; Оп. 1. Д. 637. Л. 33 об.-35

единичные факты, а на их массовость и повсеместность. Командир оперировавшей в брянских лесах бригады им. Ворошилова № 2 И.А. Гудзенко относительно грабежей населения партизанами его бригады выразился следующим образом: «Если я запрещу партизанам то, что они хотят, так они все разбегутся, и я останусь один»[151]. Если верить показаниям допрошенного в немецком плену представителю Ставки ГК капитану А. Русанову, «бригада им. Ворошилова № 2 под командованием Гудзенко — только пример. Но грабят и все остальные, за очень редким исключением». Подобная деятельность была присуща и партизанским отрядам Д.В. Емлютина: «Население Курской и Орловской областей хорошо знает партизан Емлютина. Это банда насильников, грабителей, мародеров, терроризирующих местных жителей. Сам Емлютин — садист, живущий только убийствами»[152]. Относительно реакции высшего партизанского руководства на подобные аномалии партизанского движения тот же А. Русанов показал: «Я неоднократно письменно и устно об этом докладывал. В последний раз Строкач мне сказал: „Оставьте это, все равно прекратить грабеж мы не сможем. Да и трудно сказать, принесет ли это пользу партизанскому движению“»[153].

Необходимо отметить и эпизодическую деятельность так называемых лжепартизан, которые под видом советских партизан терроризировали население с целью активизации коллаборационистских настроений. В частности, на территории Калининской, Ленинградской, Новгородской областей действовал лжепартизанский отряд А. Мартыновского и И. Решетникова, входивший в структуру Истребительного соединения «Восток». В южной части Орловской области под видом красноармейцев-окруженцев и партизан действовала группа, называвшая себя «Двадцать пять»[154].

Результатом подобной деятельности партизан и лжепартизан стало то, что гражданское население было вынуждено обращаться за помощью к той власти, которая существовала на тот момент, то есть к германским оккупационным инстанциям.

Население оккупированных областей РСФСР, по меткому выражению Д. Армстронга, оказалось «между двух огней»: «между немецким молотом и партизанской наковальней»[155].

Оказавшееся под оккупацией население разделилось: часть его поддерживала советских партизан, другая часть — немцев. Согласно донесениям партизанских командиров, эффективной деятельности партизан мешает большое число предателей, сотрудничающих с оккупантами. Так, в одном из донесений от 23 ноября 1941 г. сообщается, что уже на тот период в районах Кингисеппа, Ораниенбаума, под Петергофом немцам помогает значительная часть населения, среди

---

151 Цит. по: *Гогун А.С.* Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг. С. 22.

152 Цит. по: Там же. С. 28–29.

153 Цит. по: Там же. С. 22.

154 *Анищенко Е.Н.* Указ. соч. С. 226.

155 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 410, 415.

которого немало лиц, ранее репрессированных советской властью, а также бывших кулаков[156]. В течение полутора лет отношение населения оккупированной части Ленинградской области к немцам не изменилось. По крайней мере, в ноябре 1942 г. комендант тылового района 18-й германской армии, в ведении которого находилась значительная часть Ленинградской области, отметил, что в результате ликвидации колхозов и создания из населения органов местного самоуправления «почти повсеместно стали выражаться воля и желание сотрудничать с нами»[157]. То есть как немецкие, так и советские оценки масштабов и мотивов коллаборационизма, хотя в большинстве случаев и не приводят конкретных цифр, тем не менее в основном совпадают.

Весь комплекс указанных причин правомерно связать с самим характером тоталитарной системы СССР. В истории всех предыдущих войн, которые довелось претерпеть нашему государству, добровольное сотрудничество с врагом или не отмечено вовсе, или имело единичные проявления. Несмотря на тяжкое материальное положение некоторой части населения Российской империи в период монархии, российское общество было более монолитным. Будучи спаяно православной религией, верой в монарха как в помазанника Божия, население России было далеко от того, чтобы искать какие-либо иные идеалы. Ввиду всеобъемлющего влияния православия враждебные народы были для населения России прежде всего иноверцами. После 1917 г. в российском обществе произошел идейный раскол. Якобы имевшее место накануне Великой Отечественной войны единство советского народа рухнуло, когда после нападения гитлеровской Германии было поставлено под угрозу само существование государственной системы СССР. Невозможность найти положительный идеал у себя в стране привела к тому, что часть населения СССР идеализировала тех, кто шел войной против советского режима. Как вспоминал участник власовского движения профессор Ф.П. Богатырчук, «большевизм вытравил из нас всякий патриотизм, превратив когда-то столь любимую родину в страну, где возвеличивают чекистов, стреляющих в затылок нашим братьям и сестрам, и где ставят памятники павликам морозовым, выдающим своего отца на расправу кремлевским палачам»[158].

Итак, можно выделить ряд причин, толкнувших часть населения СССР на путь коллаборации с гитлеровской Германией:

— пораженческие настроения части населения СССР, развившиеся на фоне первых успехов германской армии и поражений РККА;

— антисоветские настроения, породившие намерения бороться против государственного строя СССР;

— насильственное привлечение к сотрудничеству с оккупантами;

— стремление получить определенные привилегии, причитавшиеся лицам, вставшим на путь коллаборации: избежать угона на работу в Германию, избавиться от необходимости платить налоги, получить земельный участок и т. д.

---

156 *Ломагин Н.А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 288.

157 ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 651. Л. 38.

158 *Богатырчук Ф.П.* Указ. соч. С. 156.

Фактором развития коллаборационизма, бесспорно, явилось и то, что в первые месяцы войны германская пропаганда представляла войну против СССР как освободительный поход против коммунизма и в пропагандистских целях не выявляла своей враждебности к идее воссоздания свободной России[159].

Важно заметить, что какая-либо из названных причин не всегда выступала в чистом виде. В каждом конкретном случае могли присутствовать две и более причины коллаборации с немцами. Так, пораженческие настроения вполне могли сочетаться с антисоветскими убеждениями, с желанием выжить в условиях оккупации, получив в результате сотрудничества с немцами средства к существованию. Однако большинство причин коллаборации имеют общий корень, порожденный самой системой тоталитарного строя СССР. Вбив клин недоверия между властью и народом, развив в сознании части населения безразличие к судьбе своей страны, вылившееся в многочисленные случаи сотрудничества с внешним врагом, советская власть сама создала себе врагов в лице коллаборационистов.

Глава 2
Административный коллаборационизм

§ 1. Самоуправление на оккупированных территориях

Первым шагом в осуществлении колониальных планов в отношении населения РСФСР стало создание в занятых германской армией областях административного управления. На территории России оно имело некоторые особенности. В отличие от Прибалтийских республик, Белоруссии и Украины население РСФСР проживало в зоне военного управления. Это означало, что вся власть в тыловых районах германских армий находилась в руках начальников военной администрации, а власть на местах принадлежала полевым комендантам и начальникам гарнизонов. Это было вызвано спецификой той или иной местности. Так, ряд областей Центральной России, а также Белоруссии (Смоленская, Орловская, Витебская, часть Могилевской и Витебской областей) входил в зону ответственности группы армий «Центр». Ввиду этого на территории Смоленской и Орловской областей оказались сосредоточены основные силы группы армий «Центр». Только в границах Смоленской области на весну 1943 г. дислоцировались 57 немецких дивизий, 65 различных штабов, 32 крупных воинских склада[160]. При таком положении полноправное управление со стороны каких бы то ни было гражданских институтов власти исключалось.

Немецкие коменданты с первых же дней оккупации провели на вверенных им территориях ряд мероприятий, закладывая основу для последующего функционирования гражданских структур власти. Они назначали ответственных работников органов самоуправления, издавали приказы о регистрации коммунистов и гражданского населения, давали

159 *А.П.* Русский Корпус в Сербии // Часовой. 1971. Сентябрь. № 543 (9).

160 *Виноградова О.* «Новый порядок» в Смоленске //Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

распоряжения о прикреплении неработающего населения к биржам труда и т. д.

Введенное немцами территориально-административное деление в основных чертах соответствовало принятому при советской власти, за исключением того, что в ряде мест для удобства управления в пределах областей были созданы административные округа, включавшие несколько районов. Как правило, область делилась на пять-шесть округов, а количество районов в округе зависело от их размеров, объемов экономики и сельхозугодий. Районы в большинстве случаев были переименованы в уезды, а территории сельских советов — в волости[161].

Система управления указанными административными единицами в основном повторяла систему управления, принятую при советской власти, за исключением того, что вся местная гражданская власть курировалась немецкими комендатурами — военной и хозяйственной (Wirtschaftskommandantur — WIKO). Через комендатуры проходили все приказы и распоряжения местных властей, за исключением военных, которые были вне компетенции органов местного самоуправления[162].

Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в пределах одной деревни. Членами общины являлись все жители деревни, постоянно в ней проживающие. Во главе ее стоял староста, который формально избирался населением, фактически — назначался германским командованием[163], иногда — районным бургомистром[164]. Выборы старосты проходили на сельском сходе, присутствовали на котором только мужчины. Как правило, никто из избирателей не осмеливался голосовать против кандидатуры, предложенной немцами. В ряде местностей, например в западной части Орловской области, даже формальных выборов старост не проводилось. В должностной инструкции для бургомистров и волостных старшин указывалось, что «староста назначается и увольняется старшиной»[165], который «несет ответственность за правильное назначение»[166]. Партизаны, оперирующие в Калининской области, истолковывали выборность старост нежеланием местных жителей добровольно заступать на эти должности. Согласно одному из партизанских донесений, местные жители сел Идрицкого района ввиду этого избирали старост помесячно[167].

Нередки случаи, когда старостами становились не только лица, обиженные советской властью. По крайней мере, докладная записка представителя ПШ на Брянском фронте старшего майора госбезопасности Матвеева и заместителя начальника разведотдела майора Быстрова в ЦШПД от 1 декабря 1942 г. констатирует, что «обычно

---

161 ГАСО. Ф. 2361. Оп. 5. Д. 54. Л. 2–4.

162 *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

163 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. д. 641. Л. 98.

164 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

165 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

166 Там же.

167 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 38.

старостами немцы ставят… предателей из числа бывших советских работников — председателей колхозов, сельсоветов, бывших членов ВКП(б)»[168]. Согласно той же докладной записке, «иногда сельские старосты избираются населением или назначаются немецкими властями из честных советских людей, пользующихся авторитетом у населения»[169]. Согласно выводам А.Ю. Попова, определенная часть работников советского аппарата управления стала активно сотрудничать с оккупантами, а на должности старост довольно часто попадали именно председатели сельских советов и колхозов[170]. Причем в некоторых случаях бывшие председатели колхозов сами предлагали немцам свои услуги, выдвигая свои кандидатуры на должности старост[171].

Сельский староста обычно имел в подчинении заместителя, писаря и одного-трех полицейских, являлся полным хозяином в своем селе, регулируя практически все стороны жизни населения. Так, без ведома старосты ни один житель села не имел права куда-либо выехать или пустить кого-либо переночевать. Староста и его подчиненные снабжались удостоверениями о том, что состоят на службе у немцев и имеют право передвижения на территории своей волости без пропусков[172]. Кроме того, староста имел право свободного хождения по деревне в любое время суток, тогда как для остального населения покидать жилища разрешалось лишь в светлое время суток, как правило, до 18.00 часов зимой, до 21.00 часов летом[173]. За свою службу староста и его аппарат получали зарплату, размер которой зависел от количества населения в деревне. Так, зарплата старосты колебалась от 300 до 450 рублей, заместителя — от 200 до 250 рублей, писаря — от 200 до 300 рублей, полицейского — 240 рублей плюс хлебный паек около пуда зерна в месяц. Печати сельский староста не имел, заверяя выдаваемые им документы либо своей подписью, либо своей подписью и печатью волостного управления[174].

На сельского старосту возлагалась обязанность не только первичного учета населения, но и определения его политической благонадежности, для чего староста вел соответствующую учетную книгу. В отдельных селах старосты по своему личному произволу устанавливали тотальный контроль за всеми сторонами жизни населения, превзойдя в этом даже тоталитаризм, существовавший при советском режиме. Так, в ряде сел Хотынецкого района Орловской области (Алехино, Суханка и др.) старосты запретили девушкам выходить замуж по собственному желанию, выдавая девушек замуж по своему усмотрению[175]. Что касается произвола со стороны сельских старост, он в ряде случаев также превосходил

168 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151.

169 Там же.

170 *Попов А.Ю.* Указ. соч. С. 73.

171 ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10. Л. 15.

172 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152.

173 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

174 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152.

175 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 66.

произвол советских председателей колхозов. Так, в Стародубском районе Орловской области старосты нашли оригинальный способ уклониться от продовольственного налога, распределив причитающийся с них и с полицейских налог между жителями сел[176]. При сборе продналога старосты нередко допускали злоупотребления, завышая налог, свидетельством чему служат многочисленные письменные претензии со стороны волостных старшин и районных бургомистров. Так, старосте деревни Жуковка Унечского района Орловской области районный бургомистр Старовойтов писал: «Для Германской армии, по распоряжению начальника полиции, Вы должны были взять в каждом дворе по 1 гусю. Вы же у г-на Болшунова взяли 4 гусей, поэтому Вы должны выполнить распоряжение нач. полиции и возвратить ему 3 гусей»[177].

Однако фактически абсолютная власть старосты формально была ограничена, в частности, тем, что староста являлся лишь «исполнительным органом» волостного старшины и не имел права принимать самостоятельные решения, управляя только по указаниям и поручениям волостного старшины[178]. В деревне, где жил волостной старшина, староста не назначался — его обязанности одновременно выполнял старшина[179].

Несмотря на большую власть, староста больше, чем кто-либо иной, подвергался опасности со стороны немецких властей. Так, за сбор и сдачу немцам урожая, за спокойствие населенного пункта от партизан отвечал, часто жизнью, прежде всего староста и его семья, а потом все село[180]. Жители поселка Переторги Брянской области засвидетельствовали автору, как в одной из близлежащих деревень погибли двое немецких военнослужащих. Староста к этому был непричастен, напротив, был настроен резко антисоветски, свои обязанности исполнял с усердием. Тем не менее по приказу офицера СС немцы, собрав всех жителей, устроили показательную расправу над семьей старосты. Одну из дочерей старосты по приказу офицера публично обнажили, затем отрезали ей груди. По окончании издевательств вся семья старосты и он сам были расстреляны. В деревне Мякотино Погорельского района Калининской области 1 мая 1942 г. за непринятие мер к четверым жителям деревни, хранившим оружие, вместе с непосредственно виновными после издевательств повешены староста С.В. Махов и его помощник П.Ф. Безобразов[181].

Несколько населенных пунктов составляли волость, причем территория волости, как правило, соответствовала территории сельского совета. Волости возглавлялись волостными управлениями или волостными управами, руководили которыми волостные старшины. В ряде случаев в структуру волостных управ входили отделы, количество и

176 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

177 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

178 Там же. Д. 21. Л. 14, 26.

179 Там же.

180 *Гогун А.С.* Партизаны против народа // Под оккупацией в 1941–1944 гг. С. 23.

181 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 9. Л. 103.

наименования которых зависели от специфики той или иной местности. Так, каждая из пяти волостных управ Трубчевского района Орловской области включала административный, налогово-финансовый и полицейский отделы, по мере необходимости в каждой управе предусматривалось создание новых отделов[182]. Волостные управы Брянского округа, согласно инструкции Главного военного управления округа от 21 декабря 1942 г., должны были включать отделы: административный, финансовый, полицейский, просвещения, питания, строительный, здравоохранения и ветеринарный, жилищный, социального обеспечения, торгово-промышленный[183].

На практике же отделы в составе волостных управ создавались редко. Обычно аппарат волостного старшины включал заместителя, писаря, мирового судью и начальника волостной полиции. Нередко в волостных управах работало всего по два человека — волосной старшина и его помощник, он же исполнял обязанности секретаря[184]. Что касалось полиции, она часто подчинялась непосредственно немецкой полевой полиции, а волостному старшине — лишь формально, на условиях договоренности[185]. Начальнику волостной полиции подчинялся отряд полицейских, численность которого определялась местными условиями и наличием мобилизационного контингента.

Волостной старшина являлся полным хозяином своей волости, проводя свою работу через старост и начальника полиции. Большую роль в управлении волостью играл и писарь, который нередко через голову старшины фактически руководил делами волости.

Что касается контингента волостных старшин, уже цитировавшаяся докладная записка Матвеева и Быcгрова сообщает, что «на должность волостного старшины немцы назначают обычно людей, раньше работавших на партийно-советской работе (агрономы, землемеры, районные работники, председатели с/с, учителя) и хорошо знающих свой район… Кроме этих лиц на должность старшины назначаются люди, репрессированные органами Советской власти, или же открытые враги Советской власти и выходцы из других партий»[186]. Так, согласно донесению политотдела 43-й армии от 30 апреля 1942 г., «на должность старшины Знаменского района Смоленской области был назначен предатель Чикачев К.Ф., бывший главный агроном райзо исполкома, член ВКП(б)»[187]. В Калининском районе на 1 апреля 1942 г. из 138 колхозов 95 находились в оккупации, из их председателей только восемнадцать эвакуировались и пять находились в партизанах. Основная же часть председателей исполняли свои прежние обязанности в качестве старост и старшин. Так, старостой стал бывший председатель колхоза «Борьба» С.

182 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

183 Там же. Л. 16 об.

184 ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

185 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 12.

186 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 152–153.

187 Цит. по: *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. М. 2004. Кн. 2. С. 293.

Харитонов, усердно выполняя все задания немецких властей. Бывший председатель Скворецкого сельсовета, член ВКП(б) Н. Лукин дезертировал из партизанского отряда, сдал оружие немцам и стал старшиной волости. Дезертировал из партизанского отряда и бывший председатель сельсовета Н. Назаров, также став волостным старшиной[188].

В обязанности старост и волостных старшин входили учет населения, земельных площадей, скота, разверстка и сбор налогов, шедших на нужды германской армии, обеспечение порядка в населенных пунктах, сбор оставленного при отступлении РККА оружия[189].

В некоторых волостях, до введения института мировых судей, волостным старшинам вменялось в обязанность наложение взысканий за совершение проступков, если таковые не преследовались законами германского командования. Так, на территории Брянского и Клинцовского округов старшина имел право наложить штраф до 1000 рублей, приговорить к тюремному заключению или к принудительным работам на срок до 14 дней[190].

Следующей административной единицей был район или уезд, включавший, как правило, пять-шесть волостей. Во главе района (уезда) стояла районная (уездная) управа, возглавляемая районным бургомистром, аппарат которого включал заместителя, начальника полиции и заведующих отделами. Должности районных бургомистров в различных местностях назывались по-разному: главы районов, начальники районов, старшины районов. Районному бургомистру подчинялись волостные старшины и бургомистры городов районного подчинения[191]. Структурными подразделениями районных управ были отделы, число и наименования которых в различных районных управах различались. Так, Красногородская районная управа Калининской области включала семь отделов: местной промышленности, земельный, транспортный, здравоохранения, народного образования, финансовый, паспортный[192]. Управа соседнего Торопецкого района включала шесть отделов: общий, финансовый, жилищный, хозяйственный, заготовок и сбыта, здравоохранения. Кроме того, в структуру районной управы входило подсобное хозяйство[193]. В зависимости от местных условий, в районные управы могли входить и другие отделы, например общий, лесной, топливный и др.

На должности районных бургомистров и структурных подразделений райуправ обычно назначались лица из местного населения, преимущественно из числа советских и партийных руководителей. Однако при отсутствии или недостатке таковых на руководящие должности в райуправах назначались бывшие рабочие, колхозники. Так, упомянутую Красногородскую райуправу возглавил учитель пения П.И.

---

188 *Мангазеев И.А.* Коллаборационисты.

189 *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 143.

190 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–155; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

191 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

192 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8 об.

193 Там же. Д. 1. Л. 2–3.

Горицкий, его первым заместителем стал бывший член ВКП(б) И.В. Сатунин, вторым заместителем — бывший кулак, выселенный советской властью Федотов[194]. Исключение составляли должности начальников полиции, которые занимали в большинстве случаев лица с юридическим образованием, командиры Красной армии, попавшие в окружение[195]. В некоторых тыловых районах группы армий «Центр» практиковалось создание земств. Так, 33 волости Псковского района Ленинградской области были объединены в земство. Начальником земства был назначен некто Горчанский. Земская управа находилась в Пскове и включала следующие отделы: здравоохранения, народного образования, дорожный, ветеринарный, финансовый. Численность населения на территории земства с июня 1941 г. по конец мая 1942 г. увеличилась с 48 996 до 53 196 человек, причиной чему стал приток беженцев из окрестностей Ленинграда[196].

Как и волостные старшины, районные бургомистры имели право во внесудебном порядке накладывать наказания на лиц, совершивших проступки. Так, районные бургомистры Брянского округа могли накладывать штраф до 4000 рублей или определять тюремное заключение на срок до двух месяцев. Свои решения о наложении взысканий бургомистры районов были обязаны согласовывать с районной комендатурой, а если таковой в районе не было, подавать сведения о взысканиях в окружное управление[197].

Несколько районов (уездов) объединялись в округ, во главе которого стояла окружная управа, возглавляемая обер-бургомистром[198], ей подчинялись городские, районные и уездные управы, за исключением управ городов уездного подчинения. Обер-бургомистры назначались не только из числа местных жителей, но и из немцев. Управа состояла из отделов, соответствующих структуре уездной управы[199].

В границах прежних областей создавались губернии, однако не повсеместно, а лишь в пределах тех областей, которые были оккупированы полностью[200]. В то же время сколько-либо значительных сведений о структуре и деятельности губернских управлений не сохранилось. Тем не менее есть данные о действовавших губернских управленческих структурах, которые, очевидно, рассматривались как почва для последующего создания губернских управ. Так, уже в 1941 г. в Орле начало работу Орловское губернское земельное управление, директором которого был назначен агроном И.Ф. Скворцов. В его подчинении были окружные и районные (уездные) земельные отделы. Работа управления курировалась Орловским губернским

194 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 122. Л. 8–8 об.

195 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 152–153.

196 ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 661. Л. 1–4.

197 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 153–155.

198 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 153.

199 Там же. Л. 152.

200 Там же.

сельскохозяйственным штабом, возглавлял который комендант Дитмар[201]. Что касается собственно губернских управ, в Орловской, Тульской, Ленинградской областях они так и не были созданы ввиду их частичной оккупации, причем несмотря на то что оккупация части Орловской области продлилась до 1943 г., а оккупация части Ленинградской области — до 1944 г.

Во главе города стояла городская управа, возглавляемая городским головой (бургомистром города)[202], который назначался германским командованием, а в случае самовыдвижения, практиковавшегося в некоторых городах, — утверждался комендатурой[203].

Бургомистр был должностным и административным начальником всех подчиненных ему чиновников, подведомственных ему организаций и учреждений[204].

Городские управы включали в себя отделы, количество и наименование которых в различных городах различалось и зависело от ряда местных условий. Так, Калининская городская управа состояла из шестнадцати отделов, включая личную канцелярию бургомистра, штаб охраны (полицию) и отделы: административный, хозяйственный, технический, медико-санитарный, просвещения, связи, строительный, жилищный, лесопильно-топливный, автотранспортный, конно-транспортный, финансовый, промышленный, пропаганды[205]. Структура Орловской городской управы выглядела несколько иначе, включая всего десять отделов: общий, финансовый, государственного страхования и обеспечения, здравоохранения, полиции, транспортный, заготовок и снабжения, просвещения, права и гражданства, городского хозяйства. Причем каждый отдел включал подотделы[206]. Количество отделов Брянской горуправы равнялось десяти: финансовый, образования и православия, заготовок, торговый, общественного питания, строительный, топливный, дорожно-хозяйственный[207]. Смоленская горуправа также включала десять отделов: административный, земельный, городского архитектора, природных хозяйств, торгово-промышленный, жилищный, общественного призрения, пожарный, финансовый, образования[208].

В небольших по численности населения и объему промышленности и инфраструктуры городах количество отделов горуправ было еще меньшим. Так, Торопецкая горуправа Калининской области насчитывала шесть отделов: общий, финансовый, жилищный, городского хозяйства, охраны порядка, заготовок и сбыта[209]. Причем старшина города

---

201 *Мартынов М.М.* Это было в Орле. М., 1985. С. 450.

202 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

203 ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

204 ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24.

205 Там же. С. 142.

206 Там же. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.

207 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–157.

208 «Новый порядок» в Смоленске // Любимая Россия. 2006. № 2 (3).

209 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

(бургомистр) одновременно управлял районом[210]. То есть система управления как районов, так и городов не отличалась единообразием, имея в каждом крупном населенном пункте специфические особенности, зависящие от местных условий. Штаты сотрудников гору прав также различались ввиду того, что каждый бургомистр, как правило, получал полную самостоятельность в формировании своего административного аппарата. Второй пункт изданного в декабре 1941 г. «Проекта схемы по организации Таганрогского городского управления бургомистерства» гласит: «Для ведения городских дел бургомистр создает себе секретариат и управление и назначает потребное число заместителей»[211]. Иногда такая чрезмерная самостоятельность приводила к «раздуванию» штатов горуправ. Так, бургомистр Пятигорска М. Орлов сформировал штат горуправы в количестве 136 человек, не считая обслуживающего персонала[212]. Смоленская горуправа, созданная 25 июля 1941 г., вначале включала шесть служащих, а на 10 августа 1943 г. ее штат составил 250 человек[213]. Однако в большинстве случаев штаты управ были максимально сжаты. Обычным было положение, когда в каждом отделе работало два-четыре человека. Лишь в некоторых отделах, ввиду их специфики, количество работников было больше. Так, штат упомянутой Торопецкой городской и районной управы включал 38 человек: общий отдел — 5 человек (бургомистр, секретарь, переводчик, машинистка, уборщица), финансовый — 2 человека (завотделом, кассир-счетовод), жилищный — 3 человека (завотделом, бухгалтер, делопроизводитель), городского хозяйства — 4 человека (завотделом, заместитель, завскладом, рабочий), заготовок и сбыта — 12 человек (завотделом, технический работник, завскладом, помощник завскладом, конюх, 6 продавцов, мельник), подсобное хозяйство — 6 человек (заведующий, конюх, тракторист, механик, 2 сторожа)[214]. Включая 9 человек персонала больницы[215], которые также формально относились к служащим управы[216], общее количество служащих управы города и района составляло 38 человек.

Городские и районные управы являлись исполнительными и распорядительными органами местного самоуправления. К исполнительным функциям относились работа полиции, финансовое и налоговое дело, помощь семьям рабочих, выехавших на работу в Германию, запись актов гражданского состояния, а также иные области деятельности, выходившие за пределы интересов города и имевшие общеокружное значение. К распорядительным функциям горуправы относились области работы чисто местного характера, не имевшие

---

210 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об.

211 ТФ ГАРО. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

212 ПГА. Ф. Р-1748. Оп. 1.Д.7.Л. 390.

213 «Новый порядок» в Смоленске.

214 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

215 Там же. Л. 1.

216 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

общеокружного значения[217]. Однако в ряде городов и районов, особенно в первые недели и месяцы оккупации, функции органов местного самоуправления были настолько ограничены, что даже мелкие хозяйственные вопросы решались немецкими комендатурами. Так, в некоторых районах Калининской области на лето — осень 1941 г. комендатуры давали разрешение на занятие частным предпринимательством, сбор воска для производства церковных свечей и т. д.[218]

Структурные подразделения районных и городских управ — отделы формально были равны. На практике же одни отделы имели приоритетное значение по сравнению с другими. Так, главным отделом, как правило, был общий (административный), который курировал работу других отделов, занимался подбором их персонала. Вторым по значимости являлся финансовый отдел, который, составляя бюджет горуправы и занимаясь распределением финансов, фактически сосредотачивал в своих руках все нити управления другими отделами.

Финансирование городских и районных управ осуществлялось за счет налогообложения населения. Причем иногда налоговый сбор, как это было в оккупированных районах Калининской области, устанавливался не органами местного самоуправления, а немецкими комендатурами, составляя 40 рублей с каждого двора в месяц[219].

В крупных городах, преимущественно областных центрах, сохранялось деление города на районы. Так, Брянск был разбит на районы: Брянск 1-й (Брянск Северный), Брянск 2-й (Брянск Южный), Урицкий завод, Толстовский поселок[220], Калинин — на восемь районов, в каждом из которых сформировались районные управы, которыми руководили старшины. Каждый район делился на участки, возглавляемые участковыми, выполнявшими полицейские функции. Участковые подчинялись одновременно старшине и начальнику штаба охраны городской управы, кроме того, имели прямую связь с гестапо. Участок, в свою очередь, делился на кварталы, каждый из которых возглавлял квартальный, ему подчинялись коменданты многоквартирных домов[221].

Подобное деление городов на кварталы и введение института квартальных старост практиковалось и в других местностях. Так, городской голова (бургомистр) северокавказского города Прикумска И. Четвериков приказом от 20 ноября 1942 г. организовал 6 квартальных управлений во главе с квартальными старостами. Они подчинялись непосредственно бургомистру, получали от него конкретные приказы. Канцелярия квартального управления включала, кроме старосты, писаря, получавшего месячный оклад в 200 рублей[222]. Количество квартальных старост зависело от численности населения. Так, в Краснодаре один

---

217 ГАОО. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 206. Л. 23–24; Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–5, 21–22.

218 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 51, 53.

219 ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 63.

220 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

221 *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 142–143.

222 Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

участковый староста назначался на 3000 человек населения[223]. Бремя содержания каждого квартального управления ложилось на местное население. Так, горуправа Прикумска выделяла на содержание каждого квартального управления всего по 50 рублей в месяц, а с каждого жителя старше 14 лет на содержание новой категории чиновников собиралось по 1 рублю в месяц[224]. Помимо наделения квартальных старост обычными исполнительными функциями, горуправы намеревались с помощью этого нового института управленцев повысить ответственность населения за сохранность жилищного фонда, содержание дворов, водоемов и т. д. По оценке оккупационной прессы, работа квартальных старост в этом направлении давала хорошие результаты[225].

Контингент сотрудников органов местного самоуправления составляли, как правило, лица из местного населения[226], а бургомистр города, согласно докладной записке Матвеева и Быстрова, «обычно импортируется из Германии из числа белогвардейцев или назначается из числа ярых врагов Советской власти»[227].

Что касается использования в аппарате самоуправления русской эмиграции, такие факты были скорее исключением, нежели правилом. Так, еще до нападения Германии на СССР начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал-лейтенант Альфред Йодль 3 марта 1941 г. подготовил для Гитлера документ, в котором о возможной роли эмиграции говорилось: «Бывшая буржуазно-аристократическая интеллигенция, если она еще и есть, в первую очередь среди эмигрантов, также не должна допускаться к власти. Она не воспримется русским народом, и, кроме того, она враждебна по отношению к немецкой нации. Мы ни в коем случае не должны допустить замены большевистского государства националистической Россией, которая в конечном счете (о чем свидетельствует история) будет вновь противостоять Германии»[228]. Относящаяся к началу 1942 г. информационная сводка штаба партизанского отряда им. Ворошилова, оперировавшего на юге Орловской области, сообщает, что «бургомистры назначаются из немцев, живших на территории Советского Союза, и из советской интеллигенции, которая продалась немцам, изменив Родине»[229]. Так, бургомистром Брянска был назначен немец Карл Шифановский, а начальником топливного отдела Брянской горуправы — прибывший из Эстонии Альфонс Иванович Соц[230].

Подбор руководящих кадров осуществлялся с учетом их опыта работы в той или иной отрасли, должностей, которые они занимали в советских учреждениях. Немаловажное значение имело их отношение к советской

223 Кубань. 1942. 22 апреля.

224 Прикумский вестник. 1942. 5 декабря. Кубань. 1942. 22 апреля.

225 Прикумский вестник. 1942. 5 декабря.

226 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153.

227 Там же. Л. 153–155.

228 Цит. по: *Млечин Л.М.* Указ. соч. С. 387–388.

229 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

230 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–155.

власти, причем предпочтение отдавалось пострадавшим от политических репрессий, бывшим членам других партий и фракций (меньшевикам, эсерам и т. д.). Некоторые авторы мемуаров ввиду этого пытаются объяснить наличие в аппарате местного самоуправления русских именно политической подоплекой. Так, бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов пишет: «С первых дней оккупации в городах и районах нашей области стала всплывать на поверхность разная нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы… Вся эта немногочисленная, но очень озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов»[231].

Однако нередки были случаи, когда ответственные руководящие посты в аппарате самоуправления занимали бывшие советские и даже партийные работники, лица из числа советской интеллигенции. По утверждению А.Ю. Попова, представители советской интеллигенции стали основными кадрами органов городского самоуправления. Тот же автор отмечает, что в 1941 г. кадры органов самоуправления рекрутировались даже из партизан[232]. В частности, приказ № 17 по кавалерийской бригаде СС от 31 октября 1941 г. гласил: «Пленных партизан, производящих впечатление интеллигентных людей, сразу не следует расстреливать… их следует доставить в штаб бригады»[233]. Правомерно предположить, что немцы знали о том, что сотрудники советского и партийного аппарата нередко с приходом немцев уходили в партизанские отряды. Следовательно, в ряде населенных пунктов на легальном положении оставалось гораздо меньше советских руководителей, нежели в рядах партизан, откуда их приходилось «извлекать» оккупантам, с последующим использованием не только для получения соответствующих сведений в ходе допросов, но и для формирования администрации самоуправления. Так, только в ветринской полиции (Калининская область) служило не менее двух бывших партизан: начальник 1-го отдела И. Липчик и полицейский И.Г. Урский[234]. Любопытно, что в той же Калининской области нередки были случаи, когда гражданские должности в органах самоуправления занимали бывшие полицейские чины. В частности, бургомистр города Дриссы А. Козловский ранее служил начальником полиции деревни Россица, бургомистр Ветринского района Н. Копонов — начальником полоцкой полиции, волостной старшина Н. Спасибенок — полицейским в Польше[235].

Обзор кадрового состава органов местного самоуправления подтверждает мнение о наличии в числе руководителей немалого количества интеллигенции, советских и партийных работников. Так, первым бургомистром Новгорода был ученый-археолог В. Понамарев, до войны работавший научным сотрудником музея, бургомистром Пскова — учитель математики Черепенкин. Бургомистром Смоленска был назначен профессор физики и астрономии Б. Базилевский, его сменил известный в

231 *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

232 *Попов А.Ю.* Указ. соч. С. 73.

233 Там же.

234 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

235 Там же.

городе адвокат Б.Г. Меньшагин. Он приобрел популярность среди горожан ввиду того, что защищал крестьян в период коллективизации, а в ходе дела о вредительстве в животноводстве дошел до генерального прокурора А.Я. Вышинского, добившись отмены ряда смертных приговоров[236]. Заместителем бургомистра Брянска работал И.И. Плавинский, до оккупации служивший инженером дорожно-мостового отдела Брянского горсовета, финансовый и строительный отделы Брянской горуправы возглавляли члены ВКП(б) Дудкин и Мирошниченко соответственно. Отделом заготовок Брянской горуправы заведовал бывший заготовитель Брянторга С. Фабрикантов. Бургомистром Брянска Южного (один из районов Брянска) стал бывший инженер завода «Красный Профинтерн» П. Соколов, бургомистром Орджоникидзеграда — бывший учитель Герасимов[237]. Бургомистром райцентра Погар Орловской области был назначен бывший директор МТС Шлапак, а начальником полиции в том же районе — бывший секретарь поселкового совета Синицкий[238]. Бургомистром Твери (оккупанты вернули Калинину историческое название) стал бывший инженер коммунального хозяйства, офицер армии А.В. Колчака дворянин В.А. Ясинский[239], бургомистром Пятигорска — главный врач курортного санатория М. Орлов[240]. Оккупированную часть Сталинграда возглавил бывший зав. хирургическим отделением железнодорожной больницы врач Макушин[241]. Обзор списков лиц немецких пособников и формулярных дел органов НКВД дает основания утверждать, что не менее 30 % служащих аппарата самоуправления составляли советские и партийные работники. Так, из 140 «бывших немецких ставленников», взятых на учет Почепским РО НКВД Брянской области на 10 августа 1944 г., 50 человек — бывшие советские и партийные работники, 2 — крестьяне-единоличники, 13 — рабочие, 3 — безработные, 1 — официантка, 81 — рядовые колхозники[242]. Не менее интересно, что служащие аппарата самоуправления после оккупации в большинстве своем остались на ответственных должностях. В некоторых случаях заняли более высокие, нежели до войны, должности. Так, почепский учитель М.И. Полесскoв в период оккупации служил начальником паспортного стола, после освобождения Почепского района стал заведующим районным отделом народного образования. Бывшие счетоводы, писари, землемеры, служившие в оккупацию старостами, в большинстве стали председателями колхозов. А секретари сельских советов, бывшие в оккупацию волостными старшинами, в ряде случаев заняли должности председателей сельских советов[243]. Такой парадокс

236 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 92–93.

237 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–156.

238 *Абрамович И.Е.* Указ. соч. С. 122.

239 *Мангазеев И.А.* Коллаборационисты.

240 ПГО. Ф. Р-1748. Оп. 1. Д. 7. Л. 390.

241 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 98.

242 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74–75 об., 76–81.

243 Там же.

можно объяснить острой нехваткой руководящих кадров, в результате чего приходилось мириться с компрометирующим прошлым данной категории руководителей.

Однако следует отметить и другую сторону кадрового состояния органов самоуправления. Несмотря на немалое количество среди управленцев бывших советских и партийных работников, их было недостаточно для создания полновесных управленческих структур. Поэтому нередко на ответственные административные должности приходилось ставить простых рабочих и колхозников, ввиду чего кадровый состав органов местного самоуправления, хотя и отличается преобладанием советской интеллигенции, однако не менее чем на две трети копирует социальный состав той или иной местности[244].

Лица, осужденные за уголовные преступления, в аппарате органов самоуправления работали крайне редко. В этой связи часто встречающееся в советской литературе и исследованиях того периода утверждение, якобы на ответственные должности в период оккупации назначались преимущественно уголовники и маргиналы[245], не выдерживает серьезной критики.

Значительное количество в аппарате самоуправления партийных и советских работников, согласно выводам А.Ю. Попова, впоследствии нередко использовалось советскими партизанами для насаждения своей агентуры[246]. Бывший начальник Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанов в своих мемуарах указал, что в начальный период оккупации чекисты сосредотачивали свое внимание на том, чтобы парализовать деятельность низовой администрации. С этой целью старостам, старшинам и бургомистрам через партизанскую разведку передавались послания следующего содержания: «Мы не возражаем против того, что ты стал старостой, но не смей обижать советских людей, тем более семьи партизан. Кроме того, ты обязан помогать партизанам».

Если верить К.Ф. Фирсанову, многие старосты после этого действительно становились на путь сотрудничества с партизанами, саботируя мероприятия оккупантов по сбору продовольствия, оружия, отправки в Германию рабочей силы. Отказавшиеся от сотрудничества управленцы уничтожались партизанами[247]. Так, бывший председатель колхоза в деревне Дольская Трубчевского района Орловской области М. Морозов по заданию чекистов стал старостой. Уничтожив по заданию НКВД заместителя трубчевского бургомистра Павлова, М. Морозов организовал партизанский отряд и стал его командиром[248]. Бургомистром Дятьковского района Орловской области с согласия партизан стал Калашников, с помощью которого партизанам удалось выявить нескольких немецких агентов[249]. В полосе действия Калининского фронта,

---

244 ТЦДНИ, Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

245 *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

246 *Попов А. Ю* Указ. соч. С. 73.

247 *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 67–68.

248 *Слюнин В.Т.* Указ. соч. С. 91.

249 *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 68.

согласно докладу о состоянии разведывательной работы в партизанских бригадах КФ, на июнь 1943 г. агенты партизан из числа бургомистров, волостных старшин составляли довольно многочисленную группу — 47 человек, что уступало лишь количеству агентуры из числа крестьян (212 человек) и служащих германских учреждений (60 человек)[250].

Что касается полномочий органов местного самоуправления, формально им была предоставлена полная самостоятельность, фактически же они стали послушным орудием в руках немецкого командования. Так, бургомистр Пятигорска, на первый взгляд, был наделен широкими полномочиями. В частности, мог во внесудебном порядке назначать виновным наказания до трех лет тюремного заключения. Однако управлять он мог только от имени комендатуры и под ее контролем. В приказе коменданта Пятигорска от 12 августа 1942 г. говорилось: «Все распоряжения и приказы бургомистра являются обязательными для населения и будут поддерживаться авторитетом германской армии»[251]. В Таганроге бургомистр отдавал приказы от имени германского командования, если приказ исходил не от комендатуры, а от бургомистра, в нижней части приказа обязательно ставилась отметка «просмотрено ортскомендантом» или «просмотрено: городской комендант»[252]. Подобное положение, а также тотальный контроль со стороны немецких комендатур в течение всего периода оккупации сохранялись и на других территориях РСФСР[253]. Так, в городе Торопа Калининской области по всем вопросам, даже хозяйственным, горуправление обращалось за разрешением к коменданту города. В частности, просило разрешить осмотр помещения, где хранятся рыболовные снасти, отпустить со склада масло для столовой и городской больницы, разрешить вывоз кормов для скота, выделить помещение для пожарной охраны[254].

Повсеместно практиковалась отчетность нижестоящих руководителей перед вышестоящими. Высшие должностные лица в системе самоуправления — бургомистры городов и районов — отчитывались перед немецкими военными и хозяйственными комендатурами. Исключение могли составлять лишь бургомистры, заслужившие полное доверие немецких властей[255].

В то же время недостаток советских руководящих кадров вынуждал бургомистров ставить на ответственные должности в городских и районных управах лиц, не имеющих опыта руководящей работы. Это, особенно в первые недели оккупации того или иного района, приводило к нечеткой работе отделов, плохой дисциплине среди сотрудников. Так, по Калининской области отмечалась халатность в работе руководителей отделов, плохое выполнение, а то и игнорирование распоряжений

250 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11.

251 Пятигорское эхо. 1942. 18 августа.

252 Кубань в годы Великой Отечественной войны… Кн. 1. С. 460.

253 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11–11 об.

254 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–24, 35.

255 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

бургомистра, а также плохая организация работы отделов[256]. Зарегистрировано также полное игнорирование начальниками отделов распоряжений бургомистра, несмотря на неоднократные предупреждения[257]. О качестве работы должностных лиц органов местного самоуправления в тыловых районах группы армий «Центр» выразительно говорят итоги прошедшего 18 декабря 1942 г. проведенного хозяйственной инспекцией совещания, посвященного подведению итогов работы русских органов самоуправления за прошедший год. В частности, в докладе хозинспекции констатировалось невыполнение старостами и волостными старшинами своих обязанностей и содержались требования об устранении допущенных недостатков. Последние касались упорядочения вопросов уборки снега, сбора денежного налога, обеспечения школ топливом (дровами), обустройства беженцев, учета населения, обеспечения частей вермахта дровами[258]. Лишь в тех районах РСФСР, где оккупация приняла затяжной характер, работу органов самоуправления удалось наладить, несмотря на кадровый дефицит.

Помимо специфических должностных обязанностей, накладывавшихся на руководителей различных уровней, следует выделить и такую общую черту их деятельности, как осуществление учета населения, в первую очередь трудоспособного, контроль за его передвижением, что являлось одним из шагов осуществления восточной политики. Так, в городах и селах оккупированных областей первым шагом оккупантов и подчиненных им органов местного самоуправления стала перерегистрация населения, которая имела целью выявление наличия рабочей силы, национального состава населения, контингента, согласного сотрудничать с оккупантами, и партийно-советского актива. Так, в Брянске и Орле перерегистрация прошла в ноябре 1941 г. С этой целью все граждане, проживающие в городах, были обязаны явиться в городские управы с советскими паспортами. Там они заносились в книгу учета, а в паспорт ставился штамп. Лица, не имевшие советских паспортов (красноармейцы-окруженцы, отпущенные из лагерей военнопленные, беженцы, дезертиры из партизанских отрядов и РККА) получали временные удостоверения личности[259].

После перерегистрации следовала перепрописка обладателей советских паспортов и временных удостоверений личности, которой занимался паспортный стол горуправы, непосредственно подчинявшийся начальнику полиции. Прописка производилась через уличного старосту, который с домовой книгой, имеющейся в каждом доме, и паспортом прописываемого являлся в паспортный стол, где в паспорт и домовую книгу ставился соответствующий штамп. С целью полноты учета населения органы местного самоуправления применяли к проживающим без прописки лицам штрафные санкции от денежного штрафа до тюремного заключения[260]. С этой же целью в июле 1942 г. в Орле и

256 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

257 Там же. Д. 9. Л. 17.

258 ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 649. Л. 39.

259 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.

260 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 154.

Брянске органы местного самоуправления провели вторичную перерегистрацию населения, в ходе которой наряду с пропиской в паспорте или временном удостоверении, выдаваемом на один год, ставился особый штамп о политической благонадежности. Всего имелось четыре группы, причем обладатели 4-й группы считались особо неблагонадежными и были обязаны еженедельно являться в полицию для отметки.

По распоряжениям немецких комендатур органы местного самоуправления следили за национальным составом населения, при этом особое внимание уделялось учету евреев и цыган. Горуправы составляли для представления в комендатуры подробные информационные сводки о количественном, половозрастном, профессиональном составе этих групп населения[261]. Практические меры по изоляции евреев возлагались бургомистрами на начальников органов полиции, причем подобные приказы бургомистры отдавали исключительно со ссылками на распоряжения немецких комендатур[262].

В сельских населенных пунктах, жители которых не имели паспортов и каких-либо иных документов, удостоверяющих личность, перерегистрация населения проводилась путем опроса каждого[263]. К этой работе привлекались сельские старосты и волостные старшины.

Работа созданных на оккупированных территориях органов самоуправления позволила оккупантам обеспечить относительно нормальное функционирование всех отраслей хозяйства, включая промышленность, сельское хозяйство, инфраструктуру. Создание же вполне дееспособных властных структур стало возможным благодаря использованию большого количества бывших советских и партийных работников, избежавших эвакуации в советский тыл, деятельность которых дала оккупантам возможность наладить управление западными областями РСФСР. Правомерен вывод, что деятельность лиц, поступивших на службу к врагу в административной сфере, привела к тому, что оккупация России приняла затяжной характер. Так, германская армия, вторгшаяся в глубь СССР, не была вытолкнута оттуда, а получила приемлемые условия для снабжения, что обеспечивалось нормальной работой структур самоуправления, созданных из советских граждан. Однако при этом следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто занял должности в аппарате самоуправления по заданию партизан либо советского подполья, оказывая при этом помощь в борьбе с оккупантами. Что касается тех, кто вступил на путь коллаборации с немцами в сфере управления, работал в структурах самоуправления, их деятельность недопустимо упрощать до банального предательства на фоне низменных чувств и оценивать исключительно в контексте помощи врагу и работы на оккупантов. В этом отношении нельзя пройти мимо мнения доктора исторических наук, профессора М.И. Семиряги, считавшего необходимым «четко различать деятельность уголовных элементов, наносящих ущерб стране, от хозяйственной деятельности, полезной для общества и невозможной без

261 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 15.

262 Там же. Л. 10.

263 Там же. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

сотрудничества с оккупационными властями»[264]. Нельзя не признать, что, сотрудничая с оккупантами, органы местного самоуправления тем не менее, пусть на минимальном уровне, обеспечивали быт оставшегося на оккупированной территории населения. Поэтому административный коллаборационизм в сфере управления нельзя рассматривать лишь как явление, нанесшее вред интересам нашей страны. Необходимо признать, что наряду с этим коллаборационисты-управленцы исходя из функций управленческих структур занимались также жизнеобеспечением населения, помогая ему перенести тяготы оккупации.

§ 2. Образование в условиях оккупации

В период оккупации была сохранена система образования, которая в то же время подверглась изменениям по сравнению с довоенной. К таковым относится сокращение численности учебных заведений, в том числе школ, уменьшение количества изучаемых дисциплин, корректировка учебных программ, введение изучения религии.

Планы гитлеровского руководства Германии не предусматривали сохранение на территории СССР довоенной сети образовательных учреждений. Напротив, генеральный план «Ост», отправные установки которого, разработанные Г. Гиммлером, были доложены Гитлеру 25 мая 1940 г., предусматривал уничтожение всякого образования на территории СССР, за исключением начального. По замыслу Гиммлера, программа русских начальных школ должна включать «простой счет, самое большее — до 500, умение расписаться, внушение, что божественная заповедь заключается в том, чтобы повиноваться немцам, быть честным, старательным и послушным». Даже умение читать Гиммлер считал для русского населения излишним[265].

Однако практическая необходимость вынуждала оккупантов разрешить органам местного самоуправления сохранить систему образования в приемлемом для условий оккупации объеме. Выразительное объяснение этому дано в записке главного квартирмейстера группы армий «Север», подготовленной 3 мая 1943 г., в которой обобщается опыт работы с русским населением на предшествующие полтора года войны: «Поскольку трудовая повинность начинается только с 14-летнего возраста, молодые люди в городах в возрасте от 12 до 14 лет практически предоставлены самим себе, бездельничают, спекулируют или убивают время другими способами. Такое состояние является совершенно недопустимым. Оно дает возможность русским, избалованным очень дифференцированной советской школьной системой, говорить о разрушительной политике немцев в области культуры и способно создать прямую угрозу общественному порядку»[266]. Из текста записки явствует, что, сохраняя систему народного образования в своих тыловых районах, германские

---

264 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. С. 633.

265 *Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1989. С. 8.

266 Цит. по: *Хасс Г.* Германская оккупационная политика в Ленинградской области // http//vivovoco.rsl.ru

командиры преследовали две основные задачи: недопущение детской и подростковой преступности, бродяжничества, а также завоевание симпатий гражданского населения.

Система образования в ходе оккупации претерпела значительную эволюцию. При создании органов местного самоуправления в их структуру обязательно включался отдел просвещения или школьный отдел, в задачи которого входили обеспечение сохранности школьного имущества, учет педагогических кадров, поддержание порядка в учебных заведениях[267]. Однако ввиду того, что война с СССР не стала шестинедельным блицкригом, оккупантам пришлось настраиваться на долговременное сотрудничество с населением Советского Союза. Для этого были необходимы демонстрация внимания к нуждам населения, с одной стороны, а также эффективный контроль за настроениями населения, в первую очередь интеллигенции и молодежи, — с другой. Это достигалось путем воспитания советских граждан, в основном подрастающего поколения, в духе лояльности к нацистскому режиму, что осуществлялось посредством системы образования. С этой целью с весны — лета 1942 г. повсеместно началась работа по подготовке школ к учебному процессу. Данные о работе школ до этого периода практически отсутствуют.

В процессе подготовки отделами просвещения была проделана огромная работа, которая в первую очередь коснулась корректировки учебных программ. Так, в программу начального образования включалось не более семи предметов: русский язык (сюда же входили пение, рисование, чистописание), немецкий язык, арифметика, география, естествознание, рукоделие (для девочек) или труд (для мальчиков), физкультура. Почасовой объем обучения предусматривал 18 часов в неделю для учащихся 1-х классов, 21 час — для учащихся 2-х классов, 24 часа — для учащихся 3-х классов, 26 часов — для учащихся 4-х классов (приложение 1. Таблица 2)[268]. В изданном германскими властями «Предписании для учителей» содержатся конкретные требования к знаниям по тому или иному предмету, указания по их изучению. Так, в результате четырехлетнего изучения немецкого языка учащиеся должны уметь «изъясняться по-немецки в повседневной жизни», курс русского языка предусматривал овладение навыками чтения, грамматику рекомендовалось изучать «постольку, поскольку это необходимо для достижения указанной цели». В процессе обучения природоведению рекомендовалось заниматься «преимущественно теми животными, растениями и явлениями природы, с которыми детям приходится иметь дело». Курс арифметики включал: для 1-х классов — действия с числами от 1 до 10, для 2-х классов — от 10 до 100, для 3-х классов — от 100 до 1000, в 4-х классах — от 1000 до любой величины. На уроках пения позволялось «петь только русские народные и церковные песни. Пение песен политического содержания воспрещается»[269].

Наряду с корректировкой программ изымались предметы, которые отделы просвещения сочли ненужными. Так, в первой семилетней школе

---

267 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 72.

268 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 об.

269 Там же. Л. 61.

Брянска на 1942/43 учебный год было запланировано преподавание всего семи предметов: русского и немецкого языков, Закона Божьего, математики, физики, химии, географии[270]. Впоследствии в программу школ Брянского округа решили добавить еще четыре дисциплины: географию, историю, естествознание и обществоведение[271].

В ряде школ вводился новый предмет — Закон Божий, к преподаванию которого привлекались наспех подготовленные для этой цели законоучители. Однако повсеместного охвата школ этим предметом не произошло, в основном из-за нехватки соответствующих учителей, а также из-за нежелания подрывать авторитет новой власти. Так, в Клинцовском округе, включавшем десять районов, окружной бургомистр Грецкий, выступая 18 мая 1942 г. на совещании районных бургомистров, выразил недовольство по поводу широкого охвата школ преподаванием Закона Божьего. При этом пояснил: «Хотя нет возражений против преподавания этого предмета, но за отсутствием в данное время квалифицированных преподавателей предлагается по принципиальным причинам воздержаться от преподавания этой дисциплины, чтобы не создавать ложного представления об учителе, так как эти же учителя в советской школе говорили совсем другое»[272]. К концу 1942 г. удалось наладить преподавание Закона Божьего в большинстве школ. В частности, на декабрь 1942 г. из четырех школ Брянска Закон Божий не преподавался лишь в школе № 3 по причине отсутствия преподавателя. В других трех брянских школах этот предмет вели женщины, выделенные церковной администрацией. В школах № 1 и 2 Закон Божий не входил в перечень обязательных дисциплин, его посещали лишь дети, родители которых выразили такое желание[273]. В некоторых оккупированных областях преподавание Закона Божьего в светских школах началось с еще большим опозданием. Так, в школах Смоленска этот предмет был введен лишь в мае 1943 г., преподавали его священнослужители церквей города. В частности, в школе № 3, по просьбе ее директора В.Н. Гришина, Закон Божий вел настоятель Гурьевской церкви Евгений Лызлов[274]. Если верить оккупационной коллаборационистской прессе, предмет воспринимался школьниками с большим интересом, а их родители поддерживали введение Закона Божьего в школьную программу[275].

Особое отношение как у германских оккупационных властей (политического отдела), так и у отделов просвещения было к истории, как предмету идеологически нагруженному. Хотя ведущее место и отводилось истории России, однако учителям предписывалось делать основной акцент на положительные стороны европейской ориентации России. Например, при изучении колонизаторской деятельности самодержавия

---

270 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

271 Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

272 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 44 об.

273 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 81.

274 *Домбровская Е.В.* На руке Закона Божиего // Новый путь. Смоленск. 1943. 30 мая. № 42 (164).

275 Там же.

требовалось особо подчеркивать позитивные итоги переселения немецких крестьян в Россию. Необходимо было останавливаться на эпохе русского абсолютизма, истории развития крестьянства, крестьянских реформ. Обязательным разделом стало изучение истории христианства в России, его положительного влияния на все стороны политики и быта населения. Напротив, в ходе уроков, посвященных истории еврейства, от учителей требовалось не жалеть черной краски, освещая негатив, внесенный евреями в российскую историю[276].

В ходе изучения тех или иных событий от учителей истории требовалось умение дать им нужную трактовку. В частности, уметь провести параллели между «созидающей» и «разрушающей» революцией. Под первой понимался приход нацистов к власти в январе 1933 г., под второй — приход к власти большевиков в октябре 1917 г. При этом учителю вменялось в обязанность разоблачать большевизм и марксизм «как чуждые и лживые доктрины»[277].

Ввиду всего этого к историкам-предметникам предъявлялись особые требования, им необходимо было иметь «культурную зрелость и наличие знаний европейской культуры»[278]. С этой целью на различных учительских комиссиях в повестку дня включались доклады с критикой марксистских основ истории. Попутно из учебников и программ изымался весь тенденциозный материал, например восхваляющий советский строй. Однако учителей, полностью удовлетворяющих предъявляемым требованиям, остро не хватало, поэтому в ряде школ предмет истории вообще не включался в программу[279].

Обучение школьников в большинстве случаев производилось по советским учебникам, которые по указанию местных комендатур подвергались корректировке. В частности, из всех учебников, даже математических задачников, исключались неологизмы, возникшие при советской власти. Например, производилась следующая замена слов: «колхоз» — «деревня», «колхозник» — «крестьянин», «товарищ» — «гражданин», «господин», «СССР» — «Россия», «советский» — «русский» и т. д.[280] К этой работе привлекались коллаборационисты из числа школьных учителей и руководящих работников отделов просвещения городских и районных управ. Так, в Брянске накануне нового учебного года, в августе 1942 г., при школьном отделе Брянской окружной управы приступила к работе Особая комиссия по корректированию программы и пересмотру школьных учебников, созданная из городских и сельских учителей. По сообщению прессы, «на долю этой комиссии выпала большая работа по очистке программы и учебников от всякого коммунистического хлама и подбору более ценного материала»[281]. Лишь в северных областях РСФСР для русских школ

---

276 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 79.

277 Там же.

278 Там же.

279 Там же. С. 80.

280 От ЧК до ФСБ. С. 273.

281 Клич. Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

использовались изданные в Риге учебники. Тиражи были недостаточными, ввиду чего при распределении учебников по школам один учебник приходился на трех учащихся[282]. Однако ввиду недостатка новых учебников и запрета использования советских немало школ, в частности Калининской области, осуществляли лишь словесное обучение — без учебной литературы[283].

Значительное место уделялось воспитательной работе, которая в основных чертах копировала воспитательную работу, существовавшую при советской власти, изменения коснулись лишь ее идеологической направленности. Так, на оккупированной территории Калининской области обязательными стали регулярные беседы на темы «Германия — освободительница русской земли от большевистского ига», «Чтение биографии Адольфа Гитлера». В одном из планов воспитательной работы 4-го класса говорилось о необходимости «прививать навыки духовной культуры: а) повседневно следить и требовать от детей вежливого отношения к учителям, к родителям, ко всем старшим, особенно к германскому командованию, германским солдатам; б) научить молиться Богу путем активного участия на общей линейке утром и после уроков на молитве в классе; в) научить детей благоговейно относиться к иконам и церкви путем бесед в четверг на каждой неделе»[284]. Однако основная ориентация делалась на положительный пример Германии. Так, в плане воспитательной работы 5-го класса на этот счет говорилось: «В ежедневной работе с классом подчеркивать разницу в зажиточной, культурной и счастливой жизни рабочих и крестьян новой Европы и закрепощение их в советской России благодаря методам марксизма. Прививать любовь к труду, особенно к труду крестьянина, указав, что в Германии работа крестьянина почетна и трудовая повинность обязательна»[285].

Соответствующей идеологической обработке подвергался и педагогический персонал, которому вменялось, в добровольном или принудительном порядке, следовать установкам оккупационных властей и органов местного самоуправления. В изданном германскими властями «Предписании для учителей», в частности, говорится: «Учителя обязаны во всех отношениях считаться с интересами германских военных властей, нарушение этого принципа будет считаться саботажем и караться по законам военного времени»[286]. Так, в Орле учителя, лаже неработающие, были обязаны прослушать «Курс педагогической переподготовки»[287]. В Ржеве Калининской области работу школ контролировал представитель комендатуры обер-лейтенант Роланд Фрейгерт. Он надзирал за настроениями учителей, особенно преподававших идеологически нагруженные дисциплины — литературу, историю, обществоведение,

---

282 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

283 Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

284 От ЧК до ФСБ. С. 273.

285 Там же.

286 ТЦДНИ. ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61.

287 *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

географию. Проводя собрания учителей, он внушал, что «ничего коммунистического, советского не должно быть. В советской школе нет порядка. Ученики недисциплинированны, невоспитанны и безграмотны»[288]. В Брянске для учителей открылась специальная политическая школа, контролировал работу которой офицер гестапо, историк по образованию, Ферч. Штат сотрудников политшколы включал начальника, библиотекаря, лекторов, работников канцелярии — всего пять-шесть человек. Помимо привития интеллигенции нужной идеологии, школа готовила кадры пропагандистов, для чего организовывались курсы, программа которых предусматривала усвоение десяти тем соответствующей направленности: «Биография А. Гитлера», «Новая Европа», «Расы и расовая теория» и т. д.[289] Политшкола стала в некотором роде координирующим центром, ответственным за проведение мероприятий, направленных на политическую переподготовку учителей, составление учебных планов. В дальнейшем на базе политшколы планировалось открыть курсы для учителей, где бы они получали знания о Германии и национал-социализме[290]. Кроме того, использовались иные методы идеологического воздействия на учителей. Так, 26–28 сентября 1942 г. в Брянске прошла учительская конференция. В прозвучавшем на ней докладе «О задачах новой школы» инспектор окружной управы отметил, что объем знаний остается прежним, но меняется их идеологическая направленность. В ходе работы учительских предметных секций просматривались учебные программы, из них изымался идеологически неприемлемый материал. Так, из программ начальных классов изымались все коммунистические песни, в частности «Марш октябрят»[291]. Учителям же «рекомендовалось» больше знакомить учащихся с бытом германского рабочего[292]. 18 января 1943 г. начали работу десятидневные курсы для учителей, преподававших историю в школах Брянского округа[293].

Однако, несмотря на тотальный идеологический контроль, зарегистрированы случаи отклонений от предписанных нацистами постулатов. Так, в школах Брянска имело место пение «Интернационала»[294], в школах Пскова были в ходу пионерские песни, а также «Тачанка»[295]. В начальной школе деревни Лубенск Локотского округа, по свидетельству местной жительницы Т.Н. Гришаевой, учащиеся, воспользовавшись отсутствием учителя А.В. Шубина, обстреляли из рогаток и продырявили висевший в классе портрет Гитлера.

---

288 ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию / Неизвестный автор (рукопись).

289 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 82.

290 Там же. С. 77.

291 Там же. С. 75–76.

292 Там же. С. 76.

293 Там же. С. 82.

294 Там же. С. 80.

295 *Полчанинов Р.В.* Псковское содружество молодежи // Под оккупацией: Сб. статей / Под ред. Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. С. 107.

Что касается контингента коллаборационистов в сфере образования, его составляли в основном бывшие учителя, методисты, директора школ, сотрудники РОНО, которых за линией фронта осталось достаточное количество. Так, в Ржевском районе было зарегистрировано 150 учителей, из них 40 — в Ржеве. Директором открывшейся в период оккупации гимназии № 1 Ржева стал бывший директор средней школы № 8 Е.И. Гаврилов, завучем — бывший директор средней школы № 5 А.И. Милославский[296]. В Новоржевском районе Ленинградской области, население которого составляло 100 тысяч человек, в период оккупации в 55 начальных школах работало 115 учителей[297]. По Почепскому району Орловской области из 2498 рабочих и служащих 216 человек составляли учителя, то есть педагогических работников было 8,6 % от общего количества трудящихся[298]. Подавляющее большинство оставшихся за линией фронта учителей добровольно встало на путь коллаборации, по крайней мере, острого недостатка в педагогических кадрах не было. В некоторых случаях в сфере образования трудились литераторы, работники культуры. Так, Новгородский отдел народного образования возглавил писатель и поэт А. Егунов, творивший под псевдонимом Андрей Николев, автор вышедшей в 2002 г. книги «Елисейские радости»[299].

В то же время немало педагогических работников, за недостатком рабочих мест в системе образования, было вынуждено устраиваться на ответственные должности в органы местного самоуправления или немецкие комендатуры. Так, в Красногородском районе Калининской области начальником паспортного стола районной управы служила педагог-орденоносец М.В. Виталева, заведовала женским отделом районной биржи труда педагог, комсомолка В.С. Карузина[300]. Они же являлись оплачиваемыми немецкими агентами[301]. Учитель М.И. Полесскков в оккупацию заведовал паспортным столом Хомутовского района Курской области, педагог И.Е. Трощановский работал секретарем заместителя бургомистра Почепского района Орловской области[302]. Однако основную массу неработающих учителей использовали на физических работах: по строительству дорог, на лесоразработках, на разгрузке вагонов и т. д.[303] Иногда работающие, но свободные от занятий учителя, например в дни каникул, также могли быть использованы на

296 ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

297 Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

298 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 18.

299 А. Егунов родился в дворянской семье, был связан с поэтом А. Блоком. Первое произведение — авторизованный перевод «Законов» Платона. В 1933 г. арестован за участие в работе неофициального молодежного литературного кружка «Осьминог», отбыл три года ссылки в Западной Сибири. После войны осужден на десять лет лагерей за сотрудничество с оккупантами, после освобождения работал в Ленинграде в Пушкинском Доме.

300 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 641. Л. 98.

301 Там же.

302 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 74.

303 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

физических работах по распоряжению бургомистров и волостных старшин[304]. Учителя, неспособные к физическому труду, нередко были вынуждены нищенствовать, побираясь по деревням[305].

Материальный уровень вставших на путь коллаборации педагогов на протяжении всего периода оккупации оставался крайне низким. В частности, зарплата учителей школ Калининской области составляла в среднем 300 рублей в месяц. Кроме того, калининские педагоги получали по 200 г хлеба в день[306]. Учителя школ Брянска — 400 рублей в месяц, а также 150–200 г хлеба в день плюс 100 г на иждивенца[307]. Иногда один раз в месяц учитель получал 100 г соли и 200 г маргарина[308]. Предусматривались и различные денежные надбавки: за проверку тетрадей — 10 рублей, за классное руководство — 30 рублей, директорам семилетних школ — 15 % от ставки, начальных — 10 %[309]. Для учителей со стажем более 25 лет предусматривалась 50 %-ная надбавка. Между тем зарегистрированы случаи, когда районные бургомистры превратно истолковывали это положение, разъясняя заслуженным педагогам, что педагогический стаж, выработанный в советской школе, не в счет — 25 лет надо проработать при «новой власти»[310]. После вмешательства отделов просвещения недоразумения, как правило, устранялись. По сообщению начальника отдела просвещения Клинцовского округа Водункова, сделанному на окружном собрании бургомистров 19 октября 1942 г., нередки случаи, когда учителям, проболевшим три-четыре месяца, местные органы самоуправления отказывались выплачивать пособие[311].

Таким образом, педагоги, согласившиеся работать для «новой власти», являлись одной из самых низкооплачиваемых категорий коллаборационистов — их оклады уступали даже окладам мелких служащих и неквалифицированных рабочих.

Что касается количества школ, оно повсеместно сократилось в результате разрушения школьных зданий в ходе военных действий и их использования не по назначению. Так, по воспоминаниям бывших ржевских Школьников, после оккупации Ржева в городе открылось 2 гимназии и 4 народные (начальные) школы, тогда как до войны по городу действовало не менее 8 школ. В ряде местностей, например в Орле, в Новоржевском, Псковском районах Ленинградской области, действовали лишь начальные школы[312]. Причем их количество, равно как и количество

---

304 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 113.

305 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

306 Там же.

307 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 82.

308 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 136. Л. 11.

309 ЦНИБО. Ф. 1762. Оп. 1. Д. 14. Л. 118.

310 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

311 Там же.

312 *Верт А.* Указ. соч. С. 502; *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 104; Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

учащихся, в ряде мест резко сократилось. В частности, согласно партизанскому докладу «Об итогах развития партизанского движения» от 1 августа 1943 г., в оккупированных районах Калининской, Ленинградской, Смоленской областей до войны в пределах территории одного сельсовета имелось 5–7 начальных школ с общим числом учащихся до 500 человек. В период оккупации в пределах каждой волости действовало по одной начальной школе с количеством учащихся 20–30 человек[313]. Так, согласно тому же докладу, в Невеле до войны действовали педучилище, медтехникум, 4 средние школы, школа механизации и сельскохозяйственных кадров. В период оккупации в Невеле работала лишь одна начальная школа[314]. В Себежском районе Калининской области до войны действовало 5 средних, не менее 7 неполных средних и 12 начальных школ, зоотехникум, ветеринарная школа, в которых обучалось около 7000 человек. В период оккупации в районе сохранились лишь две начальные школы, которые посещало 190 учащихся[315]. В Опочецком районе сохранилось 30 % довоенных школ[316].

Лишь в немногих местностях сохранность системы школьного образования выглядела относительно благополучно. В частности, на территории Понуровского района Клинцовского округа (Орловская область) на ноябрь 1942 г. действовало 49 школ, из них средних — 8, неполных средних — 13, начальных — 28. В них работало 226 учителей, школьным образованием было охвачено 6354 учащихся, постоянно посещали школы 4650 учащихся[317]. При этом население района составляло 34 743 человека, из них детей — 12 062 человека[318]. Если предположить, что около половины этого количества составляли дети дошкольного (до 7 лет) и послешкольного (старше 14 и 16 лет) возраста, то охват детей школьным обучением был практически 100 %-ным. На территории восьми районов Локотского округа, население которого составляло 581 тысячу человек, действовало 345 школ, из них 10 средних, в которых обучалось 43 422 учащихся, учебный процесс осуществляли 1338 учителей[319]. Только по Навлинскому району, включавшему 6 волостей, на ноябрь 1942 г. действовало 22 школы, из них одна средняя[320]. В неполной средней школе № 1 Брянска обучалось 600 учащихся, распределенных по 15 классам[321]. По Мглинскому району Орловской области на август 1942 г. на 60 тысяч человек населения действовало 24

---

313 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 61 об.

314 Там же. Л. 60 об.

315 Там же. Д. 22. Л. 45 об.

316 Там же. Д. 15. Л. 222 об.

317 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 248 об.

318 Там же. Л. 42.

319 Голос народа. 1942. 5 ноября. № 28.

320 Голос народа. 1942. 15 ноября. № 30.

321 Речь. 1942. 13 июня.

школы, вскоре их количество было доведено до 50[322]. В Стародубском районе на ноябрь 1942 г. работало 70 школ, с педагогическим персоналом проблем не было[323].

В некоторых местностях, например в Смоленском районе, недостаток школьных зданий покрывался созданием «школ на воздухе», в которых занятия проводились под открытым небом, причем летние каникулы, в связи с необходимостью использования теплого времени года, отменялись[324].

Финансирование работы школ осуществлялось из бюджетов соответствующих органов местного самоуправления — городских и волостных управ. С этой целью население облагалось соответствующим налогом. Кроме того, с родителей, допускающих пропуски их детьми школьных занятий без уважительных причин, взимались штрафы. Их размер в различных местностях колебался от 100 рублей (Калининская область)[325] до 500 рублей (Локотской округ)[326]. К таким мерам местные власти подталкивала низкая посещаемость школ, срывы занятий по этой причине. Так, в начале декабря 1942 г. обер-бургомистр Локотского округа Б.В. Каминский констатировал, что бургомистры, волостные старшины и старосты не уделяют сфере образования должного внимания, в результате занятия, особенно в 5–7-х классах, срываются. В соответствии с приказом № 36 от 12 декабря 1942 г. только по Брасовской волости было оштрафовано 45 семей на 500 рублей каждая. Одновременно предписывалось привлекать к уголовной ответственности родителей, которые и после уплаты штрафов будут препятствовать детям посещать школы. Такое же наказание грозило руководящим работникам и директорам школ, допустившим срыв учебных занятий[327]. В соответствии с приказом Кудеверьской районной управы (Калининская область) от 1 октября 1942 г., детей, склонных к пропускам занятий, в школы доставляла полиция в принудительном порядке[328]. Одним из источников финансирования являлось введение в ряде школ платы за обучение. Так, в школах Брянска за обучение одного ребенка взималось 60 рублей, за второго и последующих родители доплачивали еще 30 рублей[329]. Платное обучение сохранялось и в ряде оккупированных районов Калининской области, в частности в Ржевском. Причем в случае закрытия школы внесенная плата не возвращалась[330].

---

322 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 78.

323 Там же. Д. 21. Л. 33.

324 Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 26 июля. № 29 (51).

325 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

326 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74–75.

327 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 24; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 74–75.

328 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

329 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

330 ЛАЕ. Культура и просвещение в оккупацию.

Одной из характерных черт народного образования была его нестабильность. Так, в ряде школ занятия постоянно приостанавливались, иногда на несколько месяцев. Так, открытая в Ржеве гимназия № 1 проработала всего три дня — с 1 по 3 декабря 1941 г., одна из четырех народных (начальных) школ была через несколько дней закрыта из-за плохой посещаемости[331]. Школа № 1 Брянска, открытая 13 июня 1942 г., в августе того же года приостановила свою работу, школа № 2, занятия в которой начались 30 июня 1942 г., также приостановила работу в августе[332]. Подобное положение складывалось в оккупированных районах Калининской области, где занятия в школах то и дело прерывались[333].

Наряду со светским школьным образованием, находящимся в ведении органов местного самоуправления, определенное развитие получила система школьного образования, созданная православной церковью. Это касалось не только создания церковных общеобразовательных школ, но и преподавания в светских учебных заведениях религиозных дисциплин не школьными учителями, а священнослужителями. Наиболее характерны в этом отношении мероприятия, проводившиеся на территории, контролируемой Псковской православной миссией под управлением экзарха, митрополита Сергия (Воскресенского). Так, в течение 1942 г. при псковской церкви Преподобного Варлаама Хутынского действовала организованная священником Константином Шаховским общеобразовательная (вероятно, начальная) школа. В ней обучалось 80 учащихся. В Пушкиногорском районе 17 начальных школ организовал священник Владимир Толстоухов, в Красногородском районе действовало 15 начальных школ, курировал которые священник-миссионер Федор Ягодкин[334]. По распоряжению управления миссии, изданному по инициативе немецкой оккупационной администрации, настоятелям храмов вменялось в обязанность, организуя церковные школы, проводить обучение не только религиозным, но и светским дисциплинам: «Обучать сверх всего детей… правильному разумению церковных обрядов, чтению, письму и др. предметам, полезным в общежитии»[335]. Любопытно, что взимание платы за обучение в школах, находящихся под юрисдикцией церкви, строго запрещалось, что открывало для детей широкие возможности для получения школьного образования[336].

В 1942 г. Закон Божий как обязательный предмет был введен, в частности, в Псковской художественной школе, его преподавал священник-миссионер Георгий Бенигсен[337]. В этом учебном заведении

---

331 Там же.

332 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 73.

333 ТЦДНИ. Ф. 479, Оп. Д. 16. Л. 105.

334 *Неподкосов С.* Второе крещение Руси. Деятельность Православной Миссии на оккупированной территории Северо-запада России (1941–1944 гг.) // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 36.

335 ГАПО. Ф. 1633. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.

336 Там же.

337 *Неподкосов С.* Указ. соч. С. 36.

насчитывалось на 1942 г. 60 учащихся в возрасте от 17 до 22 лет. В конце 1942 г. школа закрылась ввиду того, что лица старше 12 лет, включая учащихся, были обязаны нести трудовую повинность[338].

Помимо школьного образования, в период оккупации предпринимались попытки создания системы профессионального образования.

Оно было ориентировано в основном на подготовку специалистов рабочих профессий и лишь в незначительной степени — интеллигенции. Характерной чертой деятельности профессиональных учебных заведений стало максимальное сокращение теоретического курса, большой объем практического обучения, в процессе которого учащиеся фактически использовались в качестве рабочей силы. Так, на территории Орловской области в период оккупации действовало пять средних профессиональных учебных заведений: Севское педагогическое училище, Унечское ремесленное училище, Севское ремесленное училище, Понуровская ремесленная школа[339], краткосрочные курсы по подготовке агрономов. Открывшееся в 1942 г. Унечское ремесленное училище готовило столяров, плотников, бондарей, токарей по дереву. При трехгодичном сроке обучения лишь первый курс был запланирован для изучения теоретических дисциплин, после чего учащимся присваивали разряды и направляли на деревообрабатывающие предприятия для прохождения практики[340]. Подобной направленностью отличался процесс обучения в Севском ремесленном училище, курс обучения в котором был рассчитан на два года. 70 учащихся, распределенных по трем слесарным группам, занимались в основном практической работой — изготовлением слесарных инструментов[341]. Севское педучилище готовило лишь кадры учителей для начальных школ[342].

В тыловых районах группы армий «Север» была предпринята попытка соединить среднее школьное образование с профессиональным. Один из нормативных документов германского командования — записка «Расширение школьной системы», подписанная 30 июня 1943 г. начальником Генштаба группы армий «Север» генерал-лейтенантом Э. Кинцелем, направленная командованию 16-й и 18-я армий и командующему тыловым районом, указывает на недостаточность образования в объеме четырехклассной школы. Тут же обосновывается необходимость создания наряду с начальными средних школ со сроком обучения два-три года с введением в программу профессиональной подготовки, рассчитанной на один-три года. Составитель обосновывает причины такого решения, указывая на необходимость профессионального образования «в интересах достаточной предварительной профессиональной подготовки подрастающего поколения, а также исходя

---

338 Там же.

339 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 260.

340 Там же. Д. 2. Л. 192.

341 Севский листок. 1942. 14 октября. № 8.

342 *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

из общих политических соображений»[343]. В приложенной к документу записке того же Э. Кинцеля, датированной 14 августа 1943 г., говорится о создании комиссии из восьми русских учителей, на которых возлагалась обязанность подготовки программ средних школ[344]. Однако введение в действие профессионального образования в составе среднего не осуществилось ввиду окончания периода оккупации северной территории РСФСР.

Что касается высшего профессионального образования, оно на оккупированных территориях РСФСР так и не возродилось — ни одно из высших учебных заведений не возобновило свою работу в период оккупации. В лучшем случае на базе вузов создавались курсы по подготовке специалистов, в основном сельскохозяйственного и промышленного профиля. Так, на базе Смоленского сельскохозяйственного института открылись курсы агрономов. Лекции читали как избежавшие эвакуации профессора и доценты сельхозинститута, так и посещавшие Смоленск специалисты из Германии. Первый набор слушателей прошел двухмесячный срок обучения (с ноября 1942 г. по январь 1943 г.), затем срок обучения сократили до одной недели. В ходе обучения курсантам читали лекции о порядке землепользования, о климате и почве, о новых мероприятиях по увеличению урожайности, о задачах сельскохозяйственных управлений[345]. Подобной реорганизации подверглись и другие вузы на оккупированной территории РСФСР, поэтому применяемый по отношению к ним в коллаборационистской печати термин «институт»[346] ни в коем случае не отражал действительного состояния этих учебных заведений.

Таким образом, система образования в условиях оккупации прошла эволюцию от надзора за сохранностью школьных и иных учебных помещений до активного использования образовательной сферы в интересах нацистской пропаганды. Политика оккупантов была направлена не просто на искоренение из школы коммунистической идеологии, она преследовала цель установления эффективного контроля за настроениями части населения, воспитания подрастающего поколения в соответствии с догмами национал-социализма. Необходимо отметить некоторые особенности образовательной политики. Так, наибольший охват подрастающего поколения был осуществлен начальным образованием, в наименьшей степени — основным и лишь в незначительной степени — средним. Однако нестабильность учебного процесса зачастую лишала подрастающее поколение возможности получения даже начального образования. Что касается профессионального образования, оно было направлено почти исключительно на подготовку рабочих кадров. Ввиду этого потенциал интеллигенции был лишен возможности воспроизводства, следовательно, был обречен на постепенное вымирание, что в полной мере соответствовало планам гитлеровского руководства относительно

343 *Хасс Г.* Указ. соч.

344 Там же.

345 Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

346 См., напр.: Дмитровская газета. 1942. 1 1 ноября.

будущего народов СССР. Однако необходимо признать и тот очевидный факт, что, несмотря на различные перекосы, насыщенность нацистской идеологией и нестабильность, школьное образование в период оккупации как таковое было доступным, а школьные программы обеспечивали получение детьми необходимого минимума знаний. Поэтому коллаборационизм в области образования нельзя назвать однозначно вредным, так как меры, приведшие к деформации образовательной системы, были вынужденными и стали, по сути, необходимым условием продолжения функционирования школ и иных учебных заведений за линией фронта.

§ 3. Здравоохранение и социальное обеспечение

Здравоохранение и социальное обеспечение в условиях оккупации РСФСР стали теми отраслями инфраструктуры, налаживание и обеспечение должного функционирования которых стало следствием осознания оккупантами того, что война с СССР не стала шестинедельным блицкригом. В условиях затяжной войны немецкое командование было поставлено перед необходимостью обеспечения жизненного уровня населения, восстановления существовавшей до оккупации сети учреждений здравоохранения и социального обеспечения.

В структуру городских и районных управ в обязательном порядке входили отделы здравоохранения, иногда в структуру отделов здравоохранения входили ветеринарные подотделы[347]. Первоначально в их функции входили сохранность больничных зданий, медицинского оборудования, учет кадров медицинских работников. С первой половины 1942 г., после перехода войны и оккупации в долговременную фазу, началось восстановление лечебно-профилактических учреждений по довоенному принципу. Эта задача была возложена на соответствующие органы местного самоуправления, в частности входящие в их структуру отделы здравоохранения. Однако это наталкивалось на значительные затруднения по той причине, что медицинский персонал был в большинстве эвакуирован, на оккупированной территории осталось незначительное количество врачей и средних медработников, в большинстве случаев были вывезены оборудование и медикаменты. Так, из 2627 рабочих и служащих по Почепскому району Орловской области зарегистрированы 1 врач, 14 фельдшеров, 6 акушеров, 2 медсестры[348], по Понуровскому району — 5 врачей, 12 фельдшеров, а также 6 ветеринарных фельдшеров, распределенных по трем ветучасткам[349]. По Торопецкому району Калининской области на 36 624 человека населения, зарегистрированных на начало 1942 г.[350], приходились 3 врача, 2 медсестры, 1 фельдшер[351]. Даже на территории Локотского автономного округа, отличавшегося более отлаженной инфраструктурой, работали 51

347 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. л. 16 об.

348 Там же. Л. 15.

349 Там же. Д. 15. Л. 143.

350 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 12. Л. 5.

351 Там же. Д. 1. Л. 1 об.

врач и 179 мед сестер[352]. То есть один специалист с высшим медицинским образованием приходился более чем на 11 тысяч человек населения округа.

Преодолеть кадровый дефицит не удалось в течение всего периода оккупации. Так, в докладе «Об итогах развития партизанского движения, борьбы партизан с немецкими оккупантами и положении в оккупированных районах Калининской области» от 1 августа 1943 г. констатировалось отсутствие должного количества врачебного персонала. В частности, в каждой больнице работало 2–3 врача[353]. По штату же на одну больницу или амбулаторию было положено не менее 4 врачей (хирург, терапевт, гинеколог, стоматолог), 8 медсестер, 1 аптекарь[354]. Подобное положение складывалось на других территориях. Так, штат считавшейся одной из образцовых Навлинской районной больницы (Локотской округ) на март 1943 г. включал 2 врачей и 6 медсестер[355].

Интересно, что при столь ощутимой нехватке медицинских работников врачи, в отличие от других гражданских коллаборационистов, имели в ряде случаев неоправданно короткий рабочий день. Так, приказ № 87 от 16 июня 1943 г. Клинцовского окружного управления устанавливал для врачебного персонала следующую продолжительность рабочего дня: для врачей больниц, врачебных медучастков и лабораторий — 6 часов, для врачей поликлиник и амбулаторий — 5 часов, для врачей, оказывающих помощь на дому, — 7 часов[356]. При таком положении неудивительно, что в последние месяцы оккупации того или иного района немало беженцев пыталось выдать себя за врачей, желая устроиться на работу в медицинские учреждения. Отсутствие на руках дипломов эти лица объясняли их утратой в условиях эвакуации. В связи с этим в пределах округов создавались комиссии, в задачи которых входила проверка квалификации лиц, заявлявших себя медицинскими специалистами. Комиссия могла дать разрешение заниматься врачебной или иной медицинской деятельностью[357]. Иногда медицинские работники, не соответствующие занимаемым должностям, по всей видимости, ввиду отсутствия специального образования, допускались к работе по разрешениям горуправ, при этом исполняли свои обязанности только под контролем врачебного персонала[358].

Медицинская помощь была платной. Согласно действовавшему в тыловых районах группы армий «Центр» «Постановлению о введении платы за медицинскую помощь, оказываемую врачами», в сельской местности взималось 5 рублей за однократное посещение врача, оказание

---

352 *Ермолов И. Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 76.

353 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

354 Там же. Л. 61 об.

355 Речь. 1943. 26 марта.

356 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 56.

357 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 68.

358 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

помощи фельдшером стоило 3 рубля[359]. Плата за стационарное лечение составляла 20 рублей в сутки, сюда же входило питание[360]. Однако при этом отделами здравоохранения часто констатировалось неудовлетворительное питание больных[361]. Правомерно предположить, что связано это со снабжением больниц по остаточному принципу. Любопытна в этом отношении переписка бургомистра города Торопец и Торопецкого района Калининской области Николаева с немецкой комендатурой. Так, в одном из писем бургомистр просит коменданта отпустить для питания больных льняное масло и какие-либо продукты, так как у больницы нет ничего, кроме ржаной муки[362]. В другом обращении на имя заведующего отделом снабжения немецких воинских частей бургомистр Николаев пишет: «На снабжении Горуправления состоят больница и столовая для беженцев. Они получали ранее мясные отходы от убоя скота на бойне при военном городке. Несколько дней уже мясных отходов не получаем. Горуправление в критическом положении, будет вынуждено закрыть столовую и прекратить прием больных на излечение в больницу»[363].

В ряде тыловых районов группы армий «Север» не было единой системы оплаты. Так, в Кудеверьском районе Калининской области прием у врача стоил 3 рубля, у фельдшера — 2 рубля[364]. В иных районах плата за прием у врача достигала 10 рублей, вызов врача на дом колебался от 20 до 30 рублей, стационарное лечение обходилось в 20 рублей за один койко-день, сюда не входила плата за медикаменты и питание — больные питались своими продуктами, пользовались своим постельным бельем, плата за комиссию составляла 15 рублей[365]. Плата за медицинскую помощь вносилась в то волостное управление, при котором служил врач или на территории которого находилось медицинское учреждение. Получив плату, волуправление выписывало крестьянину лечебный листок, который представлялся врачу или фельдшеру. Лечебный листок был действителен 3 месяца и лишь для лечения какой-либо одной болезни. Если по истечении этого срока болезнь продолжалась или пациент заболевал другой болезнью, следовало оформить новый лечебный листок. Врач или фельдшер в обязательном порядке вносили в лечебный листок, помимо сведений о больном, данные о характере и продолжительности болезни. Лечебные листки являлись документами строгой отчетности, в конце каждого месяца они собирались и возвращались в соответствующее волуправление. Оказание медицинской помощи без лечебного листка наказывалось штрафом до 100 рублей[366].

359 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

360 Там же. Д. 21. Л. 36.

361 Там же.

362 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 35.

363 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 46.

364 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

365 Там же. Оп. 2. Д. 16. Л. 62; Д. 22. Л. 46 об.-47.

366 Там же. Д. 17. Л. 1.

Исключение составляли случаи оказания экстренной медицинской помощи, например при травмах. В этом случае лечебный листок выписывался и представлялся после прохождения курса лечения[367]. Медикаменты, как для амбулаторных, так и для стационарных больных, отпускались за дополнительную плату. Один порошок стоил 1 рубль, микстура несложная — 8 рублей, микстура сложная — 12 рублей, растирки и примочки — 12 рублей[368]. По свидетельству жительницы Брасовского района Орловской области Т.Н. Гришаевой, цены, установленные в Сусловской волостной больнице, не были обременительны для сельчан, имели скорее символическое значение. В то же время ряд медицинских услуг был труднодоступен для трудящихся, не имевших доходов от приусадебного хозяйства и живших только на зарплату. Интересное заявление подала на имя инспектора в отдел просвещения Брянской горуправы учительница школы № 2: «Я занимаюсь с первым классом. При обучении детей письму и чтению выделение звуков имеет очень серьезное значение. У меня же, благодаря отсутствию переднего зуба, звуки при выделении их получаются неправильными, что плохо отражается на деле. Прошу Вашего ходатайства перед германскими властями, чтобы мне вставили передний зуб»[369].

Полностью от платы за медицинскую помощь, в том числе за медикаменты, освобождались бойцы и командиры РОА, служащие органов местного самоуправления, работники полиции[370]. Лечебные листки выписывались бесплатно также лицам, признанным соответствующим волостным старшиной неимущими, а также находящимся на социальном обеспечении[371]. На территории Калининской области при несчастных случаях на производстве оплата лечения по ходатайству руководителя соответствующего предприятия могла быть отнесена на счет управы, в непосредственном подчинении которой находилось данное предприятие[372]. Однако данная система оплаты лечения касалась, очевидно, лишь работников муниципальных предприятий. На территории некоторых округов Центральной России по указанию начальников окружных отделов здравоохранения районные бургомистры могли освободить от оплаты лечения малоимущих[373].

Ввиду резкого сокращения числа медицинских учреждений медпомощь в период оккупации была доступна далеко не каждому. Так, в партизанском донесении в Калининский обком ВКП(б), составленном в августе 1943 г., в качестве примера приводится Себежский район, в котором до войны действовало 7 больниц, 17 фельдшерско-акушерских пунктов, 4 роддома. На протяжении оккупации работали лишь больница

---

367 Там же.

368 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

369 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 41. Л. 313.

370 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62, Д. 22. Л. 46 об.

371 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

372 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

373 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 36.

стационарного типа и амбулатория в городе Себеж[374]. Согласно той же докладной записке, 91 % населения района был лишен возможности получения медпомощи ввиду того, что поездка в город населения, проживающего в деревнях далее 5–7 км от райцентра, влекла опасность ареста по подозрению в связях с партизанами[375]. Это же косвенно подтверждается относительно небольшим количеством больных, принимаемых ежедневно. Так, по Торопецкому району Калининской области, согласно сохранившимся данным, в течение ноября 1941 г. районной больницей принималось от 12 до 15 человек ежедневно, врачебной амбулаторией — 19–35 человек[376].

Подобное ограничение свободы передвижения сохранялось повсеместно. Кроме того, запрещался выход медработников за пределы райцентров[377]. Вместе с тем горуправы в некоторых случаях пытались разрешить данную проблему, подавая в комендатуры ходатайства о разрешении медработникам круглосуточного хождения по городу для оказания помощи больным[378]. Однако подобные просьбы, как правило, не удовлетворялись.

Сокращение численности лечебных учреждений также наблюдалось повсеместно. Обычным было положение, когда в пределах района работал один стационар и один-два фельдшерско-акушерских пункта[379]. Лишь некоторые районы составляли исключение, пополнившись за период оккупации врачебным персоналом. Так, в Торопецком районе Калининской области в течение первых трех месяцев оккупации, к концу 1941 г., помимо районной больницы, открылось шесть сельских медпунктов, причем двумя из них заведовали врачи с высшим образованием, одним — медсестра, тремя — фельдшеры[380]. Врачебный персонал района на начало оккупации (сентябрь 1941 г.) составлял три врача, однако в течение нескольких месяцев вырос до семи врачей, включив дополнительно санитарного врача при горуправе[381], врача-стоматолога[382] и двух врачей общего профиля, назначенных заведующими сельскими медпунктами[383].

Хранить у себя какие-либо медикаменты, не выписанные врачом, равно как и оказывать медицинскую помощь лицам, не работающим по медицинским специальностям, запрещалось. К виновным принимались

---

374 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 46 об.

375 Там же. Л. 47.

376 ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

377 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 62.

378 ГАТО. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

379 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

380 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 30.

381 Там же. Л. 10.

382 Там же. Л. 32 об.

383 Там же. Л. 30.

репрессивные меры, вплоть до расстрела[384].

Правомерно предположить, что введение лечебных листков, строгий учет медикаментов, в том числе запрет их хранения и произвольного использования, ограничение свободы передвижения медработников служили не только дополнительным средством учета трудоспособного населения, предупреждения симуляции, а также помогали борьбе с партизанским движением, исключая оказание помощи раненым и больным партизанам.

Местами система здравоохранения страдала от необдуманных действий партизан, рассматривавших работу лечебных учреждений как сотрудничество с оккупантами. Так, согласно отчету бургомистра Мглинского района Клинцовского округа Летяго на окружном совещании бургомистров 16 ноября 1942 г., из трех больниц района партизанами было разгромлено две, спасшийся медперсонал был трудоустроен в сохранившейся больнице Мглина[385].

Помимо сокращения численности лечебных учреждений одной из основных проблем здравоохранения периода оккупации был недостаток медикаментов. Больницы и амбулатории получали лекарственные препараты из немецких госпиталей в ограниченном количестве. Ввиду этого больному выдавалось на руки, например, не более шести порошков[386]. В тех местностях, где влияние германских властей было ограничено, например на территории Локотского округа, больницы и амбулатории использовали довоенные запасы медикаментов, часто с истекшим сроком годности[387]. Ввиду этого медицинские учреждения повсеместно пытались компенсировать нехватку медикаментов более широким применением отваров и настоев из лечебных трав. К их сбору привлекались школьники. В школах Брянска за качественный сбор лекарственных трав школьники, что удивительно, получали вознаграждение не только деньгами, но и водкой и табаком[388].

Подобные ограничения в смысле получения медицинской помощи и недостатки сферы здравоохранения порой приводили к большой смертности. В частности, согласно сохранившимся данным по трем оккупированным районам Калининской области, по Погорельскому району за период с 11 октября 1941 г. по 6 августа 1942 г. от болезней умерло 239 человек[389], по Тургиновскому району в течение 2,5 месяца оккупации — 72 человека[390], по Емельяновскому району за 68 дней оккупации — 85 человек[391]. Из инфекционных заболеваний наиболее

---

384 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 11 об.

385 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

386 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33, Л. 36, Д. 637. Л. 11–11 об.

387 *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 77.

388 *Черняков Д.И.* Указ соч. С. 84.

389 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.

390 Там же. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 18. Л. 26.

391 Там же. Д. 10. Л. 9.

часто проявлялся сыпной тиф, как следствие антисанитарии и недостаточного питания населения. Ввиду недостатка медикаментов основным средством борьбы с тифом было установление карантина[392].

Финансирование деятельности медицинских учреждений осуществлялось за счет бюджетов волостных, районных (уездных) и городских управ. С этой целью население облагалось двумя видами налогов: денежным и натуральным (продуктовым). Последний шел на обеспечение питания больных в стационарах[393]. Интересно, что в ряде районов расходы органов местного самоуправления на здравоохранение были самыми низкими. Так, сохранившийся бюджет Торопецкого района на первый квартал 1942 г. составил 1686 тысяч рублей, содержал шесть статей расходов. Из этой суммы на нужды здравоохранения выделялось всего 24 600 рублей, тогда как на другие отрасли — в десятки раз больше: лесное хозяйство — 823 тысячи рублей, финансовое управление — 385 500 рублей, школы и культурные заведения — 234 300 рублей, общее управление — 126 700 рублей, строительство дорог — 91 400 рублей[394].

Помимо лечебной работы на отделы здравоохранения возлагалось проведение санитарно-профилактических мероприятий. К ним относилось плановое обследование отдельных групп населения на предмет выявления болезней и проверки профпригодности, проведение различных инструктажей. В частности, в феврале 1943 г. было проведено медицинское обследование школ № 1, № 2, № 3 Брянска, врачом проведен инструктаж классных санитаров, прочитана лекция о личной гигиене[395]. В период отправки населения РСФСР на работу в Германию врач и-коллаборационисты проводили первичные обследования состояния здоровья отъезжающих. Хотя в архивных фондах отсутствуют исчерпывающие сведения об этом роде деятельности вставших на путь коллаборации медиков, она, по свидетельству лиц, переживших оккупацию, имела место.

Особое отношение у оккупантов было к такой отрасли медицины, как психиатрия. С точки зрения национал-социалистов, умалишенным не только не место среди нормальных людей, но они вообще не имели права на жизнь. В число «неполноценных элементов», подлежащих эвтаназии, помимо психически больных и умственно отсталых, входили лица, страдающие от врожденных дефектов, инвалиды и болеющие более пяти лет. Следовательно, психиатрия, как отрасль медицины, считалась ненужной.

Практически воплощая эту теорию в Орле, немцы приказали персоналу Орловской психиатрической больницы, расположенной в 7 км от города в селе Кишкинка, освободить больничные здания. Понимая, что это было предвестником ликвидации больничного контингента, медработники обратились к больным, способным соображать: «Если вы хотите, можете идти к своим родным, близким. Спешите, спешите, скорее»[396]. Больных, полностью лишенных здравого рассудка и не

392 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 51 об.

393 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 57.

394 ГАБО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

395 *Черняков Д.И.* Указ. соч. С. 83.

396 *Амиргулова В.И.* Указ. соч. С. 98.

сумевших поэтому покинуть больницу, немцы заталкивали в машины, везли к деревне Некрасовка, где расстреливали, а трупы сбрасывали в свежевырытую яму. В 1943 г. после освобождения Орловской области из ямы за деревней Некрасовка извлекли 72 трупа в больничной одежде с клеймом «Орловская психбольница»[397].

Подверглись уничтожению и пациенты других психиатрических больниц. Так, к приходу оккупантов в Курской психбольнице содержалось 1500 больных. Немецкий комендант Флях и старший гарнизонный врач Керн вызвали врачей этой больницы Краснопольского и Сухарева, приказав немедленно начать умерщвление пациентов. Оставить в живых было разрешено 200–250 больных (очевидно, сохранивших здравый рассудок), которые подлежали стерилизации. Этот же приказ был продублирован заведующим отделом здравоохранения Курской горуправы Кононовым[398].

Став директором психбольницы, Краснопольский распорядился не отапливать палаты, в результате больные, неспособные себя обслуживать, замерзали, прекратился и отпуск продуктов питания. От голода и холода умерло 400 больных. 600–650 больных были отравлены ставшими на путь коллаборации врачами Сухаревым, Нестеровой, Котович. Психически больным давалась усиленная доза опия или хлоралгидрата в 70 %-ной концентрации[399].

Подобным образом не без помощи врачей-коллаборационистов осенью 1941 г. умерщвлялись пациенты психбольницы № 1 им. Литвинова в поселке Бурашево Калининской области — около 800 человек, в психбольнице им. Кащенко в Гатчине Ленинградской области — около 900 человек, в том числе около 100 женщин. В октябре 1942 г. подвергнуты эвтаназии 210 детей с физическими и психическими отклонениями в санатории Ейска[400].

Вывоз трудоспособного населения на работу в Германию также не обходился без участия врачей-коллаборационистов, проводивших первичное медицинское обследование кандидатов на отправку в рейх.

В период оккупации получила определенное развитие система социального обеспечения, деятельность которой также обеспечивалась коллаборационистами, ставшими на путь сотрудничества с оккупантами. Первоначально задачи по решению социальных проблем населения возлагались на должностных лиц сельской администрации — старост, волостных старшин. Так, инструкция, определявшая круг обязанностей указанных должностных лиц, предписывала обеспечивать жителей, потерявших работоспособность в борьбе с партизанами, помимо наград и врачебной помощи, постоянным денежным пособием из фондов сельских общин. Пособие назначалось пожизненно, а в случае смерти обеспечиваемого подлежало выплате его наследникам. Кроме того, данным категориям лиц назначалось продовольственное пособие, они

---

397 Там же. С. 99.

398 *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 150–151.

399 Там же. С. 151.

400 *Мангазеев И.А.* Самоуничтожение от расовой ненависти // Вече Твери. 2009. 27 января. № 9 (4366).

обеспечивались жильем[401].

Лица, состоявшие до войны на пенсионном обеспечении, теряли право на пенсию. Однако они приравнивались к нуждающимся, в результате пенсия заменялась пособием, размер которого определялся исходя из местных условий и материальных возможностей той или иной общины[402].

В городской местности для обеспечения нуждающихся организовывались комитеты помощи бедным, в компетенцию которых входило обеспечение населения райцентров и городов районного (уездного) подчинения. В случае если в том или ином уезде ранее было организовано культурное общество, создание комитета помощи бедным не предусматривалось — его задачи выполняло культурное общество[403].

В задачи комитетов и культурных обществ входило обеспечение нуждающихся продовольствием, доставка нуждающимся топлива, сбор среди населения излишков одежды, предметов домашнего обихода и распределение их среди нуждающихся[404].

По мере формирования городских и районных управ система социального обеспечения приобретала стройную форму, предусматривающую подчинение по вертикали, отчет нижестоящих должностных лиц перед вышестоящими. В некоторых управах создавались соответствующие отделы, в частности, в структуру Орловской городской управы входил отдел государственного страхования и обеспечения[405], инструкция Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г. предусматривала создание в составе волостных управлений отделов социального обеспечения[406]. В тех органах местного самоуправления, где соответствующие отделы не были созданы, функции социального обеспечения распределялись между другими отделами. Так, в управе города Торопец и Торопецкого района Калининской области учет лиц, нуждающихся в социальной помощи, проводил финансовый отдел. С помощью полиции выявлялись престарелые, инвалиды, получавшие пенсию при советской власти, после чего финотдел ставил вопрос о назначении нуждающимся пособий[407]. Претенденты на получение пособий подавали заявления, после чего для их рассмотрения по распоряжению управы создавалась комиссия. Заседания комиссии проходили нерегулярно, по мере накопления заявлений. Просьбы о назначении пособий, как правило, удовлетворялись. Так, 19 декабря 1941 г. рассмотрено 55 заявлений, из них 35 удовлетворено, 19 отклонено[408]. 7 января 1942 г. рассмотрено 85 заявлений, из которых 69

401 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

402 Там же.

403 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. л. 14.

404 Там же.

405 *Ермолов И.Г.* Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР. С. 90.

406 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

407 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

408 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 14. Л. 20–22 об.

удовлетворено, 16 отклонено[409]. Размер ежемесячных пособий составлял от 50 до 100 рублей[410].

Любопытно, что в некоторых случаях функции органов социального обеспечения выполняли немецкие комендатуры. Так, одно из распоряжений Торопецкой комендатуры обязывает старост и волостных старшин обеспечить жильем и питанием безработных и стариков, утративших трудоспособность[411].

В тех районах, где не удалось открыть детские дома, забота о детях, оставшихся без попечения родителей, возлагалась на должностных лиц тех территориальных образований, где ранее проживали родители осиротевшего ребенка. Одновременно на органы местного самоуправления иногда возлагались задачи по предупреждению детской беспризорности, бродяжничества. Сохранилась интересная записка бургомистра города Торопец и Торопецкого района Калининской области Николаева от 6 ноября 1941 г., адресованная старосте деревни Селищево: «В город зашла девочка из деревни Селищево по фамилии Захарова Анна 12 лет добывать хлеб, как безродная. Направляем эту девочку обратно, предлагаем Вам обеспечить ее питанием и жильем. Возможно, что подобного рода дети есть еще. Зарегистрируйте их всех и приютите, не допуская отлучки их в др. местности»[412].

В ряде районов Калининской области, где содержание «бесприютных» детей было возложено на старост и волостных старшин, продовольственные товары для питания этих детей отпускались бесплатно[413]. Однако ассортимент отпускаемых продуктов был узок. Так, в поселке Старая Торопа в свободной продаже было всего четыре вида продуктов: рожь, сливочное и растительное масла, барсучье сало[414]. Из этих товаров на ребенка отпускалось лишь растительное масло (количество неизвестно) и 8 кг ржи в месяц[415], что было крайне недостаточно для нормального питания.

Таким образом, система здравоохранения в период оккупации, подобно системе образования, эволюционировала от надзора за сохранностью больничных зданий и оборудования до повсеместного налаживания работы медицинских учреждений. Органами местного самоуправления была проделана работа по восстановлению и обеспечению работы медицинских учреждений всех уровней — от фельдшерско-акушерских пунктов до врачебных амбулаторий и стационаров. Однако на фоне кадрового дефицита, недостатка медикаментов, ограничения свободы передвижения квалифицированная медицинская помощь была доступна лишь небольшой части населения

---

409 Там же. Л. 23 об—28.

410 Там же. Л. 20–22 об., 23 об.-28.

411 Там же. Л. 45-45а.

412 Там же. Д. 12. Л. 26.

413 Там же. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 131.

414 ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 98.

415 Там же. Л. 31, 187.

оккупированной территории РСФСР. А ввиду отсутствия воспроизводства медицинских кадров система здравоохранения была обречена на постепенное исчезновение. Однако наличие минимальной возможности получения населением медицинской помощи не позволяет оценивать деятельность коллаборационистов в сфере здравоохранения исключительно положительно. При всей гуманности медицинской профессии медики-коллаборационисты использовались в то же время и в целях, отвечающих планам нацистов в отношении населения Советского Союза. К этому относятся мероприятия по уничтожению психически больных, помощь оккупантам в отборе трудоспособного населения для отправки на работу в Германию. А выполнение врачами предписаний по строгому учету пациентов практически исключало оказание медицинской помощи партизанам и советскому подполью. Поэтому работа в сфере здравоохранения в период оккупации пусть не полностью, но в определенной степени является одной из разновидностей коллаборационизма как добровольного сотрудничества с врагом в ущерб интересам своего государства. Что касается сферы социального обеспечения, приходится признать, что созданные на захваченных немцами территориях РСФСР учреждения по социальной поддержке населения являлись частью оккупационной инфраструктуры. Разрешая и поощряя деятельность системы социального обеспечения, оккупанты, что правомерно предположить, были заинтересованы лишь в предупреждении нищенства, бродяжничества, детской и подростковой преступности. Вместе с тем совокупные данные по функционированию учреждений социального обеспечения не позволяют признать их служащих лицами, сотрудничавшими с оккупантами в ущерб интересам СССР. Именно учреждения и меры социального обеспечения помогали снизить смертность детей, престарелых, инвалидов, дав им хоть скудное, но посильное в условиях военного времени содержание и возможность выживания.

§ 4. Обеспечение правопорядка и судебная система

Наиважнейшим органом, обеспечивавшим необходимый оккупантам правопорядок на оккупированной территории, была служба вспомогательной полиции, личный состав которой рекрутировался в основном из местного населения, вставшего на путь коллаборации, а также из советских военнопленных, включая командиров РККА. Несмотря на наличие в распоряжении командующих тыловыми районами германских армий кадровых германских полицейских структур, они не могли достаточно эффективно контролировать захваченную территорию. По крайней мере, в секретном приказе № 42 от 18 ноября 1941 г. за подписью имперского руководителя СС Г. Гиммлера констатировалось, что правоохранительная деятельность, в том числе борьба с партизанами и их пособниками, «может быть осуществлена успешно только гражданскими лицами, знающими местность, характер населения и владеющими языком»[416].

Служба охраны порядка стала формироваться практически с первых же дней оккупации той или иной местности, несмотря на отсутствие

416 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

указаний высшего германского руководства на этот счет. Повсеместно зарегистрированы случаи, когда еще до прихода оккупантов при отступлении Красной армии в обстановке временного безвластия крестьяне, желая обезопасить свои семьи и имущество, создавали некое подобие службы порядка, в ряде случаев вооружали эти формирования подобранным на полях сражений оружием. Германские командиры в большинстве случаев узаконивали данные подразделения[417]. С установлением оккупационного режима полицейские назначались практически в каждом населенном пункте начиная с деревень и сел, а их количество зависело от местных условий и размеров контролируемой территории. Теоретически же разрешение формировать вспомогательную полицию поступило от командования ОКХ 29 августа 1941 г. Согласно ему, командующие тыловыми районами германских армий могли по согласованию с высшим руководством СС и германской полиции формировать из местного гражданского населения и советских военнопленных органы охраны правопорядка[418]. 9 января 1942 г. первый квартирмейстер Генерального штаба ОКХ Ф. Паулюс издал дополнительный приказ, уполномочивший командование формировать из местного населения и военнопленных вспомогательные охранные части, так называемые сотни[419].

В результате децентрализации при создании службы порядка органы полиции не имели единой системы руководства, даже назывались в различных местностях по-разному. Так, полиция в Орле называлась народной стражей, в иных областях группы армий «Центр» — службой порядка (Ordnungsdienst — OD), в группе армий «Юг» — охранными вспомогательными частями (Hilfswachmannschaften), в группе армий «Север» — местными боевыми соединениями (Einwohnerkampfverbande)[420].

Задачи вспомогательной полиции не были однородными в течение всего периода оккупации. Так, первоначально на органы полиции возлагалась лишь охранная деятельность. Впоследствии в функции полиции вошел контроль за выполнением приказов германского командования и поддержание установленного им порядка, выявление и задержание всех вновь появившихся лиц, а также коммунистов, партизан и их пособников, выгон населения на обязательные хозяйственные работы, конфискация теплых вещей и т. д.[421]

Германское командование пыталось упорядочить систему охраны правопорядка, придать ей единообразие. С этой целью директивой Верховного командования вермахта (ОКВ) № 46 от 18 августа 1942 г. «Руководящие указания по усилению борьбы с бандитизмом на Востоке» командирам сухопутных частей и соединений предписывалось разработать положения о статусе полицейских формирований в тыловых

---

417 *Чуев С.Г.* Указ. Соч. С. 89–90.

418 ЦГАИПД СПб. Ф. 0–116. Оп. 9. Д. 651. Л. 92.

419 *Дробязко С.И., Каращук А. В.* Русская Освободительная Армия. М.: АСТ, 1998. С. 6.

420 Там же.

421 *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 304.

районах[422]. Это осуществлялось посредством издания различного рода инструкций, наставлений, предписаний для местных органов самоуправления. Так, в «Предписании для службы порядка», изданном командованием группы армий «Центр», говорится, что ответственность за создание службы порядка возлагается на местные комендатуры, действующие через городского голову (бургомистра)[423]. Здесь же определялись три основные задачи службы порядка:

1. Содействие при разрешении уголовно-полицейских задач, что включало «надзор за важными хозяйственными учреждениями, устройство обходной службы для предупреждения воровства, грабежа, поджогов, саботажных и других уголовных деяний».

2. Содействие при разрешении государственно-полицейских задач, включавшее сбор агентурных сведений обо всей деятельности, направленной против интересов Германии.

3. Поддержание общественного порядка среди местного населения, в том числе «надзор за порядком уличного движения, контроль топок в жилых помещениях, контроль над очисткой общественных дорог, улиц и площадей селений, содействие при надзоре выполнения предписанных мероприятий, касающихся пропитания и снабжения населения»[424].

Однако главной задачей полиции являлась борьба с партизанами[425].

В соответствии с указанным предписанием для органов местного самоуправления разрабатывались соответствующие рекомендации. В соответствии с одной из них, предназначавшихся для бургомистров тыловых районов группы армий «Центр», на полицию возлагались следующие обязанности:

1. Уголовно-полицейские (преследование и пресечение уголовных проступков).

2. Государственно-полицейские (раскрытие и преследование преступлений, направленных против германских частей).

3. Охрана общественного порядка (надзор за дисциплиной жителей населенных пунктов, контроль за соблюдением правил дорожного движения, пожарная охрана, надзор за санитарным состоянием улиц, караульная служба).

4. Особого назначения (содействие германским частям и воинским коллаборационистским формированиям в борьбе с партизанами, воздушно-десантными отрядами РККА, сопровождение продовольственных обозов от крестьянских общин до сборных пунктов)[426].

В ряде местностей Центральной России служба порядка имела именно такую структуру, определенную задачами входивших в нее отделов. Так, в Клинцовском округе Орловской области полиция состояла

---

422 *Смыслов О.С.* Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2006. С. 102.

423 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst. (O. D.). Предписание для службы порядка. Б. м. Б. д. С. 2.

424 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. Б. м. Б. д. С. 3–4.

425 Речь. 1942. 25 июля. № 79 (109).

426 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 190.

из отделов уголовной, государственной полиции, охраны порядка и особого[427]. Вскоре в структуру полиции был введен 5-й отдел тюрьмы[428].

Соответственно, штатный состав различных отделов имел свою специфику. Так, в состав 1-го отдела входили начальник, секретарь, делопроизводитель, следователи. 2-й отдел включал штат следователей. 3-й отдел, помимо руководства, состоял из стражников, несущих постовую и караульную службу. В 4-м отделе служили городские стражники (резерв), несшие постовую и караульную службу. К этому же отделу относились становые приставы, под началом которых служили стражники станов, разбросанных по населенным пунктам, где было возможным появление партизан. 5-й отдел включал так называемый строевой состав — тюремную охрану[429].

С целью повышения эффективности работы полиции ей к концу 1942 г. были переданы функции учета и паспортизации населения, ранее выполнявшиеся городскими и районными управами[430].

О. С. Смыслов приводит иную градацию личного состава вспомогательной полиции:

1. Полицейские на службе «вне сплоченных подразделений» — в городских и сельских отделениях полиции.
2. Полицейские на службе «в сплоченных подразделениях» — в составе антипартизанских рот, батальонов и полков.
3. Охранная пожарная служба.
4. Вспомогательная охранная служба[431].

Штаты и функции органов полиции в различных местностях различались и определялись местными комендатурами, районными и городскими управлениями. В частности, согласно директиве Главного военного управления Брянского округа от 21 декабря 1942 г., в деревнях следовало держать по три-пять полицейских, в волостях полицейская служба составляет 10–20 человек, в райцентрах «полицейский запас» насчитывает одну сотню, а в городах уездного подчинения количество полицейских определяется местными условиями и практической необходимостью[432].

Обзор состояния службы порядка дает основание утверждать, что органы местного самоуправления в основном придерживались указанных рекомендаций. Так, трубчевская полиция, подчиненная райуправлению, насчитывала 100 человек, кроме того, был создан «полицейский запас» в количестве одной сотни, предназначавшийся «для борьбы с мелкими партизанскими бандами»[433]. Существовавшие при волостных управлениях отделения «полицейской стражи» имели двойную систему подчинения,

---

427 Там же. Л. 134.

428 Там же. Л. 136.

429 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 136

430 Там же. Д. 21. Л. 16 об.

431 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 102.

432 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

433 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 26.

подчиняясь одновременно волостной управе и районному управлению. Количество полицейских, подчиненных волуправе, составляло в среднем 20 человек. Для охраны порядка в деревнях и селах в Трубчевском районе была создана «полицейская стража» в количестве 80 человек, сотрудники которой были разбросаны по сельским населенным пунктам по одному — три человека в каждом, штаты полицейских учреждений были, как правило, укомплектованы[434].

О численности вспомогательной полиции на территории России можно судить лишь приблизительно. Так, согласно немецким данным, на декабрь 1941 г. в рядах полиции числилось 60 420 советских граждан[435]. Только полиция Смоленского района на начало 1943 г. достигла численности 3000 человек[436]. По подсчетам С.И. Дробязко, на февраль 1943 г. численность полиции в зонах ответственности трех групп германских армий — «Север», «Центр» и «Юг» — составляла 60–70 тысяч человек[437], в то время как, согласно подсчетам Б.В. Соколова, для эффективного контроля над оккупированными территориями требовалось не менее 450 тысяч полицейских (однако неясен механизм такого подсчета)[438]. Иные данные о численности вспомогательной полиции приводит Д. Армстронг, согласно которым в зоне действий группы армий «Центр» служило 40 тысяч полицейских[439].

Органы полиции наделялись исполнительными функциями, находясь в полном подчинении соответствующих органов местного самоуправления. Так, директива Главного военного управления Брянского округа указывала, что «организация, содержание и командование полицией — задача управлений (городских и районных)»[440]. Местные бургомистры отвечали за надлежащее использование органов полиции, контролировали неукоснительное соблюдение ими немецких предписаний. Одновременно полиция была подотчетна германским властям, в частности военным комендатурам. Так, в ряде городов и районов начальники полиции были обязаны представлять в военные комендатуры суточные рапорта о происшествиях[441].

Как свидетельствует практика, основной задачей вспомогательной полиции была, особенно в первые недели и месяцы оккупации, охранная деятельность. Так, полицейские в большинстве своем использовались в охране военных, промышленных объектов, складов, железных и шоссейных дорог, осуществляли надзор за соблюдением комендантского часа. В частности, полицейские были обязаны следить, чтобы никто не приближался к железнодорожному полотну на расстояние ближе 100 м, в

---

434 Там же.

435 *Das Deutsche* Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 1061.

436 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

437 *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. С. 6.

438 *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 31.

439 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 419.

440 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 16 об.

441 ГАОО. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-117.

противном случае разрешалось открывать огонь на поражение. Пересекать пути разрешалось только в строго отведенных, охраняемых местах. Время комендантского часа в тех или иных населенных пунктах, даже в пределах одной области, различалось. Так, в Пскове гражданскому населению запрещалось покидать свои дома с 20.00 до 5.00, в городе Дно — с 18.30 до 5.30[442].

Относительно обязанностей и ограничений, накладываемых на полицейских, в «Предписании для службы порядка» говорилось, что полицейские не имеют права производить служебные действия в личных интересах или в пользу третьих лиц. Состав службы порядка не имеет права налагать наказания и штрафы[443]. Что касается арестов, служба порядка имела право арестовывать только гражданских лиц по приказанию своего начальства. Аресты по собственному усмотрению разрешались в случаях поимки лиц на месте преступления, лица, находящегося в розыске, бегства подозрительных, невозможности установить личность. Также аресты допускались в случае нападения на полицейских, их оскорбления. Арестованных сразу же доставляли к начальнику полиции, который немедленно извещал об этом немецкие полицейские органы (полицию охраны)[444].

Конфискации и обыски разрешалось проводить только с ведома немецкой полиции охраны или командования немецкой воинской части. Лишь в исключительных, не терпящих отлагательства случаях (при возможности сокрытия следов преступления) разрешение на обыск или конфискацию мог дать бургомистр[445].

Обыск проводился, в зависимости от ситуации, одним или несколькими полицейскими, в присутствии хотя бы одного понятого, а также владельца обыскиваемого жилища. Иногда было обязательно присутствие потерпевшего, который мог бы опознать похищенные вещи. Результаты обыска закреплялись протоколом произвольной формы, который подписывался полицейским и всеми присутствующими при обыске лицами[446]. Обыск у подозреваемого в преступлении старосты или волостного старшины проводился в общем порядке, какой-либо дополнительной санкции не требовалось[447].

Применять оружие разрешалось лишь для самообороны, при преследовании лиц, не останавливающихся на оклик, а также для защиты охраняемых материальных ценностей[448].

Что касается контингента полиции, он состоял как из убежденных

---

442 ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 651. Л. 92.

443 *Diensrvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 6.

444 *Diensrvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 7.

445 Там же. С. 8.

446 ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-32 об.

447 Там же. Л. 12.

448 *Diensrvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 8.

противников большевизма, так и людей, поступивших на службу в полицию с целью получения выгод экономического характера или же уклонения от отправки на работу в Германию[449]. Так, в декабре 1942 г. бургомистр Севска Бакшанский издал приказ об отмене льгот для полицейских, которые до этого были освобождены от обязательных хлебопоставок и уплаты налогов[450]. В результате полицейские сел Степное, Антоновка, Белица отказались от несения службы, а шестеро из них ушли к партизанам[451].

На руководящие посты в полиции и на ответственные должности обычно назначались лица из местной интеллигенции, знающие местность, представители гражданского населения, а также лица, знакомые с юриспруденцией[452]. Так, начальником районной полиции города Россошьбыл бывший адвокат Филиппов, начальником городской полиции — бывший бухгалтер аптечной базы Стотик[453], в полиции Калининского района работала бывшая народный судья, член ВКП(б) с 1927 г. А.В. Сергеева[454]. Нередко на ответственные должности в полиции попадали члены ВКП(б) и ВЛКСМ, в прошлом ответственные советские работники. Так, только в составе ветринской полиции (Калининская обл.) начальником 2-го отдела служил бывший член ВЛКСМ А.И. Колтунов, следователем — член ВКП(б), бывший директор хлебозавода В.Т. Коляденок, помощниками начальников 3-го, 4-го отделов — бывший председатель колхоза И.Н. Вельский и бывший бухгалтер сельпо Н.А. Равдышко соответственно[455]. Бывших работников милиции в органах вспомогательной полиции практически не встречается. Лишь в редких случаях органы полиции возглавляли немецкие военнослужащие. Так, полицией города Себеж Калининской области руководил немецкий фельдфебель Русс, ему в качестве помощников было придано пять советских граждан, состоявших, вероятно, на должностях начальников подотделов[456].

Что касается рядового состава полиции, он, в профессиональном и социальном отношении, в основном копировал структуру той или иной местности. Так, в сельской местности полицейские рекрутировались из бывших колхозников, в городах — из представителей рабочего класса. Распространенное мнение, якобы в органы полиции набирались преимущественно уголовники[457], не выдерживает серьезной критики. Так,

---

449 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

450 Севский листок. 1942. Декабрь. № 11.

451 *Чуев С.* Указ. соч. С. 104.

452 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 83.

453 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

454 *Пережогин В.А.* Вопросы коллаборационизма // Война и общество, 1941–1945: Сб. статей: В 2 кн. М., 2004. С. 293.

455 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

456 Там же. Д. 663. Л. 110 об.

457 *Попов А.Ю.* НКВД и партизанское движение. С. 73; *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

из сохранившихся 78 анкет полицейских Клетнянской райполиции (Орловская обл.) следует, что 77 человек — крестьяне, в основном из бедняков, 1 — рабочий, выходцев из помещиков и кулаков нет вообще. Судимых за тяжкие преступления среди них нет, 4 человека судимы за неуплату алиментов, 2 — за хулиганство, 1 — за невыработку трудодней, 1 — за антисоветскую агитацию, 1 — за антисоветскую песню, 1 — за пререкание с председателем сельсовета, 1 — за оскорбление местной власти[458]. Иные документы, в том числе личные дела, характеристики, протоколы допросов полицейских, в частности по Орловской области, также не содержат данных о преобладании в рядах полиции уголовного элемента[459].

Начальники отделений полиции, подотделов и их заместители назначались на должности германскими властями — отделениями немецкой полиции безопасности и военными управлениями округов[460]. В дальнейшем назначенные руководители органов полиции работали под непосредственным началом городского или районного головы (бургомистра)[461]. Что касается рядового состава, каких-либо особых предписаний на этот счет не имеется, поэтому можно предположить, что комплектование органов полиции возлагалось на их руководство, назначенное немцами, а также на органы местного самоуправления. Каждый коллаборационист, поступающий на службу в полицию, был обязан подписать служебное обязательство установленного образца, в котором содержится некое подобие присяги, судя по стилистике, разработанное немцами: «Обязуюсь должность выполнить добросовестно и беспартийно согласно служебных предписаний, с которыми я ознакомлен. Я обязуюсь беспрекословно слушаться моего начальства»[462].

Как начальствующий, так и рядовой состав полиции проходил обучение, которое осуществлялось под надзором немецкой полиции безопасности или военного управления соответствующего округа[463]. Обучение проходило как на местах, так и в специальных школах, создаваемых в пределах административных округов. Курс обучения длился в среднем две недели[464]. В течение этого времени курсантов обучали, как вести себя по отношению к населению и к своему начальству, правилам составления донесений, уличного движения, караульной службы, обращению с оружием[465].

---

458 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 35. Л. 5-83.

459 Там же. Д. 1, 25, 41, 51, 59, 60.

460 *Diensrvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 4.

461 Там же. С. 6.

462 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 6, 11.

463 Там же. С. 5.

464 ЛАЕ. Справка П. Балакирева об окончании Клинцовской школы службы порядка (подлинник).

465 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка.

В случаях нарушения дисциплины на полицейских налагались дисциплинарные взыскания. За проступки незначительной тяжести взыскание в виде сверхурочных дежурств мог наложить начальник соответствующего отделения службы порядка, о чем делалась запись в книге наказаний и немедленно доводилось до сведения бургомистра. О проступках значительной тяжести, особенно совершенных при исполнении служебных обязанностей, посредством бургомистра сообщалось в немецкую полицию безопасности или командованию немецкой воинской части, которые и определяли наказание. С целью предотвращения бегства провинившегося полицейского бургомистр имел право взять его под арест[466]. В оккупированных районах Калининской области начальники полиции, кроме того, в случае проступков применяли наказания в виде предупреждения, выговора, перевода полицейского на службу в сельскую местность, увольнения[467]. Однако увольнение сотрудника полиции требовало согласования с немецкой полевой жандармерией или городской управой[468].

Служащие полиции получали зарплату за счет органов местного самоуправления соответствующего населенного пункта по следующим ставкам:

— начальник службы порядка — 10 руб. в день;
— заместитель — 7 руб. 50 коп. в день;
— полицейский (страж) — 5 руб. в день;
— начальник службы порядка, имеющей подотделы, — 15 руб. в день;
— заместитель — 12 руб. 50 коп. в день;
— начальник подотдела — 10 руб. в день;
— полицейский (страж) — 5 руб. в день[469].

Полиция помимо штатных сотрудников располагала широкой сетью осведомителей, функции которых были неоднородны. Так, одним из них вменялось в обязанность лишь информировать полицию обо всем подозрительном, что ими было замечено. Другие же использовались в качестве агентов, засылаемых в различные организации для сбора соответствующей информации и передачи ее полиции. В инструкции по борьбе против партизан, изданной в группе армий «Центр» в конце 1941 г., на этот счет говорится: «В каждом населенном пункте должны быть люди, которые обязаны немедленно сообщить о появлении партизан, парашютистов, незнакомых и подозрительных людей. К этой работе нужно привлечь пастухов, лесников, объездчиков, путевых сторожей, путевых мастеров, линейных надсмотрщиков»[470]. Существовали различные формы поощрения полицейских агентов. Так, одни из них получали зарплату, другие — льготы при налогообложении, которые в

С. 5.

466 Там же. С. 7.

467 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 83–85, 89, 90.

468 Там же. Л. 100–100 об.

469 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 10.

470 ЛАЕ. Инструкция по борьбе против партизан (тип. экз., подлинник).

ряде случаев распространялись на весь населенный пункт, где жили осведомители. Лицам, имеющим незначительную связь с партизанами, а также родственникам партизан гарантировалось полное прощение в обмен на предоставление агентурных сведений[471]. Оценивая эффективность работы полицейских агентов, Г. Глазунов отмечает, что без них немцы зачастую становились совершенно бессильными в борьбе против подполья. Так, пытаясь ликвидировать организацию «Молодая гвардия» в Краснодоне, гестапо проводило бесчисленные аресты, однако все меры были тщетны. Лишь деятельность агентуры помогла выйти на след организации, арестовать ее руководство[472]. Функции осведомителей накладывались и на руководителей предприятий. Так, Г. Почепцов, по доносу которого была разгромлена «Молодая гвардия», показал на суде, что предпочел доносить на руководство организации не в полицию, а начальнику шахты Жукову. При этом нисколько не сомневался, что Жуков как руководитель предприятия обязательно примет необходимые меры, что полностью подтвердилось — заявление Почепцова незамедлительно было передано полиции[473]. Полицейскими функциями наделялось и большинство сотрудников органов местного самоуправления. В июне 1943 г. в Усвятском районе Смоленской области партизанским отрядом Ермолаева были расстреляны кандидат в члены ВКП(б) В.Т. Буков (бывший председатель колхоза «Красный путиловец»), А.Л. Шитиков (бывший бригадир колхоза), П.Ф. Шутров (бывший бригадир полеводческой бригады), члены ВКП(б) М.И. Миронов (бывший завуч средней школы), П.П. Прошин (бывший старший механик МТС), Р.Л. Шандаевский (бывший зав РАЙФО Усвятского района). Все они, поступив на должности старост и волостных старшин, за исключением А.Л. Шитикова, служившего полицейским, являлись агентами полиции, принимали участие в вылавливании партизан, неоднократно водили карательные отряды в места дислокации партизан[474]. Численность полицейской агентуры в крупных городах исчислялась сотнями, а то и тысячами человек. Так, в Калинине насчитывалось 1500–1600 агентов, в Калуге — 600–700[475]. Произвести точный подсчет этой категории коллаборационистов невозможно ввиду отсутствия исчерпывающих данных. Однако уже в ноябре 1941 г. в секретном приказе № 42 имперский руководитель СС Г. Гиммлер констатирует: «Уже сейчас действующие группы располагают хорошей работающей сетью осведомителей и, прежде всего, в их распоряжении находятся… заслуживающие доверие гражданские осведомители»[476].

Ввиду децентрализованности органов полиции ее личный состав не имел единой формы одежды, различия существовали даже в пределах той или иной области. Так, полицейские Всходного района Смоленской

471 ЛАЕ. Инструкция по борьбе против партизан (тип. экз., подлинник).

472 *Глазунов Г.* Это было в Краснодоне // Неотвратимое возмездие. С. 170.

473 Там же. С. 170–171.

474 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2, 3, 6, 7, 11, 12, 14, 15, 28, 41, 46.

475 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 744. Л. 2.

476 ТЦДНИ. Ф.479. Оп. 2. Д. 5. Л. 16.

области носили немецкую форму с белой повязкой на рукаве, полицейские Знаменского района — красноармейскую форму с такой же белой повязкой. Полиция других районов Смоленщины вообще не имела форменного обмундирования, отличительным знаком была лишь та же нарукавная повязка[477]. Каждая повязка имела порядковый номер и заверялась оттиском печати местной комендатуры[478]. Однако в большинстве тыловых районов группы армий «Центр» ношение полицейскими форменного обмундирования не предусматривалось. Единственным отличительным знаком была белая нарукавная повязка с надписью на немецком языке «Ordnungsdienst», названием населенного пункта и личным номером полицейского. Номер нарукавной повязки вносился в служебное удостоверение, которое каждый сотрудник полиции был обязан иметь при себе, причем удостоверение было действительно лишь при наличии советского паспорта или удостоверения личности[479].

Что касается эффективности работы полиции в целом, выразительную оценку этому дает в своем донесении от 3 декабря 1942 г. начальник тылового района группы армий «Центр»: «Полиция повсеместно хорошо зарекомендовала себя и сегодня является существенным фактором для усмирения страны… Сегодня уже нельзя обойтись без помощи местной полиции в деле усмирения населения»[480]. Подобную оценку работе полиции дают и советские военнослужащие и партизаны. Так, вышедший из окружения лейтенант, герой Советского Союза П.Е. Брайко, ставший впоследствии командиром партизанского полка, показал: «Нужно сказать, что эта полиция была гораздо хуже немцев. Немец — это все-таки чужой человек, он не знал обычаев, способностей и хитростей местного населения, а свой человек, своя сволочь могла разгадывать русских людей и немцев учила»[481].

Помимо своих прямых обязанностей гражданская полиция по мере необходимости придавалась для усиления германским частям, частям РОА и другим воинским коллаборационистским формированиям на период проведения антипартизанских операций[482]. При этом полицейские несли большие потери, немногим меньшие, чем потери немцев. Так, во время боев на территории Калининской области в июле — августе 1942 г. с партизанской бригадой Короткова были убиты 21 немец и 14 русских полицейских, взято в плен 3 немца и 4 полицейских[483]. При столкновении в тот же период с партизанским отрядом Бати погибло 2 немца и 2 полицейских[484], в боях с партизанским отрядом Сакмаркина из бригады

---

477 *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 300–301.

478 *Смыслов О.С.* Указ. соч. С. 103.

479 *Dienstvorschrift* fur den Ordnungsdienst (O. D.). Предписание для службы порядка. С. 2–3.

480 Цит. по: *Пережогин В.А.* Указ. соч. С. 304–305.

481 Там же. С. 304.

482 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 49; Оп. 2. Д. 13. Л. 142.

483 Там же. Оп. 2. Д. 5. Л. 116.

484 Там же. Л. 1 15.

Короткова убиты 91 немец и 10 полицейских[485]. Во время налета партизан на населенные пункты Зайцево и Грибово уничтожено 18 немцев и 5 полицейских, ранено 5 полицейских[486].

С другой стороны, эффективность работы органов полиции не была абсолютной. Полиция нередко не обеспечивала должного порядка в оккупированных городах и селах, далеко не всегда могла обезопасить их от партизан, а зачастую проявляла перед партизанами полное бессилие. Среди полицейских царила недисциплинированность. Так, по Зубцовскому району Калининской области в течение июня — июля 1942 г. начальник районной полиции Долгополов, судя по его приказам, в основном выявлял нарушения, нежели успехи своих подчиненных. В частности, дежурные общего отдела систематически нарушали устав службы охраны, неправильно используя дежурных[487], многие полицейские без надобности входили в камеры, вели с задержанными посторонние разговоры, пренебрегали военной выправкой, не отдавали честь служащим немецкой комендатуры, жандармерии, работникам горуправы[488]. При реквизициях у населения советского и немецкого военного обмундирования полицейские нередко допускали злоупотребления своими полномочиями[489]. Причем полицейские допускали аналогичные нарушения даже после неоднократных предупреждений и взысканий. Так, охранник Г.И. Ильинков неоднократно засыпал на посту, охранник Т.П. Гуров систематически опаздывал на работу, охранник А.А. Сараев не реагировал на замечания по поводу неотдачи чести служащим комендатуры, охранник А.Ф. Капралов халатно относился к работе, не обращая внимания на неоднократные предупреждения[490]. Подобные случаи зарегистрированы повсеместно, причем они возросли с июля 1943 г., когда положение на фронте изменилось в пользу Красной армии, что привело к деморализации личного состава полиции. Так, отчет командира корпуса охранных войск Центральной административной группы от 31 августа 1943 г. указывает, что в период с мая по август 1943 г. эффективность охранной деятельности полицейских резко снизилась. В частности, количество удавшихся случаев минирования партизанами дорог и мостов изменялось следующим образом: май — 166, июнь — 437, июль — 463, август — 769[491]. А при инспектировании полицейских управлений и станов довольно часто отмечались недостатки, недисциплинированность полицейских. Так, военная комендатура города Погара Орловской области 2 августа 1943 г. констатировала, что «в последнее время стали неоднократно замечаться случаи, что стрелки службы охраны порядка, будучи в пьяном виде, с оружием в руках

485 Там же. Л. 114.

486 Там же. Л. 113.

487 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 83.

488 Там же.

489 Там же. Л. 94.

490 Там же. Л. 84, 85, 89, 90, 93, 94, 95 об.

491 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

наносят угрозы мирному населению»[492]. Интересно, что гражданское население в этот период, согласно упомянутому отчету командира корпуса охранных войск Центральной административной группы, стало терять доверие к органам полиции, умалчивать о налетах партизан, скрывать случаи грабежа местных жителей партизанами[493].

Подобно сельским старостам, полицейские в селах и их семьи были заложниками нацистов. Так, при переходе полицейского к партизанам его семью репрессировали. Нередко заложниками становились сами служащие вспомогательной полиции — если их сослуживцы «предавали начальство», оставшиеся полицейские отправлялись в лагеря или расстреливались[494]. Очевидно, система заложничества давала свои результаты. Так, количество завербованной партизанами агентуры среди полицейских в полосе действия Калининского фронта на июнь 1943 г. составило самую малочисленную группу — всего 7 человек[495]. Однако процесс разложения органов гражданской полиции усилился с лета 1943 г. Так, только за август 1943 г., согласно отчету командира корпуса охранных войск Центральной административной группы, из полиции дезертировало 212 человек, а также 204 добровольца из частей и подразделений РОА. Это достигалось как участившимися налетами партизан на опорные пункты службы порядка (94 налета за август), так и изменившимся характером пропаганды, стремящейся доказать, что перешедших к партизанам полицейских ждет не расстрел, а прощение, возможность искупить свою вину. С этой целью партизаны, подбирая раненных при налетах полицейских, оказывали им помощь, накладывали повязки на раны[496]. Иногда действия германских властей провоцировали полицейских на переход к партизанам. Так, согласно итоговой сводке ЦШПД при Ставке ВГК за октябрь 1943 г., в поселке Новоселье Калининской области немцы распустили полицию. В результате часть полицейских, будучи лишена средств к существованию, ушла к партизанам[497].

Судебная система на оккупированных территориях формировалась поэтапно. До ее введения судебные функции брали на себя немецкие комендатуры, которые в основном накладывали один вид наказания — расстрел по закону военного времени. Обзор нормативных актов германских оккупационных властей приводит к заключению, что подобные меры применялись не только к виновным в совершении уголовных преступлений, но и административных проступков. Так, летом — осенью 1941 г. в оккупированных районах Калининской области чрезвычайные меры «по закону военного времени» применялись, например, к уличенным в краже дров, сена у граждан. Стоимость

492 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 14. Л. 236.

493 ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

494 *Гогун А.С.* Указ. соч. С. 23.

495 ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 22 об.

496 ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

497 Там же. Оп. 1. Д. 648. Л. 141.

украденного в расчет не принималась[498]. Первым органом, наделенным судебными полномочиями, стал институт мирового посредничества в общинах, введенный, в частности, в тыловых районах группы армий «Центр» с ноября 1941 г. Как в городах, так и в сельских общинах германскими властями с помощью местных коллаборационистов создавались «посредничественные мировые места»[499]. Каждое из них включало четыре человека: бургомистра города (председатель), заместителя и двух заседателей. Трех последних назначал бургомистр города из числа благонадежных, обладающих достаточным образовательным уровнем лиц старше 30 лет, проживших в данной местности не менее двух лет. Должности заместителя председателя и заседателей являлись почетными, то есть зарплаты за отправление правосудия эти лица не получали[500].

К компетенции «посредничественных мировых мест» относились лишь гражданские дела по спорам, вытекающим преимущественно из имущественных правоотношений[501].

Ввиду отсутствия какой-либо нормативной базы командующие административными округами рекомендовали рассматривать дела «под взглядом здравого народного ощущения»[502], то есть, по всей вероятности, согласно обычаям, принятым в той или иной местности.

Судебный процесс носил состязательный характер. При этом гарантировалось равенство сторон, свобода представления доказательств[503]. Предусматривалась практика вынесения заочных решений — в случае неявки надлежащим образом извещенной одной из сторон. Отказ одной из сторон, явившейся в судебное заседание, отдачи объяснений не препятствовал вынесению решения на основании имеющихся доказательств[504].

Относительно кассационного обжалования документ носит противоречивый и взаимоисключающий характер. Так, согласно § 15, решение носит окончательный характер, его обжалование вообще не предусматривается. Однако, согласно § 16, кассационной инстанцией являлся председатель (бургомистр), который после поступления жалобы на решение рассматривал ее единолично. После утверждения им решения дальнейшее его обжалование не предусматривалось. По гражданским делам, представлявшим особую сложность, а также при цене иска свыше 2000 рублей, председатель (бургомистр) принимал исковое заявление к производству, однако, вне зависимости от поступления жалобы, передавал материалы дела и вынесенное решение в полевую комендатуру для утверждения[505].

---

498 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 56.

499 ТЦДИН. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 22 об.

500 Там же.

501 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 208. об

502 Там же.

503 Там же. Л. 209.

504 Там же.

505 Там же. Л. 209 об.

Председатель «посредничественного мирового места» мог по своему усмотрению взыскать за рассмотрение дела пошлину. Ее размер определялся произвольно, с учетом материального положения истца, однако не мог превышать 50 рублей[506].

Ввиду отсутствия каких-либо упоминаний о ведении «посредничественными мировыми местами» уголовных дел правомерно предположить, что вопросы уголовного судопроизводства находились вне компетенции коллаборационистских судебных учреждений. Судебные функции по уголовным делам либо выполняли военные комендатуры, либо к виновным применялись «чрезвычайные» меры.

До организации судебных органов в волостях судебными полномочиями наделялись волостные старшины, которые единолично разбирали мелкие уголовные дела. Наказания по тяжести совпадали с теми, полномочия накладывать которые впоследствии получили волостные суды — штраф до 1000 рублей, тюремное заключение или принудительные работы на срок до 14 дней[507]. Однако приговоры волостных старшин вступали в силу только после прохождения еще двух инстанций: утверждались бургомистром района и Ортскомендатурой[508].

Собственно суды в большинстве оккупированных областей РСФСР начали функционировать с декабря 1941 г. Однако судебная система в различных местностях приобрела неоднородную структуру. Даже названия судебных органов, несмотря на общность функций, различались, помимо просто судов носили названия «мировые суды», «арбитражные суды», «уголовные суды»[509]. Судебная система была двухступенчатой. Низшей ступенью являлись мировые (волостные) суды, рассматривавшие уголовные, гражданские и административные дела в качестве судов первой инстанции. В качестве судов второй инстанции выступали районные или окружные суды. Их решения считались окончательными и не подлежали дальнейшему обжалованию.

Данная судебная иерархия формировалась постепенно. Так, Орловский городской суд, организованный к декабрю 1941 г., первоначально являлся единственным судебным органом в районе. Все его решения носили окончательный характер[510]. На территории Брянского округа первоначально были организованы лишь волостные арбитражные суды. К июню 1943 г. арбитражные суды действовали в пяти из семнадцати волостей: в Белых Берегах, Супоневе, Глинишеве, Трубчине, Большом Полпине[511]. С октября 1942 г. начал работу Брянский районный арбитражный суд, состоящий из председателя и двух членов, ставший вышестоящей инстанцией по отношению к волостным арбитражным судам. В его функции, помимо надзора за работой

---

506 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 210.

507 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 153–155; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

508 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

509 Там же. Д. 21. Л. 112; Речь. 1941. 10 декабря. № 3; Речь. 1943. 2 июня. № 82 (245).

510 Речь. 1941. 10 декабря. № 3.

511 Там же. 1943. 2 июня. № 82 (245).

нижестоящих судов, входило рассмотрение в качестве суда первой инстанции дел о преступлениях против личности, имущества, злоупотреблениях служебным положением, нарушениях обязательных постановлений органов местного самоуправления и др.[512] С октября 1942 г. по май 1943 г. состоялось около ста судебных заседаний[513].

Командование германскими армиями, пытаясь придать судебной системе и применяемому законодательству в своих тыловых районах единообразие, выпускало различные инструкции по организации судопроизводства, обязательные для исполнения органами местного самоуправления. Одним из первых нормативных документов стало руководство для старост и волостных старшин, выпущенное командованием 2-й немецкой танковой армии приблизительно осенью 1941 г. В нем содержатся некоторые нормы семейного права. В частности, провозглашается действительность только юридического брака, заключенного органами местного самоуправления, запрет разводов, браков между евреями и неевреями, между кровными родственниками по прямой линии, полнокровными и полукровными братьями и сестрами. Здесь же устанавливается брачный возраст: 18 лет для мужчин и 16 лет для женщин[514]. Довольно выразительно «Постановление об административных наказаниях» от 23 июня 1942 г. Согласно этому документу, широко применявшемуся в тыловых районах группы армий «Север», главам районов (бургомистрам) предоставлялось право во внесудебном порядке применять три вида наказаний: наложение штрафа в размере до 3 тысяч рублей, заключение под арест на срок до 6 недель, направление на принудительные работы на тот же срок[515]. В тот же день, 23 июня 1942 г., вышел один из первых документов, регулирующих гражданские правоотношения местного населения, — подписанное фон Рокком «Постановление по вопросам гражданского состояния». Оно охватывало основные вопросы гражданского права, наиболее часто встречавшиеся в практике органов местного самоуправления. Постановление не было свободно от догм национал-социализма, обязательных при регулировании гражданских правоотношений. Так, § 3 п. 3 «а» запрещал регистрацию браков между евреями и представителями других наций[516]. По всей вероятности, оба документа предназначались для руководителей органов местного самоуправления — глав районов (бургомистров), что объясняется почти полным отсутствием в тыловых районах группы армий «Север» собственно судебных инстанций.

Довольно выразительным является изданный в конце 1942 г. командованием 2-й танковой армии документ под названием «Судопроизводство в русских органах управления», содержащий общие рекомендации по вопросам организации судов и нормы процессуального

512 Там же.

513 Там же.

514 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

515 ЦГАИПД СПб. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 666. Л. 4, 19.

516 Там же. Л. 14.

права[517]. Согласно этому документу, обязанность организации мировых судов всех уровней всецело возлагалась на органы местного самоуправления начиная от волостных управ. Низшей ступенью являлись мировые суды общин (волостные мировые суды), которые организовывались в тех местностях, включая мелкие города, где это было оправдано местными условиями и наличием соответствующих кандидатов на должности судей[518]. В случае невозможности организации мирового суда в какой-либо общине (волости) с разрешения командующего административным округом допускалось создание одного волостного мирового суда на несколько волостей[519]. Волостной мировой суд состоял из председателя, заместителя и заседателей, причем члены суда не должны были состоять между собой в родстве или свойстве. Обязанности председателя исполнял волостной старшина, а на должности заместителей и заседателей назначались «только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями общины». Назначение производил командующий административным округом, однако районный бургомистр мог уволить члена суда, сообщив командующему административным округом причину. Должности заместителя и заседателей являлись почетными, то есть состоящие на них лица не получали зарплаты. Однако волостным управлениям разрешалось выделять заместителю и заседателям вознаграждение[520].

Волостным мировым судам были подсудны следующие категории мелких уголовных дел: простое воровство, совершенное без насилия, при котором сумма ущерба не превышает 100 рублей, оскорбление, не направленное против должностных лиц, нарушение общественного порядка, а также иные категории дел, максимальное наказание за которые не превышает налагаемого мировыми судами. Разрешалось налагать наказание в виде штрафа до 1000 рублей, ареста до 11 дней, исправительных работ до 14 дней. Из гражданских дел волостным мировым судам разрешалось рассматривать имущественные споры при цене иска до 500 рублей, жилищные споры, споры о распределении работ между членами семьи[521].

Следующая ступень — районные мировые суды — создавалась в каждом районе и каждом городе нерайонного подчинения. В состав суда входили председатель, один или несколько заместителей, заседатели. Требования к кандидатам на эти должности совпадали с требованиями к кандидатам на должности членов волостных судов, с той разницей, что для председателя и заместителей председателя районного суда было желательно наличие юридического образования, заседателей рекомендовалось вводить из числа служащих городских и районных управ. Запрещалось назначать на судейские должности бывших членов

517 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 200–205 об.

518 Там же. Л. 200.

519 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 201 об.

520 Там же.

521 Там же. Л. 202.

коммунистической партии. Кандидаты в районные судьи выдвигались районными и городскими бургомистрами, после чего утверждались командующим административным округом. В небольших районах допускалось совмещение должностей районного бургомистра и председателя райсуда[522].

К подсудности районных мировых судов относились все уголовные и гражданские дела, за исключением преступлений, направленных против германской армии, и особо тяжких преступлений (убийство, разбой, преднамеренный поджог, растрата на сумму свыше 5000 рублей)[523]. Допускалось, по усмотрению органов местного самоуправления, создание двух отделений районного мирового суда: по уголовным и гражданским делам.

Районные мировые суды имели право налагать наказания в виде штрафа до 10 тысяч рублей, тюремного заключения или принудительных работ на срок до одного года, конфискации предметов, используемых для совершения преступления[524].

Районные суды являлись кассационными инстанциями по отношению к волостным судам, а обжалование решений и приговоров районных судов не предусматривалось. Однако их судебные решения, а также мировые соглашения («полюбовные сделки») вступали в силу только после их утверждения командующим административным округом[525].

В то же время указанный документ не содержит норм уголовного права, вероятно, ввиду их отсутствия на тот период, на что указывает предписание § 14 наказывать всех преступников, нарушающих законность, «которые по общему мнению заслуживают наказания»[526]. Тем не менее в ряде параграфов по казуальной системе упоминаются некоторые группы и виды преступлений с попыткой их систематизации. Так, в числе экономических преступлений значатся воровство, грабеж, разбой, преднамеренный поджог, вздутие цен, растрата, контрабанда, накопление жизненных припасов. К преступлениям против порядка управления законодатель относит злоупотребление должностной властью, нарушение приказов, изданных русскими органами управления, оскорбление должностных лиц[527]. Упоминаемая группа «проступки против личности» конкретных видов преступлений не содержит[528].

Ввиду отсутствия уголовного законодательства, председателю районного мирового суда предоставлялось право, при наличии сомнений в своем праве рассмотреть какое-либо преступление, передать дело на рассмотрение командующему административным округом[529].

---

522 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 201 об.-202.

523 Там же. Л. 202 об.

524 Там же.

525 Там же. Л. 204–204 об.

526 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 202 об.

527 Там же. Л. 202–202 об.

528 Там же. Л. 202 об.

529 Там же.

Процессуальное законодательство в общих чертах копировало положения советских уголовно-процессуального и гражданского процессуального кодексов, за исключением особенностей, продиктованных установками национал-социализма и условиями оккупации. Так, судам всех уровней запрещалось принимать к производству бракоразводные дела. Исключение составляли лишь дела о разводах с евреями, когда развод в интересах германской армии, а также желание развестись при постоянном половом бессилии одного из супругов, при наличии у одного из супругов «возбуждающей отвращение болезни»[530]. Неподсудны волосным и районным мировым судам были и дела лиц немецкого происхождения, военнослужащих РОА и других русских добровольческих частей, полицейских, служащих органов местного самоуправления, а также советских военнопленных. Дела этих категорий лиц разбирались германскими судебными органами[531]. Из гражданских дел как волостным, так и районным мировым судам были неподсудны иски о возвращении земли и недвижимого имущества, конфискованного органами советской власти. Эти категории заявителей направлялись с их требованиями к соответствующей немецкой хозяйственной инспекции или к окружному коменданту[532].

При подаче заявления в суд уплачивалась пошлина: в волостной мировой суд — 20 рублей, в районный мировой суд — от 20 до 500 рублей, в зависимости от суммы иска[533]. При подаче заявления об административном проступке пошлина составляла 5 рублей[534].

Уголовное законодательство также копировало ряд положений Уголовного кодекса РСФСР, с той разницей, что наказания были значительно смягчены. В частности, полностью сохранившееся «Временное положение о наказаниях, налагаемых судами Клинцовского округа» к особо тяжким преступлениям относило умышленное убийство, каравшееся тюремным заключением на срок до 3 лет (ст. 80), половые преступления, включая развращение, малолетних, наказание за которое не превышало 2 лет тюремного заключения (ст. 92)[535]. К преступлениям средней тяжести относился ряд должностных преступлений, например злоупотребление властью, что наказывалось тюремным заключением на срок до 6 месяцев (ст. 62)[536]. Преступления против порядка управления относились к преступлениям небольшой тяжести. Так, неуплата налога или сбора каралась штрафом в размере тех же платежей, а при рецидиве — принудительными работами на срок до 3 месяцев (ст. 34)[537].

Интересно, что некоторые проступки, согласно указанному

530 Там же. Л. 203.

531 Там же. Л. 205 об.

532 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 203.

533 Там же. Л. 204 об.

534 Там же. Л. 206 об.

535 Там же. Д. 21. Л. 118.

536 Там же. Л. 116 об.

537 Там же. Л. 114 об.

«Временному положению», были впервые в истории российского права отнесены к преступлениям. Так, ст. 94 предусматривала уголовную ответственность за супружескую неверность, что каралось тюремным заключением или принудительными работами на срок до 6 месяцев, согласно ст. 100, тюремным заключением от 3 до 6 месяцев наказывалось оскорбление родителей словом или действием. Денежным штрафом до 3000 рублей или тюремным заключением на срок до 6 месяцев каралось оскорбление религиозных чувств верующих[538].

Ввиду того что создание судебных органов и их интеграция в систему административного управления — сложный процесс, в районах, оккупация которых продлилась непродолжительное время, судебная система так и не была создана. В течение нескольких месяцев судейские функции выполняли руководители органов местного самоуправления: бургомистры, волостные старшины. Юридическую базу здесь составляли те или иные инструкции и распоряжения бургомистров. Яркой иллюстрацией служит приказ бургомистра (старшины) города Торопец и Торопецкого района Калининской области Николаева от 31 октября 1941 г., адресованный начальнику районной полиции и касающийся жителей города, самовольно ломающих на дрова городские здания: «Лиц, замеченных в этом, на первый раз штрафовать по своему усмотрению на сумму до 300 рублей. При повторном случае этих же лиц заключать в тюрьму на срок до 2 недель»[539]. Причем в тех местностях, где выработка постоянно действующего законодательства затянулась или не осуществилась вообще, письменные распоряжения бургомистров касались абсолютно всех отраслей права. В иных случаях они лишь дополняли сформировавшуюся юридическую базу. Так, распоряжения того же бургомистра города Торопец и Торопецкого района содержат ряд положений, касающихся наследственного права. Одно из них устанавливает порядок обращения с наследством умершего в случае отсутствия завещания наследников. В частности, при отсутствии завещания наследники могли подать в финансовый отдел горуправы заявление о наследовании. К заявлению прилагались выписка из свидетельства о браке с умершим (для супруга) либо иные документы, подтверждающие родство, а также опись имущества умершего с указанием его примерной стоимости.

В случае неподачи заявления о наследовании или отсутствии наследников имущество умершего переходило в собственность органов местного самоуправления[540].

В ряде оккупированных местностей полномочия русских судов были ограничены как в смысле подсудности, запрета принятия к производству дел об особо тяжких преступлениях, так по характеру налагаемых наказаний. Так, санкции статей, которыми руководствовался Орловский городской суд, предусматривали наказание до 6 месяцев тюрьмы или штраф в размере до 1000 рублей. Дела о тяжких преступлениях: убийствах, разбоях, политических преступлениях — были неподсудны

538 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 119 об.

539 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Д. 37.

540 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 9.

горсуду и преследовались по законам военного времени[541]. Такое положение сохранялось на территории Орловского округа вплоть до конца его оккупации.

Помимо судебной системы, в период оккупации были сформированы и действовали другие правовые институты: исполнительная система, адвокатура, нотариат.

Исполнение приговоров по уголовным делам возлагалось на председателя соответствующего суда. Так, исполнение приговора о взимании денежного штрафа, о краткосрочном лишении свободы осуществлял председатель мирового суда, определившего наказание. В случае осуждения к лишению свободы на продолжительный срок копия приговора, заверенная командующим административным округом, а также исполнительный лист направлялись начальнику соответствующего исправительного учреждения[542]. Уплата денежного штрафа предусматривалась немедленно после провозглашения приговора, однако суд мог определить выплату штрафа частями. В случае неплатежеспособности осужденного штраф заменялся тюремным заключением, срок которого определялся одновременно с вынесением приговора[543].

Исполнению судебных решений по гражданским делам, в случае если проигравшая сторона отказалась добровольно исполнить судебное решение, также в обязательном порядке предшествовала выписка исполнительного листа. Такая же процедура существовала при выполнении условий «полюбовной сделки» (мирового соглашения), если впоследствии одна из сторон отказалась от их исполнения. Непосредственное исполнение решения осуществлял председатель соответствующего суда или лица, им назначенные, — судебные исполнители. В течение трех суток со дня получения исполнительного документа судебный исполнитель посылал плательщику повестку, в которой указывались взыскиваемая сумма, основание взыскания, определялся срок для добровольной уплаты, а также разъяснялись последствия неуплаты. При отказе добровольно уплатить надлежащую сумму взыскание производилось принудительно. Общий надзор за исполнением судебных решений осуществлял бургомистр района, причем даже в тех случаях, когда он одновременно являлся председателем районного суда[544].

Для оказания юридической помощи, представительства в гражданских процессах, защиты подсудимых с января 1943 г. был узаконен институт представительства. В качестве представителей с присвоением звания «адвокат» допускались лица с юридическим образованием, «лично благонадежные», ведущие безупречный образ жизни. Кандидатов на должности адвокатов проверяло командование административным округом, а вопрос о допуске в процесс того или иного адвоката решал соответствующий суд. Препятствием к допуску могло

---

541 Речь. 1941. 10 декабря. № 3.

542 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 205.

543 Там же. Л. 103.

544 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 205, 216.

служить лишь представление одновременно нескольких сторон, если их интересы, отстаиваемые в суде, расходятся[545].

Помощь адвоката была платной. Размер сборов за оказание юридических услуг оговаривался в каждом конкретном случае между адвокатом и представляемой им стороной. По просьбе адвоката или воспользовавшегося его услугами лица, независимо от того, в суде какой инстанции слушается дело, размер сборов утверждался председателем районного суда. В этом случае требовалось дополнительное утверждение взимаемой адвокатом суммы со стороны командующего административным округом[546].

Для заключения всякого рода договоров, оформления сделок и составления юридически значимых документов по мере надобности открывались нотариальные конторы. Требования к кандидатам на должности нотариусов были аналогичны требованиям к кандидатам на должности адвокатов: наличие юридического образования, безупречный образ жизни. Назначение нотариусов также осуществлялось командованием административным округом, и только оно могло освободить не оправдавшего доверие нотариуса от занимаемой должности. Размер взимаемых нотариусом пошлин также проходил двойное утверждение — со стороны председателя районного суда и командующего административным округом[547]. Так, по Клинцовскому административному округу ставки оплаты нотариальных услуг колебались от 5 до 100 рублей[548].

Нотариусы были подотчетны районным судам, представляли в них ежегодные отчеты о проделанной работе, а также списки оформленных документов. Общий надзор за деятельностью адвокатов и нотариусов осуществлял председатель районного суда[549].

Интересно, что вставшим на путь коллаборации адвокатам и нотариусам разрешалось оказывать юридические услуги лицам, чьи дела были неподсудны русским судам (этническим немцам, советским военнопленным, власовцам, сотрудникам органов самоуправления, германским военнослужащим)[550].

В тех местностях, где отсутствовали нотариусы, их функции выполняли органы местного самоуправления, а также священнослужители. В частности, на территории Калининской области священник мог утвердить так называемое духовное завещание о наследовании членами семьи завещателя или иными лицами его имущества. В таких случаях при составлении и утверждении завещания помимо священника и завещателя присутствовало лицо, в пользу которого составлено завещание, полицейский и понятой. Все указанные лица

---

545 Там же. Л. 205.

546 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 205–205 об.

547 Там же. Л. 205 об.

548 Там же. Л. 225.

549 Там же. Л. 205 об.

550 Там же.

заверяли завещание своими подписями[551].

Что касается органов прокуратуры, таковые хотя формально и существовали, однако свойственных им надзорных функций не выполняли, их деятельность сводилась к выдаче и рассылке должностным лицам копий нормативных актов, аналитической работе с юридическими документами[552], в некоторых местностях — поддержанию обвинения в суде.

Уместно сравнить оккупационные судебные структуры с судебными органами, создаваемыми на оккупированных территориях советскими партизанами. Так, судопроизводство по гражданским делам не осуществлялось вовсе. Что касается уголовного судопроизводства, имеются данные о деятельности Военно-революционного трибунала в Дедушкинском партизанском полку, осенью 1941 — весной 1942 г. оперировавшего в Дятьковском районе Орловской области. Трибунал был создан в октябре 1941 г. в составе трех человек, по всей вероятности, для разбора дел лиц, нелояльных к советской власти и сотрудничавших с оккупантами[553]. Данных о выработанной и используемой в судопроизводстве нормативной базе нигде не содержится, и маловероятно, что таковая существовала. Наиболее вероятным представляется рассмотрение дел по законам военного времени с применением чрезвычайных мер. По данным Д. Армстронга, подобные судебные органы существовали и в ряде других партизанских отрядов. Они были организованы по типу троек НКВД, носили названия революционных трибуналов, военно-полевых судов, рассматривали в основном дела коллаборационистов, предателей из среды партизан, нарушителей дисциплины в партизанских отрядах[554].

Таким образом, в течение периода оккупации в захваченных германской армией областях РСФСР были сформированы правоохранительные, судебные и юридические структуры, в общих чертах копировавшие те же структуры, существовавшие при советской власти. Их характерной чертой являлось отсутствие полной самостоятельности, ограниченность круга вопросов, входящих в их компетенцию. Ликвидировать различия в организации и деятельности этих структур, придать им стройность, единообразие так и не удалось, как не удалось преодолеть и кадровый дефицит, добиться назначения на соответствующие должности лишь лиц с юридическим образованием ввиду ограниченности контингента таковых на оккупированных территориях. Ввиду отсутствия принципа разделения властей судебная власть в период оккупации не обладала самостоятельностью, а являлась скорее неким придатком германских оккупационных властей, созданных ими органов местного самоуправления. Надзорные функции за деятельностью юридических, в том числе судебных, структур почти всецело оставались за германскими оккупационными властями, ввиду чего полиция, суд, адвокатура, нотариат стали эффективным средством

551 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 14. Л. 11–12.

552 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 216,

553 Фокинский рабочий: Орган Дятьковского районного комитета ВКП(б) и районного совета. 1942. 25 апреля. № 55.

554 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 383.

поддержания установленного оккупантами порядка, действуя исключительно под их контролем и в их интересах.

Глава 3
Экономический коллаборационизм

§ 1. Коллаборационизм в области промышленности

Одной из важнейших задач оккупационной администрации, если не считать борьбы с советским подпольем и партизанами, стало использование экономического потенциала СССР в своих интересах. Исходя из этого оккупанты уделяли большое внимание восстановлению промышленных предприятий и пуску их в работу. Интерес к промышленному потенциалу Советского Союза объясняется нехваткой стратегического сырья, материалов, сельхозпродукции, что явилось следствием ухудшения торговых отношений с другими государствами, а также уменьшения выпуска сельхозпродукции на территории Германии ввиду мобилизации[555].

Еще до начала войны был разработан план экономического использования оккупированной территории СССР, отраженный в «Директивах по руководству экономикой во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленой папке» Геринга, утвержденной 16 июня 1941 г.), представлявших собой программу экономического обеспечения Германии за счет экономики Советского Союза. Согласно этой программе, планировалось в первую очередь использовать оккупированные территории СССР в сфере продовольственного и нефтяного хозяйства[556].

Если германское руководство имело подробные планы послевоенной эксплуатации СССР, то на период войны столь же подробных планов не существовало — были определены лишь основные оперативные разработки к плану «Барбаросса». В частности: решение транспортных проблем, привлечение к сотрудничеству населения, захват неповрежденных электростанций, в случае повреждения — их быстрое восстановление, пуск в работу промышленных предприятий, обеспечение их сырьем[557]. Однако нацистское руководство рассчитывало оставить на захваченных территориях СССР в основном предприятия добывающей промышленности, первичной переработки сельхозпродукции и по производству мелкого сельхозинвентаря[558]. Ввиду того что война против СССР не стала шестинедельным блицкригом, Германия в условиях затяжной войны не могла полностью рассчитывать на собственные ресурсы. Так, даже в мирное довоенное время Германия обеспечивала

---

555 *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Крах плана «Ольденбург». 3-е изд. М., 1980. С. 38.

556 Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 40.

557 Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. С. 243.

558 *Загорулько М.М., Юденков А.Ф.* Указ. соч. С. 52.

своих жителей собственным продовольствием лишь на 80 %. Со вступлением Германии в войну выявился недостаток стратегического сырья, сельское хозяйство снизило выпуск продукции ввиду мобилизации занятого в нем мужского населения. Согласно планам Германии, в ходе войны предстояло использовать как сырьевой, так и экономический потенциал СССР. Ввиду этого германские тыловые структуры были заинтересованы в производстве продукции непосредственно на оккупированных территориях для продовольственного и вещевого снабжения своих действующих армий[559]. Доставка же всего необходимого из Германии была затруднена как из-за тяжелого состояния германской промышленности во время войны, так и из-за недостаточных пропускных способностей транспортных коммуникаций.

Еще до нападения Германии на СССР был создан штаб под кодовым названием «Ольденбург», в задачу которого входила экономическая эксплуатация Советского Союза.

В состав штаба входили инспекции и команды, каждая из которых имела свою зону ответственности, структуру. В подчинении штаба на местах состояли 23 хозкоманды и 12 филиалов, которые должны были работать в тыловом районе ОКХ[560]. В частности, территориальное деление СССР предусматривало управление его экономикой четырьмя территориальными инспекциями:

1. Ленинград («Холштейн»);
2. Москва («Заксен»);
3. Киев («Баден»);
4. Баку («Вестфален»)[561].

Промышленность РСФСР, попавшая в руки оккупантов, имела некоторые особенности. Так, в России фактически не было предприятий горнодобывающей и металлургической промышленности — эти предприятия почти полностью располагались в соседней Украине — на территории Донбасса и Днепропетровской области[562]. Промышленность в областях РСФСР, подвергшихся оккупации, оказалась сильно разрушенной. В условиях отступления Красной армии и крушения советской власти местные советские и партийные органы были обязаны строго выполнять директиву ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 29 июня 1941 г. В соответствии с ней врагу не должны были достаться ни один килограмм зерна, ни один литр горючего. Об этом же говорил И.В. Сталин в своем выступлении 3 июля 1941 г., указав также, что «все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»[563]. При этом нужды гражданского населения, остававшегося в зоне оккупации, в расчет не принимались.

---

559 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 49.

560 Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). М., 1968. С. 29–30.

561 Там же. С. 30.

562 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 50.

563 Цит. по: *Кульков Е, Мягков М., Ржешевский О.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2004. С. 351.

Покидая занимаемые немцами территории, партийные и советские руководители стали уничтожать имущество и продовольствие, взрывать и выводить из строя промышленные предприятия. Раздача не подлежащих эвакуации запасов местному населению была строго запрещена. Так, из остававшихся на территории Орловской области к концу эвакуации 30 450 тонн зерна было сожжено 25 285[564]. Сжигался и необмолоченный хлеб в скирдах. К.Л. Таратухин приводит данные об оставлении Красной армией города Ливны Орловской области, согласно которым в городе было уничтожено все ценное имущество, взорваны коммуникации, Адамова мельница, каучуковый завод, спиртзавод, водокачка, солдаты и командиры ломали имущество горожан[565]. 23 ноября последние части РККА, уходя из города, подожгли его в нескольких местах, были предприняты даже попытки поджога жилых домов[566]. Согласно отчету секретаря Трубчевского подпольного райкома ВКП(б) А.С. Бурляева, перед занятием немцами Трубчевска по указанию райкома партии были взорваны сушзавод, пенькозавод, хлебозавод, испорчены водокачка и электростанция[567]. На территории Смоленской области при отступлении Красной армии были разрушены все МТС, угнаны трактора, приведены в негодность или розданы населению инвентарь и запчасти[568]. На территории Орловской области были выведены из строя практически все крупные и средние предприятия[569], причем даже относящиеся к пищевой промышленности, работавшие на удовлетворение потребностей местного населения. В городе Торопец Калининской области на начало войны действовало 16 предприятий, в том числе спиртзавод, утильзавод, маслозавод, льнозавод, кирпичный, черепичный, скипидарный заводы, промкомбинат, МТС, шесть артелей, рыбхоз[570]. Перед оставлением Красной армией Торопецкого района из указанных предприятий были разрушены все, за исключением промкомбината, специализировавшегося на выпуске муки, крупы, досок, столярных изделий, расчесанной шерсти, выделке сукна. Кроме того, промкомбинат имел электростанцию, ток которой питал предприятия и квартиры города[571].

Линия советского руководства и лично Сталина по уничтожению и приведению в негодность предприятий перед уходом Красной армии вполне согласовывалась с отношением советского вождя к населению СССР, с одной стороны, и собственному партийному курсу — с другой. По

---

564 *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 22.

565 *Таратухин К.Л.* Ливны при немцах // Под оккупацией в 1941–1944 гг. С. 57.

566 Там же. С. 58.

567 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 8. Д. 2. Л. 10.

568 Клич. 1942. 16 августа.

569 Голос народа. 1942. 5 ноября; Речь. 1942. 25 ноября; Там же. 3 февраля; *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 201–203.

570 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

571 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

словам Д.А. Волкогонова, люди для Сталина «никогда не имели значения. Никогда! Сотни, тысячи, миллионы мертвых сограждан давно стали для него привычными»[572]. Приказав уничтожать продовольствие, предприятия, жилые дома, Сталин отдавал приоритет своим конкретным политическим целям, совершенно не считаясь с оставляемым на оккупированных территориях населением. Как заметил А.С. Казанцев, «все, что освобождалось от контроля „любимого вождя и учителя“, должно было умереть голодной смертью. Идеалом Сталина было оставить выжженную пустыню, и на ней таких же голых, голодных, обезумевших от ужаса людей. Если бы он мог, он потушил бы и солнце, чтобы доказать, что светить и греть оно может только при советской власти»[573]. «Горят склады, горят поля, горят села!» — писал 20 июля 1941 г. журналист И.Г. Эренбург.

17 ноября 1941 г. вышел приказ за подписью Сталина разрушать и сжигать все деревни и населенные пункты в немецком тылу[574]. 18 ноября 1941 г., как бы подводя итог этой политике, И.Г. Эренбург писал: «Немцы нашли у нас пустые амбары, взорванные верфи, сожженные корпуса заводов. Вместо домов они завоевали щебень и сугробы»[575].

Дополнительный ущерб промышленности был нанесен местными жителями, которые в условиях временного безвластия стали растаскивать все то, что не успели уничтожить отступающие части РККА и что представляло для них хоть какую-то ценность[576].

В обстановке временного безвластия, вызванного отступлением Красной армии и поспешной эвакуацией, некоторые руководители и служащие предприятий явно саботировали приказы о вывозе и уничтожении промышленного оборудования. Так, директор Брасовского маслозавода (Орловская область) И.В. Чуйнов получил указание партийных органов в срочном порядке уничтожить все заводское оборудование, а сам производственный корпус привести в негодное состояние. Однако по приказу Чуйнова рабочими маслозавода все ценное оборудование было разобрано, упаковано и зарыто в землю с целью последующего восстановления предприятия[577]. Арестованный впоследствии и преданный суду военного трибунала директор совхоза

---

572 Цит. по: *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение. М.: Посев, 2006. С. 248.

573 *Казанцев А.С.* Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 174.

574 *Гофман И.* Указ. соч. С. 248.

575 Там же. С. 249. Согласно варианту доклада Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях немецких захватчиков, за время войны было разрушено 1710 городов и поселков городского типа, более 70 тысяч сел и деревень, взорваны и приведены в негодность 32 тысячи промышленных предприятий, 65 тысяч км железнодорожных путей, опустошено 100 тысяч колхозов и совхозов, тысячи МТС. Прямой ущерб, нанесенный СССР Германией, оценен в 700 млрд руб. в довоенных ценах. В то же время за все послевоенные годы советское правительство не взяло на себя ответственность ни за одно разрушенное в соответствии с приказом Сталина здание, ни за один взорванный партизанами километр железной дороги — нанесенный стране материальный ущерб всецело приписан Германии.

576 *Таратухин К.Л.* Указ. соч. С. 58.

577 ГАБО. Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2. Л. 7 об.; Голос народа. 1943. 15 января. № 3 (41).

«Красный» Ленинского района Тульской области член ВКП(б) Маслов добровольно передал немцам муку, керосин, мясо, бензин, принадлежащие совхозу[578].

Одной из первоначальных задач соответствующих отделов городских и районных управ стало инспектирование промышленных предприятий, в ходе чего проверялось состояние зданий, оборудования, выяснялись возможность и условия их пуска в работу. При этом составлялись списки недостающего оборудования[579].

Первоначально использование промышленности предполагалось почти исключительно в военных целях, для чего было необходимо восстановить обрабатывающую промышленность, уменьшить объем транспортных перевозок и использовать производственные мощности для потребностей германской армии. Однако ввиду перехода войны в затяжную форму в этот план пришлось внести коррективы, ориентируя часть предприятий на удовлетворение потребностей гражданского населения.

Промышленность в оккупированных областях делилась на два сектора: муниципальный, включавший предприятия, находившиеся в ведении городских управ, а также частный и кооперативный, в который входили в основном мелкие и средние предприятия, принадлежавшие отдельным лицам или их объединениям. Крупные предприятия принадлежали частным лицам и кооперативам крайне редко. Что касается муниципальных предприятий, их работу курировали городские управы посредством промышленных отделов.

По объему производства предприятия можно разделить на крупные, средние и мелкие. Так, из крупных предприятий в Курске были восстановлены и пущены в работу табачная фабрика, швейно-трикотажная фабрика, изготовлявшая фуфайки и валенки, кожевенный завод горуправы, занимавшийся обработкой кож, хлебозавод № 2, пивзавод, типография № 1, мыловаренное производство горуправы, завод фруктовых вод[580]. Всего же, судя по счетам в хозбанке, на июнь 1942 г. в Курске действовало 24 крупных и средних предприятия. Однако необходимо учесть, что довоенный термин «завод», сохранившийся в период оккупации за некоторыми предприятиями, зачастую не соответствовал их объему производства и количеству рабочих. Обычным было положение, когда работали лишь отдельные цеха этих заводов. Так, на кожзаводе Курской горуправы работал лишь один цех по первичной обработке кожи, отправлявшейся затем в Германию, на заводе фруктовых вод на ноябрь 1942 г. работало 27 человек, из которых лишь 6 человек было занято в производстве[581]. Подобное положение складывалось повсеместно. Так, на Брянском молочном заводе на август 1942 г. работало всего 14 человек из числа кадровых рабочих, трудившихся здесь до войны. Из довоенного оборудования молокозавод располагал только сепаратором, маслобойкой и котлом для стерилизации молока, что

578 Хранить вечно. Документы 4-го отдела. С. 9.

579 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 6. Л. 20.

580 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 106. Л. 2–7; Д. 123. Л. 8, 14; *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 40.

581 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 123. Л. 8, 14.

позволяло перерабатывать 3 тонны молока в сутки[582].

Средние и мелкие предприятия сферы пищевой, легкой промышленности и коммунального хозяйства выпускали мыло, клей, папиросы, кожи, крахмал, замазку, гончарные и роговые изделия. Причем промышленность обеспечивала как потребности германской армии, так и местного населения[583]. Средними предприятиями была представлена промышленность Орла, где, ввиду разрушения при отступлении РККА заводских корпусов и эвакуации оборудования, в течение всего периода оккупации не удалось пустить в работу ни одного крупного предприятия. Из средних предприятий работали мастерские: авторемонтная, две механических, литейно-механическая, машинно-тракторная, часовая, а также пивоваренный завод, тележно-санное производство, гарнизонная прачечная[584].

Ряд промышленных предприятий предназначался именно для удовлетворения потребностей германской армии, или же их продукция после первичной обработки вывозилась в Германию. Лишь крайне незначительная часть продукции использовалась для местного населения. Такие предприятия условно входили в муниципальный сектор экономики, фактически же находились на особом контроле у оккупационных властей, а промышленное оборудование нередко доставлялось из Германии. Так, в селе Волово Курской области открылась колбасная фабрика, оборудование для нее доставили из Германии. Продукция отправлялась в Германию. Хлебный и мясной заводы в селе Вышне-Долгое Должанского района Орловской области почти в полном объеме отправляли продукцию для снабжения германских воинских частей[585].

Необходимо отметить небольшой объем промышленности в период оккупации, незначительное количество рабочих мест на возобновивших работу предприятиях. Так, в оккупированных районах Калининской области сложилось следующее положение. В Идрицком районе на 1 августа 1943 г. работали кирпичный завод, две электростанции, лесопильный завод, сырзавод, хлебопекарня, паровозное депо с общим количеством рабочих и служащих 200 человек[586]. В Опоченском районе на 27 февраля 1944 г. работали: льнозавод — 60 человек, ремонтная мастерская тракторов (бывшая МТС) — 35 чел., кирпичный завод — 130 человек, консервный завод — 20 человек, маслозавод — 25–30 человек, 1-й лесопильный завод — 30 человек, 2-й лесопильный завод — 25 человек, кожевенный завод — 20 человек, электростанция — 35 человек. Всего, таким образом, работающее население района составляло 375–380 человек[587]. В Себежском районе на тот же период работали хлебозавод, лесопильный завод, маслосырзавод, мельница, электростанция, военная

---

582 Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 16 августа. № 32 (54).

583 Курские известия. 1942. Ноябрь. № 1.

584 *Мартынов М.М.* Это было в Орле. М., 1985. С. 261.

585 Курская правда. 1943. 5 марта. № 27.

586 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59 об.

587 Там же. Оп. 1. Д. 637. Л. 71; Д. 635. Л. 70.

автомастерская с общим количеством рабочих 185 человек[588]. По Красногородскому району на 17 февраля 1944 г. действовали льнозавод — 106 человек, кожевенный завод — 18 человек, хлебозавод — 8 человек, маслозавод — 16 человек, ремонтные мастерские — количество рабочих неизвестно. То есть общее количество рабочих по району составляло не менее 148 человек[589]. По Почепскому району Орловской области на конец 1942 г. значилось 2627 рабочих и служащих. Из них в производственной сфере по действующим предприятиям работало: мастерские МТС — 43 человека, кирпичный завод — 44 человека, кузнечная мастерская — 50 человек, лесопильный завод — 25 человек, пенькозавод — 32 человека, столярная мастерская — 10 человек. Всего — 204 человека[590]. По городу Торопец Калининской области, население которого на конец 1941 г. составляло 7385 человек, из них трудоспособных — 2661 человек (538 мужчин, 2123 женщины)[591], в производственной сфере на тот же период было занято 40 человек. Из них: кузница — 2 человека[592], электростанция — 8 человек[593], промкомбинат — 30 человек[594].

Таким образом, в среднем по оккупированному району в производственной сфере работало 220–225 человек. Если исходить из того, что по каждому району рабочих и служащих, не считая работников сельского хозяйства, было около 2500 человек, включая аппарат местного самоуправления, русских сотрудников германских учреждений, полиции, медицины, образования, кустарей, то приходится признать, что количество производственников не превышало 10 % работающих.

Как следует из приведенного обзора предприятий, наибольшее развитие в период оккупации получила обрабатывающая промышленность, а также средние и мелкие предприятия, ориентированные на удовлетворение местных потребностей.

Тем не менее уровень безработицы в центральных областях России оставался относительно невысоким. Так, население Понуровского района Орловской области на 1 августа 1943 г. составляло 19 749 человек (6275 мужчин и 13 474 женщины). Из них нетрудоспособными были признаны 2889 человек (1012 мужчин и 1877 женщин)[595]. Общее число рабочих и служащих составляло 1333 человека, а количество безработных — 43 человека (15 мужчин и 28 женщин), то есть около 0,25 % населения[596].

В этой связи правомерно предположить, что уровень собственно безработицы удавалось сократить в результате перехода лиц, занятых до

---

588 Там же. Д. 637. Л. 80.

589 Там же. Д. 656. Л. 70–71.

590 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 15.

591 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

592 Там же. Д. 14. Л. 4 об.

593 Там же.

594 Там же. Л. 4–4 об.

595 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 42, 53.

596 Там же. Л. 53, 63.

войны в промышленности, на службу в полицию, в оккупационные учреждения, органы местного самоуправления и т. п. Немаловажное значение возымело также использование трудоспособных на разовых (временных) работах. Так, население поселка Старая Торопа Калининской области и окружающих сельских населенных пунктов волостного подчинения на осень 1941 г. составляло 1525 человек. Из них мужчин — 560, женщин — 966. Из общего количества населения лиц до 15 лет насчитывалось 721 человек[597]. Если предположить, что количество престарелых, инвалидов и прочих нетрудоспособных составляло около 500 человек, то количество трудоспособных мужчин (около трети от общего количества трудоспособных) составляло около 100 человек. Из них количество трудоустроенных распределялось по староторопецким предприятиям и учреждениям следующим образом: слесарно-кузнечная мастерская — 6 человек; мастерская овчин — 7 человек; склад — до 28 человек; управа — 2 человека; магазин — 2 человека, полиция — 17 человек[598]. Всего, таким образом, число трудоустроенных составляло на сентябрь 1941 г. 65 человек. Однако несколько десятков человек привлекалось к временным работам на лесозаготовках. С учетом этого даже для таких малопромышленных населенных пунктов с неразвитой инфраструктурой, как Старая Торопа, уровень безработицы был невелик.

Немаловажное значение в смысле повышения занятости населения возымело также индивидуальное предпринимательство. Так, по упомянутому Понуровскому району на середину 1943 г. зарегистрировано 164 кустаря[599]. Для наибольшего охвата населения работой, по распоряжению городских и районных управ руководители предприятий использовали надомный труд. Так, на Торопецком промкомбинате (Калининская область) в конце 1941 г. открылось отделение по переработке на дому шерсти и льняного волокна на нитки и другие изделия. Работой по твердым расценкам обеспечивались все желающие, а продукция, после приемки на промкомбинате, поступала на продажу через торговую сеть горуправы[600]. Оплата труда рабочих-надомников производилась два раза в месяц наличными[601]. Существенно сокращало количество безработных использование принудительного труда.

На предприятиях, продукция которых предназначалась для снабжения германской армии, применялись драконовские меры поддержания дисциплины. Обычными были телесные наказания, а за серьезные проступки, трактовавшиеся как нанесение ущерба великой Германии, — смертная казнь. Так, оккупанты расстреляли рабочих сахзавода села Большие Угоны Льговского района Звягинцева и Дорохова за невыход на работу, в Иванинском районе Курской области за самовольный уход с работы были подвешены к столбу 16-летние рабочие сахзавода Г. Дичанский и М. Рыжков[602]. На муниципальных предприятиях,

---

597 ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 1. Л. 198.

598 Там же. Л. 13, 14, 15, 41–41 об.; Д. 3. Л. 40, 44, 45, 46.

599 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 15. Л. 362.

600 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

601 Там же. Д. 3. Л. 26.

602 Курская область и период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–

не имевших военного значения, наказания были мягче. В частности, на заводах и фабриках Твери (в период оккупации Калинин вернулся к историческому названию) директорам предоставлялось право в виде наказания отбирать недельный талон на право получения отходов из столовой у работника, совершившего двухсуточный прогул[603].

Что касается кадров рабочих и служащих, их основная часть была представлена довоенным персоналом тех же предприятий, по различным причинам избежавшим эвакуации. Ощущался недостаток специалистов, в связи с чем те из них, кто работал на предприятиях, получали возможности для карьерного роста. Так, обычным было положение, когда на должности директоров ставились вчерашние инженеры и начальники цехов, а инженерные должности занимали руководители среднего звена, например мастера и бригадиры. Однако ввиду нехватки руководящих кадров на ответственные должности иногда приходилось ставить простых рабочих. Так, начальником Себежской ремонтной базы (Калининская обл.) в период оккупации работал член ВКП(б), бывший шофер Себежского райисполкома Медведев[604].

Рабочие и служащие предприятий за свою работу получали как зарплату, так и продовольственные пайки. Однако они были недостаточными. Так, в Курске рабочие большинства муниципальных предприятий, рабочий день на которых длился 12 часов, обеспечивались питанием по второй категории, что составляло 300 г хлеба в день. Для сравнения уместно упомянуть, что паек гражданских коллаборационистов, не связанных с физическим трудом (полицейских, сотрудников горуправы и других оккупационных служб), составлял 500 г хлеба в день[605]. Те же 500 г хлеба в день получали и служащие на советской территории, а нормы снабжения хлебом по первой категории рабочих в советском тылу колебались от 800 до 1200 г в день, иждивенцы и дети получали по 400 г.[606] О тяжком материальном положении производственников, работавших на оккупированных территориях, и членов их семей говорят множественные прошения в городские управы относительно питания. Так, 20 рабочих Скворцовской МТС Калининской области в своем коллективном обращении к коменданту Торопецкого района просят выделить им паек из «неприкосновенных фондов» колхозов, в которых они трудились до войны, весной 1941 г. Характеризуя положение своих семей (всего 83 человека), рабочие пишут: «В настоящее время мы остались совершенно без хлеба»[607]. А рабочий, печник В.И. Кривцов в заявлении в Торопецкую горуправу пишет: «Сейчас у меня плохое материальное положение и есть совершенно

1945 гг.: Сб. документов и материалов. Курск, 1960. Т. 1. С. 138.

603 От ЧК до ФСБ. С. 274.

604 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 40 об.

605 Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 138.

606 *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 208.

607 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–1 об.

нечего, а работать нужно… Я голодаю, а купить негде»[608]. Известны лишь эпизодические случаи, когда руководство районов шло на увеличение продовольственного пайка рабочих. Так, начальник (бургомистр) Стародубского района Клинцовского округа Коваленко к ноябрю 1941 г. нашел возможность увеличить дневную норму выдачи хлеба до 700 г на рабочего и по 200 г на каждого члена семьи[609].

Что касается зарплаты рабочих и служащих муниципальных промышленных предприятий, она в ряде областей лишь незначительно различалась, зависела от должности, квалификации, характера выполняемой работы. Так, в Твери работники предприятий делились на восемь разрядов:

1-й разряд (ученики всех возрастов) — 1 руб. 80 коп. в час;

2-й разряд (неквалифицированная рабсила) — 1 руб. 25 коп. в час;

3-й разряд (малоквалифицированная рабсила) — 1 руб. 50 коп. в час;

4-й разряд (квалифицированные рабочие) — 2–3 руб. в час (по выработке);

5-й разряд (мастера и старшие рабочие) — 3–4 руб. в час;

6-й разряд (служащие-канцеляристы) — до 300 руб. в месяц (по выработке);

7-й разряд (служащие: бухгалтеры, кассиры и т. п.) — до 500 руб. в месяц (по выработке);

8-й разряд (руководящие работники: зав отделением, уполномоченные, инженеры и т. п.) — до 800 руб. в месяц.

При получении работником питания из зарплаты удерживалось: 5 руб. 50 коп. — за суточное питание, 2 руб. 50 коп. — за обед, по 1 руб. 50 коп. — за завтрак и ужин[610].

Вычеты из зарплаты колебались от 6 до 10 %[611].

Население оккупированных территорий, не имевшее постоянной работы, тем не менее несло трудовую повинность, в обязательном порядке привлекаясь через биржи труда и бургомистров к неквалифицированным работам, например к очистке от снега железных дорог, строительным работам. Трудовая повинность закреплялась рядом распоряжений германских инстанций, которые имели первичное значение, и дублирующими их распоряжениями исполнительных инстанций — органов местного самоуправления. Так, вышедшее 5 мая 1942 г. за подписью фон Рока «Постановление о планомерной организации труда» предусматривало для населения тыловых районов группы армий «Север» всеобщую трудовую повинность для населения в возрасте от 14 до 65 лет. Каждое лицо, подходящее под указанный возраст, было обязано получить на бирже труда или в соответствующем отделе городской (районной) управы трудовую книжку и трудиться[612]. Зачастую немецкие коменданты своими распоряжениями усиливали упомянутое постановление. Одним из выразительных документов является приказ коменданта Нарвы

608 Там же. Д. 6. Л. 65.

609 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

610 От ЧК до ФСБ. С. 275.

611 Там же.

612 ЦГАИПД. Ф. 0-116. Оп. 9. Д. 666. л. 17.

полковника фон Гизе от 25 июня 1942 г., вводящий под страхом лишения продуктов питания всеобщую трудовую повинность вне зависимости от возраста и пола. Автор приказа объяснил это «чрезвычайно большой потребностью в рабочей силе на строительстве» и необходимостью скорейшего окончания войны[613]. В некоторых районах Калининской области к работам привлекались «гражданские» заключенные, выпущенные из тюрем ввиду их согласия работать на оккупантов. По распоряжению комендатур таковые поступали в ведение городских или районных управ, которые использовали их по своему усмотрению[614]. Органы местного самоуправления нередко издавали распоряжения о привлечении населения к разовым и сезонным работам. Так, согласно приказу бургомистра Хотынецкого района Орловской области от 26 января 1942 г., к расчистке от снега дорог привлекалось население в возрасте от 15 до 60 лет, независимо от пола. Непосредственное руководство снегоочистительными работами осуществляли старосты и бригадиры[615]. Иногда органы местного самоуправления использовали безработных в зависимости от их прежних специальностей. Так, бургомистр Болхова Орловской области издал 22 декабря 1941 г. приказ, обязывающий в целях обеспечения оккупантов квартирами всех проживающих в Болхове печников и столяров явиться для регистрации и получения работы[616]. В ряде случаев приказы о привлечении нетрудоустроенного населения к разовым или сезонным работам издавались немецкими комендантами. На коллаборационистов из числа уличных старост возлагалась обязанность осуществлять привод трудоспособных лиц своих участков к сборным пунктам. Так, комендант Брянска капитан доктор Шмидт в приказе от 16 января 1942 г. объявил о привлечении к труду трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет. Привлечение женщин к труду происходило в случае нехватки мужских рабочих рук. Выход на работу осуществлялся ежедневно с 7 часов утра, не исключая воскресных и праздничных дней. За работу, согласно приказу, «уплачиваются обычные цены»[617]. Лишь в некоторых районах старост обязывали привлекать к принудительным работам не все мужское население, а по одному человеку с каждого двора[618].

Особенностью использования труда безработных были более строгие, нежели для кадровых рабочих и служащих, условия труда. Уклонение от работы рассматривалось как саботаж[619]. Упомянутые выше приказы хотынецкого и болховского бургомистров заканчивались предостережением, что за невыполнение этих приказов «виновные будут

---

613 Там же. Д. 663. Л. 4.

614 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 7. Л. 27, 30–31, 36.

615 *Фефелов В.И.* Подвигу жить вечно. Тула: Приокское книжное издательство, 1983. С. 31.

616 *Фефелов В.И.* Указ. соч. С. 31.

617 ГАБО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

618 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

619 ГАБО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

караться по законам военного времени», то есть расстрелом. Так, за отказ работать в Орле 15 января 1942 г. были повешены безработные А. Матвеев, И Кочергин, Д. Ключников[620]. При всем при этом безработные, привлекавшиеся к обязательным работам, получали гораздо меньший, чем кадровые рабочие, паек.

Тем не менее это помогало трудящимся и их семьям выжить в условиях оккупации. В этой связи правомерно сделать вывод, что значительная, если не подавляющая часть «промышленных коллаборационистов» встала на путь коллаборации именно по материальным соображениям, стремясь изыскать оптимальный способ прокормиться.

Немаловажное значение отводилось и восстановлению транспортной сети, прежде всего железных дорог, что было связано с необходимостью сохранения транспортного сообщения, необходимого в связи с большой удаленностью линии фронта от границ Германии. В октябре 1941 г. В. Кейтель с согласия А. Гитлера издал приказ об использовании советских военнопленных в вермахте для обслуживания железных дорог[621]. Решение использовать коллаборационистов из граждан СССР именно на железных дорогах стало первым официальным разрешением относительно привлечения на службу в германский вермахт русского населения потому, что ввиду особого стратегического значения железных дорог СССР, отличавшихся большой протяженностью, именно здесь особенно остро обнаружилась невозможность их обслуживания соответствующими службами вермахта. В течение 1942 г. количество русских, обслуживающих железнодорожную сеть, значительно увеличилось, вытесняя немецкий персонал. На 1943 г. количество немецкого персонала, занятого на советских железных дорогах, составляло 111 899 человек, а количество местных жителей и военнопленных, работавших на тех же дорогах, составило 633 935 человек[622].

Ремонтные работы подвижного состава шли крайне медленно. В частности, промывочный ремонт паровозов в курском депо проводился вдвое дольше, нежели в предвоенное время. Одновременно увеличилось количество аварий и диверсий, в связи с чем, согласно докладной записке Курского обкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б), в первые месяцы оккупации немцы «приставили по одному конвоиру на двух рабочих», а в ряде случаев заменяли русский персонал немецким[623]. Как бы подводя итог работы железнодорожного транспорта за 1941 г., командующий 2-й танковой армией генерал Г. Гудериан писал, что, несмотря на хороший урожай 1941 г. и большое количество выращенного русскими крестьянами скота, отправить в Германию из-за плохого состояния железнодорожного транспорта удалось лишь небольшое количество продовольствия[624].

Однако к осени 1942 г. немцы путем репрессий сумели сломать саботаж, что привело к увеличению коллаборационистов. К этому же

620 *Фефелов В.И.* Указ. соч. С. 31.

621 *Munoz A.* Hitlers Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen. P. 4–5.

622 *Пронин А.* Указ. соч. С. 172.

623 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 8. Д. 391. Л. 5.

624 *Верт А.* Указ. соч. С. 177.

периоду оккупантам удалось расширить ремонтную базу, привлечь к работам большинство железнодорожников, оставшихся на оккупированной территории. Это вызвало увеличение объема перевозок в восточном от Курска направлении. Как правило, эшелоны водили курские и льговские машинисты, в том числе добровольно поступившие на службу к оккупантам стахановцы М.Н. Уфимцев, В.А. Карачевцев, И.Г. Сердюков. Последний в 1938 г. был отмечен знаком «Почетному железнодорожнику». Некоторые из них, например машинист К.С. Судаков, водили к линии фронта немецкие бронепоезда, участвуя тем самым в обеспечении боевых действий против РККА[625].

Итоги работы железнодорожного транспорта за 1942 г. в тыловых районах группы армий «Север», в частности коллаборационистов из местного населения и военнопленных, по оценкам В. Хаупта, выражаются следующими цифрами. Загружено продуктами питания 3238 эшелонов, боеприпасами — 1291 эшелон, промышленным сырьем — 563 эшелона, прочими военными материалами — 2895 эшелонов. Все это было отправлено как в Германию, так и в распоряжение различных воинских частей и соединений. Кроме того, под руководством строительных подразделений вермахта русским населением и военнопленными было перешито на немецкую колею 6000 км железнодорожных путей, восстановлено после боевых действий и диверсий партизан 6700 км ширококолейных и 500 км узкоколейных путей[626].

Что касается автомобильного транспорта, он не возымел для оккупантов серьезного значения, очевидно, по той причине, что почти все автомобили были эвакуированы. Так, на всей территории Курской области после отступления Красной армии осталось около 200 единиц автотранспорта, из них менее половины находилось в исправном состоянии[627]. Поэтому основным видом внутреннего транспорта стал гужевой. В частности, в Курске при горуправе была создана гужтранспортная контора, главными задачами которой стали регистрация владельцев лошадей и обеспечение их работой в порядке повинности. Возчики были обязаны работать по пять дней в неделю, выполняя наряды гужтранспортной конторы, которая выдавала каждому из них путевой лист с дневным заданием. Невыезд на работу, опоздание, преждевременное окончание работы влекли наказание в виде штрафа до 5000 рублей или заключения в лагерь на срок до одного месяца[628].

По оценке В. Хаупта, в течение 1942 г. шоферами из числа русских коллаборационистов в тыловых районах группы армий «Север» автотранспортом на фронт было доставлено 1,5 млн тонн грузов[629].

Неотъемлемой частью экономики стала финансовая система. Финансовую политику проводили финотделы городских и районных управ. Они составляли годовые бюджеты, которые утверждались

---

625 ЦДНИКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3068. Л. 1–3.

626 *Haupt W.* Heersgruppe Nord 1941–1945. Bad Neuheim, 1966. S. 111.

627 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 87. Л. 23.

628 Там же. Д. 1. Л. 49; Д. 113. Л. 8.

629 *Haupt W.* Heersgruppe Nord 1941–1945. S. 272.

бургомистрами[630]. Лишь в некоторых оккупированных районах получила развитие банковская система. Так, в городе Торопец Калининской области на осень 1941 г. открылось два банка — городской и районный[631]. Штат городского банка составлял 7 человек[632], тогда как общее число городских рабочих и служащих на тот же период составляло 225 человек[633]. В функции банков входило финансовое планирование, хранение денежных вкладов предприятий, организаций и физических лиц, контроль за расходованием муниципальных денежных средств, недопущение беспроектного и бессметного строительства, а также выдача ссуд[634]. Причем таковые выдавались как предприятиям, так и физическим лицам. Так, согласно инструкции Торопецкого районного банка, как предприятиям, так и гражданам ссуды выдавались на срок до 1 года под залог имущества. Гражданин, желающий получить ссуду, обязан был подать заявление, в котором указывал цель ссуды, а также приложить справку из управы с описью имущества и его стоимостью[635]. В ряде вопросов функции финотделов управ и банков пересекались, что можно объяснить неразвитостью системы управления.

Уничтожение и порча промышленных и транспортных объектов являлись одной из задач советских партизан, осуществление которой вело к сокращению численности рабочих мест. В частности, на территории Калининской области партизаны на июль 1943 г. провели следующие операции:

— 17.01.43 на станции Себеж бригадой Лисовского сожжены железнодорожная контора и общежитие;

— 5.04.43 той же бригадой на станции Савкино разрушены маслозавод и мельница;

— 24.05.43 (по другим данным — 22.04.43) бригадой № 2 Шиповалова подожжен Идрицкий льнозавод. Сгорело машинное отделение, в результате чего завод прекратил работу;

— 8.05.43 бригадой Вараксова в селе Усово Красногородского района разгромлен сыроваренный завод и запасное оборудование[636];

— 15.07.43 отрядом Вятковского бригады Вараксова разгромлен маслозавод в селе Полетаево Красногородского района. Уничтожено оборудование и пять бидонов;

— в августе 1943 г. агентом бригады Буторина Даниловичем подожжено железнодорожное депо станции Идрица[637];

— в августе 1943 г. бригадой Шиповалова сожжен кожевенный завод в Пустошкинском районе;

---

630 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 82.

631 Там же. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

632 Там же. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 7.

633 Там же. Л. 1–7.

634 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 60–62 об.

635 Там же.

636 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 152; Д. 13. Л. 20.

637 Там же. Л. 152 об.

— в августе 1943 г. бригадой Вараксова в пригороде Красный сожжена пекарня, производительностью 1200 кг в сутки[638], разгромлен молочный пункт[639].

Согласно секретной докладной записке командира корпуса охранных войск Центральной административной группы (отдел Ic. Дело 3 (партизаны) № 1924/43) от 31 августа 1943 г., в истекшем месяце особенно распространились диверсии партизан на электростанциях, водокачках и водонапорных башнях, мельницах, фабриках, в том числе на молочных предприятиях[640]. В обзоре командира корпуса охранных войск ЦАГ указывается, что только за август 1943 г. партизанами проведено 154 успешных диверсионных акта на предприятиях[641]. Серьезно пострадали от действий партизан и деревообрабатывающие предприятия. Так, по данным Д. Армстронга, партизаны уничтожили или захватили ряд лесопильных заводов в районах Брянска и Припяти, кроме того, препятствовали сплаву леса по рекам Припять, Днепр и Сож[642]. Суммарно к лету 1943 г. благодаря усилиям партизан объем лесозаготовок уменьшился на 35 %, производство лесоматериалов — на 42 %. Это существенно повлияло на добычу необходимого оккупантам угля в соседней Украине, так как шахты Донбасса, лишившись крепежного леса, не могли работать эффективно[643].

Сокращение в результате этого рабочих мест ставило население перед необходимостью трудоустройства на другие предприятия, временные работы, в полицию или антипартизанские отряды. То есть одна форма коллаборационизма трансформировалась в другую.

Таким образом, на оккупированной территории РСФСР в течение периода оккупации были частично восстановлены промышленность, транспортная сеть. В отличие от других отраслей народного хозяйства, их восстановление производилось лишь в объеме, необходимом для обеспечения нужд германской армии и эксплуатации экономического потенциала «восточного пространства». Восстановленная промышленность хотя и удовлетворяла потребности местного населения, однако по остаточному принципу, в объеме, необходимом для обеспечения его жизненного минимума. Практически все промышленные и транспортные объекты были пущены в работу на базе аналогичных довоенных, создание новых предприятий было редким исключением. Как все восстановительные работы, так и последующая эксплуатация промышленности, транспортной сети стали возможными в результате привлечения труда как рабочих тех же предприятий, так и технических специалистов. Причем принудительный труд в этом отношении не мог дать должного эффекта, поэтому есть все основания считать работу в области промышленности и на транспорте коллаборацией с противником.

---

638 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 158.

639 Там же. Оп. 1. Д. 583. Л. 56.

640 Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 3.

641 Там же. Л. 8.

642 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 50.

643 Там же.

Однако нельзя исключить и тот факт, что данный вид коллаборационизма стал для части советского населения, оставшегося за линией фронта, единственной возможностью для выживания в условиях оккупации. Ни в коем случае не ставя под сомнение заслуги советских партизан по выведению из строя промышленных объектов и транспортных коммуникаций, следует, однако, отметить, что их действия, хотя и наносили врагу урон, одновременно усугубляли положение наших сограждан, терявших в результате этого рабочие места. В целом же промышленный коллаборационизм следует рассматривать как негативное явление, нанесшее значительный ущерб интересам Советского Союза и в столь же значительной мере послужившее интересам гитлеровской Германии.

§ 2. Коллаборационизм в области бизнеса, предпринимательства, торговли и сферы обслуживания

Городские и районные управы, а также оккупационные власти приняли меры по созданию условий для развития бизнеса и частного предпринимательства. Считая, что труд работников частных предприятий будет более продуктивным, нежели труд работников муниципальных предприятий, органы местного самоуправления всячески пропагандировали частное предпринимательство и бизнес. Так, оккупационная пресса довольно часто писала об успехах частных предприятий, пропагандируя тем самым частный бизнес.

Частные и кооперативные предприятия принадлежали частным-лицам и их объединениям, а создавались, как правило, на базе довоенных государственных предприятий. Однако наибольший размах приобрело индивидуальное частное предпринимательство. Условием для деятельности индивидуальных предпринимателей стал типичный для военного времени дефицит тех или иных товаров или услуг. Способствующим фактором стало освобождение индивидуальных предпринимателей от трудовой повинности — они относились к категории трудящихся, ввиду чего нелегальный бизнес терял для них всякий смысл. Так, в течение первых двух недель оккупации в Орловской горуправе было получено 115 патентов на право заниматься индивидуальной трудовой деятельностью. В основном это были ремесленники, в том числе жестянщики, слесари, портные, сапожники и даже мастера по изготовлению детских игрушек[644].

В середине декабря 1941 г. в оккупированном Курске стали продаваться промысловые свидетельства (лицензии), срок действия которых равнялся одному году[645]. Стоимость лицензии зависела от вида предпринимательской деятельности, инвалидам предоставлялись льготы[646].

С марта 1942 г. жители Курска могли приобретать лицензии, лишь получив справки о предварительном разрешении горуправы, которые

644 *Саран А.* Аграрная политика оккупационных властей на Орловщине // Краеведческие записки. Орел: Областной краеведческий музей, 1999. Вып. 3. С. 184.

645 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 87–89.

646 Там же. Д. 1. Л. 62.

выдавал промышленный отдел. После этого желающий заняться бизнесом должен был приобрести саму лицензию на одном из налоговых участков[647], которых в Курске действовало три. О масштабах предпринимательства можно судить по количеству проданных лицензий. В частности, за три месяца, с марта по конец мая, по Курску приобретена 21 лицензия, причем значительная часть предпринимателей предпочитала делать бизнес в области сферы обслуживания. Так, из 21 лицензии, приобретенной за три месяца, семь было выдано на открытие парикмахерских, которые оформлялись как промышленные предприятия 1-го разряда, всего две лицензии — на открытие предприятий 4-го и 5-го разрядов, ни одной — на открытие предприятий 6-го разряда[648].

Из частных предприятий производственной сферы в Курске действовали валяльно-войлочные производства, сапожные, слесарные, швейные, ремонтно-пошивочные, портняжные мастерские[649]. Они различались прежде всего объемом производства. Так, кооперативные предприятия, организованные в форме товариществ, насчитывали несколько десятков рабочих, их месячный оборот достигал нескольких десятков, а то и сотен тысяч рублей.

Так, в Курске 9 февраля 1942 г. открылась портняжная мастерская В.М. Дубовского. Количество работников достигло 50 человек, месячный оборот составлял 23–30 тысяч рублей. 5 ноября 1941 г. образовалось товарищество «Комета» с 10 рабочими. Уже через две недели оно восстановило мукомольное производство, а к июню 1942 г., помимо мукомольного, работали паточный, кондитерский, крупорушечный, просорушечный, овсорушечный, мыловаренный, замазочный, свечной цеха, планировалось открытие новых. Штат сотрудников к этому времени вырос до 58 человек[650]. В декабре 1941 г. образовалось товарищество «Эпоха», специализировавшееся на выпуске жестяных изделий. К июню 1942 г. его оборот составил 50 тысяч рублей, рост объема производимой продукции достиг к этому времени 520 %. Однако к декабрю 1942 г. оборот «Эпохи» упал до 14,5 тысячи рублей[651]. Товарищество «Богатырь» образовалось в декабре 1942 г., быстро расширяя объем производства, в связи с чем горуправа уже 24 июня 1942 г. передала товариществу мыловаренный завод. На июль 1942 г. месячный оборот «Богатыря» достиг 940 тысяч рублей, штат сотрудников составлял 200 человек[652].

В райцентрах оккупированных областей повсеместно открывались частные мастерские, ориентированные на удовлетворение местных потребностей. Во многих из них работал один лишь хозяин, иногда — несколько наемных рабочих. Так, в городе Фатеж Курской области местные предприниматели открыли производство фруктовых вод,

---

647 Там же. Д. 106. Л. 1.

648 ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 15–16.

649 Там же. Д. 2. Л. 4.

650 Новый путь. 1942. Июнь. № 47.

651 ГАКО. Ф. Р-3488. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

652 Новый путь. 1942. Август. № 61.

сапожные, жестяные, веревочные, столярные мастерские[653]. В пределах города Торопец на начало 1942 г., в соответствии с разрешениями, выданными горуправой, открылось и действовало десять частных мелких предприятий: кузница, две парикмахерские, обозно-бондарная, столярная, жестяная, две слесарные, сапожно-валяльная, портняжная мастерские. Причем большинство из них располагалось и частных домах или надворных постройках их владельцев[654]. Во многих крупных городах и райцентрах количество мелких кустарных предприятий увеличивалось на протяжении всего периода оккупации[655].

Ряд частных предприятий также работал исключительно на нужды германской армии. Ярким примером является валяльная мастерская в городе Рославль, поставлявшая валенки для военнослужащих вермахта[656].

Важной особенностью частных предприятий были гораздо лучшие, по сравнению с муниципальными, условия труда и обеспечение рабочих и служащих. Так, месячная зарплата мастеров портняжной мастерской В.М. Дубовского составляла 650–700 рублей, а рабочие товарищества «Комета» помимо зарплаты получали бесплатные завтраки[657].

По свидетельству дочери бывшего депутата Государственной думы Е.А. Скрябиной, введенному в научный оборот Б.В. Соколовым, большая часть населения Пятигорска приняла оккупацию именно по той причине, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству: «Процветают не только частные предприятия, но даже и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в рестораны и кафе, работают в тех же ресторанах официантами и поварами, торгуют квасом и минеральной водой»[658].

В то же время в ряде случаев отдельные категории граждан по распоряжению городских и районных управ переводились в разряд частных предпринимателей в принудительном порядке. Так, на территории Калининской области, вероятно, там, где имелись крупные водоемы, был запрещен лов рыбы без регистрации в качестве частного предпринимателя в горуправе. У лиц, осуществлявших лов рыбы без регистрации, органами полиции отбирались все снасти с передачей их в собственность районной или городской управы[659]. Лица, получившие соответствующие разрешения управ, могли рыбачить с использованием снастей, указанных в разрешении. Весь улов рыбы подлежал сдаче в управу за наличный расчет[660].

В таком же положении оказывались граждане, которым удалось получить лошадей после раздела колхозного имущества. Только по городу

---

653 Там же. Апрель. №-23; Июнь. № 50.

654 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 12, 24.

655 Клич: Еженедельная газета для военнопленных. 1942. 26 июля. № 29 (51).

656 Там же.

657 Там же. 1942. Июнь. № 47, 48; ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 4. Л. 7–8, 16.

658 *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 22–23.

659 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.

660 Там же. Д. 3. Л. 13, 15, 17, 18.

Торопец горуправой на середину октября 1941 г. было зарегистрировано 95 частных возчиков[661]. У лиц, осуществляющих частный извоз без регистрации, лошади изымались органами полиции и поступали в собственность районной или городской управы[662]. Возчики, помимо частного извоза, могли быть задействованы как немецкими комендатурами, так и органами местного самоуправления в обязательных работах[663]. Данных об оплате этого вида работ в соответствующих документах не содержится.

В условиях оккупации повсеместно возобновилась торговля, которая делилась на три сектора: муниципальный, находящийся в ведении городских и районных управ, ведомственный, представляющий собой торговые точки, принадлежащие предприятиям, и частный, торговые точки которого находились во владении физических лиц. Что касается муниципального сектора, следует отметить его сокращение по сравнению с довоенным. Выразительным примером в этом отношении является Торопецкий район Калининской области, где до войны работало 37 постоянных торговых точек (магазинов и ларьков) и 10 сезонных ларьков с мороженым и прохладительными напитками[664]. В период оккупации, на конец 1941 г., по городу числились 4 торговые точки, находящиеся в ведении горуправы: лавка для продажи частей к сельхозмашинам, 3 продуктовые лавки, железная лавка[665]. Еще 33 торговые точки были разбросаны по территории шести волостей района — по 4–7 торговых точек на волость[666].

Ассортимент товаров был довольно скудным, отражающим как производственные мощности того периода, так и материальный уровень населения. Так, в магазинах Западнодвинского района Калининской области ассортимент составлял три основных вида товаров: рожь, сливочное и растительное масла. Лишь иногда на магазинных прилавках появлялась соль, считавшаяся дефицитом[667]. Несмотря на это, спрос на товары был высоким. Так, выручка только одного магазина в Западнодвинском районе (поселок Старая Торопа) за ноябрь 1941 г. составила 5410 рублей[668].

Источником поступления товаров было местное население, сдававшее в продовольственные торговые точки продукты питания по резко заниженным ценам. Так, в упомянутом Западнодвинском районе рожь принималась от населения по цене 30 копеек за килограмм, а продавалась по 2 рубля за килограмм — русским покупателям, по 1 рублю

---

661 Там же. Д. 6. Л. 1–5.

662 Там же. Д. 4. Л. 36.

663 Там же. Д. 2. Л. 10.

664 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.-4.

665 Там же. Л. 6.

666 Там же. Л. 7.

667 Там же. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 149.

668 Там же. Л. 22.

за килограмм — немецкой комендатуре[669]. Местные жители сдавали в магазин в основном рожь, сливочное масло, в редких случаях — свиное сало[670].

Некоторую специфику возымела расцветшая в период оккупации рыночная (базарная) торговля. Так, обесценивание советских денег и непопулярность немецкой оккупационной марки породили натуральный товарообмен[671], который стал возможен лишь при базарной торговле. Базары в большинстве областей действовали, как правило, по воскресным дням, и не повсеместно, а в райцентрах и городах не районного подчинения, ввиду чего базарная торговля в основном была оптовой. В ряде районов, в частности на территории Орловской области, торговать на базаре можно было лишь по разрешению. Для этого сельские старосты получали в районных управах пропуска и справки для поездки на базар крестьян своих населенных пунктов. В справке, кроме того, указывался перечень продуктов, вывозимых для продажи[672]. Делалось это, очевидно, с целью недопущения хищения и сбыта продукции «общинного хозяйства». Базарной торговлей пользовалось как местное население, так и германские и венгерские военнослужащие, которые в условиях дефицита выносили на базар товары первой необходимости, обменивая их на сельхозпродукты. Так, 1 кг соли стоил 1 литр сливочного масла, 1 коробка спичек — несколько яиц (точное количество в документах не указывается, очевидно, в связи с изменчивым обменным курсом)[673].

Известны случаи разгона базаров немцами и вспомогательной полицией ввиду опасности их использования агентурой партизан и советским подпольем. При разгоне базаров вынесенные для продажи продукты конфисковывались[674]. Очевидно, с целью стимуляции денежной торговли иногда горуправы брали на себя обеспечение рыночных торговцев дефицитными товарами. Так, привозивших на рынок Орла большое количество товаров поощряли талонами на соль, табак, мыло.

Там, где сохранялась денежная базарная торговля, происходило вздутие цен. Так, на базаре Брянска хлеб стоил 1000–1200 рублей пуд, сало — 1000–1200 рублей килограмм, масло сливочное — 1000 рублей килограмм, масло растительное — 800–900 рублей литр, яйца — 325 рублей десяток[675]. На территории Калининской области стоимость муки доходила до 6000 рублей за пуд, яиц — до 700 рублей за десяток[676].

Тем не менее базарная торговля для значительной части городского населения становилась единственным источником снабжения продуктами. Так, в Брянске, население которого составляло 27 тысяч

669 ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 23, 25–30, 63–80, 98.

670 Там же. Л. 12–19.

671 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 16, 20.

672 Там же. Л. 20.

673 Там же.

674 Там же.

675 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 63.

676 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60.

человек, в период оккупации работало всего три комиссионных магазина, торговавшие непродовольственными товарами. В иных муниципальных торговых точках продовольствия практически не было, в редких случаях оно продавалось по талончикам, выдаваемым горуправой[677]. Подобное положение складывалось и в других областях. Так, доклад представителя ЦШПД на Калининском фронте, составленный в августе 1943 г., гласил, что государственной торговли в оккупированных районах немцами не организовано. Продтоваров для гражданского населения из Германии не завозится, исключая маргарин, патоку, мыло, табачные изделия. Имеющиеся в каждом городе один-два частных магазина торгуют в основном галантерейными товарами — иголками, булавками, брошками, гребешками, гончарными и кустарными изделиями, а также советскими товарами, не вывезенными и не уничтоженными при отступлении Красной армии[678]. Тот же документ указывает на острую нужду населения в товарах первой необходимости: спичках, мыле, табаке, керосине[679].

На фоне этого базарная торговля породила расцвет спекуляции, обогащение одних и тотальное обнищание других. Так, учитывая вышеприведенный уровень цен (см. также приложения), правомерно утверждать, что торгующий продовольствием крестьянин получал доход, превышающий доход самых высокооплачиваемых служащих, включая бургомистров. Упомянутый партизанский доклад, составленный в августе 1943 г., в частности, констатирует: «Широко развита спекуляция. Население голодает из-за недостатка хлеба, променивая свои последние вещи на хлеб»[680].

В то же время ассортимент и качество непродовольственных рыночных товаров оставляли желать лучшего. Эмигрант А.С. Казанцев, посетивший СССР в период оккупации, довольно выразительно описал свое впечатление от посещения рынка в Смоленске осенью 1941 г.: «До слез режет глаза убогость принесенных на рынок для продажи и обмена „товаров“. Вот пожилая женщина со скорбным иконописным лицом… На платке, разложенном у ее ног, полдюжины старых костяных пуговиц, видно споротых с отжившего свой век пальто, покрытый зеленой плесенью подсвечник и коробка спичек немецкого происхождения. Рядом другая. У этой два заржавевших замка с ключами к ним, на веревочках, — „хорошие, еще старорежимной работы“ — рекомендует продавщица, обращаясь к остановившемуся перед ней крестьянину. Пара самодельных свечей, кусок темного, как земля, мыла и тоже две коробки спичек. И так дальше, целый ряд, — ни одной новой вещи, а только такие, какие на всем земном шаре, кроме Советского Союза, можно найти на любом свалочном месте»[681].

Эту убогость и нищету А.С. Казанцев связывает не с оккупацией, а с самой сущностью советского строя, что отчасти верно: «Пусть жестока немецкая оккупация, но где-нибудь во Франции, Бельгии, Югославии этот

677 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 63.

678 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60.

679 Там же.

680 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60.

681 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 170–171.

„товар“ не вынесли бы на базар, продолжайся она хоть двадцать лет. А здесь торгуют, и на все это находятся покупатели… Эта нищета и убогость остались от „счастливой и зажиточной жизни“ при советском строе… Родина, до чего тебя довели!»[682]

Зачастую оккупационные власти пытались бороться с дефицитом путем ограничения прав населения на приобретение тех или иных товаров. Ярким примером служит открывшийся 1 июля 1942 г. в Орле центральный магазин для русского населения. Вход в магазин был открыт лишь для горожан, имеющих на руках талоны достоинством 5, 10, 15 и 20 рублей, выдававшиеся соответственно составу семьи. При покупке товара талоны сдавались в кассу магазина вместе с платой[683].

Как бы копируя установки национал-социализма Германии, сфера обслуживания на оккупированных территориях РСФСР стала почти исключительно уделом частных предпринимателей. Наиболее востребованными стали точки общепита, парикмахерские, бани, портняжные, сапожные и валяльные мастерские, открывшиеся практически в каждом крупном населенном пункте. Так, в городе Торопец Калининской области, население которого на начало оккупации составило 7008 человек[684], открылось 2 бани, 1 купальня[685], 2 парикмахерские, 1 сапожно-валяльная мастерская[686]. Все они были зарегистрированы частными лицами. Из гостиничного хозяйства наиболее востребованными стали постоялые дворы, создававшиеся частными лицами в основном при крупных рынках. Так, в Орле при рынке действовал постоялый двор с конюшней.

Лишь в некоторых случаях предприятия сферы обслуживания находились на балансе органов местного самоуправления, в первую очередь — точки общепита. Характерным примером являются столовые в Брянске, отпускавшие обеды по твердым ценам: борщ без мяса — 6 рублей, котлеты — 15 рублей, колбаса — 300–350 рублей килограмм, хлеб печеный — 40 рублей[687].

С определенной натяжкой к сфере обслуживания можно отнести проституцию, проявившуюся в период оккупации преимущественно в городах. О масштабах этого явления точных цифр и сведений нигде не фигурирует, очевидно, по причине тех предписаний, выполнение которых было для проституток обязательным, но ставило на них несмываемое клеймо позора. Так, в Курске проституция была легализована 19 сентября 1942 г. изданием комендантом города генерал-майором Марселем «Предписания для упорядочения проституции в г. Курске». Согласно этому документу, проститутки подлежали регистрации в отделе службы порядка, и только после получения разрешения военного врача. После этого проститутка была обязана зарегистрировать свою квартиру, в

682 Там же. С. 171.

683 Клич. 1942. 26 июля.

684 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

685 Там же. Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

686 Там же. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 12.

687 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 65.

которой намерена заниматься проституцией, в жилищной конторе и отделе службы порядка, после чего прибить у входа в свою квартиру на видном месте соответствующую вывеску[688]. Понятно, что данное предписание не способствовало потоку желающих легально заняться проституцией, особенно в России с ее патриархальными моральными устоями. По свидетельствам лиц, переживших оккупацию, проституция в Курске, Брянске, Орле и Твери была довольно редким явлением. Интересно, что из 27 жителей этих городов, переживших оккупацию, 11 человек о проституции не слышали вообще, остальные 16 человек упоминали лишь о единичных ее проявлениях.

Уклонение проституток от регистрации наказывалось заключением в лагерь на срок 6 месяцев. Расстрелом наказывалось заражение германских или союзных военнослужащих венерическими болезнями женщинами, знавшими о наличии у них этих болезней и получившими запрет врача на продолжение проституции[689]. По утверждению Б.В. Соколова, нередко немецкие военнослужащие сами искали встреч именно с больными венерическими болезнями проститутками, получая при этом возможность отбыть на несколько месяцев на лечение в тыловой госпиталь[690].

Таким образом, в период оккупации, в условиях обострения дефицита, произошло сокращение торговой инфраструктуры. Однако в этот период наблюдается развитие видов трудовой деятельности, нетипичных для советского времени, например частного предпринимательства, включая частную сферу обслуживания, зачастую с использованием наемной рабочей силы, проституции. Все эти виды деятельности также правомерно отнести к коллаборационизму, поскольку деятельность указанных лиц не только осуществлялась под контролем германских оккупационных властей, но и способствовала их нормальному функционированию. Так, налоги, уплачиваемые предпринимателями, торговцами, работниками сферы обслуживания, шли на нужды германской армии, а торговые точки и частные предприятия являлись источниками снабжения немецких комендатур и воинских частей. То же можно сказать о сфере обслуживания, работавшей как в интересах местного населения, так и германских военнослужащих. Однако следует признать, что частное предпринимательство, торговля, обслуживание были в значительной степени ориентированы на удовлетворение потребностей местного населения, помогая переносить тяготы оккупации, вести сносный образ жизни, получать рабочие места для трудоспособного населения. Поэтому данные виды деятельности, хотя и являлись одной из форм коллаборации с противником, однако не нанесли значительного вреда интересам СССР.

§ 3. Коллаборационизм в области сельского хозяйства

Сотрудничество с оккупантами в сельскохозяйственной сфере является, пожалуй, самой масштабной областью гражданского

688 *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. С. 324–325.

689 Там же. С. 326.

690 Там же. С. 327.

коллаборационизма. Достаточно указать, что из 22 млн советских граждан, работавших в период оккупации на немцев, 20,8 млн были крестьянами[691]. Это напрямую связано с социально-демографической структурой советского общества. Ввиду того что СССР являлся аграрной страной, две трети населения на 1941 г. проживало в сельской местности, а в соседней с РСФСР Белоруссией — четыре пятых населения[692]. Специфика сельского населения состоит в том, что в его составе преобладали люди низкого образовательного уровня, так как небольшая часть сельской интеллигенции в основном эвакуировалась при приближении германской армии[693]. Кроме того, крестьянское население имело почти однородный национальный состав. Даже в пограничных с Украиной и Белоруссией районах РСФСР, где преобладало украинское и белорусское население, каких-либо трений в крестьянской среде на национальной почве не возникало. В центральных же областях РСФСР русское население составляло более 95 %[694]. То есть крестьяне представляли собой однородную массу в национальном, социальном и экономическом отношении.

В отличие от интеллигенции и красноармейцев, крестьян в основной массе интересовал вопрос о дальнейшем существовании колхозов и возможности получить в собственность землю. В основной своей массе крестьяне крайне враждебно относились к колхозам. После завершения коллективизации в 1933 г. внешне удалось добиться стабильности сельского хозяйства, однако германская агрессия четко показала, что крестьяне внутренне не смирились с колхозной системой. Согласно выводам А.С. Казанцева, колхозники формулировали свое отношение к оккупантам довольно упрощенно: «Хуже большевиков немец все равно не будет. Главное, чтоб землю народу дали, а там уж заживем…»[695] По мнению А.В. Посадского, «крестьяне оказались наиболее податливой на сотрудничество с оккупантами группой населения»[696]. Будучи движима подобными настроениями, ощутимая часть крестьянства, особенно в первые месяцы войны, пошла на сотрудничество с немцами. Это сотрудничество развивалось в двух основных направлениях: борьба с партизанами и выполнение продпоставок. Касательно масштабности коллаборационизма среди крестьян показательно свидетельство капитана РККА Гончарова, относящееся к 14 января 1942 г.: «Почти половина деревни работала вместе с немцами. Люди не только не поддерживали партизан, а доносили на них и боролись с ними»[697]. Это свидетельство в основном совпадает с данными органов и должностных лиц местного самоуправления, относящимися к этому периоду, согласно которым в

---

691 *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 214.

692 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 60.

693 Там же.

694 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

695 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 68.

696 *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 618.

697 *Карелл П.* Операция «Барбаросса». Франкфурт— Берлин: Ульштейн, 1963. С. 340.

течение первых шести месяцев войны немалая часть сельского населения охотно шла на сотрудничество с оккупантами[698]. Интересны данные докладной записки начальника Воловского РО НКВД Тульской области лейтенанта госбезопасности Алексеева, согласно которой только за три дня после освобождения района, пробывшего несколько дней под оккупацией, по его деревням задержано около 50 человек явных изменников Родины, в том числе по одному только Никитскому сельсовету — 7 человек. В состав же созданного РО НКВД истребительного батальона по деревням Воловского района удалось набрать только 75 человек, однако автор докладной записки указывает на ненадежность многих из них, планируемый отсев[699].

Что касается продовольственных поставок для германской армии, охарактеризованных в исследовательской и мемуарной литературе как «разграбление населения», необходимо отметить особенности, отличавшие продпоставки в период оккупации от продпоставок в годы военного коммунизма и колхозного строя. А.С. Казанцев указывает, что в прифронтовых областях РСФСР, находившихся в управлении военных, «процесс ограбления крестьянства не был поднят еще на ту высоту, на какую поднял его на Украине экономический диктатор и гаулейтер Кох. В областях, находящихся в ведении военных властей, население не голодало»[700]. О причинах этого тот же автор пишет: «В технике ограбления села немцы, по сравнению с „рабоче-крестьянской властью“, были сущими дилетантами. Коровенка, уведенная хозяином из крестьянского двора на опушку ближайшего леса (дальше нельзя, потому что заберут партизаны), оставалась в хозяйстве до возвращения большевиков. Зерно, ссыпанное в сухом колодце или просто в яме, вырытой во дворе, не могли обнаружить никакие немецкие фуражисты и хозяйственники. Поэтому в годы оккупации хлеб перестал быть в селе редкой ценностью, и в каждом селе, если не в каждом дворе, все годы оккупации дымились самогонные аппараты»[701].

Чтобы понять причины этого, следует сделать обзор политики оккупантов относительно сельского хозяйства. Несмотря на концепцию министра земледелия Германии Дарре о «чуждой расе», «стране рабов», «сельских слуг», практическое следование этим постулатам было бы для оккупантов слишком рискованным шагом, могло затруднить эксплуатацию сельского хозяйства, усилить сопротивление крестьянского населения. По этой причине в течение нескольких месяцев оккупации колхозы продолжали существовать. Более того: роспуск колхозов и раздел их имущества был запрещен приказом германского командования, изданным в декабре 1941 г., согласно которому все продовольствие и колхозное имущество предписывалось взять на учет.

Однако полностью игнорировать «колхозный вопрос» в условиях затяжной войны было невозможно, поэтому германские власти запланировали поэтапную ликвидацию колхозной системы. 16 февраля

---

698 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 33.

699 Хранить вечно. Документы 4-го отдела. С. 12.

700 *Карелл П.* Указ. соч. С. 183.

701 *Карелл П.* Указ. соч. С. 183.

1942 г. вышло распоряжение А. Розенберга под названием «Новый порядок землепользования», заложившее новую основу аграрной политики. Документ включал шесть пунктов:

1. Носил название «Упразднение колхозного строя» и провозглашал преобразование колхозов в «общинные хозяйства».

2. Содержал попытку объяснить разницу между колхозами и «общинными хозяйствами», поясняя, что последние являются лишь временными и остаются как бы переходным звеном между коллективным и единоличным землепользованием.

3. Касался совхозов, которые переименовывались в государственные хозяйства (госхозы), а МТС — в государственные базы. Как госхозы, так и МТС переходили в германское управление.

4. Под названием «Переход к единому землепользованию» предусматривал наделение крестьян землей из общинных фондов.

5. Под названием «Единоличное хозяйство на основе земельного товарищества» гласил, что крестьянские хозяйства, получившие из общинных фондов земли, образовывали «земледельческое товарищество», которое могло иметь общую собственность, которую одному крестьянскому хозяйству приобрести затруднительно, например сельскохозяйственную технику. В отличие от «общинного хозяйства», «земледельческое товарищество» хотя и обязано было коллективно обрабатывать все земли, однако после сева проводилось межевание, а урожай каждое крестьянское хозяйство убирало единолично.

6. Провозглашал создание самостоятельных единоличных хозяйств — хуторов и отрубов. Крестьяне по желанию могли отделяться, единолично владеть как землей, так и лошадьми, инвентарем и даже техникой. Единственной повинностью для них оставался сельхозналог.

Для контроля за «общинными хозяйствами» германские власти организовали земельные управления (областные, окружные, районные), подчинявшиеся Главному германскому земельному управлению[702]. Первоначально, вероятно с целью завоевания симпатий крестьянства, было провозглашено его освобождение от налогов, кроме того, пропагандировалось введение частной собственности на землю, но с сохранением общинного землепользования[703]. Территория «общинного хозяйства», как правило, соответствовала территории бывшего колхоза, а руководил общинным хозяйством сельский староста, совмещая обязанности административного и хозяйственного руководителя[704]. На старосту, помимо административных обязанностей, возлагался контроль за выполнением продпоставок, распределение работ, вывод трудоспособного населения на работы, обеспечение и контроль их выполнения. С этой целью на старосту накладывались дополнительные обязанности, связанные с обеспечением производственного процесса, нередко трудновыполнимые. Так, одна из служебных инструкций для старост, выпущенная командованием группы армий «Центр» во второй половине 1941 г., предписывала организацию в каждом «общинном

---

702 ГАКО. Ф. Р-3555. Оп. 1. Д. 1. Л. 74; ЛАЕ. Приказ № 5 по проведению нового земельного порядка (Листовка. Типогр. экз.).

703 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 56.

704 Там же. Л. 59.

хозяйстве» ремонтной мастерской для починки крестьянских саней и телег. Размеры и возможности общины при этом в расчет не принимались. Одновременно инструкция обязывала немецкие комендатуры — полевые и местные — обеспечить общины необходимыми инструментами и материалами[705].

Земля в общине распределялась по наделам: каждое крестьянское хозяйство (семья), имеющее лошадь и хотя бы одного трудоспособного мужчину, получало полный земельный надел — 2–3 га. Хозяйство, не имеющее лошади и трудоспособных мужчин, получало половинчатый надел, независимо от количества едоков. Никакой помощи таким хозяйствам со стороны общины официально не было предусмотрено[706].

Лишь 15 февраля 1942 г. германское руководство приняло «Положение о землепользовании» («О новом порядке землепользования»), в котором провозглашалась поэтапная ликвидация колхозной системы и переход к частным крестьянским хозяйствам[707]. Последнее было закреплено в распоряжении «Об организации, управлении и ведении хозяйства в крестьянских общинных хозяйствах» от 17 марта 1942 г.[708] Начавшаяся аграрная реформа, по мнению Д. Армстронга, представляла собой лишь номинальный отказ от колхозной системы, ввиду чего снижался эффект ее воздействия на умы крестьян. Последние были разочарованы, поняв, что немцы фактически сохраняют систему, напоминающую колхозную[709].

Что касается раздела колхозной собственности и наделения крестьян землей, это произошло с большим опозданием, практически в последние месяцы оккупации. Так, распределение земли наделами на оккупированной территории Калининской, Новгородской, Псковской, Ленинградской областей началось весной 1943 г. Надел на 1 человека составлял от 2 до 3,5 га, однако семья не могла иметь в пользовании более трех наделов. Наделы могли быть увеличены семьям коллаборационистов, преимущественно служащим полиции, а семьи партизан получали не более 3 га, причем самого плохого качества[710]. Семьи, не имеющие лошадей и трудоспособных мужчин, получали половину установленного земельного надела[711]. План сева на каждую семью устанавливался в размере не менее 3 га. Налоговая ставка после распределения наделов земли составила 150 рублей с каждого трудоспособного. Обработка земли из-за отсутствия конной тяги нередко осуществлялась вручную, а использование при вспашке тракторов, хотя и

---

705 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

706 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59.

707 Там же; *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993. С. 38.

708 ЛАЕ. Приказ № 5 по проведению нового земельного порядка (Листовка. Типогр. экз.).

709 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 410.

710 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 48.

711 Там же. Л. 59.

имело место, было редкостью[712]. В Рудненском районе весной 1943 г. зарегистрированы курьезные случаи решения вопроса с тягловой силой. Немцы сдавали крестьянам внаем провинившихся венгерских солдат с правом впрягать их в плуги вместо лошадей. Плата за наем 1 солдата составляла 10 яиц в день[713]. Наряду с получением наделов в частную собственность сохранялась так называемая система общинных хозяйств на базе частной собственности. Каждая деревня составляла общину, руководил которой сельский староста[714].

Любопытны данные профессора Висконсинского университета Д. Армстронга, согласно которым советские партизаны «получали указания терпимо относиться к раздаче земли крестьянам и даже распространяли слухи об отказе от системы коллективного ведения сельского хозяйства после войны»[715].

В этот же период, с весны 1943 г., начала насаждаться хуторская система, к чему оккупантов, вероятно, подтолкнула низкая производительность «общинных хозяйств». С этой целью проводились так называемые «земские компании». Суть их заключалась в предоставлении крестьянам права свободного выхода из общины, наделении их землей по количеству едоков и разрешении жить обособленно — хуторами. В частности, по Идрицкому району Калининской области к июлю 1943 г. около 200 хозяйств выехало на хутора. В результате этими хозяйствами было засеяно 2500 га озимых и 1500 га яровых культур, что говорит о большей эффективности единоличного хозяйствования[716].

Однако достигнуть довоенного уровня по объему посевных площадей так и не удалось. Так, в среднем по центральным областям РСФСР на весну 1943 г. посевные площади составляли около 60 % от довоенных[717].

Основной формой эксплуатации крестьянства повсеместно стала система налогов. На протяжении всего периода оккупации взимался налог двух видов: натуральный и денежный. Однако последний не оправдал себя из-за низкой платежеспособности села и преобладания в крестьянской среде порожденного колхозной системой натурального хозяйства. Что же касается натурального налога, он делился на несколько видов, ярким примером чего являются годовые ставки, установленные в ряде районов Орловской области:

— военный налог — 6 центнеров зерна;
— мясо — по 1 центнеру с двора;
— молоко — 300–350 л с коровы;
— яйца — 50–75 штук со двора;
— птица — 7 кг живого веса с хозяйства (двора);
— рожь — 3 центнера с гектара;
— пшеница, овес, ячмень — по 2 центнера с гектара.

---

712 Там же. Л. 48.

713 Там же.

714 Там же. Л. 59.

715 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 61.

716 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 166.

717 Там же. Л. 59.

Ряд натуральных налогов не был фиксированным, взимаясь по мере потребностей германских структур: сено и солома, пенька и лен, шерсть, приплод крупного рогатого скота[718].

Что касается денежных налогов, они, пусть формально, имели следующие размеры:

— подушный — 70 руб. с души в год, с лиц в возрасте от 16 до 60 лет, независимо от пола и работоспособности;

— земельный — 56 руб. с 1 га пахотной земли, независимо от того, в общинном или единоличном пользовании она находилась[719].

В большинстве оккупированных тыловых районах группы армий «Центр», вопреки вышеприведенной оценке эмиграцией жизненного уровня населения, официальные документы характеризуют его как крайне низкий. Так, в 37 сохранившихся анкетах сельских старост деревень Калининской области периода июня 1942 г., носящих форму отчета, стоял вопрос о питании населения. При этом 29 старост указали на плохое питание сельчан, 3 — на среднее, 1 — на хорошее, в четырех анкетах вопрос о питании населения игнорирован[720]. Финансовое положение населения 24 анкеты характеризуют как плохое, при этом старосты указывают на полное отсутствие у жителей их деревень денег, 6 анкет указывают на хорошее финансовое положение сельчан, 1 староста информацией по этому вопросу не владеет, 6 старост данный вопрос игнорировали[721]. 28 опрошенных указали на полное отсутствие товарообмена, 6 — на наличие, 3 — вопрос игнорировали[722]. При этом подавляющее большинство опрошенных указали на большую занятость населения, на минимальное число безработных. В частности, 29 — на полное отсутствие безработных, 5 — на их минимальное количество (от 1 до 5 человек), в 3 анкетах вопрос о безработице игнорирован[723]. На этом фоне часть безработных (4 человека) согласилась выехать на работу в Германию, 3 человека к моменту проведения опроса уже выехали[724].

Что касается состояния деревни, согласно партизанским сводкам, конский состав в большинстве деревень прифронтовой полосы на лето 1943 г. сократился до 10–20 % от довоенного, поголовье крупного рогатого скота — до 20–30 %, мелкого рогатого скота — до 5 %[725]. Лишь в районах военного управления, отстоящих на 150–200 и более километров от линии фронта, положение было несколько лучше. Т.-ч, в Красногородском, Пушкинском, Новоржевском, Кудеверьском районах Калининской области поголовье лошадей и крупного рогатого скота

---

718 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22; Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 80.

719 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 80.

720 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–155..

721 Там же.

722 Там же.

723 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–155.

724 Там же. Л. 118, 125, 132, 138.

725 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 59, 166.

составляло на тот же период 45–50 % довоенного[726].

На этом фоне любопытны отраженные в вышеупомянутых анкетах просьбы населения к германскому командованию. В частности, 14 анкет содержат просьбы помочь в сельхозработах, в основном обеспечить лошадьми, 11 — обеспечить население товарами, преимущественно хлебом, 2 — открыть школы, 2 — поскорее окончить войну, 1 — осуществить скорейший перевод крестьян на единоличное землепользование, 1 — очистить Россию от коммунистов и евреев. Только один опрошенный указывает на отсутствие просьб, четверо этот вопрос игнорируют[727].

Что касается практических результатов эксплуатации сельского хозяйства, общий объем дохода Германии в результате изъятия сельхозпродукции на оккупированных территориях СССР за два года — 1942–1944 — превысил сумму в 4 млрд немецких марок.

В этой связи уместно сравнить коллаборационизм в сельскохозяйственной сфере с политикой эксплуатации сельского хозяйства на территориях, подконтрольных партизанам. В то время, когда немцы, по сути, сохраняли колхозную систему, партизаны иногда проводили совершенно противоположную политику. Так, согласно донесениям группы армий «Центр», партизаны уже в декабре 1941 г. «по указаниям из Москвы распределили колхозную землю среди крестьян»[728]. В донесениях 3-й немецкой танковой армии, составленных в марте 1942 г., сообщалось, что в ряде районов к северу от Брянска местные жители на подконтрольных партизанам территориях «получили в собственность землю и часть урожая»[729]. В другом немецком донесении, составленном, по всей видимости, осенью 1942 г., указывается, что практические шаги партизан по ликвидации колхозной системы даже превзошли меры, предпринятые немцами: «В ряде полностью контролируемых партизанами районов по приказу Сталина вводится совершенно новая система поставок. Крестьяне этих районов должны сдавать лишь половину того количества продукции, которое требуется сдавать в контролируемых нами районах. Вместе с тем отмечаются случаи, когда крестьянам отдают землю, при этом наделы земли по площади превосходят выделяемые нами»[730].

Не создав чего-либо нового по части эксплуатации сельского хозяйства, оккупационные власти, сохранив колхозную систему, продолжали, по сути, колхозную политику общинного землепользования, проводившуюся при советской власти. Планы восточного министерства Германии по реформированию сельского хозяйства носили в основном декларативный характер, многие планы не были доведены до завершения. Лишь отчасти российская деревня периода оккупации напоминала деревню периода реформ П.А. Столыпина 1905–1916 гг. Однако намеченный восточным министерством и начавшийся переход к

726 Там же.

727 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 4. Л. 111–155.

728 Цит. по: *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 395.

729 Там же.

730 Там же. С. 396.

единоличному землепользованию был осуществлен лишь в минимальном объеме ввиду непродолжительности оккупации. В результате отсутствия ощутимых перемен оккупантам не удалось завоевать симпатии крестьянства, предложив ему что-либо лучшее, нежели советская колхозная система. Так или иначе, материальный уровень сельского населения либо остался прежним, либо вырос незначительно. Напротив, правомерен вывод о том, что крестьянство, несмотря на большую занятость в интересах германской армии, являлось самой неимущей категорией коллаборационистов, материальное положение которой даже уступало положению самых низкооплачиваемых городских рабочих и служащих. В свете этого можно усомниться в сохранившемся в течение всего периода оккупации желании основной массы крестьянства сотрудничать с немецкими властями. Однако, к сожалению, не представляется возможным провести четкую грань между коллаборационизмом в среде крестьянства и его вынужденной работой на оккупантов. Как бы то ни было, именно сельское хозяйство стало и оставалось в течение всего периода оккупации основным поставщиком продукции для германской армии.

Глава 4
Особенности оккупационной политики

§ 1. Псевдогосударственные территориальные образования

На протяжении периода оккупации в некоторых областях СССР возникали территориальные образования, так называемые республики, претендовавшие на экономическую, политическую, военную и даже, иногда, религиозную самостоятельность.

Наиболее выразительным примером в этом отношении является часть территории Орловской и Курской областей, где на протяжении двух лет оккупации существовал Локотской автономный округ, в народе получивший название Локотской республики.

Начало созданию Локотского самоуправления положила оккупация Брасовского района Орловской области с его центром в поселке Локоть 4 октября 1941 г. войсками 17-й танковой дивизии 2-й танковой армии вермахта.

Следует выделить несколько совокупных причин, почему германское командование решилось предоставить здесь русским широкие суверенные права, шедшие вразрез с официальной нацистской политикой по отношению к славянам, отличавшиеся от тех, которыми они пользовались на других оккупированных территориях. Прежде всего, это было связано с наличием в этой части брянских лесов значительного количества партизанских отрядов, созданных усилиями органов НКВД и руководимых исключительно его сотрудниками. На вооружении партизан были все виды стрелкового оружия, артиллерия и даже танки. Попавшие в окружение бойцы и командиры 3-й и 13-й армий Брянского фронта нередко, в стремлении избежать плена, с оружием в руках присоединялись к партизанам, доставляя им значительное пополнение[731].

731 В Брянско-Вяземском котле осенью 1941 г. оказалось 663 тысячи человек. *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 200; *Александров К.М.* Тайное оружие вермахта. С. 14–15.

Германским частям и оккупационным учреждениям могла грозить постоянная опасность со стороны столь мощных партизанских сил. Вторая причина невмешательства немцев в дела Локтя состояла в том, что экономическая база района была сравнительно слабой и не представляла большого интереса для завоевателей. Промышленность, к тому же в значительной мере разрушенная при отступлении Красной армии[732], была ориентирована в основном на удовлетворение местных потребностей. Третья причина, пожалуй самая существенная, — необходимость обеспечения коммуникаций 2-й танковой армии. Через Брасовский, Навлинский, Суземский районы проходили железнодорожные пути, бывшие единственной транспортной магистралью, связывавшей продвинувшуюся на восток 2-ю танковую армию с тыловыми районами. Для охранной деятельности немцам требовалось или распылить силы, оставив здесь значительный воинский контингент, или же возложить эту задачу на местное население, предоставив ему за это самостоятельность.

Сразу же по указанию немцев здесь было образовано самоуправление, возглавили которое назначенный старостой К.П. Воскобойник и его заместитель Б.В. Каминский, бывшие политзаключенные, имевшие все основания негативно относиться к советской власти и существовавшему в СССР режиму. Последний, получив документы на эвакуацию, ими не воспользовался, оставшись в Локте ждать прихода немцев. С приходом оккупантов в руках К.П. Воскобойника и Б.В. Каминского оказалось сосредоточенным как гражданское, так и военное руководство местным отрядом самообороны, названным народной милицией[733].

Дошедшие до нас документы НКВД дают основания сделать вывод о неадекватности ситуации, сложившейся накануне войны в Локте и близлежащих районах. В документах отмечается наличие сильных антисоветских настроений среди местного населения и высокая концентрация антисоветски настроенных элементов в местных советских и даже партийных органах. Так, в докладной записке начальника штаба партизанского движения на Брянском фронте старшего майора ГБ Матвеева сообщается о сильных антисоветских настроениях крестьян, засоренности партийных и советских организаций «чуждым элементом», а также что в период войны «по сравнению с соседними районами Брасовский район дал из числа партийно-советского актива относительно меньший процент партизан и относительно больший — предателей»[734].

Одной из причин этого является специфика дореволюционного быта локотского населения. Являясь собственностью великого князя Михаила Александровича Романова, локотские земли отличались, по оценке ряда авторов, огромным богатством[735]. Жизненный уровень местного

---

732 Голос народа. 1942. 5 ноября.

733 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 102.

734 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 69–70.

735 *Городков В.* Указ. соч. С. 88–95; Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. С. 186–190; *Осипов Б.* Указ. соч.; *Шпачков В.* Указ. соч.

Интересно, что именно Локоть избрал местом своего творчества академик живописи,

населения, по оценке С.И. Дробязко, в XIX — начале XX века был гораздо выше уровня большинства российских крестьян[736]. Для локотян, не познавших ни крепостного права, ни послереформенного разорения, коллективизация и система колхозов стали не вторым, а первым крепостным правом. В уже цитировавшейся записке Матвеев отмечает наличие враждебности крестьян к советской власти, сохранявшейся на протяжении всех послевоенных лет, что, по его мнению, «нисколько не способствовало большевизации района»[737]. В мемуарной литературе также отмечены антисоветские настроения большей части местного населения[738].

Интересны слова той же записки Матвеева о том, что с началом оккупации в Локоть вернулись десятки раскулаченных и высланных в период коллективизации, и, предчувствуя конец советской власти, «уже присматривались к бывшей своей собственности, прикидывая, во что обойдется ремонт жилого дома, каким образом использовать „свою“ землю, выгодно ли восстановить мельницу и т. д.»[739]

Из этой же записки можно сделать вывод, что накануне прихода немцев сложившаяся в Локте ситуация вышла из-под контроля местных советских органов. Матвеев сообщал, что «эвакуируемые семьи партийного и советского актива провожались под свист и недвусмысленные угрозы со стороны распоясавшейся антисоветчины, а часть сотрудников учреждений упорно избегала под различными предлогами эвакуации»[740]. В той же записке поселок Локоть назван «политическим центром контрреволюции»[741]. Однако составители записки пытаются, насколько это возможно, ретушировать сложившуюся в Локте необычную ситуацию, простодушно называя Локоть «резиденцией кучки предателей»[742]. А согласно справке Украинского штаба партизанского движения, «в первые дни оккупации в селах Орловской области всплыл на поверхность весь антисоветски настроенный элемент — кулаки, подкулачники, люди, в той или иной степени чувствовавшие себя обиженными. Среди них была и часть сельской интеллигенции — учителя, врачи. Этот народ по-своему воспринял пришествие немцев, подбивая и остальной неустойчивый элемент села принять новый порядок как истинно народный, свободный от притеснений коммунистов»[743].

художник-пейзажист С.Ю. Жуковский (1873–1944), написавший здесь ряд картин. Несколько написанных им в Локте полотен сейчас находятся в Путевом дворце г. Твери. *Горелов М.И.* Указ. соч. С. 148–150, 253–254.

736 *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 169.

737 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 80–81.

738 *Стеенберг С.* Указ. соч. С. 90.

739 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 80–81.

740 Там же.

741 Там же.

742 Там же.

743 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1027. Л. 80–81.

Описывая сложившуюся в области на тот период ситуацию, начальник Орловского НКВД К.Ф. Фирсанов пишет, что здесь «стала всплывать на поверхность всякая нечисть: троцкисты, меньшевики, правые эсеры, кулаки и бывшие купцы. Кое-где появились доставленные немцами с эмигрантской свалки помещики. Вся эта немногочисленная, но очень озлобленная и грязная свора была верной опорой и лакеями фашистов… Вся эта нечисть стала искать формы, чтобы объединиться и придать себе политическую окраску»[744]. Руководителя созданного здесь вскоре самоуправления Воскобойника тот же автор называет «помещичьим отпрыском», а его заместителя Каминского — «бывшим троцкистом»[745], хотя к помещичьему классу Воскобойник не имел никакого отношения, равно как и Каминский — к троцкизму.

Упомянутый старший майор госбезопасности Матвеев, характеризуя коллаборационистский контингент Орловской области, в своей докладной записке на имя заместителя начальника ЦШПД Сергиенко от 30.11.42 пишет, что на службу во вспомогательную полицию «шли исключительно отъявленные враги советской власти: кулаки и их дети, лица, репрессированные органами советской власти за различные преступления, а также уголовный элемент»[746]. В подтверждение своих доводов Матвеев приводит автобиографию некоего Н.Е. Медведева, подавшего в Речицкую волостную управу заявление о приеме в полицию: «Отец мой до революции занимался земледелием, имел 2 хаты, 2 лошади, одну корову, сад. В 1932 году моего отца раскулачили, и по суду он был осужден на 2 года тюремного заключения. В 1934 году прибыл в дер. Дорогинь, где вступил в колхоз со своей семьей в количестве 7 душ и проработал в колхозе три года, а потом в 1937 году моего отца взяли под стражу НКВД, где его судила Тройка за контрреволюцию и присудила к тюремному заключению на 10 лет»[747].

Таким образом, упомянутые источники указывают на две причины, вызвавшие к жизни коллаборационистские настроения локотян: политический мотив, порожденный негативным отношением значительной части населения к советской власти, и наличие большого количества уголовного элемента.

В то же время анализ сохранившихся документов позволяет поставить последнее под сомнение. Просмотр личных дел, автобиографий, характеристик сотрудников Локотского самоуправления, иных созданных в пределах округа структур, бойцов и командиров созданной из местного населения Русской освободительной народной армии (РОНА) не дает основания согласиться с выводами вышеприведенных донесений НКВД о преобладании в среде коллаборационистов Локотского округа уголовного элемента[748].

Возглавившие самоуправление Воскобойник и Каминский относились к местной интеллигенции, обладали большими организаторскими

744 *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 77.

745 Там же.

746 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 14-148 об.

747 Там же.

748 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 35. Л. 5-83; Д. 1, 25, 41, 51, 59, 60.

способностями. В частности, Воскобойник относился к категории «незаменимых общественников», стремился быть на виду при проведении различных кампаний, участвовал в ряде общественных организаций в лесохимическом техникуме, где работал преподавателем физики[749]. Можно предположить, что Воскобойник и его заместитель Каминский пользовались определенным авторитетом среди местного населения, в первую очередь — интеллигенции.

Помимо Воскобойника и Каминского в утвержденное оккупантами 16 октября 1941 г. управление Локотской волости вошел практически весь срез местной интеллигенции. Так, занявший пост гражданского заместителя бургомистра С.В. Мосин до войны был заведующим Брасовским районным отделом народного образования, директором школы, ранее исключался из ВКП(б), отбыл полтора года тюремного заключения за «контрреволюционные действия»[750], ставший бургомистром Брасовского района М.И. Морозов — бухгалтером Брасовского райпотребсоюза, начальник планового отдела Локотского округа М.В. Васюков — председателем Брасовского райплана, старший юрист юридического отдела С.Н. Павлюченко — председателем Брасовского райисполкома, староста поселка Локоть В.И. Королев — членом ВКП(б), директором швейной мастерской и членом ВЦИК в 1929–1934 гг., командир Суземской роты самообороны К. Терешкин — председателем колхоза «Авангард»[751]. Несколько выделялся лишь начальник Брасовской районной полиции Р.Т. Иванин, который в упомянутой докладной записке Матвеева и Быстрова характеризовался как «разложившийся тип, пьяница, время от времени разнообразивший скуку провинциальной жизни судимостями и отбыванием наказания за хулиганство, жульничество и тому подобных»[752]. В свете этого утверждение начальника Орловского НКВД К.Ф. Фирсанова о «нечисти» и «грязной своре» представляется сомнительным. Столь же несостоятельно и голословно его утверждение о локотских коллаборационистах как о «добровольцах из кулаков, воров, хулиганов и т. п. „борцах за идею“, практически знакомых со всеми без малого статьями уголовного кодекса»[753].

В Локте и близлежащих районах осталось немало педагогов, медиков, технических специалистов, в частности 1338 учителей, 51 врач, 179 средних медработников[754].

Наличие большого количества антисоветски настроенной интеллигенции в сочетании с неприязнью значительной части крестьянства к советской власти создало хорошую платформу для формирования коллаборационистских настроений. Немалый толчок этому дало и поведение местных советских и партийных органов, в преддверии

749 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 70.

750 Там же.

751 *Александров К.М.* Оккупация отдельно взятого региона.

752 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 82–85.

753 Там же.

754 Голос народа. 1942. 5 ноября. № 28.

оккупации приступивших к систематическому уничтожению имущества и продовольствия вместо того, чтобы раздать не подлежащие эвакуации запасы местному населению. Тем самым население ряда районов Орловской области, включая женщин и детей, обрекалось на голодное существование в условиях надвигавшейся оккупации. Так, из остававшихся на Орловщине к концу эвакуации 30 450 т зерна было сожжено 25 285 т. Кроме того, сжигался необмолоченный хлеб в скирдах[755].

В декабре 1941 г. администрации Воскобойника и Каминского удалось установить более тесные и доверительные отношения с начальником 532-го тылового корпуса 2-й танковой армии генерал-майором Брандтом[756]. В результате Локотская волость была преобразована в Локотской район под русским автономным управлением, а Воскобойник назначен бургомистром.

После гибели 8 января 1942 г. Воскобойника[757] в результате налета на Локоть партизан его сменил на посту бургомистра Каминский[758], ставший одновременно командиром созданных отрядов народной милиции. В отличие от интеллигента Воскобойника Каминский отличался властолюбием и даже деспотичностью, не останавливался перед самыми жесткими мерами правления. Р.Н. Редлих охарактеризовал его следующим образом: «Он стоял на позициях: все равно с кем, хоть с чертом, лишь бы большевиков резать. Хорошие немцы, плохие, а мне какое дело… Он был зверский антикоммунист, как сейчас говорят — пещерный»[759]. Очистив в результате успешных антипартизанских

---

755 *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 22.

756 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

757 Во всех без исключения известных на сегодняшний день работах по истории ЛАО встречается грубейшая ошибка относительно места гибели К.П. Воскобойника и эпицентра боя 8 января 1942 г. В частности, утверждается, что Воскобойник был смертельно ранен на крыльце дворца великого князя М.А. Романова (см., напр.: *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 127; *Он же.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. С. 121; *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 38). Причиной данной ошибки, на наш взгляд, являются данные о том, что это произошло вблизи здания техникума. Однако в Локте на начало войны было три техникума: гидромелиоративный, теплотехнический и лесохимический. Два первых находились в непосредственной близости друг от друга: во дворце Романова и в здании слева. Третий был расположен в центре поселка (впоследствии — здание театра, теперь — администрации Брасовского района). Тщательный опрос местных жителей, в том числе бывших коллаборационистов, их родственников, участников партизанского движения, проведенный нами летом 2009 г., выявил, что ни одно из трех зданий резиденцией Воскобойника не являлось — он жил в непосредственной близости от общежития лесохимического техникума (не сохранилось) в одноэтажном бревенчатом доме по адресу: переулок Воскобойника, 1 (сегодня — ул. Лесная, 1). Поэтому утверждения партизанских командиров М.В. Балясова о том, что это было на крыльце не дворца, а «хаты», З.Л. Богатыря, что здание казармы народной милиции было деревянным (общежитие лесохимического техникума), полностью соответствуют действительности. См.: *Жуков Д.А., Ковтун И.И.* Указ. соч. С. 38.

758 Партизаны Брянщины. Т. 1. С. 420–421; *Богатырь З.А.* Указ. соч. С. 44–47.

759 *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 432.

действий территорию нескольких районов, в ходе чего некоторое количество партизан перешло на его сторону (за период с 19 по 27 июня 1942 г. из партизанских отрядов Суземского района дезиртировало 427 человек, 65 из них перешли на сторону локотян)[760], Каминский снискал расположение германского командования. В результате в распоряжение Каминского были переданы Навлинский и Комаричский районы Орловской области, Дмитриевский район Курской области[761]. 19 июля 1942 г. приказом № 1023-42 главнокомандующего 2-й танковой армией генерал-полковника Р. Шмидта территория округа была расширена до восьми районов, включив Брасовский, Навлинский, Суземский, Комаричский, Севский, Михайловский, Дмитровский и Дмитриевский районы Орловской и Курской областей с общим количеством населения 581 тысяча человек[762].

После выхода указанного приказа все немецкие штабы, комендатуры были выведены за пределы Локтя. В поселке остались лишь служба связи, не имевшая командных полномочий и локотское отделение Абвергруппы 107, называвшееся, в соответствии с позывными радиостанции, «Виддер», возглавляемое зондерфюрером Гринбаумом[763].

Административная система Локотского окружного самоуправления в общих чертах была схожа с той, которая существовала в других оккупированных областях РСФСР. Однако вся полнота власти на местах, включая военные вопросы, принадлежала здесь не немецким комендатурам, а органам местного самоуправления. Каждый район округа имел районную управу, возглавляемую бургомистром. Район включал пять-шесть волостей, каждая возглавлялась волостным управлением во главе с волостным старшиной. Первичной административной единицей была сельская община, существовавшая в масштабе одного села, возглавляемая сельским старостой. Последнему подчинялись заместитель, писарь и несколько полицейских[764]. Полномочия любого местного начальника на вверенной ему территории были практически неограниченны. На других оккупированных территориях полномочия органов местного самоуправления ограничивались гражданскими вопросами, касающимися быта населения, выполнения продовольственных поставок для германской армии, поддержания порядка. Даже руководство органами вспомогательной гражданской полиции всецело находилось в руках немцев. Из германских учреждений практически в каждом районе действовали военная комендатура, хозяйственная комендатура, полевая жандармерия, тайная полевая полиция (Geheime Feldpolizei — ГФП)[765]. Что касается военных комендатур в других районах Локотского округа, их деятельность ограничивалась чисто военными вопросами, без права вмешательства в

760 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 750. Л. 103.

761 Там же. Д. 913. Л. 72.

762 Голос народа. 1942. 25 июля.

763 В сердце «Виддера»//Чекисты: Сб. М., 1970. С. 260.

764 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 903. Л. 151.

765 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 663. Л. 110 об.

дела самоуправления.

Низшее звено системы самоуправления — сельские старосты — избиралось на сельских сходах, а высшее, начиная с волостного старшины, назначалось вышестоящими органами самоуправления.

Высшая власть на территории округа находилась в руках обер-бургомистра Б.В. Каминского. Он возглавлял окружное самоуправление и народную милицию. Подчиненный ему аппарат окружного самоуправления включал 19 отделов[766]. Подведомственные им отделы имелись в районных управлениях, при которых находились соответствующие инспектора (по промышленности, по финансам и т. д.). Огромный административный аппарат Локотского самоуправления, хотя и повторял многие черты советских исполкомов, был фактически создан заново, а районные управления создавались на базе советских учреждений, почти без смены их кадрового состава.

Согласно информационной сводке штаба партизанской бригады «За власть Советов» штабу объединенных партизанских бригад от 29 декабря 1942 г., формирование административных органов на территории Локотского округа осуществлялось в ноябре — декабре 1941 г. В течение этого времени были созданы окружные, уездные, волостные управления, при каждом них — полицейский отдел наружной службы, финансовый отдел, военный отдел, сельскохозяйственный отдел и др.

Форма землеустройства и землепользования устанавливалась следующим образом: вся земля, принадлежавшая колхозам и совхозам, была разделена по едокам. Например, землю Быховского совхоза разделили между селами Новый Путь (268 га), поселками Пивовар (253 га), Пески (130 га) из расчета 0,35 га на душу. Кроме того, согласно директиве Шаровского волостного управления от 7 мая 1942 г., прибывшие в село семьи раскулаченных должны наделяться землей и обеспечиваться посевными материалами за счет самообложения населения.

Ввиду сельскохозяйственной специфики округа развитию сельского хозяйства придавалось не меньшее значение, чем промышленности. Так, колхозная система была упразднена, а земля передана в вечное и наследственное пользование крестьянам. При проведении аграрной реформы особенно много внимания уделялось жертвам коллективизации;

Волостные управления для земельных обществ утверждали планы посевных площадей. При каждом земельном обществе засыпались сельфонд и волостной фонд. Колхозные лошади и сельхозинвентарь были распределены по хозяйствам в индивидуальное пользование.

Главной задачей Локотского самоуправления, если не считать борьбы с партизанами, было восстановление разрушенной при отступлении. Красной армии экономики.

О результатах свидетельствует обзор состояния промышленности, сельского хозяйства и финансовой сферы на осень 1942 г., то есть к концу первого года существования самоуправления[767].

За этот сравнительно короткий срок были проделаны объемные работы по восстановлению спиртзавода, к концу 1942 г. в Локте заработали две электростанции — одна постоянного, другая переменного

766 Речь. 1942. 25 ноября. № 138.

767 Голос народа. 1942. 5 ноября.

тока, освещавшие как предприятия и учреждения, так и квартиры. Были пущены две механические мастерские, где ремонтировались автомобили, бронемашины, средние и легкие танки, оружие[768]. Также действовали кузнечный и литейный цехи, ряд мастерских, 249 мельниц, в том числе 32 паровые, Лопандинский кирпичный завод[769].

Даже в малопромышленном городе Севске на октябрь 1942 г. действовали: маслозавод, крахмальный завод, при котором проектировались также спиртоводочный и паточный цеха, сушильный завод, мастерские МТС, известковый завод. Были восстановлены и работали водопровод и электростанция, по району действовали мелкие предприятия: мельниц ветряных — 36, водяных — 2, механических — 5, прососушек — 8. В стадии восстановления находился Севский кирпичный завод[770].

Восстановление промышленности дало возможность как обеспечить население необходимой продукцией, так и создать для трудоспособных рабочие места. Несмотря на невысокую зарплату, трудоспособные жители и их семьи были обеспечены прожиточным минимумом, что в условиях военного времени выгодно отличало округ от других оккупированных территорий, где во время оккупации предприятия работали лишь в том объеме, в каком это было необходимо для германской армии.

Как бы копируя модель экономики Германии, экономика Локотского округа включала два сектора: государственный и частный. К последнему относились мелкие предприятия и мастерские, не имевшие сколько-нибудь важного экономического значения и всевозможные сбои в работе которых никоим образом не могли отразиться на военном и экономическом положении округа.

23 июня 1942 г. обер-бургомистром был издан приказ № 185 «О восстановлении справедливости в отношении раскулаченных», в соответствии с которым все конфискованное при советской власти имущество безвозмездно возвращалось прежним владельцам. В случаях, если постройки к тому времени были уничтожены, бывшие владельцы получали аналогичные из числа бывших колхозных или бесплатный лесоматериал для строительства новых. В соответствии с упомянутым приказом часть колхозных построек передавалась бойцам народной милиции, полицейским, семьям, пострадавшим от партизан, сотрудникам аппарата самоуправления, а также беднейшему населению бесплатно[771]. Это в немалой степени способствовало завоеванию местной властью авторитета среди крестьянства, увеличивало поток добровольцев в бригаду Каминского. Высказанное в публицистических печатных изданиях утверждение о выделении по 10 га земли на семью[772] нашло полное подтверждение в ходе проведенного нами опроса локотского населения, пережившего оккупацию.

---

768 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 2.

769 Там же.

770 Севский листок. 1942. 14 октября.

771 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 81.

772 См., напр.: *Веревкин* С. Локотская альтернатива // Парламентская газета. 2006. 22 июня.

Благодаря ликвидации колхозов и разделу колхозной собственности жизненный уровень населения стал выше, чем в других оккупированных областях, где колхозная система была сохранена немцами как наилучшая с точки зрения оккупационных властей форма экономического господства.

Лишь там, где это было оправдано местными условиями, наряду с частными крестьянскими хозяйствами сохранялись коллективные хозяйства, преобразованные в земельные общества, которые должны были служить переходной ступенью к частному землевладению. Примером такого хозяйства может служить Соколовское земельное общество, объединявшее пять деревень, которые насчитывали в общей сложности 367 крестьянских дворов. Общество имело ряд производств, в том числе молокозавод, кузнечную и валяльную мастерские, две кустарные маслобойки, а также медпункт, ветпункт и школу. Члены общества были обеспечены скотом и инвентарем[773].

Помимо частных и общинных хозяйств, в Локотском округе было образовано шесть госхозов (очевидно, на месте прежних совхозов), которые специализировались по определенным отраслям земледелия и скотоводства. Например, госхоз животноводческого профиля в Севске имел 44 лошади, 131 голову крупного рогатого скота, 279 голов овец, 31 колоду пчел. Площадь госхоза составляла 2771 га, в том числе 1168 га пахотной земли, 10 га сада, 425 га луга, 300 га выгона, 6 га усадьбы. При госхозе работали кузнечная, плотницкая и слесарно-токарная мастерские, а также мельница и просорушка. Все рабочие совхоза были снабжены квартирами, топливом, хлебным пайком и денежной зарплатой. Те из них, кто не имел приусадебного участка, получали литр молока в день и снабжались овощами по твердым ценам[774].

Налоговую систему округа можно охарактеризовать как щадящую. Финансовые и натуральные налоги были гораздо ниже, чем на других оккупированных территориях. Так, денежный поквартальный налог с одного трудоспособного составлял от 30 до 50 рублей, в то время как в других областях — от 75 до 125 рублей[775]. Полностью от уплаты налогов освобождались рабочие и служащие, получавшие зарплату до 250 рублей, инвалиды первой группы, престарелые, сироты, не достигшие 15 лет, проживавшие отдельно, лица, не имевшие построек, скота, не пользовавшиеся огородами, а также семьи, глава которых погиб в борьбе с партизанами. Различные скидки (от 25 до 75 %) предоставлялись награжденным знаками отличия германского командования, семьям инвалидов второй группы, семьям лиц, глава которых был сослан по ст. 58 УК и не вернулся из ссылки к 1 января 1943 г., лицам, имеющим на иждивении несовершеннолетних сирот[776].

---

773 Голос народа. 1943. 31 января.

774 Там же. 1942. 1 декабря.

775 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 4; Д. 1144. Л. 62.

776 Бюллетень: Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. 1 февраля. № 2/3. Если сравнить систему налогообложения в ЛАО с налогообложением на других оккупированных территориях СССР, обнаруживается большая разница. Так, согласно изданному зимой 1942 г. командованием группы армий «Центр» постановлению о налогообложении населения, жители были обязаны выплачивать налоги: подушный — 200 рублей в год; земельный — 200 рублей с гектара; подворный — 120 рублей; на собаку

Интересно, что в различных оккупированных областях СССР советское подполье распространяло листовки с критикой налоговых поборов. Так, в одной из них, распространенной в Смоленской области, говорилось: «Гитлеровские погромщики наложили тяжелую барщину на каждый крестьянский двор. Крестьянин платит за окно, за трубу, за кошачий хвост…»[777] В тоже время среди различных собраний листовок не удалось обнаружить ни одной, критиковавшей налоговую систему Локотского округа.

После передачи западных районов Орловской области в состав Локотского округа здесь расцвела частная торговля, в том числе базарная, цены были не очень высокими[778].

К концу 1942 г. базарная торговля в основном стала денежной, вытеснив натуральный товарообмен. Это в немалой степени способствовало улучшению материального положения рабочих и служащих, живших на денежную зарплату, которые в условиях меновой торговли могли отовариваться лишь с большим трудом. В крупных населенных пунктах открылся ряд магазинов и ларьков. Так, в Локте существовал магазин, который по талонам обеспечивал рабочих и служащих нормированными дефицитными товарами, каковыми в условиях военного времени были соль, спички и мыло[779].

Финансовую политику самоуправления осуществлял организованный в Локте окружной банк. Его задачи заключались в изучении вопросов проектирования восстановления промышленных предприятий, выявлении случаев неправильного составления смет и затягивания сроков восстановления, недопущении беспроектного и бессметного строительства. Банк был также обязан выявлять нарушения, связанные с выдачей заработной платы, бороться с использованием денежных средств не по назначению, следить за тем, чтобы работы оплачивались строго по сметным расценкам, вскрывать факты бесхозяйственности и добиваться их устранения[780].

Интересной особенностью Локотского окружного самоуправления было хозяйственное планирование. План составлялся по каждой отрасли хозяйства соответствующими отделами самоуправления и бургомистрами районов по распоряжению обер-бургомистра с последующим представлением (к 25 января 1943 г.) в планово-экономический отдел на рассмотрение и утверждение. Планово-экономическим отделом, в свою очередь, на места были разосланы формы для составления планов по всем

— 200 рублей и за каждую последующую 300 рублей; потрубный — 5 рублей; дорожный — 50 рублей; школьный — 135 рублей. В итоге каждый средний крестьянский двор должен был выплатить около 5000 рублей в год. Каких-либо льгот не предусматривалось. Кроме того, взимался натуральный налог: 12–20 пудов зерна с гектара; 4 пуда мяса с крестьянского двора; 350–410 литров молока с коровы; 30 яиц с курицы в год; 350 граммов шерсти с овцы; 18 пудов сена с гектара; 12 пудов соломы с гектара; 3 метра холста со двора. *Котов Л.В.* Указ. соч. С. 30.

777 *Котов Л.В.* Указ. сом. С. 32.

778 Речь. 1943. 3 февраля.

779 Речь. 1943. 3 февраля.

780 Голос народа. 1942. 1 декабря.

отраслям хозяйства и даны необходимые разъяснения и указания[781].

Управление округом осуществлялось посредством издания приказов по Локотскому окружному самоуправлению, касавшихся абсолютно всех сфер жизни вплоть до вмешательства в деятельность судов с дачей им указаний, какой приговор кому следует вынести (приложение 1. Документ 3)[782].

Судебная система Локотского округа была многоступенчатой. Низшей ступенью были мировые суды при волостных управах, разбиравшие взаимные тяжбы, а также мелкие преступления, в основном самогоноварение и хулиганство. Нормативную базу составляли приказы обер-бургомистра и инструкции окружного юридического отдела, возглавляемого Тиминским. По сравнению с другими оккупированными территориями, где большей частью вообще отсутствовали какие-либо нормативные документы и суды руководствовались в основном здравым смыслом, правовая база Локотского округа была более развита.

Основным видом наказания как за административные проступки, так и за уголовные преступления был денежный штраф, реже — исправительные работы и лишь в исключительных случаях — лишение свободы[783]. Максимальный размер штрафа ограничивался 1000 рублями, а присуждавшиеся сроки исправительных работ — 6 месяцами.

Политическими преступлениями занималась военная коллегия Локотского округа (военно-следственный отдел) во главе с бывшим участником махновского движения Г.С. Працюком. Перед военно-полевым судом Локотского окружного самоуправления представали пленные партизаны, их сообщники из числа местного населения, дезертиры из рядов Народной армии. К перечисленным категориям применялись следующие виды наказаний: смертная казнь через повешение или расстрел — для партизан, от 3 до 10 лет тюрьмы — для лиц, оказывавших содействие партизанам, 3 года с конфискацией имущества или без нее — для дезертиров. Приговоренные к срокам отбывали наказание в Локотской окружной тюрьме[784]. Чтобы оценить значение этого, достаточно указать, что на других оккупированных территориях РСФСР политические преступления были вообще неподсудны судам русских органов самоуправления. Эти преступления преследовались германскими военными властями по закону военного времени, с применением к виновным «чрезвычайных» мер.

---

781 Там же. 1943. 31 января.

782 Дмитровская газета. 1942. 31 октября.

783 Так, в августе 1942 г. Севский уездный суд присудил оштрафовать на 500 рублей уборщицу хлебозавода Дежкину М.А. за систематическую кражу хлеба с целью перепродажи. На такую же сумму была оштрафована и Фетисова А.С., нанесшая металлической цепью побои Лукановой Н.Н. Заслуживает внимания то, что зачастую приговоры отличались значительной мягкостью и щадящим отношением к виновным. Так, 7 августа 1942 г. перед Севским уездным судом предстал бывший староста деревни Семеновка Стрелецкой волости Севского уезда Андреев М.И. Как сообщала судебная хроника, «суд установил, что Андреев недобросовестно относился к своим обязанностям, имел тайную связь с партизанами через посредство Осиповой С.В., сеял панику среди населения. Суд постановил: подвергнуть М.И. Андреева трехмесячному лагерному отбыванию в г. Севске». Севский листок. 1942. 7 октября.

784 Голос народа. 1942. 20 ноября.

Репрессивная деятельность носила во многом щадящий характер, что в глазах населения создавало определенный контраст по сравнению с репрессивной системой советской власти, усиливая симпатии к самоуправлению. Регулярно объявляемые амнистии для различных категорий осужденных не распространялись лишь на осужденных за партизанскую деятельность[785].

Для разбора дел, связанных с воинскими преступлениями, был создан военно-полевой суд под председательством Мосина, членами суда стали Гарбузов и Шавыкин[786]. Снова следует заметить, что на других территориях РСФСР таких понятий, как «воинские преступления», в судопроизводстве русских судов не существовало. Таким образом, особенностью судебной системы Локотского округа стала подсудность локотским судам абсолютно всех категорий дел: гражданских, административных, уголовных, в том числе политических. И если на других оккупированных территориях РСФСР суды разбирали лишь мелкие уголовные дела, а тяжкие преступления и преступления преследовались по законам военного времени, то на территории округа никаких «чрезвычайных» мер не допускалось.

Осуществление принципа свободы вероисповедания приобрело в округе характер государственной политики. 28 сентября 1942 г. обер-бургомистром был издан на этот счет приказ № 71, согласно которому на всех старост и старшин возлагалась обязанность проведения за счет добровольных пожертвований верующих ремонта церквей[787]. Это сочеталось с всплывшей с началом оккупации религиозной активностью населения[788], в том числе протестантских конфессий, в основном баптистов и евангельских христиан (по коммунистической терминологии — евангелистов). Деятельность протестантов не была закреплена какими-либо специальными распоряжениями обер-бургомистра. Однако никаких препятствий со стороны самоуправления они не встречали, что дало им возможность развить деятельность по части миссионерства и открытия новых молитвенных домов[789].

Данные партизанских разведсводок ЦШПД, согласно которым, несмотря на повсеместное открытие храмов и молитвенных домов, в религию было вовлечено меньшинство населения, преимущественно люди старшего возраста[790], не соответствуют действительному положению вещей.

Несколько иначе, нежели на других оккупированных территориях

---

785 Согласно приказу Каминского от 20.04.43, ряду осужденных сроки сократили наполовину, бойцов Народной армии, осужденных за дисциплинарные проступки, освободили от наказания полностью, осужденным за связь с партизанами наказание оставили без изменения.

786 Партизаны Брянщины. Т. 2. С. 67.

787 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1143. Л. 120.

788 Дмитровская газета. 1942. 12 августа, 29 августа.

789 Для сравнения: на начало войны во всем СССР действовало лишь четыре молитвенных дома евангельских христиан — в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске.

790 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 914. Л. 7.

СССР, в Локотском округе развивалась культурная жизнь. Усилиями отдела агитации и пропаганды и лично С.В. Мосина была создана широкая сеть культурно-просветительных учреждений. Так, в Локте 15 ноября 1942 г. состоялось открытие городского (с середины 1942 г. Локоть получил статус города) художественно-драматического театра имени К.П. Воскобойника. На август 1943 г. штат театра насчитывал 105 человек, в том числе 21 актер и 4 акробата. В программе были эстрадные концерты, музыкальные и танцевальные номера, постановки по произведениям классиков[791]. Война с партизанами породила и ряд местных драматургических произведений, освещавших в основном одну и ту же тему — борьбу с партизанами[792].

Театр был посещаем локотянами, и даже в период наступления Красной армии в августе 1943 г. количество зрителей редко составляло менее 200 человек[793].

Театры открылись и в других райцентрах округа, в ряде городов и поселков заработали кинотеатры[794], а в удаленных от райцентров населенных пунктах — клубы. Интересной особенностью окружных очагов культуры стало то, что их одновременно посещали как местные жители, так и германские и венгерские военнослужащие, занимая зрительские места рядом с представителями «низшей» расы. Каких-либо обособленных зрелищных заведений, предназначенных только для немцев, на территории округа не существовало.

Развитие культуры явилось важной особенностью, отличающей округ от других территорий СССР, где в период оккупации в лучшем случае сохранялись лишь действовавшие очаги культуры. Что же касается кинематографии, драматургии, она имела, в большинстве случаев, четкую политическую направленность, помогая оккупантам проводить идеологическую обработку населения. В то же время на территории Локотского округа, согласно нашим подсчетам, не менее двух третей театральных постановок носило неполитический характер, ставилось по произведениям русских классиков.

Насколько далеко зашла самостоятельность округа, свидетельствует случай, произошедший летом 1943 г., когда локотской полицией были пойманы два немецких военнослужащих — зондерфюрер и унтер-офицер, грабившие мельницу на окраине Локтя. Тут же выяснилось, что оказавший им сопротивление мельник убит. По личному распоряжению Каминского убийц судили, локотской суд вынес обоим смертный приговор. Немецкие связисты немедленно сообщили об этом в штаб 2-й танковой армии, который в телеграмме на имя Каминского указал, что русские превышают свои права, что суд над германскими военнослужащими вне компетенции самоуправления. Каминский ответил, что суд в Локте независим и совершившие столь тяжкое преступление, кем бы они ни были, подлежат именно такому наказанию. Посредством

791 Голос народа. 1942. 15 ноября; Там же. 1942. 16 декабря.

792 Ярким примером такого творчества является пьеса в двух действиях «Волк», поставленная на сцене Локотского театра в июне 1943 года. Голос народа. 1943. 30 июня.

793 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 50. Л. 8.

794 Дмитровская газета. 1942. 2 сентября.

телеграмм, телефонных разговоров, курьеров спор продолжался еще два дня. Наконец германское командование согласилось на казнь виновных, но с условием, что приговор им вынесет немецкий военно-полевой суд. Каминский отказал и в этом. Приговор был приведен в исполнение на глазах у многотысячной толпы жителей Локтя и близлежащих сел. Каминский отказался даже уступить германскому командованию в таком пустяке, как отсрочка казни на один день, чтобы на нее успели прибыть представители вермахта. В результате офицер и сопровождавшая его команда солдат прибыли, когда их соотечественники были уже казнены[795].

Таким образом, возникшее в тыловом районе 2-й танковой армии своеобразное государственное образование отличалось наибольшей самостоятельностью по сравнению с другими оккупированными территориями. Все внутренние вопросы округа от экономических до военных всецело находились в руках самоуправления. Промышленность, сельское хозяйство округа испытали небывалый в условиях военного времени подъем. Мемуарная и исследовательская литература отмечает сносный, даже высокий уровень жизни населения, хорошее отношение большинства населения округа к Каминскому[796]. Чтобы оценить значение этого, достаточно вспомнить, что на других оккупированных территориях нормальная жизнь застыла с того времени, когда по ним прокатился фронт. В городах и селах не было построено ни одного дома, не пущено ни одного предприятия, не отремонтировано ни одного моста, если это было нужно для населения, а не для обслуживания германской армии. Произвол оккупантов, порожденный причислением славян к низшей расе, привел к тому, что люди жили без уверенности не только в завтрашнем дне, но и в ближайших минутах. В Локотском же округе была налажена не только существовавшая до войны промышленность, но и система образования и медицинской помощи, а население жило под охраной твердых законов. Пример Локотского автономного округа указывает на потенциал, которым обладало коллаборационистское движение в годы войны, который, однако, ввиду установок Третьего рейха по отношению к народам СССР, не был использован.

В то же время не всегда правильная политика партизанского командования по отношению к местному населению порождала ответные меры, выражавшиеся в уклонении от мобилизации в партизанские отряды, укрывательстве продуктов питания, противодействии в проведении военных операций. Следствием являлся приток населения в антипартизанские формирования. Что касается ЛАО, в нашем распоряжении имеются многочисленные свидетельства местных жителей, указывающие на регулярно проводившиеся партизанами расправы не только над коллаборационистами, но и членами их семей, причем применение подобных мер не было оправдано военной обстановкой. Подобные перегибы со стороны партизан нашли отражение как в

---

795 *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 97; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 61.

796 *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 432; *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 96.

коллаборационистской печати[797], так и в исторических исследованиях[798]. Так, в официозе самоуправления «Голос народа» говорилось о многочисленных случаях террора партизан по отношению к мирному населению в основном Дмитровского и Локотского уездов, массовых убийствах партизанами семей бойцов бригады Каминского, включая стариков, женщин и детей[799]. По мнению Б.В. Соколова, целью террора могло быть стремление запугать население, побудив его отказаться от сотрудничества с самоуправлением[800]. В некоторых случаях цель достигалась, но в основном зверства партизан приводили к обратному результату, побуждая каминцев ожесточенно сражаться с врагом, помня, что иначе и их семьи ждет расправа[801].

После того как Красная армия летом 1943 г. достигла границ округа, Каминский 5 августа 1943 г. отдал приказ № 233 о переселении всего населения Брасовского и Навлинского районов на территорию Витебской области[802]. В действительности удалось эвакуировать от 30 до 50 тысяч человек, в основном личный состав РОНА, сотрудников самоуправления с семьями и часть гражданского населения.

В течение пяти месяцев, которые провели здесь локотяне, Каминский пытался наладить самоуправление и жизнь населения по образцу Локотского округа. В организованное им в городе Лепель самоуправление вошли сотрудники как локотской администрации, так и местных органов самоуправления. Возобновил свою работу Лепельский банк, Лепельский театр им. Воскобойника, учреждения здравоохранения. Возобновился выпуск газеты «Голос народа», редактором которой стал бывший заведующий юридическим отделом Павлюченко. Поредевшая к тому времени бригада Каминского была пополнена за счет белорусских полицейских.

Однако, несмотря на самостоятельность, подобную той, которой локотяне пользовались у себя на родине, достичь таких же результатов подъема промышленности и сельского хозяйства, благосостояния населения на территории Лепельского округа не удалось. Причина заключается в трениях самоуправления с местным населением, которое оказалось неспособно принять такое количество переселенцев, наделить их жильем, землей, к тому же было вынуждено испытывать двойной гнет — со стороны немцев и каминцев[803]. Не приняв во внимание этих объективных причин, администрация Каминского обвинила лепельцев в пособничестве партизанам, развязав на территории всех четырех районов террор, арестовывая и даже расстреливая всех подозрительных. В свою

797 Дмитровская газета. 1942. 25 июля, 29 августа: Бюллетень: Орган Локотского окружного самоуправления. 1943. № 1/2; Голос народа. 1942. 15 ноября.

798 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 178–179; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч. С. 75–79.

799 Голос народа. 1942. 20 ноября.

800 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 179.

801 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 179.

802 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20. Л. 145.

803 *Редлих Р.Н.* Указ. соч. С. 443.

очередь, работники лепельских органов самоуправления, ранее работавшие под контролем немецких оккупационных властей, обратились к командованию 3-й танковой армии с просьбой оградить их от произвола людей Каминского. Попытка немцев урегулировать конфликт, выступив в качестве посредника, ни к чему не привела, так как Каминский стоял на своем, указывая на гарантии немцев предоставить ему в Лепельском округе такие же неограниченные права, которыми он пользовался в Локотском. Апогеем конфликта каминцев с местным населением стало намерение Каминского изъять у белорусских крестьян часть земли, наделив ею локотян. Недовольство белорусов грозило перерасти в бунт, ввиду чего Каминский, чтобы исключить переход недовольных к партизанам, отдал приказ о передислокации РОНА и гражданских беженцев в Западную Белоруссию в район Дятлова. В его приказе от 15 февраля 1944 г. говорилось: «Многие бойцы и командиры бригады РОНА… не могут получить необходимый фураж для скота и продовольствие, а также сам Лепельский округ… не может стать базой формирования новых подразделений РОНА»[804].

Попытка создания Лепельского автономного округа в некоторой степени проясняет причины возникновения коллаборационизма в том плане, что равная политическая база — общность целей в плане борьбы со сталинским режимом, единые цели, провозглашенные программой НСПР, — не смогли стать связующим звеном между беженцами-локотянами и коренным населением Лепельского округа. На этом фоне правомерно утверждать, что для большинства гражданского населения оккупированных территорий СССР в становлении на путь коллаборационизма первостепенную роль играли не столько политические, сколько экономические причины. Ввиду этого придание коллаборационизму массового характера могло произойти лишь при наличии как политического, так и экономического стимулов. Однако последнее было возможно лишь на незначительной части оккупированной территории, которая и дала наибольший процент коллаборационистов[805]. На территории Лепельского округа Каминский и его администрация не смогли создать для локотян необходимых жилищных условий, нужного количества рабочих мест, выделить земельные наделы. Контраст между Локотским и Лепельским автономными округами показывает, что при равенстве политической базы, но разности экономической число желающих бороться против большевизма на стороне Германии резко сократилось именно тогда, когда исчезла возможность подкрепить политические лозунги экономическими

804 Более подробно о Лепельском автономном округе см.: *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия; *Ермолов И.Г., Дробязко С.И.* Указ. соч.

805 Интересен секретный приказ командующего 11-й армией Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Майкова, в котором он указывает на факты перехода красноармейцев на сторону противника и делает вывод о причинах этого: «При размещении частей и подразделений в населенных пунктах обращать особое внимание на недопустимость общения красноармейцев с освобожденным от фашистского ярма местным населением. Именно этим путем личный состав частей и подразделений получает совершенно неправильную и идущую вразрез с общими политическими установками Верховного командования информацию об условиях жизни населения под игом фашистских захватчиков». Цит. по: *Козлов.* Русский народ и Красная армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения. Вып. 4. С. 217.

стимулами.

Интересно, что после освобождения Красной армией территории Локотского округа советскими властями было сделано все, чтобы максимально искоренить из сознания локотян всякие воспоминания о периоде существования самоуправления. Так, после эвакуации РОНА партизанами и красноармейцами были уничтожены могила К.П. Воскобойника, в том числе воинское кладбище, находившееся в 100 метрах от парадного входа в художественно-драматический театр (слева по диагонали), взорвана часовня Св. Николая Чудотворца, находившаяся справа от театрального входа. Любопытно также, что в 2009 г. в ночь на 30 августа на могиле Воскобойника был восстановлен надгробный крест[806].

Еще одна интересная «республика» существовала в тылу немецких войск в Идрицком районе Калининской области, в заболоченных и лесистых местах к востоку от Идрицы. Она была образована осенью 1942 г. Эта Республика Россоно уникальна тем, что создали ее дезертиры, бежавшие как из советских партизанских отрядов, так и из антипартизанских коллаборационистских частей, служащие вспомогательной полиции. Здесь же находили приют бродившие по лесам красноармейцы-окруженцы. По данным Д. Карова, окруженцы и дезертиры из партизанских и полицейских формирований составляли 90 % населения, однако в число республиканцев вошло также некоторое количество дезертировавших немецких военнослужащих[807]. По утверждению того же автора, основой существования россоновцев было разграбление местного крестьянского населения.

Площадь республики составляла 10–15 квадратных километров, о количестве ее населения точных данных нет, однако оно постоянно увеличивалось вплоть до окончания существования республики, то есть до лета 1943 г. Можно с большой долей вероятности предположить, что число россоновцев могло составлять несколько десятков тысяч человек.

Бургомистром республики стал некто Либих (Либик), латыш по национальности, начальником полиции — Грязнов. Последний был убит партизанами в марте 1943 г. Общим собранием была объявлена республиканская форма правления, а врагами объявлены как немцы, так и советы — сталинский вариант советской власти. При всем при этом полное название республики звучало: «Свободная советская республика Россоно без Сталина и коммунистов». По утверждению Д. Карова, республика также называлась «Свободная партизанская республика

---

806 Через несколько часов надгробный крест был снесен, а траурный венок похищен. По этому поводу нами в прокуратуру Брянской области было направлено заявление о преступлении с требованием выявить виновных и возбудить уголовное дело по ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронений», к заявлению приложены снимки: до и после снесения креста и хищения венка. 17.09.09 указанное заявление старшим прокурором отдела по надзору за процессуальной деятельностью прокуратуры Брянской области А.В. Кальницким было направлено прокурору Брасовского района М.В. Зубко для принятия мер прокурорского реагирования. Однако последний передал заявление и приложенные фотоснимки в Брасовский РОВД, где его «заглушили». Прокурор М.В. Зубко никакого надзора за принятием мер по заявлению осуществлять не стал.

807 *Каров Д.* Стэнфордская рукопись//Коллекция Б. Николаевского. Серия 22, 280 — 8; *Коров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. Мюнхен, 1954. С. 94, 105.

Россоно»[808]. Последнее название не имеет никакого отношения к существовавшему по соседству партизанскому краю.

Определенный интерес представляет донесение шефа айнзатцгруппы «В» полиции безопасности под названием «Положение банд в Россонской зоне» от 20 октября 1943 г.: «Существование россонской бандитской зоны означает возрастающую опасность. Из этой зоны исходит далеко идущая опасность для всех коммуникаций снабжения северной части центрального участка фронта. Кроме того, эта зона создает плацдарм для далеко идущих операций Красной армии в тылу немецкого фронта». Можно с большой долей вероятности предположить, что речь здесь идет не о советских партизанах, а именно о Республике Россоно, так как долговременных партизанских поселений в этом районе не существовало. Вряд ли автор донесения стал бы говорить о территории, где появляются мобильные партизанские отряды, как о «зоне» и «плацдарме». Что же касается слов документа о возможности создания россоновцами плацдарма для операций РККА, немцы, по-видимому, были слабо информированы о действительных настроениях жителей республики, отождествляя антинемецкие настроения с советскими.

Существование республики окончилось в августе 1943 г., когда ее территория сперва была подвергнута бомбардировке советской авиацией, затем здесь высадился хорошо вооруженный и многочисленный десант Центрального штаба партизанского движения. Захваченные десантниками республиканцы были уничтожены, а все лесные базы взорваны[809]. Ввиду кратковременности существования республики многие планы ее руководства не были осуществлены, оставшись лишь декларациями.

Таким образом, следует выделить отличительные черты, присущие псевдогосударственным административным образованиям в отличие от других оккупированных территорий РСФСР:

— отсутствие германского руководства в военном, политическом и хозяйственном плане;

— самостоятельность органов самоуправления в решении ряда вопросов внутренней жизни данных территорий от военных до хозяйственных;

— наличие собственной судебной системы, осуществлявшей судопроизводство по всем категориям дел — от гражданских, вне зависимости от цены иска, до уголовных, вне зависимости от тяжести преступления;

— направленность экономики в основном на удовлетворение собственных нужд населения региона, а также собственной финансовой системы, неподконтрольной германским властям.

Правомерен вывод, что развитие коллаборационизма в значительной степени сдерживалось не столько советской пропагандой, сколько антирусской оккупационной политикой нацистской Германии. Будучи направлена на завоевание «жизненного пространства», эксплуатацию экономического потенциала СССР, она оставляла мало места обеспечению жизненного уровня населения. В результате население

---

808 *Киров Д.* Партизанское движение в СССР в 1941–1945 гг. С. 94, 105.

809 *Посадский А.В.* Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905–1945 годах: Дис… докт. ист. наук. Саратов, 2004. С. 612.

оккупированных областей РСФСР было лишено экономического стимула сотрудничества с немцами. Напротив, население псевдогосударственных административных образований имело больше возможностей для удовлетворения своих жизненных потребностей, сохраняя при этом функцию обеспечения германской армии. В результате гражданский коллаборационизм населения подобных административных образований был почти поголовным.

§ 2. Отклонения от постулатов восточной политики

Говоря об особенностях германской оккупационной политики, в настоящей работе мы имеем в виду ее нетипичные проявления, шедшие вразрез с официальной политикой Германии по отношению к населению оккупированных территорий СССР.

Возникновение данных особенностей связано прежде всего с потребностью изыскать дополнительные средства борьбы с партизанами, так как уже летом — осенью 1941 г. тыловые германские войска обнаружили недостаточность для этого одних военных мер. Требовалось наладить контакт с местным населением, создав из числа добровольцев тыловые воинские подразделения и части, развить коллаборацию населения с оккупантами, что было важно в смысле выполнения продовольственных, сырьевых и иных поставок. По этим причинам командиры германских частей и соединений из соображений практической целесообразности отклонялись от постулатов восточной политики, предоставляя населению гораздо большую самостоятельность, чем на других оккупированных территориях, где неукоснительно соблюдались установки национал-социализма. Отмечая результаты таких послаблений, один из партизанских документов сообщает, что, оккупировав Красногородский район Калининской области, немцы начиная с осени 1941 г. посчитали его более благонадежным. Ввиду этого «населению района немцы создали некоторые материальные условия жизни»[810]. Тот же документ констатирует подъем в течение двух лет оккупации материального уровня местного населения: «К лету 1943 г. крестьянин Красногородского района имел 2–3 коровы, лошадь, овец, поросят и в достаточном количестве домашней птицы». В результате, по мнению оперировавших здесь советских партизан, «немцам легче чем в других районах удалось осуществлять свою власть на территории района»[811]. А партизанское движение здесь испытывало значительные трудности, так как при появлении партизан в деревнях население немедленно информировало немецкий гарнизон. До конца лета 1943 г. сохранялось именно такое положение[812].

Говоря о масштабных особенностях оккупационной политики, следует особо выделить попавшие под оккупацию территории исторического расселения казаков.

Именно казаки стали одним из народов, у которого, по выражению

---

810 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 154. Л. 20.

811 Там же.

812 Там же. Л. 20–20 об.

Н.Г. Назаренко, «ненависть… к коммунизму была беспредельной»[813]. По мнению того же автора, именно «от грома войны воспрянул дух казачества»[814].

Следует признать, что уже в первые недели после вторжения вермахта на территорию СССР возглавляемое А. Розенбергом министерство по делам оккупированных восточных территорий планировало создать казачий полуавтономный район между Доном и Волгой. Однако вскоре отказалось от этой идеи, запланировав включить земли Войска Донского в состав рейхскомиссариата «Украина», а земли Кубанского и Терского войск — в состав рейхскомиссариата «Остланд». В этой связи небезынтересно, что сам Розенберг четверть века до этого сильно пострадал именно от рук казаков. Будучи военнослужащим Российской императорской армии, будущий вершитель судьбы России дезертировал во время боев в Галиции, но был задержан комендантом одной из тыловых станций. Тот передал его казакам комендантской команды, которые, по обыкновению, высекли дезертира нагайками.

Летом 1942 г. дивизии вермахта вышли к Волге и Северному Кавказу. 23 июля был взят Ростов-на-Дону, 12 августа — Краснодар. Советское правительство, по всей вероятности, серьезно опасалось, что немалая часть северокавказцев, в первую очередь — казаков, предпочтет внешнего врага внутреннему. Поэтому осенью 1942 г. «Правда» выступила с призывом «к казакам тихого Дона, быстрой Кубани и бурного Терека» «вступить в беспощадную борьбу с немецкими захватчиками»[815]. А о том, как население некоторых «казачьих» областей вело себя в преддверии прихода немцев, говорят следующие цифры. Так, на территории оккупированной Ростовской области самовольно осталось около 10 тысяч коммунистов, примерно 40 % из них во время оккупации уничтожили или сдали в гестапо свои партбилеты. После освобождения области из партии было исключено 5019 человек[816]. По другим «казачьим» областям данные выглядят похоже. Например, из Шовгеновского района Краснодарского края из 185 членов и кандидатов в ВКП(б) дожидаться прихода оккупантов осталось 97 человек, из них 49 человек впоследствии исключили из партии за службу немцам и осудили[817].

Отношение же казачьего населения к советской власти в некоторой степени отражено и в казачьем фольклоре. Среди местных жителей были в ходу частушки типа:

Рожь, пшеницу — за границу,
А картошку — на вино,
Кулаков всех — в казематы,

---

813 *Назаренко Н.Г.* Минувшая заря казачества // Великое предательство: Сб./Сост. П.Н. Стрелянов (Калабухов). СПб., 2003. С. 9.

814 Там же.

815 Цит. по: *Longworth P.* The Cossacks. Constable, 1969. P. 330–331.

816 Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 545. Л. 38.

817 *Кринко Е.Ф.* Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943). Майкоп, 2000. С. 140.

А колхозникам — кино…

Уцелевшие после расказачивания и коллективизации донские, кубанские и терские казаки в основной своей массе приветствовали немецких солдат как «освободителей от большевистского ига». При вступлении частей вермахта в казачьи станицы население, как правило, встречало немецких солдат с хлебом и солью, не скупилось на продукты питания, кроме того, тут же находились добровольцы, предлагавшие услуги проводников. На фоне этого, оценив казаков как возможных союзников, командиры воинских частей и соединений стали держать при своих армейских штабах добровольных советников из казаков, выполнявших консультативные функции. П.Н. Донсков, оценивая услуги казаков немцам, писал, что «такой сноровкой и широтой военных познаний не обладал в своей массе ни один народ»[818].

Германское командование, в свою очередь, надеясь на помощь казачества в обеспечении «нового порядка» на оккупированных территориях, рассматривало казаков как союзников и благожелательно относилось ко всем исходящим от них инициативам[819].

Что касается управления казачьими территориями, ввиду того что Северный Кавказ относился к прифронтовой зоне, власть здесь принадлежала военным германским властям, а непосредственно исполнительная власть находилась в руках командиров корпусов и дивизий. В тылу на глубине 25–50 км начиналась зона, управлявшаяся военными комендантами. Такое военное управление сохранялось на Северном Кавказе в течение всего периода оккупации: власть принадлежала полевым и местным комендатурам. Военный комендант обладал неограниченными полномочиями, распространявшимися не только на военную, но и на другие сферы жизни населения, вплоть до культурной. Так, помимо вопросов снабжения германских войск, коменданты формировали силы самообороны, контролировали создание и деятельность органов местного самоуправления, печатных изданий.

Пытаясь установить единую систему самоуправления, немцы столкнулись на казачьих землях с некоторыми сложностями. Так, институт старост как низшего звена в иерархии местного самоуправления оказался для казаков, привыкших к атаманскому правлению, довольно нетипичным, более того, неприемлемым. Замена старост атаманами не встречала со стороны германских властей никаких препятствий. Один из мемуаристов по этому поводу писал: «Прошло две или три недели, стали собираться казаки, со всех сторон пошли разговоры, что староста не годится. Ознакомившись с настоящим положением жизни, среди казаков образовалась инициативная группа… Пошли в район к немецкому коменданту… Все подробно рассказали. Он выдал нам документ. По возвращении в станицу передали этот документ старосте, чтобы эта власть нам все сдала. После того как мы все приняли, мы должны были

---

818 *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне // Трагедия казачества: Сб. статей. М., 1993. С. 494.

819 *Дробязко С.И.* Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей, документов и воспоминаний / Под общ. ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 63.

донести коменданту, затем приступили к выбору атамана»[820]. Другой автор отмечает, что шаги казаков по возрождению атаманского правления, разделу колхозно-совхозного имущества встречали со стороны немецких властей лишь одобрение и поддержку: «Зашумели хуторские и станичные круги. Всюду избрали атаманов. Делили колхозы и совхозы. Второе возрождение казачества началось. Оккупационные власти этому содействовали и абсолютно доверяли казакам»[821].

Мемуаристы отмечают, что причина такой неприязни к поставленным немцами старостам кроется в том, что на эти должности оккупанты назначали, как правило, лиц из советского руководства, часто с коммунистическим прошлым. Однако то, что обычно практиковалось на других оккупированных территориях, не прижилось в казачьих станицах. Германским оккупационным властям приходилось лавировать, изыскивая подходящий язык для общения с казачьим населением. Так, уже с первых дней вступления частей вермахта на казачьи земли стали появляться многообещающие обращения к населению:

> «Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала! Где ваши отцы и старшие братья? Кто овладел вашими станицами? Кто отнял у вас ваши земли, хутора, коней, шашки и вместе с тем вашу казачью честь? Все это сделали жиды и коммунисты! Славная, непобедимая Германская Армия вернет вам ваши казачьи земли, ваш быт и ваши лихие казачьи песни. Германское правительство гарантирует всем принявшим участие в освобождении с оружием в руках, что будут уничтожены колхозы. Казаки Дона, Кубани, Терека, Урала, пробил великий час освобождения!»

Не заставили себя долго ждать и ответные идеи казаков, к которым их разработчики относились довольно серьезно. Уже 15 ноября 1942 г. походный атаман Сергей (Ерофей) Васильевич Павлов передал германскому командованию Декларацию Войска Донского, которую надеялся довести до высшего гитлеровского руководства. В преамбуле к ней, в частности, говорилось:

> «Ныне Войско Донское объявляет о восстановлении своей самостоятельности и воссоздает свою государственность, руководствуясь Основными Законами Всевеликого Войска Донского.
>
> Донское Войско просит германское правительство признать суверенитет Дона и вступить в союзные отношения с Донской Республикой для борьбы с большевиками. Настоящая Декларация, исходящая от Дона, несомненно, будет поддержана всеми казачьими войсками и утверждена в будущем Войсковыми Кругами и Радой.
>
> До времени созыва Войскового Круга и создания Войскового Правительства возглавителем Донского Войска является Походный Атаман. При сем прилагается карта территории Дона, изданная Донским Правительством в 1918 году, и копия Основных Законов Всевеликого Войска Донского, принятых Большим

---

820 *И.В.* Приход немцев на Кубань. Сб. материалов о выдаче казаков в Лиенце и других местах в 1945 году / Под ред. В.Г. Науменко. Нью-Йорк, 1959. Вып. 18. С. 27.

821 *Дудников В.С.* Трагедия казаков Северного Кавказа // Вече. 1997. № 59. С. 161.

Войсковым Кругом Всевеликого Войска Донского 15 сентября 1918 года».

В этой же преамбуле напоминалось, что в период существования Донской республики в 1918–1920 гг. Германия признала ее де-факто и даже сражалась против большевиков во взаимодействии с Донской армией (очевидно, до заключения между советским правительством и Германией Брестского мира), тем самым утверждая суверенитет республики.

Пункты Декларации Войска Донского, в интерпретации В.С. Дудникова, выглядели следующим образом:

1. Казачья инициативная группа Возрождения, казачьи добровольческие формирования и казачье самоуправление области Всевеликого Войска Донского объявляют о возрождении Донской казачьей республики, потерявшей в 1920 г. свою государственность.

2. Донская казачья республика просит германское правительство считать не утратившим силу договоры от 1918 г. о дружбе и сотрудничестве между Германией и Донской казачьей Республикой.

3. Донская республика просит германское правительство о следующем:

а. Считать казачью инициативную группу временно исполняющей функции правительства республики.

б. Передать в распоряжение походного атамана все казачьи добровольческие формирования и всех казаков, казачьих офицеров и генералов, находящихся в германском плену.

в. Прекратить мобилизацию казачьей молодежи на трудовые работы в Германию.

г. Отозвать германских комиссаров по продзаготовкам на Дону и ввести практику добровольной купли-продажи.

д. Передать республике, как ее собственность, все конные заводы и промышленные предприятия.

е. Выделить республике денежный заем (беспроцентный) на приобретение вооружения, обмундирования, боепитания и содержания казачьих добровольческих формирований[822].

Бросается в глаза наивность составителей декларации, следующая из нереальности и заведомой неисполнимости казачьих требований. Исполнение гитлеровским руководством хотя бы половины пунктов означало бы отказ от колонизаторских планов Германии, в результате вся восточная кампания теряла смысл. Как бы то ни было, несмотря на то что текст декларации все же дошел до Берлина, ни один из ее пунктов не был исполнен. Реальными привилегиями донских казаков стало лишь восстановление атаманского правления и право переименования сельских населенных пунктов в станицы.

Внешне выборы атаманов обставлялись торжественно, а сама процедура происходила по старинным традициям закрытой баллотировкой. Как правило, выборы были альтернативными, а количество кандидатов в атаманы зависело от количества населения в том или ином населенном пункте. После подведения итогов и оглашения имени избранного атамана начинались народные гулянья,

822 Цит. по: *Дудников В.С.* Указ. соч. С. 163–164. Следует заметить, что в конечном варианте декларации нет пунктов 3а и 3е, приведенных В.С. Дудниковым.

сопровождавшиеся, по казачьей традиции, обильной выпивкой. Так, 16 января 1943 г. газета «Голос Ростова» сообщила об избрании станичным атаманом станицы Синявской Ростовского округа казака Ефима Ивановича Потапова. После церемонии выборов «все присутствовавшие были приглашены отведать казачьего хлеба-соли. За столом провозглашались тосты и приветствия. Первый тост был предложен за освободительницу Дона — Германскую Армию и ее гениального вождя Адольфа Гитлера, за Тихий Дон и его бывшего войскового атамана П.Н. Краснова, за генерал-майора Кителя, за Штаб Войска Донского и его начальника полковника С.В. Павлова»[823]. Надо заметить, что указанные тосты произносились в соответствии с вековыми казачьими традициями, не терпевшими непьющих или даже малопьющих казаков. Причем формулировался каждый тост таким образом, чтобы никто не смел пропустить чарку. Например, в царские времена первый тост обычно звучал: «Здравствуй, царь в кременной Москве, а мы, казаки, на тихом Дону!», затем: «Здравствуй, Войско Донское, сверху донизу и снизу доверху!» Когда все тосты были исчерпаны, пили за упокой душ умерших.

Возрождение атаманского правления и казачьих традиций создавало некую иллюзию самостоятельности, независимости населения. Насколько далеко это порой заходило, свидетельствует случай, описанный П.Н. Донсковым. В разговоре с немецким чиновником Тикерпу он дал ему такую отповедь: «Вы должны все, начиная с вас, г-н Тикерпу, усвоить, что на нашей земле вы явление случайное, обусловленное только пребыванием иностранцев, оккупировавших Дон»[824].

Однако даже если допустить мысль, что автор мемуаров не преувеличивает, подобные случаи бывали редко, чаще оккупанты старались вести себя корректно, так как не были заинтересованы в том, чтобы испортить отношения с казаками-союзниками. С одной стороны, это можно объяснить искренними намерениями военных относительно казачества, с другой — нежеланием озлоблять население, что неизбежно привело бы к его оттоку в ряды партизан. Тем более что, придя на казачьи земли, немцы имели уже годовой опыт войны в России, отлично зная, какими последствиями чревата исключительно политика кнута.

Если на донских землях казачья самостоятельность ограничивалась восстановлением атаманского правления, переименованием хуторов в станицы, то несколько иная ситуация складывалась на Кубани. Оккупировавшие ее войска группы «А» начали эксперимент по созданию казачьего автономного района. Предполагалось после продвижения германских войск дальше на восток предоставить здесь казакам полную самостоятельность, а сам район реорганизовать в генерал-губернаторство. В отличие от земель Войска Донского на Кубани официально было объявлено о ликвидации колхозов и стал осуществляться переход к частному землевладению. Кроме того, казаки получили гарантию свободы в области религии, культуры, образования.

По свидетельству А. Сукало, более чем шестимесячное пребывание на Кубани оккупантов не ознаменовалось ни одним фактом грабежа или насилия[825]. Подобные свидетельства можно встретить и у других авторов,

---

823 Голос Ростова. 1943. 16 января. № 6.

824 *Донсков П.Н.* Указ. соч. С. 525.

825 *Сукало А.* Немцы на Кубани // Сб. материалов о выдаче казаков в Лиенце и в

переживших оккупацию.

Сформированный к 1 октября 1942 г. казачий район включал шесть административных районов, население которых составило 160 тысяч человек, а 5 ноября 1942 г. это административное образование было утверждено в Берлине. Сразу же в этом казачьем мини-государстве обозначился некоторый всплеск хозяйственной деятельности: заработали восстановленные государственные и открывшиеся частные предприятия, в основном пищевые. С целью «искоренения из памяти народа жидо-большевистского владычества» были переименованы названия многих улиц в городах, причем в большинстве случаев улицам возвращались старые дореволюционные названия. Что касается культурной жизни, помимо возрождения казачьего фольклора, стали повсеместно создаваться казачьи артистические бригады. Они демонстрировали театральные постановки, давали концерты, а зрителями были как местное население, так и германские военнослужащие.

Казачий автономный район просуществовал до января 1943 г., когда началось отступление германских войск. Оставляя район, немцы предложили мужчинам начиная с 14-летнего возраста эвакуироваться с ними. Судя по некоторым свидетельствам, оккупантам не было нужды угонять кого-либо на запад силой — желающих уйти с ними и без того находилось немало. Это были в основном бойцы и командиры казачьих воинских формирований, а также их семьи. Те из них, кто дожил до конца войны, разделили трагедию Лиенца и послевоенные репрессии.

Интересно, что советские источники, отражающие пребывание немцев на казачьих землях, косвенно подтверждают тактичность оккупантов по отношению к местному населению. Так, местные органы советской власти, возобновившие работу на казачьих землях после отступления германских войск, в актах по описанию итогов оккупации бросают обвинения немцам в основном по двум пунктам: разрушение зданий и сооружений и угон населения в Германию[826].

Относительно первого заметим, что разрушение промышленных и гражданских объектов, коммуникаций неизбежно при отступлении любой армии. Так, в ходе отступления Красной армии на восток в 1941–1942 гг. равным образом взрывались промышленные объекты, жилой фонд, уничтожались запасы продовольствия. А в задачу советских партизан прямо входило разрушение железнодорожного полотна, мостов, порча линий связи, диверсии на предприятиях с целью выведения из строя всего, что могло бы хоть в какой-то мере использоваться немцами. В то же время ни в одном из послевоенных советских документов не указан материальный ущерб, нанесенный действиями партизан, — все разрушения списаны на счет немцев.

С советскими источниками, указывающими на причиненные немцами разрушения казачьих городов, в известной мере спорит письмо атамана П.Н. Краснова атаману Балабину от 26 сентября 1942 г.: «Новочеркасск совсем не разрушен, и в нем нормальная идет жизнь под управлением атамана Округа и городского головы… Ростов разрушен только на 16 %, станицы восстанавливают свою жизнь и, прежде всего, восстанавливают

других местах в 1945 году / Под ред. В.Г. Науменко. Нью-Йорк, 1959. Вып. 18. С. 19.

826 См., напр.: Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 3737. Оп. 3. Д. 37. Л. 3; Ф. 3955. Оп. 1. Д. 4. Л. 25.

свои храмы, а там, где они вовсе разрушены, приступили к постройке новых храмов…»[827]

Что касается угона населения в Германию, ни один из советских источников не отделяет действительно угнанных для работы в германской промышленности от уехавших добровольно и от ушедших на запад казаков-коллаборационистов с семьями.

В некоторых случаях советские источники, описывающие зверства гитлеровцев на оккупированных казачьих землях, пишут полную несуразицу. Так, 18 июня 1943 г. газета «Донской коммунар» поместила статью некоего А. Рассказова, утверждавшую, что «в Меркуловском пятнадцать немцев изнасиловали шестидесятилетнюю старуху»[828]. Даже если во всем Меркуловском не нашлось объекта насилия помоложе, трудно представить себе, что целый взвод солдат состоял из столь сексуально озабоченных геронтофилов. Вполне очевидно, что журналист А. Рассказов в своем стремлении как можно негативнее изобразить оккупантов перестарался.

В то же время далеко не все казаки приветствовали германские войска. Находились те, кто готовил им отпор, а часть партийного актива, как позже выяснилось, избежала эвакуации с целью организовать в тылу врага партизанское движение, составить костяк будущих партизанских отрядов. К тем, кто оказался втянутым в партизанскую борьбу, относились в основном «пришлые, поселившиеся вместо уничтоженных казаков и приписные, получившие казачьи права по решению Круга спасения Дона. Урожденные же казаки твердо держались казачьего Возрождения»[829].

В ряде случаев проблема с партизанами решалась путем переговоров. Как писал один из кубанских казаков, «казаки предложили им (советским партизанам. — *И. Е.*) убираться, так как немцами было заявлено, что за одного убитого [немца] будет расстреляно сто жителей станицы. Опасаясь этого и пригрозив партизанам, казаки потребовали, чтобы они из станицы ушли. Требование это партизанами было исполнено»[830]. Однако так было далеко не всегда — в ряде случаев противостояние между казаками и советскими партизанами перерастало в ожесточенную борьбу, напоминавшую по своей сути гражданскую войну. На фоне этого нельзя полностью согласиться с Д. Армстронгом, утверждавшим, что попытка организовать на территориях Северного Кавказа партизанское движение «почти полностью провалилась»[831]. Можно говорить лишь о меньших масштабах партизанского движения, что во многом зависело «от политики, проводимой стороной, противостоящей партизанам»[832].

Однако следует отметить, что даже у самых последовательных казаков — противников большевизма к концу пребывания в их краях

---

827 ГАРФ. Ф. 5761. Оп. 1. Д. 17. Л. 11.

828 Донской коммунар. 1943. 18 июля. № 46.

829 *Дудников В.С.* Указ. соч. 161.

830 *И.В.* Приход немцев на Кубань. С. 27.

831 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 416.

832 Там же.

оккупантов стала вырабатываться неприязнь к ним. Так, даже казачьи коллаборационистские издания отмечали, что первоначальный духовный подъем по поводу изгнания большевиков с течением времени сменился разочарованием в новых хозяевах. Тут же констатировался расцвет спекуляции, всплеск преступности, в основном мошенничества, неизбежного в условиях перехода торговли на стихийные рыночные рельсы. Так, «Казачий вестник» в конце 1942 г. писал: «На Божий свет появились лица — юркие, алчные дельцы, для которых мутная вода — весь идеал, весь смысл их человеческой деятельности. Эти „рыцари наживы“ на горе других потащили с рынка по домам запасы муки, соли, подсолнечного масла, жиров и т. п. Начались какие-то закупки, переброски этих товаров из одного района в другой. Целое „мешочное паломничество“. Вошла в моду скупка подвоза у врат города и последующая затем перепродажа… Все это приводило к немедленному вздутию цен и исчезновению ряда продуктов с базаров»[833].

А разочарование казаков в немцах, по определению А. Сукало, явилось следствием частых реквизиций у населения предметов первой необходимости, что подрывало жизненный стандарт населения. Он же отмечает, что «наряду с этим забота о нуждах населения осуществлялась в крайне незначительном размере»[834].

Налогообложение казаков мало чем отличалось от налоговой системы, введенной на других оккупированных территориях СССР. Невыполнение налоговых ставок строго наказывалось. Так, за несдачу определенного количества молока (100 л в квартал с первой коровы, 150 — со второй) корову могли конфисковать как немолочную. Облагались налогами и другие животные, даже собаки. Например, беспородная дворняжка обходилась в 50 рублей в месяц, породистая собака — еще дороже[835]. А некоторые административные проступки, могущие в той или иной мере повлиять на производительность труда казаков-колхозников (например, пьянство и самогоноварение), наказывались в лучшем случае поркой, в худшем — расстрелом виновных[836]. К сожалению, нет данных о том, существовали ли на казачьих землях собственные судебные органы. Но если таковые и были, их полномочия, судя по всему, были в значительной мере ограничены.

Ушедшие вместе с германской армией на запад казачьи воинские части проявили удивительную живучесть. Они сохранили свою организацию, традиции, дисциплину и за пределами земель своих предков. Фактически все воинские формирования до самых последних дней войны оставались боеспособными и сильными, в гораздо меньшей мере подвергшимися разложению и деморализации по сравнению с другими коллаборационистскими боевыми единицами.

Определенные особенности возымела политика оккупантов в местах исторического расселения староверов. В частности, на северо-западе России (территория Ленинградской, Новгородской областей) было много

---

833 Казачий вестник. 1942. 15 декабря. № 24 (30).

834 *Сукало А.* Указ. соч. С. 21.

835 *Крикунов П.* Казаки между Гитлером и Сталиным. М., 2005. С. 231.

836 Там же.

староверов и ингерманландцев, тесно связанных между собой и считавших коммунистов «слугами антихриста». Командующие 16-й и 18-й немецкими армиями предоставили жителям своих тыловых районов со старообрядческим населением широкую автономию, фактически не вмешиваясь в деятельность органов самоуправления. Кроме того, гуманно относились к советским военнопленным, а население привлекали для оказания им помощи. Это существенно ограничило масштабы деятельности советских партизан — сформировавшиеся к весне 1942 г. партизанские отряды действовали лишь в лесах около города Луга, тогда как количество советских военнопленных, вызвавшихся охранять тылы 18-й армии, к осени 1942 г. достигло 47 тысяч человек[837].

Следующей особенностью проведения оккупационной политики следует назвать Республику Бишлера. В 1942 г. командир 613-го восточного батальона полковник Бишлер, немец русского происхождения, сделал попытку превратить свою полевую часть в самооборонческую. С этой целью он разрешил военнослужащим своего батальона строить дома и жениться на территории двух сельских советов Ершического района Смоленской области[838]. Тем самым Бишлер, несомненно, пытался создать экономический стимул для личного состава своего батальона. Однако попытка перевести коллаборационистов на оседлый образ жизни была обречена на провал ввиду кратковременности пребывания батальона в указанной местности.

Рассматривая особенности оккупационной политики, нельзя игнорировать положение на тех оккупированных территориях, где создавались так называемые партизанские края. Эти местности, хотя и находились за линией фронта, полностью или в основном контролировались советскими партизанами. Партизанские края возникали, как правило, в тех местностях, где не было ни коммуникаций, ни промышленных или сельскохозяйственных объектов, представлявших интерес для германской армии. Появление там германских войск практически исключалось, поэтому партизаны могли оседло дислоцироваться в таких районах в течение длительного времени. Из административных структур партизанами прежде всего создавались временные органы власти. В масштабах населенного пункта властные функции выполнял либо командир партизанского отряда (бригады), либо назначенное им лицо из командного состава. В случаях, когда партизаны посещали населенный пункт на территории партизанского края лишь периодически, глава (по немецкой терминологии — староста, деревенский старейшина) мог быть назначен из числа местных жителей. Его обязанности в общих чертах совпадали с обязанностями сельского старосты на подконтрольной германским структурам территории: учет населения, скота, зерна, продовольствия, контроль за перемещением жителей, за их настроениями, расквартирование прибывавших партизан, продовольственные поставки для партизанских отрядов. Подобно обычным сельским старостам, главы сельских населенных пунктов выполняли одновременно роль председателей колхозов там, где таковые были восстановлены. Главе подчинялась созданная в пределах

837 *Посадский А.В.* Дис… докт. ист. наук. С. 614–615.

838 Там же. С. 606.

населенного пункта милиция[839]. Что касается крупных населенных пунктов, они контролировались партизанами крайне редко. Известен случай, когда с 15 февраля по 7 июня 1942 г. партизанами полностью управлялся находящийся в немецком тылу город Дорогобуж Смоленской области. Здесь были восстановлены (воссозданы) райком ВКП(б), райисполком, РО НКВД, райвоенкомат[840]. Кроме того, имеются данные о переходе под контроль партизан в течение марта — апреля 1942 г. города Дятьков и части Дятьковского района Орловской области. В этот период возобновили свою деятельность райком ВКП(б), районный совет депутатов трудящихся, райисполком со всеми входящими в структуру данных органов отделами[841]. Данных о работе промышленных предприятий в контролируемых партизанами местностях нет, однако правомерно предположить, что часть таковых была пущена в работу и выпускала продукцию. По крайней мере, есть данные о функционировавших на территории партизанских краев небольших промышленных предприятий, для управления и организации работы которых не требовалось жестких организационных структур. К таковым относились, например, обувные, кожевенные фабрики, столярные, бондарные мастерские. Они были ориентированы, как правило, на удовлетворение потребностей самих партизан. По данным Д. Армстронга, в качестве рабочей силы, наряду с самими партизанами, использовалось местное население, иногда в принудительном порядке[842]. Ввиду этого партизанские края стали довольно значительным фактором в деле нейтрализации коллаборационизма — на их территории широкомасштабный коллаборационизм не мог иметь места ввиду отсутствия условий. Контингент коллаборационистов здесь был представлен лишь немецкой агентурой, которая довольно быстро нейтрализовывалась ввиду тотального контроля партизан над населением.

Таким образом, особенности проведения оккупационной политики, исключая территории партизанских краев, явились большей частью довольно мощным катализатором коллаборационистских настроений. Как и на территории псевдогосударственных административных образований, коллаборационизм в условиях послабляющих особенностей проведения оккупационной политики стал практически поголовным явлением. Данные особенности указывают прежде всего на тот потенциал, которым обладало коллаборационистское движение на оккупированных территориях РСФСР. Использование национального, экономического, религиозного факторов приводило к становлению на путь сотрудничества с оккупантами значительной части населения той или иной области. Это происходило несмотря на то, что многие шаги оккупантов носили лишь декларативный характер, не дошли до практического воплощения. Поэтому можно только догадываться, как бы могли измениться результаты Великой Отечественной войны и последующая история нашей страны, если бы гитлеровская Германия, пусть на время, отказалась от

839 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 377–378.

840 Там же. С. 377.

841 ЦНИБО. Ф. 1659. Оп. 1. Д. 1. Л. 12–14, 26–28, 32; Ф. 1668. Оп. 1. Д. 1. Л. 10–16.

842 *Армстронг Д.* Указ. соч. С. 393.

своих колонизаторских планов в отношении СССР и пошла навстречу чаяниям его народов. С другой стороны, полноправное сотрудничество оккупантов с народами Советского Союза могло осуществиться лишь в локализованных, ограниченных масштабах, потому что в противном случае перечеркивало и делало для агрессора бессмысленным нападение на СССР. В любом случае особенности проведения оккупационной политики указывают на наличие в политической системе СССР противоречий национального, экономического и религиозного характера, что было использовано германскими оккупационными властями с целью привлечения части советских граждан на свою сторону.

Глава 5
Коллаборационизм в сфере идеологии

§ 1. Политический коллаборационизм

Особое место германское командование и советские граждане, поступившие к нему на службу, отводили идейной части своей деятельности, основная цель которой заключалась в обработке вербуемых на службу к оккупантам бывших красноармейцев и местного населения. Большую роль в этом играла пропаганда, которая проводилась на всем протяжении войны обеими сторонами параллельно с военными действиями, а также иные акции политического характера: инспирирование и создание политических партий и организаций, а также различных комитетов, призванных играть роль альтернативных правительств.

С началом войны гитлеровское руководство стремилось тщательно скрывать свои планы в отношении СССР. Командующим германскими соединениями предписывалось подчеркивать, что Германия воюет не против населения Советского Союза, а против «еврейско-большевистского советского правительства со всеми подчиненными ему сотрудниками и коммунистической партии», а германские войска имеют целью лишь избавление советского народа от сталинской тирании[843]. С оглядкой на международную общественность, стремясь снискать ее симпатии, немецкая пропаганда провозгласила войну с СССР «крестовым походом Европы против большевизма», «всеевропейской освободительной войной»[844].

Несмотря на то что предложения использовать все противоречия политического характера, сложившиеся к тому времени в СССР, поступали с первых же дней войны от российской эмиграции, советских военнопленных, командующих германскими соединениями[845], они не встречали никакой поддержки со стороны руководства Третьего рейха[846]. Так, военнопленный генерал-лейтенант М.Ф. Лукин 12 декабря 1941 г.

---

843 *Дашичев В.И.* Указ. соч. С. 194.

844 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 35.

845 *Штрик-Штрикфельдт В.* Указ. соч. С. 59–61.

846 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 101.

предложил для вовлечения в антикоммунистическое движение советских военнопленных и населения оккупированных территорий СССР дать им четкое обоснование целей их борьбы путем создания альтернативного русского правительства. Поясняя свою мысль, Лукин говорил: «Русские стоят на стороне так называемого врага, так что переход к ним (немцам. — *И. Е.*) — это не измена Родине, а только отход от системы»[847].

Однако нацистское руководство, будучи уверенным в скорой победе, считало излишним завоевывать симпатии населения СССР. Поэтому в первые месяцы войны немецкая пропаганда если и обращалась к населению Советского Союза и красноармейцам, то лишь в той мере, в какой это могло способствовать быстрому и беспрепятственному продвижению германских армий на Восток. Возможность долговременного сотрудничества с населением СССР в течение лета — осени 1941 г. не отрабатывалась.

Тем не менее в СССР к началу войны сложился ряд противоречий экономического, политического характера, проявившихся в полной мере в период нападения Германии и продвижения вермахта в глубь советской территории, то есть когда само существование советской власти оказалось под угрозой. Участник власовского движения эмигрант А.С. Казанцев утверждал, что народ «не верил и не верит ни одному слову советской пропаганды, не без основания считая, что она не способна сказать ни одного слова правды», и при этом «с надеждой смотрел на Запад и, изверившись в собственных силах, только оттуда ждал освобождения»[848]. Подобным образом рассуждала и часть русской эмиграции. Еще накануне нападения Германии на СССР она разделилась на два лагеря — оборонцев и пораженцев. Последние считали, что СССР — не Россия, а Красную армию нельзя отождествлять с российской армией. Поэтому пораженцы приветствовали германскую агрессию, видя в ней возможность освобождения России от большевизма. Позицию пораженцев еще до нападения Германии на СССР довольно конкретно выразил монархист В.В. Шульгин: «Пусть только будет война! Пусть только дадут русскому народу в руки оружие! Он обернет его против ненавистной ему советской власти! И он свергнет ее!»[849]

Этим эмиграция показывала лишь частичную осведомленность о действительных настроениях населения СССР, меньшинству из которого были в действительности присущи подобные взгляды. Вероятно, эмиграция отстала в своих суждениях, представляя русского человека таким, каким он был в период революции и Гражданской войны. И если даже тогда немалая часть населения поддержала большевиков, то можно себе представить, как изменились в этом отношении взгляды народа,

---

847 *Хоффман Й.* Власов против Сталина. С. 178. Выводы об антисоветских высказываниях М.Ф. Лукина в плену Й. Хоффман делает на основании протокола допроса генерала в штабе группы армий «Центр», а также суммирующей его политические высказывания записки «Генерал-лейтенант Лукин о земельном вопросе». После окончания войны Лукину в ходе длительного следствия удалось доказать свою непричастность к сотрудничеству с немцами, а с течением времени — возглавить Советский комитет ветеранов войны, председателем которого он оставался до своей смерти в 1970 г.

848 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 57.

849 *Шульгин В.В.* Указ. соч. С. 14.

успевшего почти четверть века прожить при советской власти, испытывая при этом колоссальное давление коммунистической пропаганды. Очевидно, именно на представлениях, сходных эмигрантским, немцы строили направленность своей пропаганды.

Так, по их мнению, население Советского Союза было движимо лишь низменными, присущими крайне отсталым народам желаниями, сводящимися большей частью к еде, курению и алкоголю. Разработанные на основе подобных представлений пропагандистские листовки, естественно, вызывали в среде жителей Советского Союза в лучшем случае недоумение. А.С. Казанцев вспоминает, как некоторые ленинградцы, встретив 22 июня как освобождение, жадно подбирали немецкие листовки, но тут же разочаровывалась их содержанием: «Ловили из открытых окон, лазили даже по крышам — вот она, весточка долгожданная из потустороннего мира, из культурной, гуманной Европы… Достали, читаем и сначала глазам не верим. Сверху крупно написано: „Переходите к нам“, и изображен красноармеец с поднятыми руками. Дальше опять картинка — и опять красноармеец, на этот раз с кружкой, вероятно, пива и надпись: „Есть что выпить“. И наконец, еще картинка — опять красноармеец, неуклюже держащий в растопыренных пальцах сигарету. Надпись еще выразительнее — „Курить разрешается“». Описывая реакцию населения на такие листовки, Казанцев отмечал, что это вызывало лишь смех, люди даже считали, что сбросившие листовки самолеты «были советские, с накрашенными немецкими крестами на крыльях. Дескать, вот, полюбуйтесь на ваших освободителей, чем соблазняют они вас — кружкой пива и папиросой… Дня через два прилетели снова. Разбросали те же листовки, но уже вперемежку с бомбами. Поверите, нам стало страшно… Неужели двадцать лет веры были самообманом?..»[850]

Офицер РОА Н.А. Троицкий в беседе с автором рассказывал, что немецкие листовки антисемитской направленности с надписями типа «Бей жида-политрука — морда просит кирпича» в среде красноармейцев вызывали лишь омерзение. Другой участник власовского движения о листовках 1941 г. позже писал, что «немецкие листовки были настолько безграмотными и дикими по содержанию, что их приходилось считать просто плодом какого-то недоразумения»[851]. Ни одна из листовок первых месяцев войны не обходит вопрос о еде, выпивке и табаке, по смыслу ставя это в центре пропаганды, на что, по мнению составителей листовок, обязательно должны отреагировать красноармейцы. Одна из них, изображающая перебежчика с котелком в руках, гласит: «Я Боровик Станислав Иосифович из 846 стрелкового полка 267 с. д перешедший добровольно к немцам они меня очень хорошо встретили как гостя дали мне водки и хорошо покушать, и обращаются к перебещикам очень хорошо» (грамматика сохранена)[852]. В другом обращении к солдатам дисциплинарных рот говорится, что перешедших на сторону германской армии солдат «примут там хорошо, вы получите пищу, питье и табак»[853].

---

850 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 59.

851 *Терновский Ю.* В плену // Рождение РОА. С. 7–8.

852 ЛАЕ. Товарищи бойцы, командиры и политработники! (Листовка. Типогр. экз.)

853 ЛАЕ. Солдаты дисциплинарных рот! (Листовка. Типогр. экз.)

По многочисленным свидетельствам участников событий, имеющихся в распоряжении автора, такая пропаганда в большинстве случаев приносила немцам больше вреда, чем пользы.

Пропагандистские мероприятия, проводившиеся на протяжении 1941 — осени 1942 г., при всем их примитивизме ставили перед собой лишь цель добиться максимального количества перебежчиков из Красной армии, снизив тем самым ее сопротивление. Призывов к какому-либо активному сотрудничеству с немцами, тем более к военному, немецкая пропаганда в этот период не содержала.

В то же время наиболее здравомыслящая часть германских военных понимала, что, несмотря на победы германской армии в 1941 г., война с СССР не стала шестинедельным блицкригом, а приняла затяжной характер. В этой связи виделась необходимость настраиваться на долговременное сотрудничество с населением СССР как в военном, так и в гражданском плане. Для этой цели было нужно дать населению оккупированных территорий СССР и красноармейцам, вербуемым в военные коллаборационистские формирования, обоснование целей их борьбы, так как призыв умереть за Гитлера и «Великую Германию» вряд ли мог найти у населения Советского Союза отклик. В то же время вульгарная нацистская пропаганда не давала населению СССР ответа на тревожившие его вопросы относительно послевоенного будущего Советского Союза. И несмотря на то, что сталинский режим среди значительной части населения не был популярен, германский национал-социализм, к тому времени уже порядком показавший свое лицо, вряд ли мог видеться населению Советского Союза достойной альтернативой.

Это обусловило необходимость проведения местных политико-пропагандистских акций на оккупированных территориях СССР, так как возникшая уже в первые месяцы войны обстановка в тыловых районах потребовала использовать для борьбы с партизанами и охранной деятельности добровольцев из местного населения. По мере развития партизанского движения требовалось количественное увеличение антипартизанских коллаборационистских частей. Как правило, подобные акции проводились по инициативе либо с разрешения командующих отдельными армиями или тыловыми районами без постановки в известность Верховного командования вермахта или восточного министерства.

Характерный пример — мероприятия на территории Локотского автономного округа, так называемой Локотской республики. Это достойно детального рассмотрения, так как Локотской округ представляет собой наиболее выразительный пример особенностей проявления германской оккупационной политики. Здесь уже 26 ноября 1941 г. был выпущен манифест Народной социалистической партии России (НСПР). Этот документ содержал пространную программу, отражающую взгляды его автора К.П. Воскобойника, копировавшую ряд идей германского национал-социализма.

Манифестом декларировалось уничтожение колхозного строя, бесплатная передача всей пахотной земли крестьянству в вечное, наследственное пользование с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи, развертывание частной инициативы вплоть до предоставления частным лицам права постройки фабрик и заводов с

ограничением суммарного капитала 5 млн золотых рублей на человека. При этом предусматривалось сохранение в руках государства, то есть самоуправления, основных средств производства (приложение 3. Документ 1).

Для того чтобы сформулировать сущность идеологии НСПР, изложенной в манифесте, необходимо отметить социалистический характер программы в ее экономической части. Можно предположить, что помимо отдельных установок национал-социализма, пропагандировавшихся в оккупированных областях, на экономические воззрения авторов манифеста наложила печать либерализация экономики, имевшая место во времена НЭПа. Все это, в соответствии с взглядами К.П. Воскобойника и его соратников, как нельзя лучше соответствовало чаяниям населения, и в первую очередь крестьянства. В политической части программы на первом месте стоит национальная идея — возрождение русского государства. Вероятно, в сочетании этих двух частей программы лидеры Локотского самоуправления, симпатизировавшие германскому нацизму, видели не что иное, как свой, русский национал-социализм[854].

При всей амбициозности создателей НСПР, рассматривавших свою деятельность в масштабах всей России, следует отметить, что они первыми — задолго до появления «Смоленской декларации», подписанной А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, — выступили с программой преобразований в России после свержения в ней коммунистического режима.

Вслед за выпуском Манифеста НСПР началась широкая агитационная кампания по его распространению в пределах Орловской, Курской, Смоленской и Черниговской областей при участии Каминского и Мосина[855].

Упор авторов на повседневные нужды населения, антиколхозная пропаганда, обещание наделить всех землей привели к незначительным результатам. Население в своем большинстве отнеслось к созданию партии равнодушно — в НСПР вступали в основном сотрудники Локотского самоуправления, бойцы и командиры народной милиции[856]. По всей видимости, пропаганда, не подкрепленная на первых порах конкретными экономическими шагами по улучшению благосостояния населения, не вызвала никакого отклика локотян. Однако уже через четыре месяца начальник Орловского областного управления НКВД К.Ф. Фирсанов в докладной записке секретарю Орловского обкома ВКП(б) от 15 марта 1942 г. докладывал, что к концу 1941 г. Воскобойнику удалось организовать в Брасовском районе пять ячеек НСПР[857]. Вероятно, некоторый рост НСПР произошел после практического воплощения декларированных манифестом принципов.

В связи с фактом появления на оккупированной территории СССР политической партии с подобной программой на страницах крайне

854 ЛАЕ. Манифест НСПР. (Типогр. экз.)

855 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79–89; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 71.

856 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 77. Л. 79–89.

857 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3. Л. 85–90.

немногочисленной литературы по указанной проблеме излагаются два противоположных взгляда. Так, С. Чуев объясняет создание НСПР влиянием Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП)[858]. Такое объяснение — следствие недостатка информации о самой партии и точных данных о времени ее основания. Действительно, уже осенью 1941 г. активисты НТС развернули на оккупированной территории СССР свою деятельность и даже образовали несколько подпольных групп. Одна из таких групп появилась в Брянске и вполне могла установить контакт с Воскобойником и Каминским. Однако никаких данных, подтверждающих эти контакты, а тем более участие членов НТС в разработке программы НСПР, имеющиеся источники, включая воспоминания участника Брянской группы НТС В. Кашникова и посетившего Локоть Р.Н. Редлиха, не содержат. В дальнейшем НТС удалось внедрить в ряды сформированной на территории Локотского округа бригады народной милиции своих членов, которые играли видную роль в «партийном строительстве» уже сформированной к тому времени НСПР. В их числе был, в частности, Г.Е. Хомутов, создавший в Локотском округе молодежную организацию. Инициатива же создания НСПР и выработка ее программы целиком принадлежат организаторам Локотского самоуправления.

Один из советских источников излагает противоположный взгляд, утверждая, что создание «русской фашистской партии», названной Народная социалистическая партия России, инспирировано гестапо[859]. Однако подобная точка зрения несостоятельна, если учесть политические установки нацистов, в частности Гитлера, относительно России и ее народов[860]. И если оккупационные власти еще могли допустить создание местного самоуправления и антипартизанских формирований, то возникновение партии, провозгласившей своей целью борьбу за русские национальные интересы, в будущем могло помешать осуществлению колонизаторской политики. По этой причине, несмотря на хорошие отношения лидеров Локотского самоуправления с немецкой военной администрацией, создание НСПР не было санкционировано германскими властями. Влияние партии не распространялось дальше границ Локотского округа, а после сентября 1943 г. — Лепельского округа.

В декабре 1941 г. органам НКВД Калининской области стало известно о создании в Калинине в период его оккупации довольно крупной организации под названием Российское национал-социалистическое движение (РНСД). Главным организатором РНСД стал офицер германской армии В.Ф. Адриас, сын эмигрировавшего из России в 1918 г. в Германию помещика. Программа организации предусматривала создание с помощью немцев самостоятельного русского государства, восстановление частной собственности. Планировалось создать первичные организации РНСД по всей стране, вовлекая в них в основном молодежь, а по достижении достаточной численности организации —

858 *Чуев С.* Указ. соч. С. 259–260.

859 Война в тылу врага: О некоторых проблемах истории советского партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. С. 156.

860 *Гитлер А.* Указ. соч. С. 546, 548, 551, 556.

реорганизовать ее в Российскую национал-социалистическую партию[861].

Осуществить эти планы не удалось, так как с освобождением Калинина деятельность РНСД сошла на нет.

Несмотря на провал блицкрига, 1941–1942 гг. были отмечены рядом побед германской армии и ее продвижением на восток в глубь советской территории. Устойчивость коллаборационистских формирований, занятых в этот период в основном охранной и антипартизанской деятельностью в тылу немецких войск, стабилизировалась уверенностью коллаборантов в неминуемом поражении СССР в войне. Надежность личного состава изменнических частей в первые полтора года войны не вызывала опасений, на фоне чего предложения о придании советскому коллаборационизму характера политического движения, исходившие от командующих отдельными армиями, отвергались гитлеровским руководством. Иная ситуация сложилась в конце 1942 г., когда положение германской армии ухудшилось — продвижение вермахта было остановлено под Сталинградом. 23 ноября завершилась четырехдневная операция по окружению группировки Паулюса, провалились попытки ее деблокирования. Крушение мифа о непобедимости германской армии отразилось на настроениях личного состава коллаборационистских формирований. И если до этого отмечались в основном единичные случаи перехода коллаборантов к партизанам, то после «сталинградской катастрофы» такие случаи участились, приняли массовый характер[862]. Одновременно стало усиливаться партизанское движение, получая пополнение не только за счет местного населения, но и переходящих к партизанам коллаборантов.

В этой обстановке ряд офицеров вермахта поставил перед восточным министерством вопрос о пересмотре восточной политики с целью завоевать симпатии населения, изыскав дополнительные ресурсы для борьбы с партизанами в условиях затяжной войны. Обобщив поступавшие из оккупированных областей СССР сведения, шеф политического отдела восточного министерства доктор О. Бройтигам адресовал Розенбергу свои заметки. В них он указывал, что, поскольку войну в короткий срок выиграть невозможно, необходимо привлечь людские ресурсы оккупированных областей СССР, использовав идею гражданской войны. В этой связи требовалось, чтобы «авторитетные германские круги дали славянским народам успокаивающие обещания относительно их судьбы»[863]. Тут же Бройтигам указывал: «Если мы не изменим в последние минуты курса нашей политики, то можно с уверенностью сказать, что сила сопротивления Красной армии и всего русского народа еще больше возрастет… Если же мы сумеем переменить курс политики, то… этим самым нам удастся разложить Красную армию. Сопротивление красноармейцев будет сломлено именно в тот момент, когда они поверят, что Германия принесет им лучшую жизнь, чем советы»[864].

18 декабря 1942 г. прошла созванная Розенбергом конференция по

---

861 *Ирлицин В.И.* Указ. соч. С. 150.

862 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

863 Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 234.

864 Нюрнбергский процесс. Т. 2. С. 238.

обсуждению вопросов обращения с русским населением и дальнейшего курса восточной политики, на которой присутствовали начальники тыловых районов Восточного фронта, военные чиновники, ответственные за проведение политики на оккупированных территориях. Военные подчеркивали необходимость использования населения СССР для борьбы с партизанами и пополнения войск. Для этого они считали необходимым принятие ряда мер как экономического, так и политического характера. В частности, предлагали восстановить для населения право частной собственности, прежде всего на землю, улучшить продовольственное обеспечение населения, минимизировать принудительный угон трудоспособных в Германию, привлечь местных жителей к ограниченному участию в решении ряда административных вопросов. В политическом плане предлагалось дать населению СССР цель, которая отвечала бы его вкусам. При этом подчеркивалось, что комплекс указанных изменений — лишь временная мера, которую можно пересмотреть после войны[865]. Результатом явилось принятие ряда решений о лояльном отношении к русским[866].

Под влиянием этого Розенберг, согласившийся с доводами участников конференции, 12 января 1943 г. санкционировал создание Русского комитета и выпуск его обращения к населению СССР. На следующий день 13 января 1943 года с самолетов вдоль линии советско-германского фронта было разбросано «Обращение Русского Комитета к бойцам и командирам Красной Армии, ко всему Русскому народу и другим народам Советского Союза», выпущенное тиражом в несколько миллионов экземпляров.

Выпуск данного обращения можно назвать первой крупномасштабной политико-пропагандистской акцией. Оно было датировано 27 декабря 1942 года, местом выпуска указан город Смоленск. Автором текста стал бывший заместитель редактора газеты «Известия» М.А. Зыков[867]. Под обращением стояли подписи генералов А.А. Власова и В.Ф. Малышкина[868]. В нем объявлялось о создании Русского комитета с центром в Смоленске, разъяснялись его цели. В 13 пунктах обращения перечислялись принципы, которые Русский комитет кладет в основу строительства новой России. В первых пяти пунктах указывались меры социального и экономического характера: ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние; ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам; восстановление торговли, ремесла, кустарного промысла; предоставление интеллигенции свободно творить на благо своего народа; обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации. Следующие четыре пункта касались последствий текущей войны: восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет

865 *Мюллер Н.* Указ. соч. С. 260–261.

866 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 102.

867 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 221.

868 Оригинал текста обращения содержал четыре подписи: А.А. Власова, В.Ф. Малышкина, М.А. Зыкова и бургомистра Смоленска Б.Г. Меньшагина. В дальнейшем немцы, тиражируя текст обращения, сохранили только первые две подписи.

государства; восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов; отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами; обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям. Пункты 10–13 носили политический характер, гарантировали различные права и свободы: введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость, уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати, гарантия неприкосновенности личности и жилища; гарантия национальной свободы; освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Следов антисемитизма в обращении не было, напротив, его восьмой пункт гарантировал национальную свободу[869]. Текст заканчивался призывом включаться в борьбу против большевизма, вступать в Русскую освободительную армию, которая объявлялась реально существующей союзной Германии армией. Тут же разъяснялось, что перебежчикам гарантируется прощение вне зависимости от их прошлого. В то же время обращение не накладывало никаких обязательств на германское правительство по части исполнения продекларированных принципов. Намерения англичан и американцев, выступавших на стороне СССР, объяснялись тем, что они «хотят нажиться на испытаниях, выпавших на долю русских»). По мнению Е. Андреевой, такая характеристика союзников Сталина введена по настоянию нацистской пропаганды, в таком же виде это клише повторялось и в других листовках от имени Русского комитета[870].

Интересен взгляд на данное обращение в послевоенной советской литературе. Автор первой в СССР пространной публикации о власовском движении генерал-майор юстиции Ф. Титов характеризует содержание обращения следующим образом: «…речь шла о ликвидации завоеваний Октября, об истреблении миллионов людей и установлении фашизма в нашей стране»[871]. Автор или обнаруживает свое незнакомство с анализируемым документом, или намеренно искажает факты, очевидно полагая, что для советского читателя достаточно именно такой информации.

Однако радикальные программные принципы, изложенные в обращении, ни в коей мере не соответствовали установкам Германии по колонизации СССР, коренным образом расходились с планами Гитлера относительно народов Советского Союза. Ввиду этого нацистское руководство было заинтересовано в том, чтобы текст обращения не попал на оккупированные территории. Поэтому предусматривалось его разбрасывание лишь над позициями советских войск и распространение в лагерях военнопленных. Таким образом, декларированные обращением принципы должны были по замыслу германского руководства стать лишь частью пропаганды, направленной на привлечение перебежчиков из РККА и военнопленных в коллаборационистские формирования, без их

---

869 ЛАЕ. Обращение Русского комитета. (Типогр. экз.)

870 *Андреева Е.* Указ. соч. С. 40.

871 *Титов Ф.* Указ. соч. С. 219.

практического воплощения. Попадание текста обращения на оккупированные территории могло вылиться в серьезную проблему, ибо почувствовавшее несостоятельность пропаганды население, в том числе коллаборационисты, могло в будущем вообще перестать доверять каким-либо обещаниям пропаганды. Однако обращение попало и на оккупированные территории, и даже было перепечатано некоторыми местными типографиями. Командующие авиационными соединениями объяснили это тем, что летчики сбились с курса, по ошибке сбросив часть листовок не там, где надо.

После распространения Смоленской декларации в тылу немецких войск смоленские партизаны предприняли попытки разъяснить населению, что никакого Русского комитета в Смоленске не существует, а выпуск его обращения — пропагандистская ложь, что, судя по неспадающему интересу населения к провозглашенным в обращении принципам, имело незначительный успех[872].

Тем не менее обнародование обращения достигло некоторых целей. Так, термин «РОА» стал известен среди граждан СССР, в том числе красноармейцев. Несмотря на фиктивность существования РОА, обращение было доказательством того, что уже предпринимаются конкретные шаги по ее созданию.

Спустя несколько дней, 18–19 января 1943 г., в Берлине прошла учредительная конференция Русского комитета. Кроме офицеров ряда действовавших на то время коллаборационистских формирований на конференции присутствовали представители рейха: командующий люфтваффе фельдмаршал Геринг, министр пропаганды Германии доктор Геббельс, бывший помощник военного атташе в Москве подполковник Шуберт (на то время работал в штабе группы армий «Центр» по координации вопросов использования нацформирований)[873].

Результатом конференции стало принятие ряда решений:

1. Официальное признание руководством Германии Русского комитета. Его председателем был избран бывший командующий 2-й ударной армией Волховского фронта, заместитель командующего Волховским фронтом генерал-лейтенант А.А. Власов, его заместителем (он же начальник отдела пропаганды) — бывший секретарь Росткинского райкома ВКП(б) Москвы дивизионный комиссар Г.Н. Жиленков, секретарем — генерал-майор В.Ф. Малышкин. Комитету было предоставлено право самостоятельности в создании необходимых для выполнения его функций учреждений.
2. О предоставлении Русскому комитету права сношений с правительствами союзных с Германией стран.
3. О создании штаба Русской освободительной армии во главе с А.А. Власовым.
4. О праве мобилизации на всей оккупированной территории СССР военнообязанных в Русскую освободительную армию.
5. Об организации курсов пропагандистов со статусом батальона,

---

872 *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 224. Выступая в смоленском театре перед населением в марте 1943 г., генерал Власов на вопрос о местонахождении Русского комитета, о существовании которого в Смоленске горожане не имели понятия, пояснил, что вопрос о местонахождении комитета в Смоленске не следует понимать буквально.

873 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

выпуске газеты «Доброволец».

6. О введении для РОА Андреевского знамени и трехцветного российского флага[874].

Одновременно, в январе 1943 г., Геринг представил Гитлеру проект «Восточной декларации», где предлагалось незамедлительно осуществить три меры:

1. Создание национальных представительств отдельных народов.

2. Формирование народных армий в качестве союзников Германии в войне против СССР.

3. Отмена всей большевистской экономической системы и переход к восстановлению частной собственности[875].

Спустя несколько дней появилось новое обращение Русского комитета под названием «Русский народ — равноправный член семьи свободных народов Новой Европы». Оно также было подписано А.А. Власовым и В.Ф. Малышкиным, датировано 30 января 1943 г., местом выпуска указан Смоленск. В данном обращении разъяснялась политика национал-социализма, в том числе в отношении населения СССР. В частности, указывалось, якобы «жизненное пространство народов СССР останется их собственностью» и «Русская страна не будет оскорблена»[876].

Несмотря на фиктивность Русского комитета и РОА, призрачность обещаний, призванных лишь увеличить количество перебежчиков из РККА, Власов и его окружение надеялись, что это послужит сплочению всех «национально мыслящих сил», созданию массового «освободительного движения»[877]. Однако, судя по высказываниям перебежчиков из коллаборационистских формирований, указанная акция вызвала лишь временный подъем настроений коллаборантов. Спустя некоторое время у бойцов и командиров коллаборационистских формирований не осталось сомнения, что создание Русского комитета — пропагандный трюк, ибо никаких конкретных указаний от Русского комитета не поступало, единого руководства «восточными» частями не возникло, все они, как и прежде, оставались в подчинении германских корпусов и дивизий[878].

Вскоре, с марта 1943 г., советские коллаборационисты стали называться «добровольцами» вместо унизительного «хиви». Все они получили возможность носить нарукавный шеврон с закругленной нижней частью, аббревиатурой РОА[879] вверху и синим Андреевским крестом на белом фоне в обрамлении красной каймы (комбинация цветов российского флага). С этого времени все входящие в состав вермахта

874 Там же.

875 *Умбрайт Х.* Указ. соч. С. 149–150.

876 ЛАЕ. Русский народ… (Типогр. экз.)

877 *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 110.

878 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 14.

879 По свидетельствам бывших власовцев, аббревиатуру РОА они с иронией расшифровывали как «Русские Обманут Адольфа». С течением времени, когда растаяли надежды создать в среде граждан СССР массовое антикоммунистическое движение, первоначальное истолкование аббревиатуры несколько подкорректировали — «Русские, Обманутые Адольфом».

коллаборационистские формирования стали называться частями РОА. Последнее понималось как собирательное название всех формирований, созданных из граждан СССР. Данный шаг стал одним из этапов пропагандистской кампании, призванной, с одной стороны, остановить разложение коллаборационистских формирований, с другой — увеличить поток перебежчиков из партизанских отрядов и Красной армии. С этого времени листовки, обращенные к партизанам и красноармейцам, писались от имени командования или добровольцев РОА. Несмотря на фиктивность власовской армии, части и подразделения которой продолжали состоять под командованием немецких офицеров и подчинялись немецким частям и соединениям, пропаганда стала преподносить РОА как реально существующую, целостную и самостоятельную армию, возглавляемую генералом А.А. Власовым.

В рамках этой же кампании появилось открытое письмо А.А. Власова «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Смысл его, по утверждению некоторых западных источников, — пропаганда идей русского освободительного движения на оккупированных территориях СССР. Ввиду того что воззвания Русского комитета предназначались исключительно для обработки красноармейцев с запретом распространения на оккупированных территориях, Власов мог обратиться к населению лишь от себя лично, на что какие-либо санкции не требовались[880]. Обличение преступлений Сталина и большевиков в письме заканчивалось призывом бороться с большевизмом, однако ничего не указывало относительно конкретики этой борьбы.

Продолжением этого стал следующий шаг Власова — две поездки в начале 1943 г. по оккупированным территориям с посещением Смоленска, Пскова, Могилева, Бобруйска и других городов в тыловых районах групп армий «Север» и «Центр». Согласно имеющимся скудным сведениям[881], выступления генерала приветствовались местным населением, так как создавалась иллюзию реальности русского комитета и его полномочий, намечающихся перемен в оккупационной политике, в том, что Германия вынуждена будет принять в расчет надежды жителей оккупированных областей. Власов постоянно подчеркивал потенциал РОД, разъяснял, что, хотя РОА пока не существует, в интересах Германии обратить эту идею в реальность[882]. В вопросе о социальных и политических формах послевоенной России Власов придерживался обращения Русского комитета и своего открытого письма. При этом подчеркивал основную цель РОД — вернуть народам СССР права, завоеванные в 1917 г., но узурпированные большевиками[883]. Поездки эти создавали видимость самостоятельности Русского освободительного движения, что подкреплялось довольно резкими высказываниями Власова в адрес немцев. В частности, генерал говорил: «Германия не может выиграть войну без русских», «мы не хотим коммунизма, но мы также не хотим быть немецкой колонией», «чужой кафтан не по русскому

880 Заря. 1943. 3 марта; Доброволец. 1943. 7 марта; Речь (Орел). 1943. 21 марта.

881 *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 225; *Андреева Е.* Указ. соч. С. 43.

882 *Андреева Е.* Указ. соч. С. 43.

883 Там же.

плечу»[884]. В ответ фельдмаршал В. Кейтель приказом от 17 апреля 1943 г. запретил какую-либо политическую деятельность Власова ввиду его «неквалифицированных бесстыдных высказываний». В приказе содержалась угроза в случае повторения чего-либо подобного передать Власова гестапо[885].

Несмотря на это, после возвращения Власова, в апреле 1943 г. в Берлине прошла Первая антибольшевистская конференция военнопленных командиров и бойцов Красной армии, ставших в ряды русского освободительного движения. Значение конференции важно в том плане, что она определила идейную базу коллаборационизма на период до ноября 1944 г., когда была предпринята попытка консолидации всех антибольшевистских сил под едиными лозунгами Комитета освобождения народов России (КОНР). Г. Фишер справедливо назвал конференцию «учредительным собранием власовского движения»[886].

В своем докладе генерал В.Ф. Малышкин целью конференции указал необходимость четко разъяснить населению СССР задачи освободительного движения, «чтобы все наши люди прекрасно представляли себе, за что они борются». При этом докладчик опирался в основном на два документа — обращение Русского комитета и открытое письмо Власова. В то же время нонсенсом явился антисемитизм, явно проскользнувший в докладе. Поставив национальный вопрос на первое место, Малышкин пояснил: «Нашу позицию в этом вопросе, как уже говорил генерал Власов, можно сформулировать таким образом: национальная свобода для всех народов, кроме еврейского»[887]. Последующие пункты доклада касались крестьянского, рабочего вопросов, отношения к интеллигенции, к частной инициативе. Сохраняя все принципы смоленского воззвания, докладчик, однако, копирует принципы национал-социализма, причем не только в национальном вопросе, но и в экономическом. Так, экономический сектор Новой России[888] он предложил разделить на государственный и частный.

В этом же докладе Малышкин указал на перспективы развития РОД. По его мнению, освободительное движение нашло широкую поддержку не только на оккупированных территориях, но и среди большого количества бойцов и командиров РККА. Успех РОД он связывал с тем, что идеи, изложенные в открытом письме Власова, отражают подлинные настроения народов СССР. Это утверждение докладчика никак не отражало действительного положения вещей — даже в период сплошных побед германской армии коллаборационизм, несмотря на массовость, не стал всеобъемлющим явлением. А параллельно с ростом коллаборационистских формирований усиливалось и партизанское

---

884 *Коняев Н.* Указ. соч. С. 163.

885 *Солженицын А.И.* Указ. соч. Т. 5. С. 225; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 222.

886 *Fisher G.* Op. cit. P. 61.

887 Генерал Власов так никогда не говорил, ни в одном из его последующих выступлений также не содержится антисемитских высказываний.

888 Так по замыслу коллаборационистских лидеров планировалось назвать государство, построенное на месте СССР.

движение.

Интересно, что докладчик весьма определенно высказался против сотрудничества с представителями белого движения, если они не изменят своих взглядов. Так, от бывших белогвардейцев требовалось принять идеалы «подлинно народной революции» 1917 года (неясно, Февральской или Октябрьской). По всей вероятности, несогласие в этом вопросе до конца войны определило отношения между белыми и бывшими красными[889]. Никакого плодотворного сотрудничества между ними не получилось. Представителям белой эмиграции довелось принять участие лишь в практическом формировании некоторых коллаборационистских частей.

Относительно существования РОА как оперативного объединения Малышкин заявил, что ее не существует по причине отсутствия в рядах РОД идейного единства. Как в этом, так и в других вопросах Малышкин умолчал о действительном положении вещей, в частности о препятствиях руководства Германии в деле развертывания целостной армии, многочисленных фактах дезертирства из коллаборационистских формирований. Докладчик, говоря лишь о радужных перспективах развития РОД, либо не был знаком с действительным положением вещей, либо сознательно искажал факты.

Результатом конференции явилось принятие резолюции. В ней участники объясняли причины своего становления на путь коллаборационизма. В частности, указывалось, что ими движет осознанное желание бороться против советского строя. Коллаборация с Германией объяснялась необходимостью помощи извне, причем союз с враждебным СССР государством назывался взаимовыгодным, исторически обоснованным (приложение 1. Документ 4).

В это же время была начата широкомасштабная кампания по вербовке добровольцев в РОА. С этой целью в течение 1943 г. на оккупированных территориях были созданы курсы и школы пропагандистов РОА. В частности, в Смоленске курсы открылись по инициативе отдела пропаганды Восточных войск и штаба 4-й армии. Их возглавил лейтенант вермахта Ритвегер, старшим преподавателем стал зондерфюрер Бэте, лектором — поручик Добровольческой армии белоэмигрант Бурцев. Курс обучения длился два месяца, один набор составлял 40–60 человек — военнослужащих восточных батальонов и казачьих войск. Выпускники поступали на работу в качестве пропагандистов в лагеря военнопленных, в коллаборационистскую прессу, в частности в выходившую в Смоленске газету «За Родину»[890]. В середине 1943 г., ввиду освобождения Смоленска Красной армией, курсы прекратили свое существование. В конце 1943 г. в Пскове по инициативе баронессы Марии де Сметт открылись женские курсы пропагандисток. Наряду с возложением на выпускниц задач пропаганды из них предполагалось создать службу социальной помощи в оккупированных областях. В их компетенцию должно было входить: посредничество между германскими оккупационными властями и местным населением, организация ясель и детсадов, уход за престарелыми и инвалидами. Первый набор курсанток составил 30 человек, однако через несколько

889 *Бутков В.И.* Указ. соч. С. 11.

890 *Окороков А.В.* Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР. С. 160–161.

дней в связи с наступлением РККА курсы были переведены в Ригу[891].

Однако на практике в качестве пропагандистов чаще выступали лица, не имевшие специальной подготовки. При наборе добровольцев в части РОА вербовщики пользовались как идейным, так и материальным стимулом. Приезжавшие в лагеря военнопленных пропагандисты проводили беседы, разъясняя цели и задачи русского освободительного движения, после чего зачисляли всех желающих в списки личного состава РОА. Тут же, на глазах у других военнопленных им выдавали форму и хорошо кормили. На голодных, измученных людей это действовало лучше всякой агитации, после чего в РОА записывалась следующая волна желающих. Если добровольцев в лагере не находилось, вербовщики отбирали нескольких человек насильно[892]. Для вербовки добровольцев из местного населения почти в каждом райцентре создавались комитеты, общества, комиссии. Координацией их работы занимался созданный в Дабендорфе недалеко от Берлина восточный батальон особого назначения, подчинявшийся отделу пропаганды ОКВ и отделу иностранных армий Востока ОКХ. Изъявивших желание служить в РОА немедленно обмундировывали и зачисляли в состав коллаборационистских частей.

Однако результаты вербовки оставляли желать лучшего, ибо к тому времени оккупанты уже порядком показали свое лицо и доверять им могла лишь незначительная часть населения. К тому же обещания пропаганды, не подкрепленные реальностью, не могли вызвать широкий отклик. Так, из Псковского, Карамышского, Середкенского и Новосельского районов в РОА согласилось вступить около 80 человек, в том числе 20 человек — по Пскову. Ненамного успешнее прошла вербовка в псковских лагерях военнопленных, где на призыв служить в РОА откликнулось около 200 человек[893].

Об отношении Гитлера к подобного рода политико-пропагандистским мероприятиям можно судить по его высказываниям на июньском совещании 1943 г., на котором кроме фюрера присутствовали генерал-фельдмаршал Кейтель, генералы Шмундт и Цейтлер, полковник Шерф. Когда Гитлеру были представлены цифры коллаборантов, в том числе на оккупированной территории СССР, а также доложено о политико-пропагандистских акциях, направленных на поддержание коллаборационизма, он выразился следующим образом: «Полагаться на них (коллаборантов. — *И. Е.*) нельзя. Мы можем вести пропаганду в сторону противника как угодно. Это все можно делать… Мы не должны эти соединения готовить для кого-то третьего, кто возьмет их в руки и скажет: сегодня мы с вами заодно, а завтра нет. В один прекрасный день мы услышим нечто вроде забастовочного лозунга», «Необходимо различать право пропаганды… и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле»[894]. Своими дальнейшими рассуждениями в ходе совещания Гитлер дал понять, что считает коллаборантов из граждан СССР крайне

891 Там же. С. 181.

892 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 66 об.; *Дробязко С.И.* Под знаменами врага. С. 111.

893 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 1102. Л. 47.

894 *Двинов Б.Л.* Указ. соч. С. 113–121.

ненадежными, так как их цели в смысле намерения добиваться национальной независимости могут породить ряд проблем для германской оккупационной политики. Чтобы этого избежать, фюрер посчитал необходимым не допускать дальнейшего количественного роста коллаборационистских частей, не создавать части крупнее батальонов[895].

Попытка сплотить коллаборационистское движение под едиными политическими лозунгами мнимого Русского комитета не затормозила начавшийся процесс разложения восточных формирований. Так, за первые шесть месяцев 1943 г. в партизанские бригады, подчиненные штабу Калининского фронта, перешло не менее 1265 коллаборационистов[896]. Количество дезертиров из калининских партизанских бригад за этот же период оказалось гораздо меньше, составив около 180 человек[897]. В то время как только из РННА 23 февраля на сторону партизан перешло 135 солдат и офицеров во главе с майорами А.П. Руденко (командир артдивизиона РННА) и Г.А. Соделем (главный интендант РННА)[898], среди партизан-дезертиров на это же время значатся лишь 3 человека, относившиеся к командному составу[899]. Что касается других территорий, из имеющихся документов не усматривается сколько-нибудь значительных переходов партизан на сторону коллаборационистов.

В период Сталинградской битвы в Локотском автономном округе, по всей вероятности, также отмечены случаи перехода бойцов и командиров РОНА на сторону партизан. Число дезертиров нигде не фигурирует, однако уже 20 ноября 1942 г. в «Голосе народа» появилась статья «О дезертирах и партизанах», где говорилось: «К чему ведет дезертирство? Оно ведет к развалу военных сил новой власти, а при развале этих сил к нам возвратятся наши враги, ведущие против нас жестокую борьбу, партизаны»[900]. Ввиду того что подобных публикаций в прессе Локотского округа ранее не было, можно предположить, что с проблемой дезертирства командование РОНА столкнулось впервые. Кроме того, в феврале — марте 1943 г. в Локотском округе разоблачена антифашистская группа, в которую входили директор Камаричской средней школы Фирсов, завскладом боепитания бригады Каминского Акулов[901], командир 1-го батальона Волков, старшина Хотеевской волости

---

895 Там же. Единственное официальное исключение было сделано для казачьей дивизии, которая, по заверению Цейтлера, «будет вести себя вполне порядочно».

896 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 15; Там же. Оп. 2. Д. 899. Л. 31–33.

897 Там же. Оп. 1. Д. 279. Л. 30–38; Там же. Д. 285. Л. 114–116, 118.

898 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 637. Л. 13.

899 Техник-интендант второго ранга, начштаба одной из бригад Я.И. Камянин (сбежал в полицию в феврале 1943 г.), командир отделения 6-й бригады лейтенант С.В. Иванов (дезертировал 7 февраля 1943 г.), командир отряда 2-й бригады Н.П. Чуднов (дезертировал 14 февраля 1943 г.). *Мангазеев И.А.* Трудовая жизнь в оккупации; Он же. Тверской коллаборационизм.

900 Голос народа. 1942. 20 ноября.

901 Акулов до войны был судим за хулиганство. Голос народа. 1943. 15 августа.

Кудинов[902], врачи Филатова и Трушко. Группа готовила план восстания в Локте, захват танков, взрывы горючего и боеприпасов, планируя осуществить это совместно с партизанской бригадой «За Родину», с которой установила связь[903]. Со своей стороны партизаны именно в период с зимы 1942 г. по весну 1943 г. развязали террор против ответственных работников Локотского самоуправления, бойцов и командиров бригады Каминского. Если верить сообщениям самоуправления, свои жертвы партизаны подвергали пыткам, выкалывая им глаза, отрубая руки и ноги[904]. По мнению Б.В. Соколова, такие факты вполне могли иметь место[905].

Несмотря на начавшийся осенью — зимой 1942 г. процесс разложения коллаборационистских формирований, проведенные в этот период политико-пропагандистские акции позволили несколько пополнить контингент коллаборационистских формирований. Кроме того, руководство Германии было поставлено перед необходимостью несколько улучшить положение советских военнопленных и более лояльно обращаться с населением оккупированных территорий. Уже служившие в коллаборационистских частях и соединениях граждане СССР почувствовали возможность объединения усилий для свержения коммунистического режима в СССР.

Советская сторона была всерьез обеспокоена известием о том, что в немецком тылу формируется Русская освободительная армия под командованием Власова. Реальная угроза, которую представляла для Красной армии и советского правительства коллаборационистская пропаганда, подтверждается мемуарами советских военачальников. Так, член Военного совета 1-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант Н.К. Попель писал, что власовские листовки были опаснее немецких[906], а Маршал Советского Союза В.И. Чуйков вспоминал, что один власовский пропагандист был опаснее целой танковой роты противника[907]. Обеспокоенная результатами коллаборационистской пропаганды[908], советская сторона была вынуждена предпринять цепь контрмер, направленных на минимизацию ее влияния на местное население,

---

902 Единственное обвинение, которое смог предъявить Кудинову окружной прокурор Бакшанский, состояло в том, что он «не только не проявлял бдительности к жидам, проживавшим на территории волости, но, наоборот, на почве пьянки тесно связался с жидовской семьей» (Голос народа. 1943. 15 августа).

903 Голос народа. 1943. 30 июня; Голос народа. 1943. 15 августа.

904 Голос народа. 1943. 27 февраля.

905 *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 63.

906 *Попель Н.К.* Указ. соч. С. 91–92.

907 *Чуйков В.И.* Указ. соч. С. 71.

908 В ходе начавшейся 6 мая 1943 г. операции «Серебряный лампас» по привлечению перебежчиков из РККА на сторону германских войск в обращениях к красноармейцам впервые было использовано имя Власова и материалы коллаборационистских воззваний. Согласно данным Отдела иностранных армий Востока, число перебежчиков увеличилось с 2424 в мае 1943 г. до 6574 в июле. Из 130 «групп перехвата» 97 сообщали о хороших, 9 — о посредственных, 24 — о плохих или ничтожных результатах операции. См.: *Klink E.* Op. cit. S. 139; *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 229.

партизан и красноармейцев. С этой целью партизанским командованием оккупированных территорий СССР, местным партийным руководством был выпущен ряд обращений не только к местному населению, но и к бойцам коллаборационистских формирований. Коллаборанты, за исключением пропагандистских материалов, обращенных к ним самим, характеризовались в них как «троцкисты», «уголовники», «выродки», «отбросы», «наемные собаки» и т. д. О причинах их вступления в военные антисоветские формирования говорилось, что это произошло вследствие «политической близорукости», что их заставили «силой оружия», «насильно гонят на фронт для борьбы с Красной армией». О целях Красной армии и партизан речь шла исключительно в ракурсе защиты Родины, русского народа без всякого упоминания о коммунизме и Сталине. В этом просматривается намерение составителей советских пропагандистских материалов минимизировать непопулярные среди населения СССР идеалы большевизма, мировой революции и т. д., в большей степени обращаться к национальным ценностям и патриотизму. В некоторой степени причины такой направленности советской пропаганды объясняют слова И.В. Сталина на проходившем с 29 сентября по 1 октября 1941 г. московском совещании представителей СССР, США и Великобритании: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть… Может быть, будет сражаться за Россию»[909]. Примерно в это же время, но уже в кругу советских военачальников Сталин говорил: «У нас нет иллюзий, что они (красноармейцы. — *И. Е.*) воюют за нас. Они воюют за Родину»[910]. Какой-либо серьезной критики коллаборационистских идейных установок в партизанских материалах не содержится, за исключением обтекаемых ярлыков, что это «лживые листовки» и «брехня», а также заверений, что в них «нет ни одного слова правды» (приложение 1. Документ 8). Так, партизаны и партийные органы не решились вступить в полемику по поводу тринадцати пунктов обращения Русского комитета, высказать критику открытого письма Власова, материалов 1-й антибольшевистской конференции, манифеста НСПР и т. д. Ни одна из партизанских листовок не содержит цитат или ссылок на коллаборационистские материалы. Вместо критики идейных установок коллаборационистов, партизаны критиковали сам факт их союза с немцами. Это позволяет предположить либо о невозможности партизан что-либо противопоставить идейной базе коллаборационистов, либо о нежелании обнародовать какие бы то ни было положения их идейной платформы, дабы не возбуждать интерес населения к ней. Бросается в глаза и та деталь, что из причин вступления советских граждан на путь коллаборации листовки упоминали такие, как принудительная мобилизация, беспринципность, порожденная криминальным прошлым, трусость. Такие причины, как оппозиция советскому режиму, ужасающие условия плена, породившие желание выжить, замалчивались.

Одновременно советской стороной были предприняты меры дискредитации Власова как лидера русского освободительного движения. Так, в выпущенной в начале 1943 г. ГлавПУРом листовке он изображался троцкистом, активным участником контрреволюционной группировки,

909 Цит. по: *Вдовин А.* Указ. соч. С. 143.

910 Цит. по: *Павлов В.В.* Указ. соч. С. 321.

обвинялся в том, что до войны вел переговоры с Японией и Германией о продаже им советских земель. Дальнейшее пребывание Власова на ответственных должностях в РККА составители листовки объясняли тем, что привлеченный к ответственности Власов «вымаливал прощение», а советское правосудие «простило Власову его преступления». Далее Власову ставилось в вину, что он во время войны сдал немцам 37-ю армию под Киевом и 2-ю ударную армию на Волховском фронте (приложение 1. Документ 9). Партизанские газеты, рассчитанные в основном на население оккупированных областей, стали также публиковать материалы подобной направленности[911].

Нелепость и низкопробность обвинений в адрес Власова была явной. Тем не менее текст листовки усиленно распространялся как среди красноармейцев, так и на оккупированных территориях СССР. По свидетельствам лиц, переживших оккупацию, опрошенных автором на территории Орловской и Смоленской областей (всего около 20 человек), данная листовка принесла партизанам больше вреда, чем пользы, сея недоверие к советской пропаганде в принципе. Так, большинство респондентов утверждало, что сомневались в том, что человека, проводившего шпионскую работу в пользу Японии и Германии, советское правосудие могло простить. Столь же нелепо в глазах населения выглядело утверждение, будто Власов сдал немцам две армии, так как до этого советская пресса превозносила Власова, восторгалась его подвигами, публиковала статьи самого Власова[912]. Лишь меньшинством красноармейцев и жителей оккупированных областей текст листовки мог быть воспринят реально, в дальнейшем определив их отношение к Власову[913].

Обращает на себя внимание то, что коллаборационисты в своих листовках, в отличие от Красной армии и партизан, как правило, отвечали на советскую пропаганду, причем им удавалось отпарировать доводы советской стороны. Так, в ответ на слова одного из обращений: «вам насильно дали оружие и насильно ведут в бои» коллаборационисты в листовке писали: «Заряженное оружие в руки многотысячной армии насильно не дашь». А на слова «Красная армия защищает счастливую жизнь народов СССР», последовал ответ: «Ну, уж нас на „счастливую жизнь“ не поймать! 25 лет сами жили под советской звездой!» (приложение 1. Документ 5). Передислоцированная в Витебскую область бригада Каминского в ответ на предложение партизанского командования перейти к ним с условием сохранения бойцам и командирам званий и зарплаты адресовала партизанам открытое письмо со словами: «Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия об идейности борьбы» (приложение 1. Документ 6).

Имеющиеся свидетельства участников событий, в том числе

---

911 *Александров Е.* Торговцы Родиной // Ленинградский партизан. 1943. 5 апреля; *Кокотов Л.* Лжерусский комитет // За советскую Родину. 1943. 29 апреля; *Павлов А.* Иудушка Власов // За советскую Родину. 1943. 15 мая; Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера // За правое дело. 1943. 4 июля.

912 *Огин П., Кроль Б.* Командир передовой дивизии // Красная звезда. 1940. 9 ноября; *Власов А.* Новые методы учебы // Красное знамя. 1940. 3 октября; Правда. 1941. 13 декабря; Известия. 1941. 13 декабря.

913 *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. С. 15, 21–22.

отраженные в литературе, дают основания говорить о низком воздействии советской пропаганды. Так, еще в мае 1942 г. возглавлявший партизанские соединения в Смоленской области Н.З. Коляда на приеме у члена Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Андреева заметил, что «листовки, разбрасываемые обкомом, не имеют значения. Партийные органы себя дискредитировали…»[914]. Один из немецких военнопленных, попавший в плен летом 1943 г., засвидетельствовал, что «листовки (советские. — *И. Е.*) примитивны и никакого влияния оказать не могут»[915]. Бывшие коллаборационисты В.М. Алексашкин, В.А. Комаров, Н.В. Чикетов рассказывали, что листовки партизан, предназначенные для коллаборационистских частей, отличались крайней неаргументированностью, а их чтение давало коллаборантам лишь повод для смеха и шуток.

В некоторых случаях советская пропаганда, обращенная к коллаборационистам оккупированных территорий, предлагала им нереальные условия прощения. Так, приказ от 15 августа 1943 г. Военного совета Северо-Западного фронта за подписью командующего фронтом генерал-лейтенанта П.А. Курочкина, начальника штаба генерал-лейтенанта Н.Ф. Ватутина, ответственного за политработу генерал-лейтенанта В.Н. Богаткина, оттиражированный в виде листовки, гласил, что для того, чтобы заслужить прощение советского правительства, офицерам, унтер-офицерам и рядовым «банд так называемой русской освободительной армии» следует поднять вооруженное восстание и овладеть районом Псков — Дно — Нарва, протяженностью в 200 км. Затем следовало уничтожить все немецкие гарнизоны в Пскове, Дне, Порхове, Дедовичах, Нарве, Локне и других пунктах, взорвать вокзалы, мосты и другие объекты, перекрыв пути для доставки подкреплений, убить всех жителей, хотя бы в малейшей степени сотрудничавших с немцами. Частям РОА, находившимся на фронте, следовало отрезать войска противника от тыловых соединений, разрушить их оборонительные укрепления, депо, мосты, железнодорожные линии, прорвать фронт и объединиться с Красной армией. По всей вероятности, советское командование, обеспокоенное пропагандистской кампанией, восприняло реально весть о создании в немецком тылу крупных коллаборационистских сил. Тем более что в Центральный штаб партизанского движения поступали самые невероятные, не имеющие ничего общего с реальностью разведданные. Так, летом 1943 г. стало известно, якобы против брянских партизан стоят три дивизии РОА, имеющие 100 танков, 500 автомашин, а также что под Витебском сосредоточены 65 тысяч солдат РОА[916].

Что касается коллаборационистов, можно предположить, что, ознакомившись с нереальными условиями прощения, многие из них могли сделать лишь тот вывод, что пути назад для них уже нет.

Таким образом, возникновение советского военно-политического коллаборационизма обусловлено рядом объективных причин, сложившимися в советском обществе противоречиями, истоки которых

---

914 Цит. по: *Соколов Б.В.* Оккупация. С. 53.

915 Неизвестная блокада. С. 356.

916 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 913. Л. 30; Там же. Д. 864. Л. 156.

крылись в сталинской системе правления. В период германского нашествия, когда под угрозу было поставлено само существование государственной системы СССР, эти противоречия вскрылись, приняв в ряде случаев форму социального протеста. В то же время анализ причин становления на путь коллаборации с немцами не позволяет говорить о массовости антисоветских настроений, породивших желание бороться против советского режима. На первое место правомерно поставить безвыходность ситуации, сложившейся для подавляющего большинства советских военнопленных, тем более что именно они составили наибольший потенциал для создания антисоветских боевых единиц. Для населения оккупированных областей среди причин коллаборации в большей мере присутствовал экономический фактор.

Что касается агитации и пропаганды, обращенной к народам СССР с целью формирования коллаборационистских настроений, она на протяжении войны, в частности оккупации, не была однородной. Проводившиеся политико-пропагандистские мероприятия претерпевали изменения в зависимости от периодов войны, положения на фронтах, проблем, которые доставляло оккупантам партизанское движение. Так, если в первые месяцы войны пропаганда отличалась примитивизмом, играя лишь на экономических противоречиях советского общества, то с провалом блицкрига и перехода войны в затяжную форму пропаганда постепенно приобрела политическую направленность.

Для придания пропаганде политической окраски германское командование использовало ряд противоречий советского общества. Долговременный характер войны, обозначившийся с конца 1941 — начала 1942 г., неспособность обеспечить охрану коммуникаций собственными силами вынудили оккупантов пойти на сотрудничество с гражданами СССР, использовав их для несения тыловой службы. Одним из рычагов поддержания коллаборационистских настроений, наряду с политикой кнута, явилась политика пряника. Невозможность сотрудничества с населением лишь при помощи репрессивных мер вынудила германское командование провести комплекс политико-пропагандистских мероприятий, дав населению оккупированных областей и военнопленным успокаивающие обещания относительно будущего народов СССР. Причем большинство из них было отдано на откуп коллаборационистских лидеров.

Весь комплекс политико-пропагандистских мероприятий коллаборационистов можно рассматривать как попытку перевести коллаборационизм в политическое русло, представить его как освободительное движение народов СССР, придать характер гражданской войны. Однако выбить из рук Сталина козырь «отечественной войны» такими методами не удалось, так как коллаборационистские лидеры были лишены возможности довести свою политическую платформу до практического воплощения. И если германское руководство могло позволить декларирование идей о послевоенном воссоздании свободной России, то их реализация на оккупированных территориях не состоялась. В результате почти все декларируемые идеи, обещания стали лишь пропагандистской фикцией, направленной на поддержание коллаборационистских настроений в объеме, необходимом германскому командованию.

§ 2. Коллаборационизм в области религии

Одним из значительных факторов поддержания коллаборационистских настроений на оккупированных территориях СССР стал религиозный. Используя в своих целях религию, оккупанты были вынуждены балансировать между двумя противоположностями. Первая из них заключалась в том, что врагом национал-социализма наряду с еврейством, масонством, марксизмом и либерализмом в первую очередь была объявлена церковь. Причина в том, что принципы нацизма и христианства диаметрально противоположны. Церковь не признает рас, проповедует равенство всех людей пред Богом, кроме того, основателями христианства были евреи. Вторая противоположность заключалась в том, что именно церковь составляла в СССР оппозицию большевизму, подвергалась истреблению со стороны советской власти, а ее священнослужители и рядовые верующие были в большинстве репрессированы. Так, из 141 757 служителей Русской православной церкви, отправлявших службу на момент Октябрьской революции, на начало Великой Отечественной войны на свободе оставалось около 500, в том числе 4 правящих архиерея[917]. В частности, в Орловской области за 5 предвоенных лет было осуждено около 2000 священнослужителей, из них 1209 человек расстреляно, 712 человек приговорено к различным срокам заключения[918]. А из 69 тысяч православных храмов на начало войны действовало всего 350–400[919], то есть около 0,5 % от их дореволюционного количества. Обычным было положение, когда на крупную область оставалось по одному-два действующих храма. Так, в Орловской области действовали всего две церкви: Рождественская в Волхове и Никольская в селе Лепешкино Орловского района[920], в Пскове власти к началу войны не успели закрыть лишь одну кладбищенскую церковь Святого Димитрия Солунского[921], всего же на пространстве от Гатчины до Новгорода и Великих Лук на начало войны действовало всего восемь православных храмов[922], в Смоленске оставалась незакрытой лишь Тихвинская церковь[923], на территории Воронежской области оставались незакрытыми две церкви[924].

Еще в конце 1930-х гг. на большей части территории РСФСР были упразднены епархии, репрессированы их правящие архиереи. Так, с 1936 г. прекратила свое существование Воронежская епархия, правящий

---

917 *Перелыгин А.И.* Орловская Епархия в 1943–1945 гг. С. 343.

918 *Амиргулова В.И.* Указ. соч. С. 95.

919 *Перелыгин А.И.* Орловская Епархия в 1943–1945 гг. С. 343.

920 Там же.

921 *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 107.

922 *Матвеева-Рацевич Р.И.* Воспоминания о Псковской миссии // Под оккупацией: Сб. статей / Под ред. Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. С. 95.

923 Новый путь. 1943. 27 июня. № 50.

924 На 1 января 1917 г. в Воронежской губернии было 1128 православных храмов, из них 13 соборных, 1014 приходских, 54 монастырских, 14 кладбищенских, кроме того, действовали 433 домовые церкви. См.: http://nova.rambler.ru.

архиерей был репрессирован. В Смоленске в 1937 г. по сфальсифицированному делу «контрреволюционной организации церковников по городу Смоленску» расстреляли последнего главу епархии — архиепископа Серафима (Остроумова)[925]. Как правило, приходы той или иной области, за неимением правящих архиереев, подчинялись непосредственно патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому).

Еще менее благополучно обстояло на территории РСФСР дело у протестантов и сторонников иных неправославных конфессий. Так, из молитвенных домов баптистов на начало войны действовало лишь четыре: в Москве, Ленинграде, Новосибирске и Ульяновске. Из католических костелов — два, причем в качестве священников трудились иностранные граждане. Евангелическо-лютеранская церковь в 1937 г. вовсе прекратила свое существование[926]. Не было на начало войны ни одного действующего молитвенного дома и у таких конфессий, как адвентисты седьмого дня, свидетели Иеговы и др. Причем ликвидация религии продолжалась даже после нападения Германии на СССР. Так, в Орле решением исполкома Орловского областного совета депутатов трудящихся от 25 июня 1941 г. № 1288 была закрыта Афанасьевская церковь с передачей здания под общественные нужды под предлогом того, что община верующих якобы распалась три года назад[927]. Лишь за несколько дней до занятия Орла немцами в Афанасьевской церкви было снова разрешено богослужение[928].

Несмотря на попытки советской власти полностью уничтожить религию, довольно ощутимая часть населения РСФСР на начало войны сохранила приверженность христианству, в основном — православию. Так, по Почепскому району Орловской области о сохранившейся накануне войны религиозности населения говорят следующие цифры. В селе Третьяки из 56 дворов 88 человек при переписи назвались православными, 5 — баптистами, 26 — безбожниками. По участку № 3 города Почепа 86 записались православными, 5 — безбожниками, по участку № 118: 49 — православными, 3 — безбожниками, по участку № 122: 40 — православными, 6 — безбожниками[929]. Согласно сообщению СД от 12 декабря 1941 г., проведенная перепись населения Смоленска выявила следующее: 24 100 жителей записались православными, 1128 — верующими других конфессий, и только 201, что составляет менее 1 %, — неверующими[930]. Подобное положение, согласно данным М.В. Шкаровского, складывалось повсеместно — в других городах РСФСР неверующими называли себя от 1 до 4 % населения[931]. Разумеется, эти

925 *Гундяев Кирилл (митрополит).* Православие в истории Смоленской земли // Смоленские епархиальные ведомости. 2000. № 1. С. 27.

926 Lutherischer Dienst in der Sowjetunion. Nr. 2991. S. 7.

927 *Перелыгин А.И.* Орловская Епархия в 1943–1945 гг. С. 344.

928 Там же.

929 *Перелыгин А. И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). С. 81.

930 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и православная церковь. С. 409.

931 Там же.

данные нельзя считать абсолютно достоверными, так как часть опрошенных могла скрывать свои действительные взгляды на религию, опасаясь репрессий со стороны немцев, способных, по мнению населения, отождествлять неверующих с коммунистами. Однако правомерно предположить, что ощутимая часть населения на период оккупации сохранила если не веру, то по меньшей мере приверженность православным традициям. По крайней мере, в феврале 1937 г. в докладной записке «О состоянии антирелигиозной работы» на имя секретарей ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановича, А.А. Андреева, Н.И. Ежова отдел культпросветработы ЦК ВКП(б) констатировал, что полное закрытие церквей в ряде районов РСФСР не привело к снижению религиозности населения. В частности, появились «разъездные попы», бродячие монахи, создавались подпольные молельни, во время засухи проводились крестные ходы, а лишенные приходов церковники продолжали пользоваться авторитетом среди населения, вели активную работу[932].

Не только в центральных областях России, но и на ее окраинах, например на Северном Кавказе, по данным А.В. Посадского, в самый канун войны активно отмечались религиозные праздники, свою деятельность активизировали подпольные церковные кружки. Из форм подпольной религиозной деятельности практиковались заочные обряды, появление в деревнях «бродячих» священников. А советские документы, описывая сложившуюся накануне войны ситуацию, оперировали словами «подполье», «церковно-кулацкие элементы», «контрреволюционные элементы из церковников и белогвардейцев»[933]. Центром религиозности стал Буденновский район, который рассматривался как центр «контрреволюционного тихоновско-имяславского церковного подполья». Здесь действовали даже подпольный монастырь и церковно-повстанческая организация, ликвидированная в 1940 г. В другом документе констатировалось, что именно политика Советского государства толкала верующих «в лапы контрреволюционных церковников»[934].

Учитывая этот фактор, оккупанты были вынуждены пойти на поддержку религии с целью завоевания симпатий населения. В своей докладной записке заместителю начальника ЦШПД Сергиенко от 30 ноября 1942 г. представитель ЦШПД на Брянском фронте старший майор госбезопасности Матвеев и зам начальника разведотдела майор Быстров констатировали, что в проводимой немцами на оккупированной территории политике религиозный фактор занимает «далеко не последнее место». А также что «подчеркнуто благоприятное отношение немцев к религии и церковникам противопоставляется — в печатной и устной пропаганде — антирелигиозной политике советской власти, якобы „убивающей духовную жизнь народа“, отправляющей в тюрьмы за религиозные убеждения. Все это в переплетении с гнуснейшими антисоветскими высказываниями преподносится и с подавляющего числа

---

932 *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). С. 81.

933 *Посадский А.В.:* Дис. …докт. ист. наук. С. 602.

934 Там же.

церковных амвонов»[935]. Подобным образом, представитель ЦШПД на Калининском фронте, член Военного совета фронта Н. Рыжиков докладывал, что «для использования в своих целях религии немцы с момента оккупации Калининской области начали усиленно проводить агитацию за открытие церквей»[936].

Однако поддержка германскими властями религии на территории РСФСР не была однозначной. Так, Гитлер считал христианство не меньшим злом, чем большевизм. В июле 1941 г. фюрер высказался: «Самый тяжелый удар человечеству был нанесен появлением христианства. Большевизм — незаконное дитя христианства»[937]. В соответствии с указаниями Гитлера наряду с поддержкой религиозного движения предусматривалось его дробление на отдельные течения, что было продиктовано боязнью консолидации «руководящих элементов», что в дальнейшем могло вылиться в проблему в деле воплощения восточной политики. Уже 11 апреля 1942 г. Гитлер заявил: «Нашим интересам соответствовало бы такое положение, при котором каждая деревня имела бы собственную секту, где развивались бы свои особые представления о Боге. Даже если в этом случае в отдельных деревнях возникнут шаманские культы, подобно негритянским или американо-индейским, то мы могли бы это только приветствовать, ибо это лишь увеличило бы количество факторов, дробящих русское пространство на мелкие единицы»[938]. Относительно будущего христианской религии Гитлер, в отличие от Сталина, уничтожавшего церковь физически, считал, что «в этом деле нельзя ломать через колено. Нужно подождать, пока церковь сгниет до конца, подобно зараженному гангреной органу. Нужно довести до того, что с амвона будут вещать сплошь дураки, а слушать их будут старухи. Здоровая, крепкая молодежь уйдет к нам»[939]. Такое мнение фюрера, применительно к России, вполне согласовывалось с доктриной национал-социализма, объявившего славян «недочеловеками», вполне достойными такого духовного фундамента, как христианство. В консолидирующую силу православия в первые месяцы восточной кампании фюрер, очевидно, также не верил, имея в виду неспособность церкви остановить победу в России большевизма и предотвратить падение монархии: «Внутри страны (России. — *И. Е.*) попы не смогли обеспечить прочную основу существующему строю. Появился большевизм»[940].

Глава восточного министерства Германии А. Розенберг, считая православие «красочным этнографическим ритуалом», призывал германских администраторов относиться к этим ритуалам терпимо, даже, по мере необходимости, поощрять их как средство, обеспечивающее

---

935 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. I. Д. 909. Л. 149.

936 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

937 Цит. по: *Млечин Л.М.* Указ. соч. С. 308.

938 Цит. по: *Перелыгин А.И.* Орловская Епархия в 1943–1945 гг. С. 350.

939 Цит. по: *Гусев Б.С.* Почему зазвонили колокола // С Богом в оккупации: Сб. статей / Под ред. М.И. Егоровой. СПб., 2002. С. 26.

940 Там же. С. 30.

повиновение славянского населения[941].

Самый ранний нормативный акт, касающийся отношения к РПЦ, вышел 2 июля 1941 г. за подписью главы РСХА Гейдриха. В нем говорится о необходимости содействия расчленению РПЦ. 16 августа 1941 г. Гейдрих издал приказ, запрещающий какое-либо содействие религиозной жизни в СССР, подчеркивающий необходимость соблюдать осторожность в отношении к Московской патриархии, кроме того, в приказе поставлен вопрос об аресте в будущем патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). В новом приказе, от 15 октября 1941 г., запрещалось открытие на оккупированных территориях духовных учебных заведений, а также подчеркивалась необходимость предотвращения оживления церковной жизни[942]. На прошедшем 22–23 сентября 1941 г. в Берлине совещании РСХА в одном из десяти прочитанных докладах говорилось, что ввиду того, что РПЦ инфицирована большевизмом, о ее восстановлении на захваченном восточном пространстве не может быть и речи. В конце доклада ставились две задачи. Согласно первой, необходима поддержка церквей меньшинства во вред более мощным. Очевидно, здесь под «церквями меньшинства» подразумевались протестантские церкви, а под «более мощными» — православие. Согласно второй задаче, указанной в докладе, необходимо внедрять в протестантские религиозные общины сеть агентов, чтобы своевременно получать информацию, а также не допускать мощного влияния этих общин на население[943].

Уже в конце июля 1941 г. Гитлер издал директивы о запрете военнослужащим вермахта оказывать какое-либо содействие в возрождении церковной жизни на захваченном «восточном пространстве». Эти указания фюрера вошли в приказ ОКВ от 6 августа 1941 г. 2 октября 1941 г. командующим тыловыми областями групп армий были разосланы дополнительные директивы Гитлера, запрещающие помощь военных в возрождении православной жизни[944]. Однако, согласно утверждению М.В. Шкаровского, военная администрация «на практике смягчала принятую нацистскими ведомствами линию в отношении Российской церкви»[945].

Эта двойственность отношения оккупантов к христианству как нельзя лучше проявилась в их конкретном отношении к религиозным чувствам населения России. Оказывая помощь населению в открытии церквей, с одной стороны, немцы в то же время зачастую оскорбляли религиозные чувства верующих. Так, в оккупированных районах Калининской области зарегистрированы множественные случаи, когда солдаты и офицеры

---

941 *Поспеловский Д.В.* Указ. соч. С. 204.

942 *Шкаровский М.В.* «О поддержке Православной церкви не может быть и речи». Церковная политика нацистской Германии на захваченных территориях СССР 1941–1945 гг. // Источник. Документы российской истории. 2001. № 6. С. 74.

943 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и православная церковь. С. 150.

944 *Шкаровский М.В.* «О поддержке Православной церкви не может быть и речи» Церковная политика нацистской Германии на захваченных территориях СССР 1941–1945 гг. С. 80.

945 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и православная церковь. С. 150.

вермахта, занимая населенные пункты и располагаясь в домах верующих, выбрасывали иконы и иные предметы культа вместе с мусором, а в холодное время нередко использовали иконы для растопки печей[946].

Тем не менее, согласно уже цитировавшейся докладной записке Матвеева и Быстрова, с первых же дней оккупации немцами и органами местного самоуправления были приняты меры по открытию церквей[947]. Судя по докладу Н. Рыжикова, немцы производили ремонт церквей за счет населения, сами занимались подбором кадров священнослужителей[948]. Для отправления религиозных служб, возрождения храмов создавались весьма благоприятные условия. Так, верующим передавались не только закрытые храмы, но и, там, где церковные здания отсутствовали, школьные, клубные, колхозные, общественные помещения с правом их использования для проведения богослужений[949]. В частности, в Орле были восстановлены Богоявленский кафедральный собор (до войны использовался как антирелигиозный музей), Крестительская и Никитская церкви. Всего до окончания оккупации в Орле действовало пять церквей[950]. В Брянске в течение первого года оккупации открылось не менее четырех церквей[951].

В тех местностях, где открыть церковь или молитвенный дом было невозможно, тем не менее проводились нерегулярные, иногда разовые мероприятия религиозного характера, например служились молебны, приуроченные к тому или иному событию. К их организации привлекались местные старосты, которые выделяли соответствующие помещения, заботились о доставке священников[952].

Нередки случаи, когда командование германских частей и соединений передавало верующим храмы, оказывало помощь в их восстановлении. Причем делалось это вопреки поступившему уже в июле 1941 г. вышеупомянутому запрету Гитлера оказывать помощь в возрождении церковной жизни в России. Тем не менее многие командиры вермахта, не будучи согласны с генеральной линией фюрера, пытались ее игнорировать. На торжествах по открытию храмов присутствовали представители германского командования, наравне с местным населением принимая участие в религиозных церемониях, как, например, в Борисове, где на освящении переданного верующим храма присутствовали фельдмаршал фон Бок и высшие офицеры группы армий «Центр»[953].

Уже в этот период, в течение лета — осени 1941 г., зарегистрированы эпизоды, когда религиозный коллаборационизм трансформировался в

946 ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

947 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

948 ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

949 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

950 *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

951 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

952 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 5. Л. 44 об.

953 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 25.

военный. В частности, в октябре 1941 г. в тылу 18-й немецкой армии при абвере из староверов был создан русский вооруженный отряд. К концу 1941 г. он разросся в роту, численностью в 200 человек, которая участвовала в бою под Тихвином, дислоцировалась в селе Лампово — одном из северо-западных центров староверов-федосеевцев. По данным абвера, старообрядцы стали для фронтовой разведки особо ценным материалом, в отличие от священников РПЦ и протестантов[954]. По данным А.В. Посадского, именно старообрядцы оказывали оккупантам большую помощь в борьбе с партизанским движением. В частности, точно информировали абвер о дислокации партизанских отрядов, их передвижениях, в то же время среди старообрядцев не было советских агентов. Попавший в немецкий плен советский майор госбезопасности на допросе показал, что в течение 1941–1942 гг. множество переброшенных за линию фронта советских агентов погибли либо от рук староверов, либо были выданы ими врагу, что объясняется большим количеством староверов в северо-западной части России, их враждебностью к советской власти[955].

Русская православная церковь на оккупированных территориях имела сложную и запутанную систему управления, которая не была централизованной. Некоторые епархии подчинялись Архиерейскому синоду Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), некоторые были самостоятельными, не сумев попасть под чью-либо юрисдикцию. Так, учрежденная в марте 1942 г. Смоленская епархия, в которую вошла также значительная часть территории современной Брянской области, вошла в состав Белорусской православной церкви. Правящим архиереем был поставлен епископ Орловский и Брянский Стефан (Севбо), прибывший в Смоленск лишь 27 декабря 1942 г.[956] Наиболее парадоксальная ситуация сложилась в оккупированной части Ленинградской области, включая Псковский и Новгородский районы, управлял которой экзарх Московской патриархии в Прибалтике митрополит Вильнюсский и Литовский Сергий (Воскресенский), подчинявшийся жившему в Москве патриаршему местоблюстителю митрополиту Сергию (Страгородскому). С приходом немцев ставленник Константинопольской патриархии митрополит Августин (Петерсон), руководивший церковной жизнью в Прибалтике до февраля 1941 г., обратился к германским властям с просьбой выслать митрополита Сергия как ставленника Москвы и переподчинить церковь Прибалтики и Ленинградской области Константинопольской патриархии. Однако митрополит Сергий к тому времени завоевал себе авторитет среди священников и епископов, в результате почти все приходы встали на его сторону. Б.С. Гусев описывает, как экзарх, собрав духовенство Риги в Троице-Сергиевском монастыре, заявил: «Я должен вам сообщить, что сам я был и остаюсь послушником митрополита Сергия (Страгородского), а как вы?»[957] Одновременно митрополиту Сергию удалось убедить

954 *Посадский А.В.* Дис. …докт. ист. наук. С. 614–615.

955 *Посадский А.В.* Дис. …докт. ист. наук. С. 615.

956 Новый путь. 1943. 3 января. № 2 (124).

957 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 31.

оккупационные власти, что подчинение гонимому большевиками патриаршему местоблюстителю Сергию лишь стимулирует антикоммунистические настроения православного населения, тогда как переподчинение церкви в Прибалтике и Ленинградской области митрополиту Августину, резиденция которого находится в Англии, не даст должного эффекта. Германское командование согласилось с этим доводом, так как влияния Англии немцы боялись больше ввиду того, что церковь в Москве была гонима, а в Англии пользовалась почетом[958].

Будучи номинально подчинен патриаршему местоблюстителю, а с сентября 1943 г. — патриарху Московскому и Всея Руси Сергию, митрополит Сергий одновременно установил неплохие отношения с германскими оккупационными властями, необходимые для решения организационных церковных вопросов. Однажды экзарх даже послал приветственную телеграмму Гитлеру[959]. Он же устраивал торжественные приемы, приглашая на них представителей германских властей, однажды возил одного из немецких генералов в Псково-Печерскую лавру, где хранились подлинные полотна Репина и Айвазовского. Авторитет митрополита был столь высок, что немцы, прекрасно зная цену этих картин, не тронули их[960]. Схожую характеристику митрополиту Сергию дал псаломщик С.Д. Плескан в своем письме митрополиту Алексию от 25 января 1944 г. о положении церкви во время оккупации: «Это тучный человек с большим самолюбием, властью и славой. Доверенная власть со стороны немцев была огромна. Везде, где он появлялся, был триумф…»[961]

При всем при этом митрополит Сергий вряд ли испытывал искреннюю симпатию к оккупантам и установленному ими на захваченной территории СССР режиму. Скорее, он вел с ними тонкую дипломатическую игру. Так, в разговоре с русским эмигрантом, заметившим, что экзарх обращается к немцам с нереальными и заведомо неисполнимыми просьбами, Сергий ответил: «Не таких обманывали! С НКВД справлялись, а этих колбасников обмануть не трудно»[962].

Уже в июле 1941 г. по почину митрополита Сергия была создана Псковская миссия РПЦ, которая ставила своей задачей духовное просвещение народа, восстановление подавленной советской властью церковной жизни в занятых немцами областях. Одновременно, в начале июля 1941 г., Сергий вступил в переговоры с германским командованием, предложив отправлять миссионеров в «большевистские области России»[963], под которыми, очевидно, понимались оккупированные территории. Немецкое военное командование дало согласие на открытие миссии, положительно относилось ко всем начинаниям экзарха. Уже в

---

958 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 30–31.

959 Там же. С. 31.

960 Там же. С. 26.

961 *Данилушкин М.* История Русской православной церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. С. 878.

962 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 31.

963 *Митрофанов Г.* Коллаборационизм или церковное возрождение? // Церковный вестник. 2005. Февраль. № 3 (304).

августе 1941 г. в Псков прибыли первые 15 русских священников из Прибалтики. В дальнейшем священнослужители продолжали прибывать, их общее количество к концу оккупации составило 200 человек[964]. Кадры священнослужителей готовили двухгодичные курсы в Вильнюсе, причем их выпускники направлялись не только на территорию миссии, но и на другие территории России. Курсанты обучались, проживали и питались бесплатно[965].

Миссия распространяла свое влияние на современные Псковскую, Новгородскую области и часть Ленинградской. За 2,5 года оккупации при содействии миссии на пространстве от Гатчины до Новгорода и Великих Лук открылось более 470 храмов[966].

Миссия находилась на полном самообеспечении, ее материальными вопросами занимался хозяйственный отдел, который имел в ведении свечной завод, магазин церковных принадлежностей, иконописную мастерскую. Все подразделения хозотдела приносили ежемесячный доход до 4000 рейхсмарок, которые расходовались на содержание сотрудников, ремонт храмов и иных зданий, канцелярские нужды[967].

В Орле было организовано Епархиальное управление, возглавил которое протоиерей Иоанн Макавеев, после революции бросивший священство и работавший сторожем. Усилия епархии получить правящего архиерея не увенчались успехом. Соответствующее обращение епархии в октябре 1942 г. к митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде) с просьбой прислать в Орел епископа было удовлетворено Архиерейским синодом Русской православной церкви за рубежом, однако из-за противодействия немцев епископ в Орел так и не прибыл. Весь период оккупации области епархию возглавлял Иоанн Макавеев. Он развил бурную деятельность по возрождению православия. Так, им было подготовлено 25 законоучителей для обучения детей Закону Божию. 23 февраля 1942 г. в Богоявленском соборе прошло торжественное богослужение с участием более чем 200 детей и их родителей. В декабре того же 1942 г. при Епархиальном управлении открылась духовная школа для подготовки церковнослужителей[968]. Школы для обучения детей религии открывались повсеместно и в других областях РСФСР. Поддержка оккупационными властями религиозного воспитания молодежи была в ряде мест до того значительной, что учащиеся церковных школ не подлежали учету на бирже труда, получая продовольственные карточки через школы. Это было использовано частью населения как способ уклонения от обязательных работ. Так, в Пскове в открывшуюся при храме Святого Димитрия Солунского церковную школу в основном поступали юноши и девушки старше 14 лет, открыто объясняя свой выбор нежеланием работать на немцев. Узнав об этом, германская администрация дала указание бирже труда с осени 1942 г. взять на учет учеников школ старше 14 лет, в результате число учащихся в церковных

964 *Матвеева-Рацевич Р.И.* Указ. соч. С. 95.

965 *Митрофанов Г.* Указ. соч.

966 *Матвеева-Рацевич Р.И.* Указ. соч. С. 95.

967 *Митрофанов Г.* Указ. соч.

968 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 347–348.

школах Псковского района резко сократилось[969]. В г. Смоленске в 1943 г. по инициативе епископа Стефана (Севбо) для подготовки священнослужителей из мирян открылись пастырские курсы. В число их слушателей с целью обновления знаний зачислялись также священно- и церковнослужители, долгое время не служившие при советской власти. Преподавали на курсах как смоленские священнослужители, так и представители городской интеллигенции, в основном преподаватели Смоленского педагогического института. В программу курсов входили предметы: священная история Ветхого и Нового Завета (протоиерей Н. Шиловский), литургика и катехизис (протоиерей П. Беляев), церковнославянский язык (профессор Д.И. Абрамович), церковное пение (протоиерей Е. Люзлов), история церкви (профессор Д.П. Сошальский, бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин), основное богословие (профессор А.Н. Мариинский), нравственное богословие (епископ Стефан). Программа курсов была рассчитана на три месяца — июнь, июль, август. Всего курсы провели один выпуск, составивший 40 человек[970]. В том же Смоленске к сентябрю 1942 г. на базе Успенского собора сформировался кружок интеллигенции, преобразованный 25 марта 1943 г. епископом Смоленским и Брянским Стефаном в Смоленский епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению. Комитет возглавил сам епископ Стефан, а вошли в него как представители духовенства, так и интеллигенции: профессор богословия Д.И. Абрамович, профессор А.И. Колесников, профессор А.Н. Мариинский, профессор Д.П. Сошальский, писательница Е.В. Домбровская, инженер Виноградов и другие. К задачам комитета относилась религиозно-просветительская работа с использованием радио, газет, проповедей, концертов, издательское дело, создание библиотек, а также работа с детьми. Усилиями кружка, впоследствии — комитета, в течение октября 1942 — февраля 1943 г. по радио протранслировано девять докладов, в том числе: «Вера и знание», «Религиозные мотивы в русской поэзии», «Природа доказывает бытие Бога», «До чего довело нас безбожие»[971], в октябре 1942 г. был издан молитвослов тиражом в 15 тысяч экземпляров, издавался церковный календарь со статьями на духовно-нравственные темы, в июне 1943 г. вышла брошюра «О таинствах Святой Православной Церкви», в газетах помещено одиннадцать статей, в храмах после богослужений прочитано восемь докладов, при пяти храмах Смоленска открыты библиотеки[972]. Введение по инициативе комитета в школах Смоленска Закона Божьего с апреля 1943 г., если верить писательнице Е.В. Домбровской, нашло поддержку как самих учащихся, так и их родителей[973].

В этой связи правомерно признать за РПЦ заслугу в деле концентрации вокруг нее интеллигенции, что в условиях оккупации и прекращения работы вузов стало одним из немногих средств, пусть

---

969 *Полчанинов Р.В.* Указ. соч. С. 107–108.

970 Новый путь (г. Смоленск). 1943. 13 июня. № 46 (168).

971 Там же. 1942. 1 апреля. № 26 (148); 1943. 7 февраля. № 11 (133).

972 Новый путь. 1942. 1 апреля. № 26 (148); 1943. 24 июня. № 49 (171); 1943. 8 июля. № 53 (175); 1943. 29 августа. № 68 (190).

973 *Домбровская Е.В.* На руке Закона Божиего // Новый путь. 1943. 30 мая. № 42(164).

минимального, сохранения интеллектуального потенциала России.

В то же время немцы установили надзор за церковью, осуществляли который назначенные ими чиновники, преимущественно из белоэмигрантов. Так, за церквями Орловской епархии надзирал русский белоэмигрант Константинов, через которого проходили практически все вопросы церковной жизни, и даже резиновые печати каждой из церквей хранились под замком в столе у Константинова. Это лишало церкви всякой самостоятельности, что возмущало многих священников, вынужденных, однако, в силу сложившихся обстоятельств мириться с таким положением[974].

Наряду с чисто религиозными вопросами епархиальные управления и клир немалое значение придавали мероприятиям по поддержке германской агрессии и оккупационного режима. Так, на прошедшем 24 марта 1942 г. в Никитском храме Орла собрании Патриаршей православной церкви на повестке дня стояли также следующие вопросы: «установление поминовения о здравии орловских священнослужителей, монашествующих и верующих мирян, заключенных в тюрьмы и сосланных на каторгу большевиками», «установление поминовения заупокойной ектеньи на литургии умученных большевиками патриарха Тихона, а также епископов, священнослужителей и мирян, мученически погибших»[975]. Проповеди же в поддержку оккупантов стали явлением постоянным. Так, благочинный протоиерей Александр Кутепов, выступая при большом скоплении верующих, заявил: «Когда в Орел вступило немецкое командование, оно приказало открыть менее всех разрушенный храм, осквернённый и разоренный безбожной советской властью. Возблагодарим Господа Бога за Его великие деяния — вступление немецких войск, которые идут во имя Бога освободить нашу Родину, и правителя русской и всей Западной Европы — рейхсканцлера Адольфа Гитлера»[976]. Ярко прогерманские проповеди произносил в кафедральном соборе Орла и протоиерей Дмитрий Булгаков[977]. До крайности политизированы бывали обычно именно праздничные богослужения, имевшие не только религиозное, но и пропагандистское значение. Например, пасхальные богослужения 4–5 апреля 1942 г. во всех церквях Орла и Орловского района носили ярко выраженный антисоветский характер[978]. Причем при проведении религиозных церемоний наряду с иконами нередко использовались портреты Гитлера. С участием православного духовенства проводились не только религиозные, но и светские празднества.

Отмечая реакцию населения на подобные мероприятия и проповеди прогерманской направленности, партизанский источник констатирует, что верующие воспринимали их довольно враждебно. Так, один из вышедших из окружения командиров РККА засвидетельствовал, что в церкви города Фатежа Курской области священник призвал верующих

974 *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 / А. Верт. М.: Прогресс, 1967. С. 501.

975 Речь (г. Орел). 1942. 27 марта.

976 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

977 Там же.

978 Там же.

«помолиться, чтобы не вернулись наши враги» (то есть Красная армия). В ответ большинство верующих покинуло церковь[979]. Тот же источник проводит интересное сравнение. В одной из открывшихся в Брянске церквей не прекращались молитвы «за многие лета Адольфа Гитлера, за победу доблестного германского войска», а также «за смерть антихристов-жидов и большевиков». В соседней церкви священник занял нейтральную позицию, призывая молиться лишь «за прекращение кровавой человекоубийственной войны». В результате в первую церковь собиралось гораздо меньше народа, чем во вторую[980]. Один из партизанских источников отмечал, что священник церкви в деревне Лобок Невельского района Калининской области в проповедях регулярно восхваляет немецких захватчиков. Эту церковь посещали лишь единицы населения, а основная часть сельчан «к этому немецкому холопу относится с презрением»[981].

Одновременно с возрождением церковной жизни оккупантами и органами местного самоуправления вводились обязательные церковные обряды венчания и крещения, что было использовано оккупантами как дополнительное средство учета населения. Этой же цели было подчинено мероприятие по передаче кладбищ в ведение кладбищенских церквей под непосредственным руководством Епархиального управления[982]. В то же время в большинстве случаев церковным бракам и крещениям придавалось вторичное значение. Эти акты были действительны после их оформления в органах местного самоуправления. Так, в должностной инструкции для служащих учреждений самоуправления по Брянскому округу разъяснялось, что «церковный брак совершается только после того, как он уже заключен чиновником»[983]. Одновременно инструкция предусматривала наказание в виде штрафа или лишения свободы для священников, совершивших венчание до оформления брака в органах самоуправления[984].

В целом оккупационная пресса, различные документы епархиальных управлений, личные свидетельства лиц, переживших оккупацию, мемуары германских военнослужащих говорят о небывалом всплеске религиозности населения. Признавая этот очевидный факт, документы советских партизан и органов госбезопасности, однако, объясняли это тем, что «создание условий, при которых равнодушие к вопросам религии отождествляется чуть ли не с принадлежностью к ВКП(б), заставляет известную часть населения прибегать „на всякий случай“ к выполнению различных религиозных обрядов»[985], что выглядит неубедительно. Напротив, большинство существующих источников говорит о том, что

---

979 Там же.

980 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

981 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

982 Речь. 1942. 27 марта.

983 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 21. Л. 14.

984 Там же.

985 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150.

религиозное пробуждение в оккупированных местностях, особенно в первые месяцы оккупации, шло не сверху, а снизу. Повсеместным было явление, когда тысячи людей переполняли вновь открывшиеся храмы, заполоняли даже площади перед храмами и прилегающие улицы[986]. По свидетельству орловского журналиста В.Д. Самарина, «молящиеся переполняли церкви, по деревням носили чудотворные образа. Молились так, как давно не молились. Не было семьи, в которой не было бы своего горя, не было бы жертв»[987]. Уже упомянутый С.Д. Плескан так описал церковную жизнь в оккупированном Гдове Ленинградской области: «В бытность мою в городе Гдове в качестве регента и псаломщика мне пришлось пережить всевозможное течение народа. Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставали оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые, вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда все было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник»[988]. Документы органов госбезопасности также с тревогой констатировали, что «после 25-летнего перерыва выходят на сцену различные „явленные источники“, „чудотворные иконы“ и прочие атрибуты поповского мракобесия», а также что «это, в свою очередь, служит поводом для устной и печатной фашистской пропаганды»[989].

Однако так было не всегда — случалось, огромные храмы практически пустовали. Эмигрант А.С. Казанцев описал впечатление от посещения воскресной службы в соборе Смоленска, в котором хранилась даже икона, которую несли с собой ополченцы в Отечественную войну 1812 г.: «Народ собирается слабо. Две-три старушки, несколько человек детей, крестьянин, постоявший в притворе и ушедший еще до начала службы. Пустующий великолепный храм производит тягостное впечатление»[990]. Один из старожилов объяснил, что храм наполняется лишь в праздники и при проведении каких-либо «особенных» мероприятий: «Неделю назад хоронили членов здешней театральной труппы, убитых партизанами. Тогда было несколько тысяч человек. А в обыкновенное воскресенье — как сегодня»[991]. Подобное положение складывалось и в других областях. Так, информационная сводка Трубчевской партизанской бригады о режиме в Стародубском районе говорит, что церкви посещаются слабо, за исключением больших праздников, так как «население в большинстве случаев относится к

---

986 *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Указ. соч. С. 25.

987 Цит. по: *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 346.

988 *Данилушкин М.* Указ. соч. С. 880.

989 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

990 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 185.

991 Там же.

церкви безразлично»[992]. Иначе говоря, горожане в своей основной массе рассматривали храм не столько как религиозный объект, сколько как место проведения зрелищных мероприятий. По мнению смоленских верующих, антирелигиозная пропаганда все же сделала свое дело, а для возрождения православной веры недоставало миссионеров, которые бы пошли «в народ». Что касается священников, то они, длительное время скрываясь от органов НКВД, утратили способность проповедовать, а выйдя с приходом немцев из подполья, осуществляли лишь обрядовое служение, что вовсе не способствовало обращению населения в христианство.

Интересно, что в тех местностях, где складывалось подобное положение, наблюдался расцвет протестантизма. Так, в том же Смоленске на окраине города бывший учитель стал проводить евангельские собрания, эффект от которых оказался иным: «Читают, говорят, вслух Евангелие, поют духовные песни… собственного сочинения. И, говорят, приходит все больше и больше народа»[993]. Не менее интересно, что имеющиеся в нашем распоряжении документы органов госбезопасности и советских партизан, рассказывая о деятельности протестантов, никогда не упоминали о посещаемости их молитвенных домов. Это косвенно подтверждает тот факт, что наполняемость их была большей по сравнению с православными храмами.

Осознавая значимость религиозного фактора в деле поддержания и развития коллаборационистских настроений, германские спецслужбы даже предпринимали попытки заброса своих агитаторов под видом священников за линию фронта. Так, в 1941 г. в Орловское управление НКВД поступила информация о том, что в Задонске появился эвакуированный из занятого немцами района священник отец Борис. Его проповеди, по воспоминаниям начальника Орловского УНКВД К.Ф. Фирсанова, «были заполнены провокационными слухами о неотразимости фашистского нашествия, в них высказывалось сожаление о том, что сам отец Борис поторопился с эвакуацией, а вот своей пастве он торопиться не советует». Проверкой, проведенной органами НКВД, было установлено, что «отец Борис» прошел соответствующую подготовку у немцев, дал согласие на переброску в советские прифронтовые районы с целью разложения советского тыла[994]. Целью подобной псевдорелигиозной пропаганды было, по всей вероятности, стремление уменьшить количество эвакуирующихся, увеличить число остающихся на оккупированных территориях квалифицированных специалистов и рабочих, чей труд был необходим германской армии.

Однако вскоре оккупанты поняли, что РПЦ одновременно с пользой представляет собой и потенциальную опасность в деле осуществления восточной политики и решения еврейского вопроса. Церковь становилась для русского народа не только знаменем борьбы против большевизма, но и одновременно объединяющей силой, оплотом русицизма[995]. Орловский

---

992 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

993 *Казанцев А.С.* Указ. соч. С. 185–186.

994 *Фирсанов К.Ф.* Указ. соч. С. 12.

995 *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

священник отец Иоанн засвидетельствовал английскому журналисту после освобождения Орла: «Должен сказать, что при немцах церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания»[996]. Обычным стало явление, когда с церковных амвонов наряду с антисоветскими проповедями произносились патриотические воззвания с той лишь разницей, что священники взывали к национальным чувствам русских, отмечая разницу между патриотизмом и защитой советского строя. Так, в Пскове 6 мая 1943 г. во дворе Дмитриевского прихода во время празднования Дня святого Георгия впервые после Гражданской войны был поднят трехцветный российский флаг, сохраненный одним из участников Белого движения. Когда после прихода немцев открылась церковь Святого Димитрия Солунского, бывший белогвардеец передал сохраненный флаг настоятелю Георгию Бенигсену.

Наблюдались и единичные случаи, когда священники были движимы не просто патриотическими, но и советскими настроениями. Так, священник Ф. Пузанов из оккупированной Псковской области собрал с верующих золота, серебра и церковной утвари на 500 тысяч рублей. Затем передал эти ценности через партизан на Большую землю[997]. Большим авторитетом среди населения пользовались священники деревень Неведро и Жуково Невельского района Калининской области, поддерживавшие партизан, передававшие в отряды значительную часть денег, собранных верующими. Эти церкви хорошо посещались даже молодежью, которую священник Жуковской церкви И.Я. Щемолов наставлял следующим образом: «Если вас будут брать немцы на работы или в армию, то уходите к партизанам, а к немцам не ходите»[998]. В мемуарах П. Судоплатова содержатся сведения об обновленческом епископе Василии Ратмирове, оставшемся по заданию советских спецслужб в оккупированном Калинине (Твери). В его задачу входило, изображая из себя пострадавшего от коммунистов служителя, войти в доверие к немцам, внедриться в круг сотрудничавших с оккупантами церковников и выявлять, с целью последующей выдачи органам НКВД, агентов гестапо.

Попытки же оккупантов втиснуть церковь в прокрустово ложе антисемитизма далеко не всегда венчались успехом. Так, весной 1942 г. гестапо выявило множество случаев, когда «жиды ведут своих детей в Русскую православную церковь и просят, чтобы над детьми был произведен обряд крещения». Как правило, просьбы родителей-евреев удовлетворялись, после крещения детей выдавались соответствующие свидетельства. Однако это далеко не всегда спасало евреев от расправы — все выявленные гестапо евреи, включая детей, расстреливались. Обеспокоенный великорусской политикой РПЦ и других христианских церквей, уже 13 мая 1942 г. после совещания в ставке фюрера А. Розенберг направил соответствующее письмо рейхскомиссарам «Остланда» и «Украины», в котором требовал особой предосторожности «в отношении Русской православной церкви как носительницы

---

996 Там же. С. 501.

997 *Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Указ. соч. С. 214.

998 ТЦДНИ Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

враждебной Германии русской национальной идеи». Письмо вводило запрет для религиозных групп заниматься политикой, требовало их разделения по национальным и территориальным признакам[999].

Церковь развила также бурную деятельность в деле попечения о бедных, создав по образцу дореволюционных сеть домов для престарелых, детских приютов, домов трудолюбия (богаделен). В частности, в Орле в январе 1942 г. было создано Богоявленское приходское попечительство, возродившее идею взаимопомощи, заботу о больных и престарелых. Его почетный член, доктор И.М. Варушкин оказывал бесплатную медицинскую помощь больным попечительства. Материальную основу деятельности попечительства составляли добровольные отчисления его действительных членов. Интересно, что зачастую церковь объединяла свою деятельность с органами социального обеспечения. Так, 1 сентября 1942 г. Богоявленское попечительство провело совместное совещание с участием представителя горсобеса и представителей попечительств еще трех орловских церквей, решив объединить усилия в заботе о бедных, престарелых, больных[1000]. В Пскове при церкви Святого Димитрия Солунского открылся детский приют на 15 детей в возрасте от 8 до 15 лет[1001].

Одновременно церковь проводила сбор пожертвований для оказания помощи жертвам военных действий. Так, 17 мая 1943 г. священники нескольких орловских церквей передали бургомистру А.С. Старову более 10 тысяч рублей, собранных в помощь пострадавшим от бомбардировок советской авиации[1002].

Поддерживая в большинстве случаев сам факт вторжения германских войск в СССР, церковь стала одновременно носителем патриотических настроений, помогала населению, оказавшемуся за линией фронта, переносить тяготы оккупации. Религиозный фактор стал той силой, не считаться с которой было уже невозможно, что не осталось без внимания советского правительства. Так, если в 1941 г. партизаны рассматривали открывающиеся храмы как прямое сотрудничество с оккупантами, а священников как предателей, то с 1942 г. в отношении государства к церкви наступило некоторое потепление. Первым шагом советского правительства стал переданный в 1942 г. через ЦШПД и подчиненные ему партизанские штабы приказ партизанским отрядам не проводить террор в отношении священнослужителей и вообще не мешать церковной жизни на оккупированных территориях[1003]. Результатом стало открытие и свободная деятельность православных храмов на территории партизанских краев[1004]. Следующим шагом стал прием 5 сентября 1943 г. И.В. Сталиным в Кремле четырех остававшихся на свободе архиереев во главе с патриаршим местоблюстителем Сергием (Страгородским). Были

---

999 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 351.

1000 *Перелыгин А.И.* Указ. соч. С. 348.

1001 *Митрофанов Г.* Указ. соч.

1002 Там же. С. 349.

1003 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 24.

1004 ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 28 об.

разрешены выборы патриарха, открытие храмов, духовных учебных заведений, выпуск периодических печатных изданий. Кроме того, вскоре из лагерей стали по спискам освобождать уцелевших священников и архиереев. Правомерно предположить, что на этот шаг Сталина толкнуло не только возрождение церковной жизни за линией фронта, но и распространившееся с начала 1943 г. воззвание Русского комитета, листовку-обращение от имени которого подписали А.А. Власов и В.Ф. Малышкин, что в совокупности могло выбить из рук Сталина козырь отечественной войны, перевести ее в русло войны гражданской. Недвусмысленно по этому поводу высказался в мае 1957 г. председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов на инструктивном совещании уполномоченных Совета по делам РПЦ, пояснив, что некоторая нормализация отношений между государством и церковью во время войны понадобилась лишь для обеспечения морально-политического единства советского народа, с целью «не допустить использования церкви как организации в качестве пятой колонны в нашем тылу, на что делали ставку наши враги»[1005].

Состоявшийся 8 сентября 1943 г. собор епископов РПЦ, в котором приняли участие 19 архиереев, осудил всех тех служителей и мирян, кто в той или иной форме сотрудничал с оккупантами: «Всякий, виновный в измене общецерковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик — лишенным сана»[1006]. По смыслу данной резолюции собора, исповедовать православную веру без боязни быть отлученным или лишенным сана разрешалось лишь на территории, находящейся во власти Сталина. Участники собора не могли не знать, что любой настоятель храма, открывшегося за линией фронта, просто обязан был контактировать с германскими властями, то есть стоять «на стороне фашизма».

Давая оценку событий сентября 1943 г., протоиерей Л. Лебедев полагает, что «Сталин знаменитым „поворотом“ 1943 г. эксплуатировал чувство народного себялюбия под маской патриотизма», а также что «подлинно православные остались чужды мнимому подъему, но именно они несли тяжелый крест войны»[1007].

Раскрепощение религиозных чувств на советской территории быстро привело к мощному религиозному возрождению. В 1944 г. на пасхальной службе в Москве присутствовало около 250 тысяч человек против 83 тысяч в 1943 г., и около 200 тысяч в области против 160 тысяч в 1943 г.[1008] Показательно, что город дал громадный прирост верующих после поворота советского правительства к церкви, а районы — сравнительно небольшой, что, по утверждению А.В. Посадского, говорит о более

1005 Цит. по: *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). С. 104–105.

1006 Патриарх Сергий и его духовное наследство. М.: Изд. Московской Патриархии, 1947. С. 45.

1007 *Лебедев Л.* Точка зрения // Великая Гражданская война: Сб. статей. М., 2002. С. 516–519.

1008 Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. М.: РОССПЭН, 2003. С. 424.

стабильном и привычном участии сельского населения в религиозной жизни.

Были сделаны некоторые послабления и для церквей неправославного толка. Так, в 1944 г. был созван съезд двух родственных протестантских церквей — евангельских христиан и баптистов. Результатом стало объединение этих двух церквей в Церковь евангельских христиан-баптистов, разрешено создание руководящего органа — Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ).

Между тем, опасаясь дальнейшей консолидации русских национальных сил, германские власти усиливали нажим на возродившуюся церковь. 5 февраля 1943 г. гестапо выпустило бюллетень, где приводились директивы Гитлера, запрещающие германским военнослужащим бывать в русских церквях, содействовать религиозной деятельности населения, привлекать в Россию духовенство из-за границы из числа русских эмигрантов[1009]. Последнее неизбежно выливалось в то, что РПЦ оказалась не в состоянии обеспечить все приходы священно- и церковнослужителями. Нередко один священник обслуживал несколько приходов. Недостаток священников породил ряд проблем, основная из которых состояла в том, что в оккупированных областях появилось много наспех рукоположенных иереев. Причем большинство из них плохо знало церковную службу, так как подбиралось не по духовным качествам, а ввиду антисоветской настроенности. Так, в Ленинградской области такие священники часто шпионили в пользу немцев, донося в комендатуры о том, что им становилось известным на исповеди. В частности, в Гдове появился священник отец Роман, который выдал немцам много антинемецки настроенных людей, об убеждениях которых ему становилось известно при посещении домов прихожан[1010]. Другой священник из эмигрантов, отец Иоанн Легкий, также собирал в пользу немцев данные о своих прихожанах, а главной темой его проповедей было «Россия в безбожестве». При этом русских он называл «сатаною на земле», открыто высказывал неприязнь к русскому православному духовенству[1011]. Финал отца Романа, по свидетельству С.Д. Плескана, был следующим: «Местные крестьяне, жаждав утехи в священниках и наставниках, ошиблись и получили безбожника в полном смысле этого слова и выгнали за распутство с прихода с треском и музыкой»[1012].

Что касается решения Розенберга от 13 мая 1942 г. отстранить церковь от участия в политике, оно, по-видимому, подразумевало лишь запрет обсуждать вопрос о будущем Российского государства. Но духовенству настойчиво «рекомендовалось» выражать в проповедях преданность Гитлеру и Третьему рейху[1013], что оттолкнуло от церкви некоторую часть верующих. Бежавший из немецкого плена старший лейтенант В.И. Силанев показал на допросе, что в Островском, Сошихинском, Славковичском районах Ленинградской области,

1009 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 353.

1010 *Данилушкин М.* Указ. соч. С. 877–878.

1011 Там же. С. 879.

1012 Там же. С. 878.

1013 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 353.

Новоржевском и Пушкинском районах Калининской области отношение населения к церкви ухудшилось: «Раньше религия играла некоторую роль, но теперь население видит, что попы — это агентура фашизма… При церковных службах почти не читают русских молитв, а только проповедуют Гитлера, заставляют молиться за скорую победу над Красной армией и призывают вести борьбу с теми, кто против немецкой армии»[1014]. Проводя светские мероприятия под видом церковных, оккупанты теперь не всегда довольствовались теми, кто посещал их добровольно. Так, в августе 1942 г. в селе Покровское Орловской области на молебен, совмещенный с митингом в поддержку оккупантов, приказали явиться населению под страхом розг и расстрела. 22 июня 1943 г. в селе Лупнево Станово-Колодезской волости священники «отслужили молебен и в торжественной обстановке отметили день начала освободительной борьбы против большевистского ига». На торжестве присутствовали германские офицеры, военнослужащие РОА, туда же принудительно согнали население близлежащих деревень[1015].

Начались и репрессии в отношении «непокорных» священнослужителей. Так, священник села Лопатино Орловской области был расстрелян в октябре 1942 г. лишь за то, что выступил против чинимых немцами зверств. В это же время немцами была сожжена церковь в селе Ревны[1016]. На территории Смоленской области расстреляны священник церкви села Ярцево Василий Лоскутов, священник церкви села Богородицкое Вяземского района Иаков Львов. Священник церкви города Демидова Александр Полканов приговорен к повешению за молитвы «о даровании победы православному воинству и полководцу его Иосифу», но был спасен партизанами. В Смоленске в 1943 г. был сожжен и частично разрушен малый Богоявленский собор, а Успенский собор подготовлен к взрыву, однако взорвать его не удалось ввиду занятия города Красной армией. Из недействовавших церквей в Смоленске в последние дни оккупации, вероятно перед отступлением немцев, сожжены деревянные перекрытия церквей XII в. постройки: Свирской, Иоанно-Богословской и Петропавловской, XVIII в.: Спасской, Духовской, Покровской, Нижне-Никольской, Георгиевской, Нижне-Благовещенской. Взорваны церкви XVIII в. постройки: Введенская Авраамиевского монастыря, Верхне-Георгиевская, колокольня Иоанно-Богословской, часть храмов и построек Свято-Троицкого Болдина монастыря[1017]. В Батуринском районе взорвано четыре храма, в Вязьме — два храма (Духовской и Троицкий), многие другие храмы районов области частично разрушены и осквернены[1018].

В целом же к 1943 г. православная церковь в основном превратилась в послушное орудие осуществления германской оккупационной политики,

---

1014 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 983. Л. 10.

1015 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 352–353.

1016 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 150 об.

1017 О разрушениях города Смоленска и злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками над советскими гражданами. Смоленск: ОГИЗ, Госполитиздат, 1943. С. 72.

1018 ГАСО. Ф. Р-1630. Оп. 2. Д. 29. Л. 172–174, 182–213.

в большинстве случаев своей деятельностью поддерживая коллаборационистские настроения части населения РСФСР. Эпизодические факты сотрудничества священнослужителей с советскими партизанами можно рассматривать скорее как исключение из общего правила.

Местными комендатурами и органами самоуправления была разрешена также деятельность нетрадиционных христианских конфессий — в основном старообрядцев и баптистов[1019]. В некоторых оккупированных областях никаких законодательных актов, касающихся деятельности неправославных конфессий, не издавалось. Так, на территории Локотского автономного округа деятельность протестантов не была закреплена какими-либо распоряжениями обер-бургомистра и самоуправления. Однако никаких препятствий со стороны властей баптисты и евангельские христиане не встречали, развив бурную деятельность по части миссионерства и открытия новых молитвенных домов[1020].

Что касается баптистов и евангельских христиан, их деятельность в меньшей степени по сравнению с православием способствовала поддержанию коллаборационистских настроений, что можно объяснить неполитизированностью этих конфессий. Так, в протестантских молитвенных домах крайне редко произносились проповеди в поддержку германской армии, молитвы за Гитлера. А заупокойные службы по павшим военнослужащим вермахта у протестантов и вовсе не могли иметь места ввиду их канонической неприемлемости. Следует отметить, что деятельность протестантов доставляла оккупационным властям меньше проблем, так как протестантизм не мог консолидировать национальные настроения русского населения. Напротив, догматическая оппозиционность протестантов по отношению к православию, отсутствие взаимопонимания между различными протестантскими течениями как нельзя лучше соответствовали вышеупомянутым планам нацистов по осуществлению разобщения русского народа на религиозной почве. В то же время протестантизм в гораздо меньшей мере, нежели православие, способствовал формированию и поддержанию коллаборационистских настроений. Напротив, зарегистрированы случаи, когда протестанты своей принципиальной позицией доставляли оккупантам проблемы. Так, на совещании бургомистров Клинцовского округа (Орловская область) 18 мая 1942 г. бургомистр Красно-Горского района докладывал, что вреда от местной общины евангелистов больше, чем от советских партизан. Партизаны не мешают севу, а евангельские верующие запрещают сельчанам сеять на колхозной земле, очевидно исходя из того, что как сеять, так и собирать урожай с колхозных земель имеют право только колхозы, и никто другой. В качестве репрессивной меры было решено лишить евангельских верующих усадебных земель, а самих направлять в принудительном порядке на торфоразработки[1021]. Партизаны в своих сводках также регулярно отмечали, что как пресвитеры, так и рядовые члены евангельских общин в большинстве случаев настроены против

1019 РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 149.

1020 *Ермолов И. Г., Дробязко С. И.* Указ. соч. С. 30.

1021 ГАБО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 15. Л. 44.

немцев[1022]. Роль протестантских церквей в поддержке коллаборационизма исчерпывалась лишь самим фактом их существования и выражения оппозиционных советскому режиму настроений.

В период оккупации активизировали свою деятельность и такие течения, как истинно православные христиане (ИПХ) и старообрядцы. Отделившись от официальной православной церкви не по догматическим, а политическим соображениям — ввиду ее лояльности к советской власти, — истинно православные христиане приветствовали германскую агрессию, а Гитлера объявили «богоизбранным вождем» — помазанником в политическом и духовно-мистическом смысле[1023]. Довольно точно выразил отношение общин ИПХ к фюреру Д. Жуков: «ИПХ безусловно воздают ему некую честь, как своего рода „внешнему праведнику“, оставшемуся вне Церкви, за попытку освобождения земли Русской от жидовско-большевистского нашествия — подобно тем почестям, которые воздавали древние иудеи Персидскому царю Киру за освобождение Народа Божьего из Вавилонского плена»[1024]. Учитывая сплоченность и полное отсутствие плюрализма мнений в общинах ИПХ, можно с уверенностью утверждать о поголовной поддержке оккупантов их членами.

Что касается старообрядцев, в предыдущей главе отмечен эксперимент, проведенный на северо-западе России командованием 18-й германской армии по созданию для старообрядческих населенных пунктов более мягких условий. Результатом стало создание уже в октябре 1941 г. русского вооруженного отряда при абвере, который разросся в роту, численностью в 200 человек. Рота, в частности, успешно сражалась под Тихвином, затем дислоцировалась в селе Лампово. Согласно данным А.В. Посадского, старообрядческая рота стала родоначальником многих русских формирований[1025]. Любопытно, что попавший в окружение командующий 2-й ударной армией генерал-лейтенант А.А. Власов был пленен немцами благодаря старосте старообрядческой деревни Туховежи (Туховечи) Новгородской области, выдавшему пытавшегося укрыться в его сарае командарма. По данным того же А.В. Посадского, имеется по крайней мере один случай сотрудничества старообрядцев с советской стороной. В частности, настоятель Покровского храма в Ржеве протоиерей А.П. Попов оказывал помощь партизанам, произносил патриотические проповеди, за что был расстрелян немцами[1026]. Однако, как и в РПЦ, такие случаи являлись скорее исключением из общего правила.

Что касается православия, всего за период оккупации на территории РСФСР открылось около 2150 храмов, в том числе в Орловской области — 108, в Курской — 332, в Белгородской — около 140, на территории

1022 ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

1023 *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 616.

1024 *Жуков Д.* Религиозная политика Германии на оккупированных территориях СССР // Великая Гражданская война. М., 2002. С. 500.

1025 *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 615.

1026 *Посадский А.В.* Указ. соч. С. 616.

современной Брянской — 153[1027], в оккупированной части Ленинградской — 221[1028]. То есть в период оккупации только в России возродилось более 3 % дореволюционного количества православных храмов, не считая культовых зданий других конфессий.

В целом именно оккупация дала толчок к возрождению религиозной жизни в России. Так, по данным А.И. Перелыгина, на сентябрь 1943 г. в СССР насчитывалось 9829 православных церквей, из них около 6500 находилось на оккупированной территории[1029]. По оценке Г. Митрофанова, на занятой немцами территории СССР за три года открылось около 10 тысяч православных приходов, в то время как на территории, не подвергшейся оккупации, до 1988 г. открылось не более 1000 приходов. Еще 4000 приходов отошло к РПЦ после ликвидации униатской церкви в Галиции и Закарпатье. При этом в СССР с 1949 по 1987 г. было закрыто не менее 8000 православных церквей[1030], значительное их количество было снесено или, ввиду длительного неиспользования, пришло в негодность. В то же время, согласно отчету Чрезвычайной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, ими на всей территории СССР было уничтожено или повреждено 1670 православных церквей[1031].

После освобождения оккупированных областей РСФСР значительное количество церквей было закрыто. Так, из 153 церквей, действовавших на территории Брянской области в период ее оккупации, 54 было закрыто под предлогом отсутствия в них штата священников, так как многие служители ушли с немцами. Из 108 храмов Орловской области только 23 церкви и 1 молитвенный дом советские власти оставили за верующими[1032]. Из поданных с декабря 1943 г. по конец 1945 г. 76 заявлений об открытии церквей власти Орловской области не удовлетворили ни одно[1033]. Кроме того, возрождающейся на территории РСФСР церкви, с целью недопущения ее влияния на массы, запрещалось шефство над детскими домами, госпиталями, распределение поступивших в Фонд обороны денег среди семей красноармейцев, создание касс взаимопомощи, обучение детей религии[1034]. Духовенство было обложено налогами, доходившими до 70 % от заработка, — тогда как налог при немцах не превышал 10 %[1035]. В

1027 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 347.

1028 *Гусев Б.С.* Указ. соч. С. 29.

1029 *Перелыгин А.И.* Русская Православная Церковь в Орловском крае (1917–1953 гг.). С. 105.

1030 *Митрофанов Г.* Указ. соч.

1031 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 354.

1032 Там же. С. 347.

1033 В последующем, с периода хрущевской «оттепели» до начала перестройки количество православных церквей в СССР, согласно отчету Совета по делам религий при Совете министров СССР, изменялось следующим образом: 1961 г. — 11 742, 1966 г. — 7523, 1971 г. — 7274, 1976 г. — 7038, 1981 г. — 7007, 1986 г. — 6794. См.: Наука и религия. 1987. № 11. С. 23.

1034 *Перелыгин А.И.* Орловская епархия в 1943–1945 гг. С. 358–359.

1035 Там же. С. 258.

свете приведенных сравнений можно согласиться с мнением Б.Н. Ковалева, что ни в довоенный, ни послевоенный периоды советской истории РПЦ не обладала в своей миссионерской, просветительской, социальной и даже богослужебной деятельности многими из тех возможностей, которые были предоставлены ей на оккупированной территории.

Наряду с православием и другими христианскими деноминациями на оккупированных территориях распространялись суеверия, в основном православной направленности. Так, согласно рапорту лейтенанта госбезопасности В.Ф. Коноплева, в оккупированном городе Великие Луки с 7 по 10 января 1943 г. почти среди всех жителей быстро распространились идентичные «святые письма», написанные от руки[1036]. В них содержалось требование дать переписать письмо другому под угрозой «кто не даст переписать другому, будет проклят»[1037]. Как следует из содержания, письма были направлены на активизацию церковной жизни, содержали призывы в обязательном порядке посещать православные церкви, чаще бывать на исповеди, при этом обещали обладателю письма защиту от пуль, неуязвимость при артобстрелах, одновременно призывали от всего сердца прощать ближних[1038]. Судя по реакции органов госбезопасности, пропаганда посредством «святых писем» была довольно эффективной, оказывала большое влияние на население.

Таким образом, в оккупированных областях РСФСР произошел всплеск религиозной активности. Религиозность населения, хотя и не достигла дореволюционного уровня, все же по сравнению с довоенным периодом выглядела довольно внушительно. Причем христианство, в основном православие, стало той силой, которая в период оккупации и проведения восточной политики поддерживала национальное самосознание русских. Причем церковь занималась не только богослужебной, но и благотворительной, общественной и образовательной деятельностью. Одновременно роль церкви в поддержании оккупационного режима, коллаборационистских настроений части населения России была довольно значительной.

Гораздо сложнее дать нравственную оценку деятельности религиозных организаций в период оккупации. Здесь следует исходить из того, что деятельность церквей за линией фронта хотя и была в ряде случаев направлена на поддержку германской агрессии, вряд ли могла нанести глобальный вред интересам СССР. Напротив, церковь помогла оставшемуся за линией фронта населению перенести тяжесть оккупации. Нельзя отрицать и то, что именно возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях СССР вынудило Сталина и советское правительство создать этому некий противовес, прекратив политику физического уничтожения религии. Несмотря на частичное закрытие храмов, начавших действовать в период оккупации, значительные ограничения, наложенные государством на многие стороны деятельности

1036 ГАТО. Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

1037 Там же. Л. 2.

1038 Там же. Л. 2–2 об.

церкви, она отстояла свое право на существование, заняв прочное место в жизни советского, а впоследствии — российского общества.

§ 3. Коллаборационизм в области науки, культуры и искусства

Свои специфические черты имело сотрудничество части граждан СССР с оккупантами в таких сферах, как наука, культура и искусство. Осознавая, что эти области жизни населения РСФСР могут способствовать развитию коллаборационистских настроений, командиры немецких частей и соединений, командующие тыловыми районами немецких армий делали все возможное для привлечения ученых, преподавателей вузов, работников культуры, оставшихся в зоне оккупации, на свою сторону. В этой связи, однако, следует учесть, что высшее нацистское руководство относилось к русской науке, культуре довольно негативно, считая, что они подлежат полному искоренению. Уже в августе 1941 г. А. Розенберг получил от Гитлера «руководящие указания» для работы в занятых немцами областях СССР, согласно которым следовало уничтожать библиотеки, лаборатории, исторические памятники как источники исторической памяти. Кроме того, предписывалось закрывать все высшие и средние учебные заведения, уничтожать их оборудование, включая мебель и библиотечные фонды[1039]. Однако не всегда эта директива воплощалась, что объясняется заинтересованностью немецких командиров в развитии коллаборационизма в области науки, культуры, желанием поставить его себе на службу.

Следует заметить также, что профессорско-преподавательский состав вузов, ученые подлежали эвакуации, поэтому на оккупированных территориях осталось сравнительно небольшое количество тех из них, кто по каким-либо причинам эвакуации в советский тыл избежал. Так, из профессорско-преподавательского состава Калининского педагогического института в оккупированном Калинине остались лишь заведующий кафедрой литературы профессор В.Я. Гнатюк и преподаватель латыни С.Н. Юренев. Проживая по соседству с редактором газеты «Тверской вестник» К.И. Никольским, Гнатюк установил с ним связь, согласился работать в редакции, делая подборку материалов. В частности, перевел с немецкого и подготовил к печати статью «Сталинский будильник», суть которой состояла в том, что Совинформбюро, как плохой будильник, о потерях советских городов и территорий сообщает с большим опозданием. За два дня до освобождения Калинина Гнатюк добровольно поступил на службу в городскую управу на должность начальника городской биржи труда. Однако ввиду прихода Красной армии к исполнению своих обязанностей не приступил[1040]. Как было установлено впоследствии, Гнатюк отказался от эвакуации с целью сохранения научных ценностей — библиотеки и неизданных научных рукописей. Ему удалось при помощи технических работников пединститута организовать защиту институтских зданий от пожаров и разграбления, в том числе спасти 350 тысяч томов

1039 *Байдалаков В.М.* Указ. соч. С. 28–29.

1040 Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919–1986 / Под ред. М.В. Строганова. Тверь: ТвГУ, 1998. С. 104–105.

научной библиотеки[1041]. С этой целью Гнатюк вступил в переговоры с немецким капитаном, доктором биологических наук, доцентом Гессенского университета, который, выслушав Гнатюка, заверил, что он как научный работник примет все меры по охране институтских ценностей[1042]. Что касается антисоветских высказываний Гнатюка, неверия в победу Красной армии, эти его действия, согласно постановлению президиума Тверского областного суда от 4 января 1991 г., «никаких вредных последствий не повлекли»[1043].

Схожую направленность имела и деятельность преподавателя С.Н. Юренева, добровольно поступившего на службу к немцам и назначенного начальником отдела народного просвещения и одновременно директором калининского музея «Путевой дворец». Сразу же гестапо потребовало от Юренева составить обзор деятельности калининских вузов. Затем, на базе Дома учителя, возглавляемого Ивановым, Юренев приступил к созданию Ассоциации учителей, переименованной вскоре в Ассоциацию интеллигенции. Однако ввиду скоротечности оккупации Калинина (с 13 октября по 16 декабря 1941 г.) многие начинания Юренева не были доведены до конца. Одновременно возглавляемый им отдел просвещения с подачи бургомистра В.А. Ясинского провел работу по уничтожению памятников советского режима. Так, по указанию Юренева были сняты и разбиты, как не представляющие художественной ценности, стоявшие напротив Путевого дворца памятники Ленину и Сталину. Одновременно Юренев активно сотрудничал с оккупационной газетой «Тверской вестник», в которой публиковал статьи антисоветского содержания. В одной из них, «За что сражаетесь, красноармейцы?», призывал бойцов и командиров РККА не оказывать немцам сопротивление под Москвой. Под руководством Юренева из библиотек, вузов и школ была изъята и уничтожена не соответствующая «новому порядку» литература[1044]. В этой связи принято считать, что Юреневу, как и Гнатюку, принадлежит заслуга в спасении библиотеки Калининского пединститута, так как перед изъятием и уничтожением партийной литературы Юренев пришел на квартиру к Гнатюку и оповестил его о намеченном мероприятии. В результате была уничтожена лишь коммунистическая литература, не представлявшая научной ценности[1045]. К заслугам Юренева и бургомистра Ясинского, как установил в 1992 г. Тверской областной суд, относится и спасение от разграбления немцами экспонатов Путевого дворца. Одним из шагов к этому стала передача по просьбе епископа Василия с разрешения бургомистра в храмы Тверской епархии хранившихся в Путевом дворце старинных икон, старопечатных книг и иных предметов церковной утвари, представлявших художественную ценность[1046].

1041 Там же. С. 101.

1042 Там же. С. 94, 96, 97.

1043 Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919–1986. С. 105.

1044 *Романович В.* Законно осужден или репрессирован // Тверское время. 2004. 25 февраля — 2 марта.

1045 Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919–1986. С. 97.

1046 *Романович В.* Указ. соч.

В этой связи деятельность подобных коллаборационистов в сфере науки, культуры и искусства можно признать лишь отчасти нанесшей вред государству. Правомерно предположить, что причина этого состоит в том, что некоторые занявшие посты в аппарате самоуправления ученые отлично понимали ценность науки, культуры, искусства, поэтому не могли быть лишь слепыми исполнителями воли немцев. В то же время оккупанты вряд ли могли относиться к этой категории коллаборационистов как к обычным представителям «низшей» расы. Ввиду этого коллаборационисты от науки, искусства и культуры в ряде случаев сохраняли некоторую независимость, что и предопределило специфику этой области коллаборационизма.

В период оккупации части РСФСР была сохранена часть музейной системы, существовавшей до войны. Музеи, возобновившие свою работу на оккупированных территориях, в зависимости от местонахождения, значимости и объема экспозиции делились на областные и районные (городские), а также, в зависимости от характера экспозиции, на краеведческие, художественные и т. д. Они создавались на базе аналогичных довоенных музеев с использованием прежней экспозиции или ее части, которую не удалось эвакуировать. Так, из собрания Орловского областного краеведческого музея удалось эвакуировать около половины экспонатов — фонд открывшегося 15 февраля 1942 г. музея составил 3756 единиц хранения. Музей имел следующие отделы: археологии и геологии (1457 экспонатов), живой природы (918 экспонатов), «Тургеневская комната» (33 экспоната и 3726 экземпляров книг), истории (1348 экспонатов)[1047]. Орловский антирелигиозный музей, находившийся в Богоявленском соборе Орла, вообще не был эвакуирован, вероятно, ввиду того, что его экспонаты не представляли большой ценности[1048]. Данные об эвакуации собраний Калужского художественного музея и Калужского областного краеведческого музея вообще отсутствуют, однако есть данные о том, что все экспонаты попали в руки немцев[1049]. К эвакуации фондов краеведческих музеев Пскова и Великих Лук городские власти приступили только 2 июля 1941 г., когда начались бомбардировки городов. Созданная комиссия занималась определением ценности эвакуируемого городского имущества, что было необходимо для установления очередности его отправки. Музейные экспонаты в списках эвакуируемых ценностей занимали одно из последних мест по сравнению с деньгами, архивами, промышленным оборудованием. Ввиду этого далеко не все собрания музейных фондов были вывезены. Так, для эвакуации экспозиции Псковского музея было выделено три грузовика и один железнодорожный вагон. Невывезенные экспонаты сотрудники музея закопали во дворе музея. Экспозиция Смоленского антирелигиозного музея, который располагался в кафедральном соборе, вообще не была вывезена. Г. Гудериан так описывает впечатление от посещения оставленного советскими властями музея: «Воспользовавшись своим посещением позиций в Смоленске, я решил осмотреть кафедральный собор. Он остался невредимым. При входе… бросался в глаза

1047 http://nova.rambler.ru

1048 Там же.

1049 http://lostart.ru

антирелигиозный музей, размещенный в центральной части и левой половине собора. У ворот стояла восковая фигура нищего, просящего подаяние. Во внутренней части помещений стояли восковые фигуры в натуральный человеческий рост, показывающие в утрированном виде, как буржуазия эксплуатирует и подавляет пролетариат. Красы в этом не было никакой»[1050].

Для возобновивших свою работу музеев характерно сокращение объема экспозиции, уменьшение общего количества музеев. Последнее достигалось путем слияния нескольких музеев того или иного города в один. Так, возобновивший свою работу Орловский краеведческий музей вобрал в себя фонды областного краеведческого музея, Орловского областного музея им. Тургенева (литературного) и Орловского антирелигиозного музея. Калужский краеведческий музей, открывшийся в октябре 1941 г., был воссоздан благодаря слиянию Калужского областного краеведческого музея и Калужского художественного музея[1051].

Контингент музейных работников составляли, как правило, бывшие директора, заведующие музеями, хранители. Так, директором Орловского краеведческого музея стала бывшая заведующая фондами Н.В. Орлова[1052], Калужский краеведческий музей по указанию бургомистра города Н.С. Щербачева возглавил бывший научный сотрудник Калужского художественного музея Н.М. Маслов, кроме того, в музее на протяжении всего периода оккупации работали сотрудники областного краеведческого музея В.В. Извеков и М.Е. Шереметьева[1053]. Иногда, ввиду отсутствия музейных работников, организация музеев и приведение в порядок экспозиции поручались иным представителям местной интеллигенции. Так, заведующим Торопецким районным краеведческим музеем по распоряжению немецкого коменданта был назначен учитель А. Щукин. Тем же распоряжением районной управе предписывалось оказывать новому заведующему всяческое содействие в организации музейной работы[1054]. Штат музея составил четыре человека, в том числе одного библиотекаря[1055].

Посетителями музеев были как местное население, так и германские военнослужащие, однако последние перед посещением «русских музеев» обязаны были получить разрешение в комендатуре[1056].

Однако практически повсеместно оккупанты, наряду с сохранением и поощрением музейной работы, с помощью коллаборационистов из числа работников культуры проводили разграбление музейных ценностей, оставляя в распоряжении русских музеев экспонаты, не представлявшие

1050 *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. Смоленск, 2003. С. 251–252.

1051 http://lostart.ru

1052 http://nova.rarnbler.ru

1053 http://lostart.ru

1054 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 113.

1055 Там же. Д. 14. Л. 3.

1056 Там же. Д. 13. Л. 97.

для оккупантов ценности. Так, первый бургомистр Новгорода В. Пономарев, отбывший с 1932 по 1937 г. пятилетний срок заключения по так называемому «делу Новгородского музея», после смещения с поста бургомистра в октябре 1941 г. работал оценщиком в Софийском соборе. Все реликвии города он делил на три группы: особо ценные, ценные, не представляющие исторического интереса. Экспонаты первой группы объявлялись собственностью Германии и были вывезены на ее территорию[1057]. Просто ценные экспонаты предназначались для раздачи отличившимся немецким офицерам, а экспонаты, не представляющие исторической ценности, — сотрудникам органов местного самоуправления и служащим полиции[1058]. Из фондов Орловского краеведческого музея по указанию бургомистра А.С. Старова и заведующего отделом просвещения А. Ищенко было изъято 127 предметов старинной мебели, причем не только из запасников, но и из экспозиции. Изъятая мебель пошла на обустройство комендатуры, городской управы, полиции безопасности, курсов немецкого языка, музыкальной школы, начальной школы и детской площадки. Научная библиотека музея, располагавшая до войны 18 тысячами книг XVII–XIX веков, была по указанию бургомистра А.С. Старова переписана некой Н.В. Александровой. Правомерно предположить, что наиболее ценные книги были отправлены в Германию[1059]. После захвата Калуги из собрания Калужского областного художественного музея в Германию было отправлено 16 произведений итальянских, голландских, фламандских, французских художников, 233 гравюры, 23 рисунка.

Оставшиеся картины по распоряжению бургомистра Н.С. Щербакова разделили на четыре группы: картины для города, картины для продажи, предметы, возвращаемые церквям, рамы. По указанию горуправы заведующий музеем Н.М. Маслов произвел отбор картин для продажи немецким солдатам и офицерам. Вырученные деньги, предназначавшиеся для пополнения городского бюджета, поступали в городскую казну. Несмотря на предпринятые Н.М. Масловым усилия по спасению музейных ценностей, значительная их часть исчезла. Так, было утрачено 48 картин, 22 акварели и рисунка западноевропейских художников, что составило 50 % западноевропейской живописи, 396 гравюр, 42 картины русских художников, в том числе И.К. Айвазовского, И.И. Левитана, И.И. Шишкина, В.Д. Поленова, 20 картин советских художников из отдела советского искусства[1060].

Кроме того, проводилась ревизия духовных ценностей, которая была поручена вставшим на путь коллаборации литераторам, искусствоведам, педагогам. В частности, в Новгороде в этом плане с оккупантами сотрудничал поэт и литературовед с мировым именем Б. Филиппов-Филистинский. Поэт А. Егунов, будучи в оккупацию заведующим

1057 В послевоенные годы большинство вывезенных из Новгорода особо ценных экспонатов удалось вернуть обратно благодаря тому, что они были строго учтены, промаркированы. *Анженкова Е.* Ценные люди Третьего рейха // Культура. 2002. 18–24 июля. № 29 (7336).

1058 Там же.

1059 http://nova.rambler.ru

1060 http://lostart.ru

Новгородским отделом народного образования, в своих лекциях для учителей популяризовал отношения средневекового Новгорода и Германии. Он же проводил ревизию библиотечных фондов города, изымая коммунистическую литературу[1061]. В ряде оккупированных районов Калининской области после возобновления работы библиотек по распоряжению военных комендатур проводилась сортировка книг, к которой были привлечены, как правило, бывшие библиотечные работники или педагоги. Коммунистическая литература подлежала уничтожению. До окончания сортировки выдача книг населению запрещалась[1062].

Помимо германофильства и попыток перестроить культуру на антисоветский лад, в некоторых местностях коллаборационистами от культуры проводилась политика русофобской направленности. Так, в Орле редактор газеты «Речь» М. Октан как в прессе, так и в своих лекциях для интеллигенции пропагандировал «полный пересмотр культурных ценностей», внушая слушателям, что «русские от природы не обладают творческими способностями и должны подчиняться приказам других»[1063]. Названия некоторых лекций М. Октана говорят сами за себя: «Пересмотр исторического прошлого русских», «Каким должен быть ариец». В частности, лектор объявлял Л.Н. Толстого ничего не стоящим писателем, пренебрежительно отзывался о русской музыке, Вагнера же провозглашал музыкальным гением всех времен[1064]. В своих изданиях М. Октан даже отрицал сам факт существования русской нации, утверждая, что она исчезла под натиском большевизма, следовательно, согласно выводам автора, Германия не может посягать на национальные богатства и национальную свободу русского народа ввиду отсутствия таковых[1065].

Принимая во внимание тот очевидный факт, что сами оккупанты вряд ли смогли бы в условиях оккупации перестраивать культуру на нужный им лад, проводить квалифицированное изъятие музейных экспонатов и т. д., правомерно заключить, что деятельность коллаборационистов в области культуры нанесла значительный вред интересам СССР, способствовала разграблению национальных богатств нашей страны.

Что касается научно-исследовательской работы, она в период оккупации продолжилась вставшими на путь коллаборации учеными. Объем же научных исследований сократился до пределов, продиктованных практической целесообразностью, например необходимостью повышения урожайности с целью наибольшего удовлетворения потребностей германской армии. В этой связи показателен пример Смоленского сельхозинститута, профессора и доценты которого, избежавшие эвакуации, возобновили работу на институтской опытной станции[1066].

Определенное развитие получило театральное искусство. В каждом

1061 *Анженкова Е.* Указ. соч.

1062 ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 96.

1063 *Верт А.* Указ. соч. С. 502.

1064 Там же.

1065 *Октан М.* Указ. соч. С. 5, 7.

1066 Заря. 1943. 28 февраля. № 16.

областном центре, а иногда и в райцентрах областного подчинения возобновили свою работу театры. В частности, в Ржеве, согласно отчету комендатуры № 1/582, в конце ноября 1941 г. открылся театр на 400 зрительских мест. Театр ежедневно давал по два представления — в 15.30 и в 18.30. Театры открылись в городах Смоленске, Курске, Белгороде, Орле. Что касается репертуара, ставилась в основном русская классика. Театральные труппы формировались, как правило, из артистов, работавших в этих же театрах до войны и избежавших эвакуации. Наряду с русской классикой, были в ходу театральные постановки идеологического характера, насыщенные критикой советского строя, его репрессивной системы, партизанского движения. Роли драматургов, как правило, выполняли сами же театральные работники, иногда писатели, журналисты. Характерным примером служит поставленная в июне 1943 г. в театрах Орла, Брянска, Смоленска, некоторых райцентров пьеса в двух действиях «Волк», написанная смоленским журналистом С.С. Широковым. В центре судьба молодого красноармейца Бывалова, попавшего в лес и вступившего в партизанский отряд. Влюбившись в деревенскую девушку Надю, Бывалов решает бежать из отряда, но на его пути встает другой партизан — бывший секретарь райкома партии Ползунов, в образе которого автор соединил все негативное, что, по его мнению, было присуще партизанам и коммунистам. Счастливый конец пьесы, ее насыщенность тонким деревенским юмором привлекали множество зрителей[1067].

Определенный интерес представляет развивавшаяся на оккупированных территориях РСФСР поэзия. Она передавалась при помощи средств массовой информации (газет, журналов), зачитывалась во время массовых мероприятий, со сцен клубов. Поэтические произведения, появлявшиеся в этот период, были строго идеологизированы, имели три основных направления:

1) критика советского строя и его репрессивной системы;

2) критика советских и партийных лидеров;

3) восхваление германской агрессии, германской армии и коллаборационистского движения.

Так, характерным образцом стихотворений первой группы являются стихотворения «СССР» и «НКВД». Автор первого характеризует Советский Союз довоенного периода следующим образом:

Земля многострадальная, распутья сел, степей,
Над ними безначальная тоска глухих ночей.
Темница вековечная, где тешится палач,
Где радость — скоротечная и не смолкает плач.

Во втором стихотворении дается метафорическая характеристика советских карательных органов:

Проклятый зверь — НКВД,
Питомец Сталина-злодея.
Как злой вампир, ты пил везде
Людскую кровь, отродье змея.

1067 ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 50. Л. 8; *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. С. 68.

Наемник, раб, ты, стыд поправ,
И честь, и совесть, смотришь гордо,
И всем грозит, как злой удав,
Твоя оскаленная морда.

Реже здесь применялись переделки классических произведений, детских загадок:

Мальчишка в сером армячишке
По дворам шныряет, крохи собирает.
(Сельский коммунист.)[1068]

Довольно удачной переделкой следует признать стихотворение Л. Ямского «Иосиф-Мороз»:

Вглядись, молодица, смелее,
Каков я, Иосиф-Мороз!
Навряд тебе парня страшнее
И злее видать привелось!
А честному люду на горе
И всем непокорным на страх
Гоню я людей без разбору
На муки и смерть в лагерях.[1069]

Вторая группа стихотворений представлена большей частью эпиграммами, высмеивающими такие черты советских лидеров, как жестокость, раболепие, для военачальников — профнепригодность.

Так, глава НКВД Л.П. Берия представлялся воплощением жестокости:

Чем еще садисту отличиться?
Он готов казнить родную мать!
Говорят, что Берия ловчится
Самого себя арестовать.

В одной из эпиграмм всесоюзный староста М.И. Калинин был представлен марионеточным, ничего не значащим, всего лишь номинальным руководителем государства:

Калинин — волевой старик,
Ничьим веленьям не покорный.
Он независим и велик,
Когда сидит… в своей уборной.

Иногда в эпиграммах проскальзывал антисемитизм, зачастую совершенно неуместно:

У Джугашвили длинный нос!

1068 Голос народа. 1942. 15 ноября.

1069 Голос народа. 1942. 15 ноября.

Не жид ли он? — вот в чем вопрос.

Любопытно, что советским лидерам семитского происхождения в эпиграммах могла приписываться реальная, неограниченная власть, превосходящая власть И.В. Сталина. Характерным примером служит следующая эпиграмма на Л.М. Кагановича:

Протухший, ожиревший жид
На троне в СССР сидит,
А остальные, вставши в ряд,
Ему с почтеньем лижут зад.

Правомерно предположить, что авторы эпиграмм исходили из того, что короткие сатирические стихотворения легко запоминались населением, помимо средств массовой информации часто передавались из уст в уста. С этой целью авторы эпиграмм пренебрегали этикой, а для придания своим произведениям экспрессивной иронической окраски использовали некорректные, даже ругательные слова и выражения. По крайней мере, проведенный нами опрос среди жителей нескольких районов Смоленской, Курской и Брянской областей показал, что большинство людей почтенного возраста, переживших оккупацию более 60 лет назад, с удивительной точностью воспроизвели ряд подобных эпиграмм и стихотворений.

Третья группа стихотворений в различных местностях имела свои особенности. Так, на Дону казаки пели на мотив старой песни «Стенька Разин» казачий гимн «Под свободные знамена», в котором нет ни малейшего упоминания о германской армии, а казачье движение представлено вполне самостоятельной силой. В то же время гимн перенасыщен призывами к мести большевикам. Напротив, в центральных областях РСФСР подобные призывы либо отсутствовали, либо носили умеренный характер. В этой связи правомерно предположить, что казаки, считая себя обособленной этнической группой, зачастую отождествляли большевиков с русскими, считая большевизм несвойственным казачьей среде явлением. Напротив, коллаборационисты из русского населения не считали членов ВКП(б) абсолютно чуждым элементом, более того, в своих пропагандистских материалах призывали таковых к сотрудничеству. Так, в одной из коллаборационистских листовок, выпущенной в феврале 1943 г., говорится: «Беспартийный, коммунист, комсомолец, рабочий, крестьянин — все мы прежде всего русские, и жизнь показала, что если поскрести любого честного коммуниста, то сразу выступает наружу его русская душа»[1070].

Особый вид поэзии, относящийся скорее к фольклору, оказался направленным исключительно на поддержание антисемитских настроений. Такие двустишия были начисто лишены какой-либо политической окраски, чаще имели религиозный оттенок:

«Где жид богатый, там христианин в заплатах».

1070 ЛАЕ. Открытое письмо красноармейцам и командирам... (Типогр. экз., серия 227/11-43.)

«С жидом дружить — черту душу заложить».

На фольклорное происхождение подобных стихов указывает частое упоминание в них крестьянского быта, предметов крестьянского обихода, сельских приемов работы:

«Жиду верить — воду ситом мерить».

«Хата жида — всей деревне беда».

Интересно, что подобное творчество, согласно проведенному нами опросу, получило наибольшее распространение в районах, где преобладало украинское население, например в западной части Орловской (теперь — Брянской) области. Напротив, в областях, значительно отстоящих от границы с Украиной, антисемитский фольклор всплывал крайне редко. Фольклорное происхождение антисемитских изречений косвенно подтверждается также тем, что ни в одном из просмотренных нами средств массовой информации периода оккупации что-либо подобное не было опубликовано, вероятно, ввиду низкопробности данных образцов поэзии.

Советским военачальникам эпиграммы посвящались крайне редко, а их фамилии зачастую упоминались наряду с именем И.В. Сталина:

Тимошенко и Иоська, попляшите гопака!
Проиграли пол-России, два советских дурака.

Таким образом, на оккупированных территориях РСФСР, пусть в небольшом объеме, сохранились музейная работа, театральное искусство, наука. Вместе с тем наблюдалось не их развитие, а постепенное свертывание. Так, налицо сокращение объема музейных фондов ввиду того, что экспонаты как материальные носители культуры постепенно и целенаправленно расхищались оккупантами. Работа оккупантов по сокращению культурного потенциала России была бы невозможна без помощи коллаборационистов. Именно они оказали большую помощь нацистам в деле ревизии культурных ценностей, уничтожения памятников, литературы, живописи. Однако и здесь следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов, то есть тех, кто, формально находясь на службе у оккупантов, делал попытки сохранения научного и культурного потенциала России.

Заключение

История гражданского коллаборационизма периода Великой Отечественной войны долгое время как в отечественной, так и зарубежной исторической науке оставалась изученной крайне неполно и односторонне. Отечественная историческая наука на протяжении длительного времени уклонялась от признания масштабности коллаборационизма, в частности гражданского, стремилась представить его не как явление с социально-политическими корнями, а как банальное предательство, обычное услужение оккупантам немногочисленных

одиночек, движимых самыми низменными чувствами. Именно такой подход прочно вошел в отечественную историографию советского периода. Другая крайность, присущая отечественной исторической науке, — недооценка и даже уклонение от признания той роли, которую сыграло в Великой Отечественной войне сотрудничество с врагом части советских граждан в гражданской сфере. В постсоветский период, когда исчезли идеологические запреты освещать вопросы сотрудничества части населения СССР с гитлеровскими оккупантами, а исследователи получили доступ ко многим ранее закрытым архивным фондам, объективная научная разработка темы советского коллаборационизма продвинулась вперед. Однако что касается сотрудничества части наших соотечественников с оккупантами в гражданской сфере, включая управление, экономику, инфраструктуру, эти вопросы до сих пор остаются за рамками исторических исследований. Такая же односторонность была и до сих пор присуща и зарубежным исследователям.

Гражданский коллаборационизм на оккупированных территориях РСФСР не был случайным явлением, но стал вполне закономерной, исторически обоснованной и неизбежной реакцией части населения РСФСР на ряд назревших в советском обществе противоречий экономического, политического, религиозного и национального характера. Массовые политические репрессии, насильственная коллективизация, «голодомор» крестьянского населения, как следствие изъятия продуктов на нужды индустриализации, неразумная национальная и религиозная политика посеяли у значительной части населения РСФСР недовольство советским режимом. В довоенный период ввиду тотального контроля со стороны советских карательных органов практическая реализация какого-либо протеста была невозможна в принципе. Однако после нападения Германии на СССР, занятия германской армией большой части советской территории с примерно 40 % людских ресурсов население, оказавшееся по ту сторону фронта, на период оккупации освободилось от советского влияния. В такой обстановке создались все необходимые условия для поддержки враждебных советскому режиму сил.

В то же время неправомерно рассматривать гражданский коллаборационизм исключительно как антисталинский протест. Согласно результатам исследования, существовал широкий спектр причин становления граждан СССР на путь коллаборации. Что касается коллаборантов, движимых именно политическими мотивами, точный их процент установить сложно. Так, по мнению А.В. Окорокова, идейных борцов против сталинского режима среди военных коллаборационистов было не более 10–15 %[1071]. Однако не ясен механизм такого подсчета. Что касается именно гражданской сферы советского коллаборационизма, как в существующих источниках, так и в научной литературе не существует даже приблизительных данных на этот счет. В этой связи представляются несостоятельными утверждения некоторых зарубежных исследователей, трактующих советский коллаборационизм почти исключительно как осознанную борьбу населения СССР против советского режима.

Тем не менее многогранность причин становления на путь коллаборации с гитлеровской Германией заложена в самой системе

1071 *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. С. 166.

советского общества, сложившейся за годы предвоенного существования СССР. Так, поступление местного населения на предприятия, в созданные оккупантами учреждения, в том числе полицию, в ряде случаев не диктовалось антисоветскими убеждениями, а было вызвано экономическими причинами, желанием найти какой-то источник существования в условиях оккупации. А ряд крупных поражений Красной армии в течение первых полутора лет войны и оставление ею огромных территорий явились результатом недостаточной подготовленности СССР к войне. Порожденная на этом фоне уверенность части гражданского населения в скором поражении Советского Союза явилась еще одной причиной коллаборации с противником.

В исследовании отмечено, что по сравнению с царским периодом советский режим явно проигрывал в том, что даже при тотальном контроле за настроениями населения большевикам не удалось создать общество, спаянное единой идеей. Иллюзия о морально-политическом единстве советского народа могла держаться лишь под страхом репрессий к инакомыслящим. Освободившееся при оккупации от советского влияния население РСФСР выявило свою разнородность в смысле взглядов и конкретных действий — от осознанной борьбы с врагом в рядах партизан и подполья до всяческой поддержки агрессора, в том числе поступления к нему на службу.

Особое, пожалуй, самое значительное место в истории советского коллаборационизма занимает его проявление и развитие на оккупированных территориях РСФСР. Здесь контингент коллаборационистских формирований в значительной степени составили местные жители. В отличие от военнопленных, поставленных на грань выживания и вызвавшихся служить врагу в большинстве случаев вынужденно, для местного населения в большей степени присутствовал элемент добровольности. Степень готовности к сотрудничеству с врагом на различных оккупированных территориях РСФСР была неоднородной. Так, на тех территориях, где населению были предоставлены более широкие суверенные права, на путь сотрудничества с врагом становилась большая часть местных жителей, нежели там, где оккупанты установили обычный оккупационный режим с его репрессиями, поборами, сохранением колхозной системы. Кроме того, наибольшее рвение к сотрудничеству с немцами проявило население, жизненный уклад которого за годы советской власти в большей степени подвергся ломке в экономической и социально-культурной областях. В этой связи показателен пример Локотского автономного округа, территорий исторического расселения казаков, так как их население не испытывало каких-либо экономических трудностей при царском режиме. Введение системы колхозов, проведение репрессий по отношению к зажиточному слою крестьянства и политически неблагонадежным существенно повлияло на отношение населения к советской власти. Это не могло не вызвать ответную реакцию в период, когда эти территории с приходом немцев освободились от советского контроля.

В частности, уникальность ЛАО, в народе называемого Локотской республикой, в том, что все вопросы от хозяйственных до военных здесь находились в руках местного самоуправления, возглавляемого Б.В. Каминским. Достигнутый в сравнительно короткий срок подъем промышленности, сельского хозяйства, культурной и духовной жизни и последовавший за этим рост благосостояния населения явились

благодатной почвой для формирования и развития коллаборационистских настроений. В результате ЛАО дал значительную базу для развития коллаборационизма, продемонстрировав его потенциал, который не был в полной мере использован по не зависящим от коллаборантов причинам.

Следует признать масштабность гражданского коллаборационизма как в количественном, так и в национальном и социальном аспектах. Можно согласиться с современными исследователями, которые сходятся в том, что на путь добровольного сотрудничества с врагом вступали практически все социальные слои советского общества от рабочих и колхозников до интеллигенции, практически все народы СССР, за исключением разве что народов Крайнего Севера[1072]. Коллаборационистский контингент, вопреки устоявшемуся мнению, полностью копировал социальную структуру общества. Что касается руководителей всех уровней, их контингент в большинстве случаев составляли не уголовники и маргиналы, а немало опытных советских и партийных кадров, которых, согласно нашим выводам, было около 30 % от общего количества коллаборационистов. То есть, несмотря на то что коллаборационизм поразил все советское общество во всем его вертикальном разрезе, концентрация партийных и советских работников в рядах коллаборационистов оказалась наиболее большой. Уже по этой причине следует поставить под сомнение распространенное мнение о морально-политической крепости коммунистической партии, о том, что ВКП(б) принадлежат исключительно заслуги в борьбе с оккупантами. Напротив, согласно нашим выводам, именно ВКП(б) дала значительный процент коллаборационистов, составивших костяк руководящих работников сферы самоуправления. Именно это позволило оккупантам в короткий срок оккупации создать вполне дееспособный управленческий аппарат, наладить экономику, инфраструктуру.

Результаты исследования, таким образом, дают основание не согласиться с отечественными авторами, видящими причины коллаборации в беспринципности, уголовном прошлом вставших на путь сотрудничества с противником одиночек[1073].

Результаты исследования в корне опровергают устоявшееся мнение отечественных историков, упростивших коллаборационизм до банального предательства, услужения немцам, классовых отношений.

В то же время результаты исследований не позволяют говорить о советском коллаборационизме лишь как о «третьей силе». Правильнее было бы говорить об использовании германским командованием этого явления в своих целях на протяжении всего периода оккупации.

Кроме того, из проведенного исследования следует, что нельзя рассматривать всех без исключения лиц, состоявших на административных и хозяйственных должностях, как изменников. В этой связи следует различать коллаборационистов и псевдоколлаборационистов. Так, некоторые из поступивших на службу к врагу сделали это по заданию партизан и советского подполья или же, совершив самостоятельный выбор, стремились улучшить быт населения,

---

1072 См., напр.: *Хоффман Й.* Интервью // Новый часовой. 1994. № 1. С. 99; *Александров К.М.* Из истории насильственных репатриаций (1945–1946 гг.). С. 227; *Дробязко С.И.* «Восточные войска» в вермахте 1941–1945 гг. С. 11.

1073 *Шуляков В.А.* Указ. соч. С. 25.

оказать посильную помощь партизанам в борьбе с оккупантами, то есть реализовать свое намерение послужить родине в единственно возможных, предопределенных сложившейся обстановкой условиях.

Сложнее решить вопрос об оценке деятельности вступивших на путь коллаборации лиц, которые во время оккупации работали в органах местного самоуправления, здравоохранения, народного образования, промышленности, ориентированной на удовлетворение нужд населения. С одной стороны, они помогали немцам в управлении оккупированными территориями, с другой — их деятельность не принесла большого вреда интересам СССР, напротив, помогала населению, не по своей воле оказавшемуся под пятой нацистов, перенести тяготы оккупационного режима. Огромное количество наших сограждан, не по своей воле оказавшихся по ту сторону линии фронта, нуждалось в элементарных условиях обеспечения жизнедеятельности. А это было невозможно без сотрудничества с германскими властными структурами.

Однако в условиях военного времени даже безобидные с позиций сегодняшнего дня действия коллаборационистов нисколько их не реабилитировали — большинство из тех, кто сотрудничал с оккупантами, по мере освобождения территории РСФСР передавалось советским карательным органам и подвергалось репрессиям.

Совокупность сделанных в результате настоящего исследования выводов позволяет судить о беспрецедентности существования такого явления, как коллаборационизм, в истории нашего государства, к тому же в условиях, когда на карту было поставлено дальнейшее существование нашей страны. В целом коллаборационизм следует рассматривать как крайне опасное явление. Тот факт, что он в значительной степени проявился в период оккупации, значительно усугублял его опасность, так как без помощи населения, знания местности, особенностей уклада жизни в оккупированных областях РСФСР немцы вряд ли смогли бы эффективно управлять захваченными территориями, эксплуатировать их экономический потенциал. Именно благодаря сотрудничеству ощутимой части населения РСФСР с внешним врагом оккупация приняла затяжной характер, продлившись до трех лет — до середины 1944 г. Германская армия, углубившаяся в пределы СССР, не была вытолкнута оттуда, как это случилось в Отечественную войну 1812 г., а нашла вполне приемлемые условия для своего пребывания на советской территории. И это случилось несмотря на масштабность партизанского движения, усилия подпольщиков и всех тех, кто, пребывая на оккупированной территории, боролся с врагом. Коллаборационизм, таким образом, стал неким противовесом партизанскому движению, поэтому его роль в Великой Отечественной войне, влияние на ее ход и результаты нельзя недооценивать. Можно с уверенностью утверждать, что коллаборационизм, развившийся на оккупированных территориях РСФСР, повлиял на ход войны не меньше, чем партизанское движение.

Список источников и использованной литературы

I. Источники
а) архивные
I.1. Архив РОА (Москва). Коллекция писем.
I. 2. Архив ФСБ. Справка № 10/А-4630 от 21.10.96.

I. 3. АУФСБТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 10; Ф. 2.

I. 4. ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 3, 10, 77, 129, 166, 190, 192; Оп. 2. Д. 1.

I. 5. ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 20, 25, 35, 50, 51; Ф. 2521. Оп. 1. Д. 2.

I. 6. ГАКО. Ф. Р-3487. Оп. 1. Д. 123, 106.

I. 7. ГАНПИНО. Ф. 260. Оп. 1. Д. 139.

I. 8. ГАРФ. Ф. 5845. Оп. 1. Д. 4.

I. 9. ГАТО. Ф. Р-1925. Оп. 1. Д. 10, 18, 19; Ф. Р-1928. Оп. 1. Д. 2,4, 5, 6, 9; Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 12, 13, 14; Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 1, 3, 4, 5; Ф. Р-2759. Оп. 1. Д. 1.

I. 10. ИВИ МО РФ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 100.

I. 11. ЛАЕ. Материалы уголовного дела красноармейца 31-го ВДО БФ Аленичева Егора Семеновича. Л. д. 3–4 (копия); Материалы уголовного дела Ободова Дмитрия Терентьевича (копия); Манифест НСПР (типогр. экз.); Собрание нормативных документов Локотского окружного самоуправления; Собрание нормативных документов Клинцовского округа.

I. 12. РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 15, 22, 648, 709, 710, 739, 748, 750, 818, 827, 849, 850, 853, 857, 864, 903, 909, 912, 913, 914, 927, 945, 948, 984, 1102, 1006, 1027, 1143, 1144.

I. 13. СЦДНИ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 338.

I. 14. ТЦДНИ. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2, 349; Ф. 479. Оп. 1. Д. 5, 13, 240, 279, 284, 285, 598, 637, 639, 648, 663, 827, 899; Оп. 2. Д. 5, 13, 15, 22, 899; Оп. 3. Д. 2, 54.

I. 15. ЦГАОР. Ф. 7030. Оп. 3. Ц. хр. 2389.

б) опубликованные

I. 16. Боец Красной армии не сдается: в помощь пропагандисту и агитатору: для служебного пользования / Политуправление Ленингр. воен. округа. Л., 1940. 32 с.

I. 17. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма / В.И. Дашичев. М., 1973. Из содерж.: [Партизанское движение]. С. 194.

I.18. *Колесник А.И.* РОА — власовская армия / А.Н. Колесник. Харьков: Простор, 1990. 80 с.

I. 19. Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Сб. документов и материалов. Курск, 1960. Т. 1.

I. 20. Лица филологов: Из истории кафедры литературы. 1919–1986 / Под ред. М.В. Строганова. Тверь: ТвГУ, 1998.

I. 21. Неизвестная блокада. М., 2003. С. 356.

I. 22. Нюрнбергский процесс. М., 1967. Из содерж.: [Коллаборационизм]. С. 234, 238.

I. 23. *Октан М.* Является ли эта война отечественной для народов России. Орел, 1942. 26 с.

I. 24. От ЧК до ФСБ: Документы и материалы по истории органов госбезопасности Тверского края 1918–1998 [Сб. / Отв. сост. В.А. Смирнов; Предисл. Г.П. Виноградова]. Тверь: Обл. кн. — журн. изд-во, 1998. Из содерж.: [Докладные записки]. С. 272–279.

I. 25. Партизаны Брянщины: В 2 т. Брянск: Брян. рабочий. 1959–1962. 2 т.

Т. 1. Сборник рассказов бывших партизан / Лит. обработка Н.М. Мельникова и др. 1959. 483 с.

Т. 2. Сборник документов и материалов / Сост. Г.М. Шульженко, З.А. Фишман, А.И. Ткаченко, И.И. Фишман. 1962. 584 с.

в) периодические издания

I. 26. *Александров Е.* Торговцы Родиной // Ленинградский партизан. 1943. 5 апр.

I. 27. *Анженкова Е.* Ценные люди Третьего рейха // Культура. 2002. 18–24 июля. № 29 (7336).

I. 28. *А. П.* Русский Корпус в Сербии//Часовой. 1971. Сент. № 543 (9). С. 9–10.

I. 29. Бюллетень. Орган Локотского окружного самоуправления (г. Локоть).1943. 1 февр. № 2/3. Приказ № 21; Временное положение о похозяйственном налоге на 1943 г.

I. 30. *Виноградова О.* «Новый порядок» в Смоленске //Любимая Россия. 2006. № 2(3).

I. 31. В нашем городе… //Дмитровская газета (г. Дмитровск). 1942. 2 сент.

I. 32. Великая дружба народов СССР // Правда. 1941. 29 июля.

I. 33. *Власов А.* Почему я встал на путь борьбы с большевизмом // Заря. 1943. 3 марта; Доброволец. 1943. 7 марта; Речь (г. Орел). 1943. 21 марта.

I. 34. *Власов А.* Новые методы учебы // Красное знамя. 1940. 3 окт.

I. 35. Возрожденный район // Севский листок (г. Севск). 1942. 14 окт.

I. 36. Восстановление народного хозяйства // Голос народа (г. Локоть). 1942. 5 нояб.

I. 37. *Вронская Д.* Похождения графа Ламсдорфа//Совершенно секретно. 2002. № 12.

I. 38. *Домбровская Е.В.* На руке Закона Божиего // Новый путь. 1943. 30 мая. № 42 (164).

I. 39. *Е. Ш.* Опыт формирования русских национальных частей в Финляндии // Военный журналист. 1940. 1 июня. № 17. С. 2–3.

I. 40. Жизнь на сталинской каторге и ожидание немцев-освободителей // Голос народа (г. Локоть). 1942. 5 нояб.

I. 41. *Иванов В.* Измена генерала Власова: [Беседа с руководителем коллектива военных историков В. Чернухиным] // Советская Россия. 1991. 5 окт.

I. 42. *Кокотов Л.* Лжерусский комитет// За советскую Родину. 1943. 29 апр.

I. 43. Курская правда. 1943. 5 марта. № 27.

I. 44. Курские известия. 1942. Ноябрь. № 1.

I. 45. *Лукашев А.* Волки охотятся ночью // Брянский рабочий. 1993. 16 апр. № 73; 21 апр. № 76; 22 апр. № 77; 27 апр. № 80; 7 мая. № 85.

I. 46. *Мангазеев И.А.* Тверской коллаборационизм // Вечерняя Тверь. 2001. 2–8 нояб.

I. 47. *Мангазеев И.А.* Трудовая жизнь в оккупации // Тверские губернские известия. 1998. 15–21 июля.

I. 48. *На скамье* подсудимых // Голос народа (г. Локоть). 1943. 30 июня.

I. 49. Новый путь (г. Смоленск). 1942. 1 апр. № 26 (148); 1943. 7 февр. № 11 (133); 1943. 24 июня. № 49 (171); 1943. 13 июня. № 46 (168); 1943. 8 июля. № 53 (175); 1943. 29 августа. № 68 (190).

I. 50. О дезертирах и партизанах // Голос народа (г. Локоть). 1942. 20 ноября.

I. 51. О Красной армии // За свободу (г. Смоленск). 1943. 25 июня.

I. 52. О наборе добровольцев в отряды самообороны // За Родину (г.

Псков). 1942. 24 дек.

I. 53. *Огин П.* Командир передовой дивизии // Красная звезда. 1940. 9 нояб.

I. 54. Освящен «Старый собор» // Дмитровская газета (г. Дмитровск). 1942. 12 авг.

I. 55. *Осипов Б.* Великокняжеская вотчина / Б. Осипов // Брянские известия. 1998. 29 мая.

I. 56. От Военной коллегии Верховного Суда СССР // Известия. 1946. 2 авг.

I. 57. *Павлов А.* Иудушка Власов// За советскую Родину. 1943. 15 мая.

I. 58. Передовые старосты // Голос народа (г. Локоть). 1943. 31 янв.

I. 59. *Петрушин А.* «Власовцы»: предательство или патриотизм // Наше время (Тюмень). 1992. 13 нояб.

I. 60. Приказ главнокомандующего 2-й танковой армии генерал-полковника Р. Шмидта от 19.07.42 // Голос народа (г. Локоть). 1942. 25 июля.

I. 61. Приказ о налогообложении бойцов Народной Милиции и обязательных хлебных поставках // Севский листок (г. Севск). 1942. 4 дек.

I. 62. Приказ обер-бургомистра Каминского № 135, 29 августа. № 40, 2 сентября. № 41, № 58 // Дмитровская газета (г. Дмитровск). 1942. 31 окт.

I. 63. Протоколы допросов А.А. Калекина и Я.И. Кошелева // Речь (г. Орел). 1943. 12 марта.

I. 64. Сообщения городской управы // Речь (г. Орел). 1942. 27 марта, 25 нояб.; 1943. 3 февр., 21 марта.

I. 65. Разгром немцев под Москвой // Правда. 1941. 13 дек.

I. 66. *Савинков В.* «Пусть нас на русских березах вешают!» // Сибирская газета (г. Барнаул). 1991. июль. № 25(72).

I. 67. *Савченко А.* Ничего, кроме правды? За что умирали солдаты РОА // Независимая газета. 1991. 23 марта.

I. 68. Самоуправление в Локте// Речь (г. Локоть). 1942. 25 нояб.

I. 69. Сахарный завод восстанавливается // Голос народа (г. Локоть). 1942. 5 нояб.

I. 70. *Сидоров А.* Вот такие «казаки» // Станица. 2003. авг. № 2 (40). С. 11.

I. 71. Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и агенту людоеда Гитлера // За правое дело. 1943. 4 июля.

I. 72. *Соколов Б.В.* Коллаборационисты — «дети советских народов» // Независимая газета. 1992. 20 февр.

I. 73. Судебная хроника // Севский листок (г. Севск). 1942. 7 окт.

I. 74. Торговля налаживается // Речь (г. Орел). 1943. 3 февр.

I. 75. Фокинский рабочий: Орган Дятьковского районного комитета ВКП(б) и районного совета. 1942. 25 апреля. № 55.

I. 76. *Шпачков В.* Тайны темных аллей // Российские вести. 1995. 25 мая.

II. Справочная литература

II. 77. *Александров К.М.* Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944–1945. СПб.: Русско-Балт. информ. центр «Блиц», 2001. 359 с.

II. 78. Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия / Ин-т воен. истории М-ва обороны СССР; Гл. ред. М.М. Козлов. М.: Сов. энцикл., 1985. 832 с.

II. 79. Война Германии против Советского Союза: Документальная

экспозиция. Берлин, 1992. 287 с.

II. 80. Вторая мировая война: актуальность проблемы: [Сб. ст.] / отв. ред. О.А. Ржешевский. М.: Наука, 1995. 367 с.

II. 81. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 19-е изд. М.: Рус. яз., 1987. 848 с.

II. 82. *Поздняков В.В.* Андрей Андреевич Власов: Сб. документов и материалов. Сиракузы (США), 1973. 488 с.

II. 83. *Поздняков В.В.* Рождение РОА: Сб. документов и материалов. Сиракузы (США), 1972. 257 с.

II. 84. *Похлебкин В.В.* Великая война и несостоявшийся мир (1941–1945—1994.): военный и внешнеполитический справочник. М., 1997. Из содерж.: [Общие сведения о позиции гитлеровского политического и военного руководства по вопросу об использовании бывших советских граждан в вооруженных силах Германии. Масштабы этого использования]. С. 127–133.

II. 85. Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987.

II. 86. Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1945 гг.). М.: Издательство политической литературы, 1968. 384 с.

II. 87. Свод памятников архитектуры и монументального искусства России: Брянская область. М.: Наука, 1996. Из содерж.: [Имение Великого Князя Романова]. С. 186–190.

II. 88. Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина и др. 4-е изд. М., 1954. 854 с.

II. 89. Хранить вечно. Документы 4-го отдела: Сб. документов / Под ред. В.П. Лебедева. Тула: УФСБ России по Тульской области, 2008. 80 с.

II. 90. Юбилейный сборник РИСО. Нью-Йорк, 1959.

III. Мемуарная литература

III. 91. *Алдан А.Г.* Армия обреченных. Нью-Йорк, 1969. 176 с.

III. 92. *Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М.: СП «Софинта»: Информ. — рекл. центр «Инфодизайн», 1990. 318 с.

III. 93. *Барков Л.* В дебрях абвера. Таллин: Ээсти раамат, 1971. 126 с.

III. 94. *Богатырчук Ф.П.* Мой жизненный путь к генералу Власову и Пражскому манифесту. Сан-Франциско, 1978. 315 с.

III. 95. *Богатырь З.А.* В тылу врага: боевая деятельность соединения партизанских отрядов под командованием Героя Советского Союза / А.Н. Сабурова, З.А. Богатырь. М.: Соцэкгиз, 1963. 334 с.

III. 96. *Бутков В.Н.* Участие белой эмиграции в борьбе с большевизмом в 1941–1945 годах // Вестник РОВС. 2002. № 5. С. 8–11.

III. 97. *Ващенко Н.* За гранью истории РОА. [Б. м.], 1999. 112 с. III. 98. *В сердце* «Виддсра» // Чекисты: Сб. статей / Сост. Л. Корнетов. М., 1970. 396 с.

III. 99. *Гелен Р.* Влиять на ход истории // Слово. 1990. № 5. С. 79–84.

III. 100. *Гитлер А.* Моя борьба: Пер. с нем. М.: Витязь, 2000. 598 с.

III. 101. *Горчаков О.* Дневник офицера РОА // Книжное обозрение. 1989. 24 февр.

III. 102. *Григоров М.С.* Грозовые дни // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971. С. 212–258.

III. 103. *Дудников В.С.* Трагедия казаков Северного Кавказа // Вече. 1997. № 59. С. 159–206.

III. 104. *Жилянин Я.* Без линии фронта / Я. Жилянин, Н. Поздняков,

В. Лузгин. Минск: Беларусь, 1975. 318 с.

III. 105. *Казанцев А.С.* Третья сила: Россия между нацизмом и коммунизмом. М.: Посев, 1994. 344 с.

III. 106. *Калинин П.З.* Партизанская республика. М.: Воен. издат., 1964. 336 с.

III. 107. *Клименко.* Правда о «Дружине»// С народом за народ. Мюнхен, 1964. № 3. С. 22.

III. 108. *Козлов.* Русский народ и Красная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 210–219.

III. 109. *Константинов Д. В.* Через туннель двадцатого столетия. М.: Изд-во РГГУ, 1997. 592 с.

III. 110. *Котов Л.В.* В тылу группы армий «Центр» // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В.Е. Быстрое. М., 1970. С. 3—55.

III. 111. *Кошелев Н.Н.* За поединком поединок / Н.Н. Кошелев, Б.Д. Лебин // Военные контрразведчики: Сб. статей / Сост. Ю.В. Селиванов. М., 1978. 422 с.

III. 112. *Кравченко И.С.* Подполье в западных областях Белоруссии / И.С. Кравченко, Р.Р. Крючок // Герои подполья: Сб. статей / Сост. В.Е. Быстрое. М., 1970. С. 360–402.

III. 113. *Кромиади К.* За землю, за волю... Сан-Франциско, 1980. 297 с.

III. 114. *Лобанок В.Е.* В боях за Родину. 3-е изд., доп. Минск: Беларусь, 1964. 411 с.

III. 115. *Лобанок В.Е.* Партизаны принимают бой. М., 1972. Из содерж.: [Борьба с карателями]. С. 191–192.

III. 116. *Морозов В.К.* Врагу от нас не уйти // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971. С. 173–190.

III. 117. *Недосекин С.А.* Между фронтами // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971. С. 296–319.

III. 118. *Попель Н.К.* Танки повернули на запад. М., 1960. Из содерж.: [Вражеская пропаганда]. С. 91–92.

III. 119. *Редлих Р.Н.* В бригаде Каминского // Материалы по истории Русского Освободительного Движения: Сб. статей и документов / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 431–440.

III. 120. *Репин Г.* Будни особого отдела // Чекисты: Сб. статей / Сост. А.В. Сапаров. Л., 1967. С. 248–270.

III. 121. *Слободской Л.* Бои с карателями// Псковщина партизанская: Сб. статей / Сост. А.В. Акатов. Л., 1979. С. 189–193.

III. 122. *Стеенберг С.* Власов. Мельбурн, 1974. 252 с.

III. 123. *Тхоржевский В.* По дорогам рабства и свободы // Урал. 1994. № 7.

III. 124. *Фирсанов К.Ф.* Как ковалась победа // Незримого фронта солдаты: Сб. статей / Сост. В.Ф. Борисов. Тула, 1971. С. 58–135.

III. 125. *Чуйков В.И.* Гвардейцы Сталинграда идут на запад. М., 1972. Из содерж.: [Борьба с агентурой противника]. С. 71.

III. 126. *Шелленберг В.* Лабиринт: мемуары гитлеровского разведчика: [Пер. с англ.]. М.: СП «Дом Бируни», 1991. 400 с.

III. 127. *Шелленберг В.* Мемуары: Пер. с нем. М.: Прометей, 1991. 352 с.

III. 128. *Штрик-Штрикфельдт В.К.* Против Сталина и Гитлера. М.: Посев, Рос. фил., 1993. 448 с.

III. 129. *Шульгин В.В.* Письма к русским эмигрантам. М., 1961. Из содерж.: [Настроения населения Советского Союза]. С. 14.

IV. Исследовательская литература

IV. 130. *Александров К.М.* Армия генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944–1945: Материалы к истории Вооруженных сил К.ОНР. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 256 с.

IV. 131. *Александров К.М.* Власовцы на одерском фронте в феврале 1945 года // Наши Вести. 1999. К. 456 (2757) / 457 (2758). С. 27–29.

IV. 132. *Александров К.М.* Из истории насильственных репатриаций (1945–1946 гг.) // Россия и Запад: Сб. статей. СПб., 1996. С. 56–71.

IV. 133. *Александров К.М.* Офицерский корпус ВС КОНР генерала А.А. Власова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. 359 с.

IV. 134. *Александров К.М.* Оккупация отдельно взятого региона // Посев. 2002. № 5. С. 42–45.

IV. 135. *Александров К.М.* Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: Сб. статей и материалов. СПб.: Ювента, 2003. 352 с.

IV. 136. *Александров К.М.* Тайное оружие вермахта // Посев. 2001. № 6. С. 14–21.

IV. 137. *Андреева Е.А.* Генерал Власов и Русское Освободительное движение. М.: Странник, 1993. 96 с.

IV. 138. *Андреев В.А.* Русское зарубежье и Вторая мировая война // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. И. С. 135–167.

IV. 139. *А.Л.* Русский Корпус в Сербии // Часовой. 1971. Сент. С. 32.

IV. 140. *Арзамаскин Ю.Н.* Заложники Второй мировой: репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Фокус, 2001. 144 с.

IV. 141. *Армстронг Д.* Советские партизаны. Легенда и действительность. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2007. 493 с.

IV. 142. *Ауски С.А.* Предательство и измена. Войска генерала Власова в Чехии. Сан-Франциско, 1982. 408 с.

IV. 143. *Бахвалов А.Л.* Генерал Власов. Предатель или герой? СПб.: СПб. ВШ МВД России, 1994. 126 с.

IV. 144. *Бетелл Н.* Последняя тайна. М.: Новости, 1992. 256 с.

IV. 145. *Вакр Н.П.* Белоруссия: формирование нации: Исследование. Кембридж, 1956. Из содерж.: [Коллаборационизм]. С. 197.

IV. 146. *Вдовин А.* Русские в XX веке. М., 2004. Из содерж.: [Оккупационная политика]. С. 143.

IV. 147. Война в тылу врага: о некоторых проблемах истории советского партизанского-движения в годы Великой Отечественной войны: Сб. статей / [Сост. В.И. Андрианов и др.]. М.: Политиздат, 1974. Вып. 1. 447 с.

IV. 148. Война и общество, 1941–1945: В 2 кн. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории; Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Наука, 2004. Кн. 2. С. 293–305.

IV. 149. *Волков С.В.* Вторая мировая война и русская эмиграция // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. II. С. 11–27.

IV. 150. *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М.: Новости, 1989. Т. 2. Ч. 1.

IV. 151. *Гареев М.А.* О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.

IV. 152. *Геллер М.Я.* Вызов режиму / М.Я. Геллер, А.М. Некрич // Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1986. С. 57—112.

IV. 153. *Гогун А.* Сталинские коммандос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. М.: Центрполиграф, 2008. 477 с.

IV. 154. *Горелов М.И.* Станислав Юлианович Жуковский: жизнь и творчество. 1874–1944. М., 1982. Из содерж.: [С.Ю. Жуковский в Локте]. С. 148–150, 253–254.

IV. 155. *Городков В.* По старинным аллеям. Тула, 1983. Из содерж.: [Усадьба Великого Князя Романова в Локте]. С. 88–95.

IV. 156. *Грибков И.В.* Локотская «республика» 1941–1943 // Под оккупацией в 1941–1944 гг.: Сб. статей и воспоминаний / Под ред. Б.С. Пушкарева. М.: Посев, 2004. С. 76–89.

IV. 157. *Грибков И.В.* Хозяин Брянских лесов. Бронислав Каминский, Русская освободительная народная армия и Локотское окружное самоуправление. М.: Московский писатель, 2008. 116 с.

IV. 158. *Гришков И.Г.* Курская область в годы Великой Отечественной войны. Курск, 1993.

IV. 159. *Двинов Б.Л.* Власовское движение в свете документов: Сб. документов и материалов. Нью-Йорк, 1950. 216 с.

IV. 160. *Дробязко С.И.* «Восточные войска» в вермахте 1941–1945 гг. // Наши Вести. 1994. № 437 (2738). С. 8–11.

IV. 161. *Дробязко С.И.* Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С.И. Дробязко, И.Г. Ермолов. М.: Изд. авторов, 2001. 25 с.

IV. 162. *Дробязко С.И.* Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М.1998. Вып. 2. С. 168–216.

IV. 163. *Дробязко С.И.* Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М.: Эксмо, 2004. 606 с.

IV. 164. *Дробязко С.И.* Русская Освободительная Армия. М.: АСТ, 1998. 63 с.

IV. 165. *Дробязко С.И.* Казачья эмиграция во Второй мировой войне // Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 51 — 115.

IV. 166. *Дробязко С.И.* Добровольческий полк «Десна» и другие военные формирования из советских граждан на территории Орловской области / С.И. Дробязко, И.Г. Ермолов. М., 2000. 25 с.

IV. 167. *Дугас И.А.* Вычеркнутые из памяти / И.А. Дугас, Ф.Я. Черон. Париж, 1994. 433 с.

IV. 168. *Ермолов И.Г.* Антипартизанская республика / И.Г. Ермолов, С.И. Дробязко. М.: Витязь, 2001. 112 с.

IV. 169. *Ермолов И.Г.* Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес». Орел — Рига: Атмода, 1999. 52 с.

IV. 170. *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. Орел: Орловский государственный университет, 2008. 180 с.

IV. 171. *Ермолов И.Г.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел: Истории русской провинции,

2008. 168 с.

IV. 172. *Ермолов И.Г.* Локотская республика и бригада Каминского, или «Шумел не просто брянский лес». Орел, 1999. 52 с.

IV. 173. *Ермолов И.Г.* Антипартизанская республика / И.Г. Ермолов, С.И. Дробязко. М., 2001. 112 с.

IV. 174. *Ермолов И.Г.* Гражданский и военно-политический коллаборационизм в южных районах Орловской области. Орел: Орловский государственный университет, 2008. 180 с.

IV. 175. *Ермолов И.Г.* История Локотского округа и Русской Освободительной Народной Армии. Орел: Истории русской провинции, 2008. 168 с.

IV. 176. *Ермолов И.Г.* Мероприятия по разложению коллаборационистских формирований в период Второй мировой войны // Человеческий фактор: обшество и власть. 2004. № 4. С. 9—12.

IV. 177. *Ермолов И.Г.* Антипартизаны //Тверца. 2004. № 5 (10). С. 24–25.

IV. 178. *Ермолов И.Г.* Казаки против Сталина // Человеческий фактор: общество и власть. 2005. № 3 (7). С. 58–63.

IV. 179. *Ермолов И.Г.* Религия и церковь в годы оккупации // Рюрик: Исторические статьи и публикации. Вып. 8. Орел: Издатель А.В. Воробьев, 2008. С. 34–48.

IV. 180. *Ермолов И.Г.* Коллаборационизм в сфере управления на оккупированных территориях РСФСР // Вестник Тверского государственного университета. 2008. № 19 (79). С. 86–95.

IV. 181. *Жуков А.Ф.* К вопросу о коллаборационистах в Великой Отечественной войне / А.Ф. Жуков, J1.H. Жукова // Клио. 1997. № 2. С. 173–181.

IV. 182. *Жуков Д.А.* 29-я гренадерская дивизия С С «Каминский» /Д.А. Жуков, И.И. Ковтун. М.: Вече, 2009. 304 с.

IV. 183. *Захаров В.В.* Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930-е — 1945 гг.) / В.В. Захаров, С.А. Колунтаев// Материалы по истории Русского Освободительного Движения / Под ред. А.В. Окорокова. М., 1998. Вып. 2. С. 28—134.

IV. 184. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: В 6 т. / Под ред. П.Н. Поспелова. М.: Воениздат, 1961–1965. В 6 т.

IV. 185. История Второй мировой войны, 1939–1945 гг.: В 12 т. / Под ред. А.А. Гречко. М.: Воениздат, 1973–1982. 12 т.

IV. 186. *Карелл П.* Операция Барбаросса. Франкфурт — Берлин: Ульштейн, 1963.

IV. 187. *Катусев А.Ф.* Иуды (власовцы на службе у фашизма) / А.Ф. Катусев, В.Г. Оппоков // Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 68–81.

IV. 188. *Ковтун И.И.* Партизаны Бряншины: мифы я правда // Эхо войны: Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1.С. 17–25.

IV. 189. *Колесник А.Н.* Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков: Простор, 1991. 238 с.

IV. 190. *Коняев Н.М.* Власов. Два лица генерала. М.: Вече, 2003. 480 с.

IV. 191. *Котов-Дарти С.Ф.* Казачество против большевизма (причины и условия формирования коллаборационистских настроений в среде

граждан СССР) / С.Ф. Котов-Дарти, И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. 2006. № 1 (9). С. 41–55.

IV. 192. *Котов-Дарти С.Ф.* Казаки и русские за линией фронта (влияние особенностей оккупационной политики на возникновение и развитие советского коллаборационизма) / С.Ф. Котов-Дарти, И.Г. Ермолов // Человеческий фактор: общество и власть. 2006. № 03 (11). С. 16–24.

IV. 193. *Кринко Е.Ф.* Коллаборационизм в СССР в годы Второй мировой войны: старые и новые подходы // The Soviet and Post-Soviet Review. 2003. № 2. С. 143–170.

IV. 194. *Кудряшов С.В.* «Предатели», «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 89, 91.

IV. 195. *Кульков Е.Н.* Война 1941–1945: факты и документы / Е.Н. Кульков, М.Ю. Мягков, О.А. Ржешевский; Под ред. О.А. Ржешевского. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 479 с.

IV. 196. *Мартынов М.М.* Это было в Орле. М., 1985.

IV. 197. *Мартынов Н.* Правда о власовцах // Голос Родины. 1965. № 89. С. 23–28.

IV. 198. *Минасян Н.* Международные преступления Третьего рейха. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1977. 387 с.

IV. 199. *Муноз А.* Бригада Каминского: история. Нью-Йорк, 1995. 63 с.

IV. 200. *Муноз А.* За Царя и Отечество // Наши Вести. 1999. № 456 (2757) / № 457 (2758). С. 22–26.

IV. 201. *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация: Пер. с нем. М.: Воениздат, 1974. 387 с.

IV. 202. *Неподкосов С.* Второе крещение Руси. Деятельность Православной Миссии на оккупированной территории Северо-запада России (1941–1944 гг.) //Эхо войны. Военно-исторический журнал о Второй мировой войне. 2007. № 1. С. 33–37.

IV. 203. *Николаев С.* Предатели и их радетели // Голос Родины. 1970. № 4. С. 13–17.

IV. 204. *Окороков А.В.* Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны / Воен. ун-т. М.: Изд-во Воен. унта, 2000. 173 с.

IV. 205. *Окороков А.В.* Учебные структуры РОА, казачьих частей и ВС КОНР // Материалы по истории Русского Освободительного Движения (статьи, документы, воспоминания)/ Под ред. А.В. Окорокова. М., 1999. Вып. 4. С. 152–209.

IV. 206. Они среди вас: Сб. статей о предателях и изменниках Родины. М., 1969. 242 с.

IV. 207. *Павлов В.В.* Сталинград: мифы и реальность. М., 2003. Из содерж.: [Выступление И.В. Сталина]. С. 321.

IV. 208. *Пальчиков П.А.* История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 123–144.

IV. 209. *Полян Л.М.* Жертвы двух диктатур. М.: Ваш выбор, 1996. 442 с.

IV. 210. *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 383 с.

IV. 211. *Попов А.* Диверсанты Сталина: деятельность органов Госбезопасности на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, 2004. 412 с.

IV. 212. *Пронин А.* Партизанская война на оккупированных немцами советских территориях 1941–1945 гг. Джорджтаун, 1965. Из содерж.: [Особенности партизанского движения]. С. 172.

IV. 213. *Раманичев Н.М.* Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы / Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1995. С. 292–312.

IV. 214. *Редклифф А.* Уроки, извлеченные из партизанской войны в России. МО № Р055С, Управление военной истории. [Б. м.], 1950–1970.

IV. 215. *Решин Л.Е.* Судьбы генеральские / Л.Е. Решин, В.С. Степанов // Военно-исторический журнал. 1993. № 5. С. 28–37.

IV. 216. *Решин Л.Е.* Охота на «Ворона» // Шпион. 1993. № 1. С. 93-100.

IV. 217. *Рогачевский А.Л.* [Рецензия] // Правоведение. 2000. № 4. С. 255–259. Рец. на кн.: Chiari B. Alltag hinterder Front. Dusseldorf, 1998.

IV. 218. *Романовский В.Ф.* Преступления германского фашизма в Белоруссии // Вторая мировая война: Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над фашистской Германией. М., 1966. Кн. 1. Общие проблемы. С. 332.

IV. 219. *Самойлов А.* Власов и власовцы // Новое время. 1991. № 15. С. 38–39.

IV. 220. *Самсонов А.М.* Вторая мировая война. М., 1990. Из содерж.: [Коллаборационисты]. С. 237.

IV. 221. *Саран А.* Аграрная политика оккупационных властей на Орловщине // Краеведческие записки. Орел: Областной краеведческий музей, 1999. Вып. 3.

IV. 222. *Семенов К.К.* Войска СС. М.: Яуза, 2004. 383 с.

IV. 223. *Семиряга М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. М.: Юридическая литература, 1991. 384 с.

IV. 224. *Семиряга М.И.* Военнопленные, коллаборационисты и генерал Власов//Другая война: 1939–1945 / Под ред. Ю.Н. Афанасьева. М. 1996. С. 313–339.

IV. 225. *Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 19–33.

IV. 226. *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

IV. 227. *Смирнов А.* Атаман Краснов. М.: АСТ, 2003. 366 с. IV. 228. *Соколов Б.В.* Оккупация. М.: АСТ. 2002. 349 с. IV. 229. *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000. 479 с.

IV. 230. *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. Париж, 1989. Т. 5. Из содерж.: [Андрей Андреевич Власов]. С. 224–225.

IV. 231. *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны 1939–1945: Пер. с нем. М.: Издатинплит, 1956. 608 с.

IV. 232. *Титов Ф.* Клятвопреступники // Неотвратимое возмездие: Сб. статей / Под ред. Н.Ф. Чистякова, М.Е. Карышева. М.1974. С. 214–234.

IV. 233. *Тишков А.В.* Предатель перед советским судом // Советское государство и право. 1973. № 2. С. 89–98.

IV. 234. *Толстой Н.Д.* Жертвы Ялты: Пер. с англ. М.: Рус. путь, 1996. 480 с.

IV. 235. *Томашевский М.В.* Очерки истории Освободительного Движения Народов России. Лондон (Канада), 1965. 315 с.

IV. 236. *Торвальд Ю.* Иллюзия: советские солдаты в гитлеровской армии. Нью-Йорк, 1974. 341 с.

IV. 237. *Тхоржевский В.* По дорогам рабства и свободы // Урал. 1994. № 7. С. 145–146.

IV. 238. *Уильямсон Г.* СС инструмент террора: Пер. с англ. Смоленск: Русич, 1999. 369 с.

IV. 239. *Уиндроу М.* Охранные отряды НСДАП. Войска СС. М.: АСТ, 2004. 64 с.

IV. 240. *Умбрайт Х.* Непреодоленная проблема. Партизанская война в тылу Восточного фронта // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 149–150.

IV. 241. *Уорвол Н.* Войска СС. Кровавый след. Ростов-н/Д., 2000. Из содерж.: [Бригада Каминского]. С. 204–206.

IV. 242. *Фефелов В.И.* Подвигу жить вечно. Тула: Приокское книжное издательство, 1983.

IV. 243. *Хоффман Й.* Власов против Сталина. М.: АСТ, 2005. 539 с.

IV. 244. *Хоффман Й.* История власовской армии. Париж, 1990. 382 с.

IV. 245. *Цурганов Ю.С.* Неудавшийся реванш: белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Интрада, 2001. 288 с.

IV. 246. *Чубарьян О.А.* Дискуссионные вопросы истории войны // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. Из содерж.: [Коллаборационизм как научная проблема]. С. 11.

IV. 247. *Чуев С.* Проклятые солдаты. М.: Яуза, 2004. 575 с.

IV. 248. *Штрайт К.* Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 годах. М.: Прогресс, 1979. 447 с.

IV. 249. *Эренбург И.* Нет тыла // Война: Сб. статей. М., 2004. С. 131.

V. Исследовательская литература на иностранных языках

V. 250. *Buchbender O.* Die WafTe, die auf die Seite zielt: Psychologisclie Kriegsfuhrung, 1939–1945 / O. Buclibender, N. Schuh. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1983. 199 S.

V. 251. *Cooper M.* Nazi war against sowiet partisans / M. Cooper. New York, 1979. 216 p.

V. 252. *Dallin A.D.* German Rule in Russia 1941–1945: A study in occupation policies / A.D. Dallin. London New York, 1957. 696 p.

V. 253. *Dallin A.D.* The Kaminski Brigade: A Case Study in Soviet disaffection// In Revolution and Politics in Russia. Indiana, 1972. 116 p.

V. 254. *Fischer G.* Soviet Opposition to Stalin. A Case Study in World War II / G. Fischer. Cambridge: Harward University Press, 1952. 230 p.

V. 255. *Haupt W.* Heersgnippe Nord 1941–1945. Bad Neuheim, 1966.

V. 256. *Haupt W.R.* Ruckzug im Westen 1944: von der Invasion zur Ardennen-Offensive / W. Haupt. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1978. 351 S.

V. 257. *Hoffmann J.* Kaukasien 1942/43. Das deutsclie Heer und die Orientvolker der Sowjetunion / J. Hoffmann. Freiburg, 1991. 530 S.

V. 258. *Hoffmann J.* Die Ostlegionen 1941–1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinner im deutschen Heer / J. Hoffmann. Freiburg, 1982. 197 S.

V. 259. *Kern E.* General von Pannwitz und seine Kosaken / E. Kern. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1963. 208 S.

V. 260. *Klink E.* Das Gesetz des Handels: Die Operation «Zitadelle» 1943 / E. Wink. Stuttgart: Motorbuch Verlag, 1957. 356 S.

V. 261. *Mackiewicz J.* Kontra / J. Mackiewicz. Paris, 1957. 152 p.

V. 262. *Muller-Hillebrand B.* Das Heer 1933–1945 / B. Muller-Hillebrand. Frankfurt am Me in, 1969. Bd. 3.

V. 263. *Munoz A.* Hitler Easter Legions. Vol. II. The Osttruppen / A. Munoz. New York, 1997. 96 p.

V. 264. *Neulen H.W.* An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS / H.W. Neulen. Munchen, 1985. 168 S.

V. 265. Rapport du Comite International de la Croix-Rouge. Geneve, 1948. Vom Inhalt: [Sowjetische Kriegsgefangenen]. S. 425.

V. 266. *Reitlinger G.* The House Built on Sand; The Conflicts of German Policy in Russia, 1939–1945 / G. Reitlinger. London, 1960.

V. 267. *Schulte T.* The German army and nazi policies in occupied Russia / T. Schulte. Oxford; New York; Munich: Berg, 1980. 390 p.

V. 268. *Streit C.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945 / C. Streit. Bonn, 1991. 445 S.

V. 269. *Thowald J.* Wenn sie verderben wollen / J. Thowald. Stuttgart, 1952.

V. 270. *Thowald J.The* Illusion: Sowiet Soldiers in Hitlers armies/ J. Thowald. Б. м., 1975. 342 p.

V. 271. *Wurmbrand R.* Der unbekannte Karl Marx. Seewis, 1983. 112 S.

VI. Диссертации

VI. 272. *Александров К.М.* Вооруженные формирования Комитета освобождения народов России: Дис… канд. ист. наук / Санкт-Петербургский институт Российской истории РАН. СПб., 2002. 215 с.

VI. 273. *Дробязко С.И.* Восточные формирования в составе германского вермахта (1941–1945 гг.): Дис… канд. ист. наук / Московский государственный историко-архивный институт. М., 1997. 196 с.

VI. 274. *Ермолов И.Г.* Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 гг: Дис… канд. ист. наук / Тверской государственный университет. Тверь, 2005. 279 с.

VI. 275. *Журба Н.С.* Идейно-политическая работа партии среди изменнических антисоветских формирований на оккупированной территории СССР (1941–1944 гг.): Дис… канд. ист. наук. М., 1990. 181 с.

VI. 276. *Ирлицин В.И.* Деятельность органов НКВД в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 г. — ноябрь 1942 г. (на материалах Калининской области): Дис… канд. ист. наук / Тверской государственный университет. Тверь, 1998. С. 141–154.

VI. 277. *Ковалев Б.Н.* Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.): Дис… канд. ист. наук. СПб., 1993. 196 с.

VI. 278. *Посадский А.В.* Дис… докт. ист. наук. Саратов.

VI. 279. *Шуляков В.А.* Деятельность местных органов советской власти на освобожденной от немецко-фашистской оккупации территории в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.): Дис… канд. ист. наук / Смоленский государственный педагогический институт. Смоленск, 1978. С. 32–33.

Список сокращений

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков).

ВЛКСМ — Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи.

ГАБО — Государственный архив Брянской области.

ГАНПИНО — Государственный архив новейшей политической истории Новгородской области.

ГАПО — Государственный архив Псковской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.

ГАСО — Государственный архив Смоленской области.

ГАТО — Государственный архив Тверской области.

КФ — Калининский фронт.

ЛАО — Локотской автономный округ.

МТС — машинно-тракторная станция.

НКВД — Народный комиссариат внутренних дел.

OD — (Ordnungsdienst) Служба порядка.

ОКВ — (Oberkomando der Wehrmacht) Верховное командование вермахта.

ОКХ — (Oberkomando des Heeres) Верховное командование сухопутных сил.

ПГА — Пятигорский государственный архив.

Райзо — районный земельный отдел.

РАЙФО — районный финансовый отдел.

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории.

РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия.

РОНА — Русская Освободительная Народная Армия.

РОА — Русская Освободительная Армия.

РО — районное отделение.

РОНО — Районный отдел народного образования.

РПЦ — Русская православная церковь.

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

СС (Streifstaffel) — охранные отряды.

с/с — сельский совет.

ТвГУ — Тверской государственный университет.

ТФ ГАРО — Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области.

ТЦДНИ — Тверской центр документации новейшей истории.

ЦАГ — Центральная административная группа.

ЦНИБО — Центр новейшей истории Брянской области.

ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения.

ШПД — Штаб партизанского движения.

Приложения

Приложение 1
Таблицы

Таблица 1. Данные Почепского РО НКВД (Брянская область) о советских руководителях, сотрудничавших с оккупантами (на 10 августа 1944 г.)

Фамилия. И. О.Должность до оккупацииДолжность во время оккупацииДолжность после оккупацииИные сведенияПолессков М.И.УчительНачальник паспортного стола Хомутовской районной полицииЗаведующий Почепским РОНОРодной брат служил в полиции, активно боролся с партизанами, был ими расстрелян, хозяйство отца полностью уничтожено партизанамиСидоренко М.Я.АгрономИнспектор просвещения Почепской горуправыИнспектор Почепского РОНО—

Малюго Г.С.УчительЗаведующий методическим кабинетом Отдела просвещенияЗаведующий методическим кабинетом Почепского РОНОАктивный участник немецких реформ в системе просвещенияТрошановский И.Е.—Нотариус при мировом суде, личный секретарь зам. бургомистра Почепского р-наСекретарь Почепского РОНО—Грабар Н.П.—Техник-строитель при Почепской горуправеТехник-строитель по школам Почепского РОНОНастроен антисоветски, до войны состоял на формулярном учете в РО НКВДЗыков Т.Т.Техник-строительТехник-строитель Почепской горуправыТехник-строитель стройконторы Почепского райисполкомаНастроен антисоветски? С.Н.—Помощник старостыМастер в Почепском горсовете—Паренко И.В.Бухгалтер Почепского торгаЗам. мирового судьи Почепской горуправыГлавный бухгалтер Почепского торга—Цибульский Ф.В.—Главный садовник немецкого кладбищаГлавный бухгалтер Почепской конторы связи—Венгер М.М.—Заведующий торговым отделом Почепской горуправыЗаведующий производством Почепского райпотребсоюзаОрганизатор немецкого Центрального торгового общества «Восток»Сапунов Т.И.Врач-уролог почепской больницыНачальник отдела здравоохранения почепской горуправыВрач-уролог почепской больницыВ 1934 г. судим за соучастие в убийстве Кирова, проживал в одной квартире с его убийцей НиколаевымВаськов А.П.—Писарь волостного старшиныАгротехник-табаковод Почепского райпотребсоюза—Фешенко П.И.——Председатель Тубольского сельсоветаЧлен ВКП(б), в 1941 г. дезертировал из РККА, с группой бойцов перешел на сторону немцевСитникова О.Н.—Староста в г. ПочепПредседатель колхоза «Красный летчик»В 1944 г. исключена из ВКП(б)Галко И.Г.СчетоводПисарь старостыСчетовод—Гресюкович А.А.Агроном Почепского райзоАгроном Почепского райзоАгроном-плановик Почепского райзоАктивно проводила «новый порядок» землепользованияГресюкович А.И.—Зам. начальника Почепского райзо, гл. агрономАгроном-плановик Почепского райзо—Потапенко М.Е.—Землемер Титовской волостиПредседатель Титовского колхозаУчаствовал в разделе колхозных земель и ликвидации колхозов, настроен антисоветскиБовтушный М.Р.—Писарь старостыПредседатель колхоза в д. Сивуха—Сердоцкий М.А.Секретарь Подбеловского сельсовета—Председатель Подбеловского сельсоветаКак член ВКП(б) прошел регистрацию, добровольно сдал становому приставу оружие, помогал изымать скот для немцев, в 1944 г. исключен из ВКП(б)Шумейко И.И.——Председатель колхоза д. Бумажная ФабрикаВыдал немцам 12 разведчиков РККА, заброшенных в немецкий тылГрудина И.Д.Председатель колхоза д. БерезовкаСтароста общины д. БерезовкаПредседатель колхоза Ворминского с/с—Синявский А.С.Счетовод колхоза «Ратный Ров»Помощник старосты пос. Ратный РовСчетовод колхоза «Ратный Ров»—Пирогов Д.И.—Писарь старостыСекретарь Ворминского сельсовета—Морозов Н.К.Счетовод колхоза д. ГлазовоПомощник старосты д. ГлазовоСчетовод колхоза д. Глазово—Пугачевский И. К.—Писарь старостыСекретарь Чоповского сельсовета—Стафеев А.Е.Секретарь Первомайского сельсоветаПисарь старосты с. Пьяный РогСекретарь Первомайского сельсовета—Ивченко В.А.—ПолицейскийСчетовод колхоза д. ПашковоАктивно участвовал в борьбе с партизанамиЖивотовский Ф.А.—Начальник биржи трудаАгент конторы связи—Фисютина И.В.УчительницаЗав. отделом биржи

трудаУчительница—Попова А.В.УчительницаПереводчица биржи трудаУчительница начальной школы—Гузеев В.А.УчительИнспектор просвещения Почепского р-наУчитель математики почепской ср. школы—Михеенко И.М.БухгалтерДежурный полицейскийБухгалтер кирпичного завода—Голеницкая З.А.—Переводчица и карточница биржи трудаСчетовод районной конторы связи—Мосина В.Н.—Машинистка почепской полицииСчетовод пищекомбината—Ольховый И.И.Мастер пищекомбинатаСтароста по земельному вопросуЗаведующий колбасной мастерской пищекомбината—Стафеев А.Е.Секретарь Первомайского сельсоветаПисарь при старшине волостиСекретарь Первомайского сельсовета—Кулагин Е.М.УчительСтароста с. ПервомайскоеДиректор Первомайской неполной средней школы—Гришенко А.А.—Участковый надзиратель горполицииМузыкант в клубе—Кибальчич Е.Г.УчительСтароста пос. Память ЛенинаУчитель Первомайской неполной средней школы—Коношенко Т.Е.—ПолицейскийПредседатель колхоза—Ловяго М.С.—СтаростаПредседатель колхоза «Дружный»—Фитьков А.А.Председатель колхоза «Зеленый Гай»Староста пос. Зеленый ГайПредседатель колхоза «Зеленый Гай»—Стадчев А.Е.Секретарь сельсоветаПисарь волостного старшиныСекретарь сельсовета—Шатая Е.С.Учительница нач. школыПереводчица комендатурыУчительница нач. школы—Паренко Л.И.—ПереводчицаСчетовод комбината—Свистовцев И.С.Учитель нач. школыПолицейскийУчитель нач. школы—Бацилев Д.М.—Финансовый агентПредседатель колхоза «Заполье»Активно участвовал в сборе с населения платежей для немцевСитникова О.А.Председатель колхозаСтаростаПредседатель колхоза—Писаренко Е.М.УчительницаПереводчицаУчительница нач. школы с. Чепово—*Источник:* ГАБО. Ф. 2609. Оп. 1. Д. 21. Л. 74–75 об.; 76–81.

Таблица 2. Данные о коллаборационистах в сфере управления по Усвятскому району Смоленской области

№ п/пФ.И.О.Должность до оккупацииДолжность в период оккупацииИные сведения1Буков В.Д.Председатель колхоза «Красный путиловец»Староста деревни, старшина волостиКандидат в члены ВКП(б), дезертировал из РККА, будучи старостой, оказывал активную помощь оккупантам в вылавливании партизан2Миронов М.И.Зав. учебной частью Церковишенской средней школыВолостной писарьЧлен ВКП(б) с 1940 г. Предавал партизан и граждан, связанных с партизанами3Прошин П.П.Старший механик Усвятской МТСДиректор мастерской сельхозмашинЧлен ВКП(б) с 1940 г. Вместе с карательным отрядом неоднократно выезжал в места расположения партизан4Шандаевский Р.Л.Заведующий РАЙФО Усвятского районаТайный агент полицииЧлен ВКП(б) с 1932 г. Выявил и предал партизанский отряд т. Зверева5Шитиков А.Л.Бригадир колхоза «Пруд»ПолицейскийКандидат в члены ВКП(б) с 1940 г. (к/к 2898864). Активно участвовал в вылавливании партизан6Шутров П.Ф.Бригадир полеводческой бригады к-за «Боевик»Староста деревниКандидат в члены ВКП(б) с 1939 г. (к/к 1922836). Оказывал немцам помощь в вылавливании партизан*Источник:* ТЦДНИ: Ф. 479. Оп. 2. Д. 157. Л. 2-46.

Таблица 3. Количество учебных часов по предметам, преподававшимся в начальных школах на территории Калининской области

Предметы1-й класс2-й класс3-й класс4-й классНемецкий язык——46Русский язык (сюда же включены пение, рисование, чистописание)9966Арифметика6644География——22Естествознание——22Рукоделие—333Физкультура3333Всего уроков в неделю18212426*Источник:* ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60 об.

Таблица 4. Должностные оклады коллаборационистов в сфере управления

№ п/пНаименование должностиМесячная ставка (в рублях)1Бургомистр города (района)8002Секретарь городской (районной) управы6503Заведующий отделом городской (районной) управы6504Заместитель заведующего отделом городской (районной)управы5155Бухгалтер отдела городской (районной) управы4006Кассир-счетовод финансового отдела городской (районной) управы4007Переводчик городской (районной) управы4008Волостной старшина6009Помощник волостного старшины, секретарь волостной управы40010Машинистка городской (районной) управы30011Староста сельской общины300–45012Заместитель старосты200–25013Писарь сельского старосты200–300*Источники:* ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3; Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 40; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152.

Таблица 5. Должностные оклады коллаборационистов в сфере здравоохранения

№ п/пНаименование должностиМесячная ставка (в рублях)1Главный врач больницы5002Врач-ординатор4503Врач-стоматолог4004Санитарный врач3005Фельдшер3506Сестра милосердия250–2757Фармацевт2508Санитарка150–17509Заведующий фельдшерским пунктом35010Заведующий аптекой при горбольнице30011Фельдшер-фармацевт250*Источник:* ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об., 3, 9-10, 21, 32 об.

Таблица 6. Должностные оклады прочих категорий коллаборационистов

№ п/пНаименование должностиМесячная ставка (в рублях)1Заведующий мастерской среднего предприятия4002Начальник цеха среднего предприятия3753Начальник районного отделения полиции6504Заместитель начальника районного отделения полиции3005Начальник волостного отделения полиции3006Заведующий магазином, продавец2507Заведующий детдомом2508Помощник заведующего детдомом20009Заведующий складом40010Заведующий столовой20011Учитель250–50012Полицейский (при волостной управе, сельской общине)240–25013Пропагандист отдела агитации и пропаганды75014Делопроизводитель полиции300*Источники:* ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 3. Л. 44–45; Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 1. Л. 1 об. — 3, 16; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 15. Л. 223; РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 151–152; ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 42. Л. 155, 161.

Таблица 7. Цены на товары первой необходимости (до и в период оккупации)

№ п/пНаименование товараЦена до оккупацииЦена в период оккупации1Хлеб (85 % муки)1 руб. 70 коп./кг—2Мука ржаная1 руб.

60 коп./кг2*—375 руб.**/кг; 771 руб.***/пуд3Хлеб ржаной85 коп./кг40 руб.***/кг4Мясо8-16 руб./кг412 руб.***/кг5Молоко2 руб./литр100–200 руб.**/л; 41 руб.***/л6Картофель37 коп./кг62 руб. 50 коп.**/кг; 106 руб.***/пуд7Сметана2 руб./стакан—8Яйца5–6 руб./десяток700 руб.**/десяток; 204 руб.***/десяток9Сахар5 руб. 70 коп./кг—10Песок сахарный5 руб. 10 коп./кг413 руб.***/кг11Масло растительное13 руб. 50 коп./л10 руб.*/л12Масло сливочное55 руб. 28 коп./кг.20 руб */кг13Барсучье сало—15 руб.*/кг14Крупа просо2 руб. 10 коп./кг—15Крупа манная4 руб. 50 коп./кг—16Крупа гречневая4 руб. 30 коп./кг—17Горох2 руб./кг—18Макароны5 руб./кг—19Вермишель4 руб. 30 коп./кг—20Керосин60 коп./л—21Соль15 коп./кг110 руб.***/кг* По данным торговых организаций и органов местного самоуправления.

** По данным советских партизан (Калининская область).

*** По данным советских партизан (Орловская область).

Источники: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 3. Л. 5–5 об.; ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 16. Л. 60; ГАТО. Ф. Р-2758. Оп. 1. Д. 4. Л. 12–18, 22, 23, 25, 26–30, 63–80, 98; *Черняков Д.И.* Состояние школьного образования в оккупированном Брянске (октябрь 1941 — сентябрь 1943 гг.) // Наш край в судьбе отечества: Материалы научно-практической конференции / Сост.: Управление по делам архивов Брянской области; Государственный архив Брянской области. Брянск, 2008. С. 83.

Приложение 2
Нормативные документы, межведомственная и внутриведомственная переписка

Документ 1. Порядок мирового посредничества в общинах

§ 2

В каждой городской и отдельной общине основывается посредничественное мировое место.

Посредничественное мировое место состоит из городского головы как председателя, из заместителя и двух заседателей.

§ 4

На место заместителя городской голова назначает благонадежных лиц, которые по образованию могут это выполнить, в возрасте не моложе 30 лет и которые проживают 2 года в общине.

§ 5

Место заместителя и заседателей есть почетное.

§ 8

Посредничественное мировое место имеет право рассматривать имущественные дела, возникающие из договоров всякого рода, как то: купля-продажа, найм, аренда займа, из имущественных и семейных отношений.

Посредничественное мировое место должно по свободному усмотрению под взглядом здравого народного ощущения рассматривать и судить.

Разбор дела производится по месту жительства ответчика.

§ 12

Перед вынесением решения выступают обе стороны. Если одна из

сторон не является или же явившийся отказывается дать объяснение, то правило производства считается выполненным.

§ 15

Решение в порядке обжалования неоспоримо.

§ 16

В случае несогласия с постановленным решением последнее подлежит проверке в ревизионном порядке. Просьба о таком просмотре подается недовольной стороной районному голове.

В делах, касающихся существенных вопросов правосудия, а также в случае, если предмет спора превышает 2000 рублей, городской голова передает делопроизводство в полевую комендатуру (группе Военной управы) для подтверждения.

§ 21

Председатель может за объявление решения… взыскать судебную пошлину.

Размер пошлины не должен превышать 50 рублей, принимая во внимание материальное положение стороны и цену иска.

Гл. кварт.
19 ноября 1941 г.
Командующий области
Источник: ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 207–210.

Документ 2. Судопроизводство в русских органах управления

Судопроизводство над гражданским населением возлагается в определенном объеме на русские органы управления.

§ 1

1. Выпустить распоряжение тиражом достаточным для распределения его вплоть до старост уезда, с тем чтобы довести о порядке судопроизводства до сведения широчайших масс населения.

2. Потом надо доложить сюда, в каких общинах (сюда относится также г. Карачев) уездного управления должны быть учреждены мировой суд общины и для каких волостей целесообразно учредить совместно один общий мировой суд. При этом для утверждения представителей в должности надо доложить сюда их фамилии с короткой, но исчерпывающей, достаточной для обсуждения их, характеристикой. Для каждого мирового суда общины назначить не более 4 заседателей. Принципиально, надо организовать мировой суд общины только там, где есть гарантия, что назначены будут лица надежные и соответствующие требованиям должности. Начальники районов ответственны за это.

3. Выбирать мировых судей, особенно председателей, надо особенно тщательно. Надо наметить заработную плату, которая была бы не ниже заработной платы начальника района.

I. Основной принцип судопроизводства

§ 2

Русские органы управления должны разбирать гражданские конфликты населения и мелкие проступки жителей, которые не затрагивают интересы Германской Армии. Для этого создаются следующие судебные учреждения (мировые суды):

а) волостные мировые суды в каждой волости;

б) районные мировые суды в каждом районе и каждом городе

нерайонного подчинения.

II. Волостные мировые суды

§ 3

В каждой волости (городской и сельской общине) учреждается волостной мировой суд. Он действует в пределах общины.

Если за недостатком подходящих лиц или по иным причинам невозможна или нецелесообразна организация волостных мировых судов в какой-либо общине (волости), то по распоряжению командующего Административным Округом возможна организация одного волостного мирового суда для нескольких рядом лежащих волостей.

§ 4

Волостной мировой суд состоит из председателя, обязанности которого выполняет старшина, заместителя председателя и заседателей. Он функционирует с председателем и 2 заседателями.

§ 5

1. На должности заместителя председателя и заседателей назначаются только надежные мужчины и женщины, которые по степени своего образования и по возрасту удовлетворяют требованиям к должности и являются коренными жителями общины.

2. Председатель, заместитель председателя и заседатели не должны быть между собой в родстве или в свойстве.

3. Заместителя председателя и заседателей назначает начальник района, однако назначение должно быть утверждено командиром соответствующего Административного Округа. При назначении мировых судей Районный начальник рукопожатием обязывает их сознательно и беспристрастно исполнять свои обязанности.

4. Начальник района может уволить от должности мировых судей при нарушении ими служебных обязанностей или при несоответствии их своему назначению. Начальник района должен донести об этом командующему Административным Округом, сообщив ему причину.

§ 6

Должности заместителя председателя и заседателей — почетные должности. Не получая заработной платы, лица, занимающие эти должности, могут получать соответствующее вознаграждение от волостного управления.

§ 7

Волостные мировые суды вправе присуждать наказания за следующие уголовные проступки:

а) простое воровство, совершенное без насилия, при котором стоимость ущерба не превышает 100 рублей, особенно при краже дров;

б) обыкновенные оскорбления — не направленные против должностных лиц;

в) все другие проступки общественного порядка, подсудные волостному мировому суду, если таковые не требуют большей меры наказания.

§ 8

Право наказывать ограничивается назначением:

а) денежных штрафов до 1000 рублей;

б) арестом до 10 дней;

в) принудительной работой до 14 дней.

§ 9

Волостным мировым судам подсудны, кроме того, гражданские дела:

а) споры об имуществе по договорам всякого рода, если цена не превышает суммы 500 рублей;

б) споры о жилищах и квартирах;

в) споры при распределении работ между членами семьи — одного двора.

III. Районные мировые суды

§ 10

В каждом районе и каждом городе нерайонного подчинения организуется районный мировой суд. Он функционирует в пределах района.

§ 11

Районный мировой суд состоит из председателя, одного или нескольких заместителей председателя и заседателей. Он функционирует в составе одного председателя или заместителя председателя и двух заседателей. При необходимости, можно организовать несколько отделений районного мирового суда (по гражданским и уголовным делам).

§ 12

Председатель и заместители председателя должны по возможности иметь юридическое образование. Они назначаются начальниками районов или городов. В маленьких районах начальник района может быть одновременно председателем районного мирового суда.

§ 13

Заседателями надо назначать надежных мужчин и женщин, которые по степени образования и по возрасту удовлетворяют требованиям своей должности. По возможности это должны быть служащие, при которых исключена возможность подкупа, не должны быть между собой в родстве или в свойстве. Нельзя назначать судьями бывших членов коммунистической партии.

§ 14

1. Председатель, заместители председателя и заседатели районного мирового суда утверждаются командующим соответствующим Административным Округом, который торжественно обязует назначенных добросовестно и беспристрастно исполнять свою власть.

2. Командующий соответствующим Административным Округом может отстранить от должности мировых судей, если они не соответствуют своему назначению или нарушают свои служебные обязанности.

§ 15

1. Районные мировые суды расследуют и наказывают все уголовные преступления гражданского населения, которые не направлены против немецкой армии и либо неподсудны волостным мировым судам, либо настолько тяжелы, что они должны быть наказаны Германскими военными служебными инстанциями.

2. Наказываются все проступки, нарушающие законность, которые, по общему мнению, заслуживают наказания.

3. Районным мировым судам подсудны особенно:

а) проступки против личности;

б) проступки, направленные против имущества, за исключением тяжелых случаев грабежа, разбоя, преднамеренного поджога;

в) злоупотребление должностной властью, за исключением воровства и растрат свыше 5000 рублей;

г) нарушение приказов, изданных русскими органами управления;

д) вздутие цен, контрабанда, накопление жизненных припасов, если степень указанных преступлений в рамках подсудности районного мирового суда.

§ 16

Если районный мировой суд сомневается в своем праве наказывать, то председатель представляет акты для решения командующему Административным Округом.

§ 17

Районный мировой суд вправе налагать следующие наказания:

а) денежные штрафы до 10 000 рублей, за вздутие цен, контрабанду, накопление жизненных припасов, убой скота без разрешения — штрафы неограниченной суммы;

б) заключение в тюрьме или принудительные работы до одного года.

Можно одновременно присудить к тюрьме и денежному штрафу. При этом предметы, примененные при совершении проступка, могут быть объявлены конфискованными.

Если одним проступком причинен вред третьему лицу или его имуществу, то по просьбе потерпевшего может быть одновременно наложен соответствующий штраф до 5000 рублей для возмещения всех убытков.

§ 18

Если денежный штраф не уплачивается сейчас же или установленными частями, то денежный штраф заменяется тюремным заключением. Срок заключения устанавливается одновременно при вынесении приговора.

§ 19

Далее районные мировые суды рассматривают все гражданские споры, в особенности имущественные споры по договорам всякого рода (по купле, найме, аренде или ссуде); собственности, имущественные споры, вытекающие из семейных и наследственных отношений, трудовые конфликты, споры о возмещении убытков и выдаче пособий, если по степени сложности таких споров они не подсудны волостному мировому суду согласно § 9.

§ 20

Продажа и прочие отчуждения земельных участков и строений разрешается только с письменного позволения командующего Административным Округом.

На такие договоры делаются нотариусом, начальником района или старшиной в присутствии обоих сторон нотариальные над(?) и подаются затем соответствующему командующему Административным Округом для разрешения. Районный начальник ходатайствует об отчуждении.

Такие договоры могут быть признаны мировыми судами тогда, когда они составлены согласно предписанию, и если разрешены.

Волостные и районные мировые суды не имеют права выносить решения о возвращении земли, двора или строений возвратившимся эмигрантам. Если крестьяне, изгнанные большевиками, обращаются к мировым судам за возвращением отнятой у них земли, их надо направлять с их требованиями к соответствующей немецкой хозяйственной инспекции или к соответствующему Начальнику Окружной комендатуры.

§ 21

Разводы в общем не производятся. Только в исключительных случаях

может быть расторгнут брак, совершенный по закону:

а) при постоянном половом бессилии одного из супругов, установленном врачом, состоящим на службе;

б) при заразительных или возбуждающих отвращение болезнях одного из супругов;

в) при изменах;

г) при покушении на жизнь одного из супругов;

д) если нееврей хочет развестись с евреем;

е) если развод в Германских военных интересах.

IV. Предписания по судопроизводству

§ 22

Председатель, заместитель председателя и заседатели мировых судов не могут выносить постановление в собственных делах, в споре, касающемся лиц, состоящих с ними в родстве или свойстве. В сомнительных случаях решает соответствующий командующий Административным Округом о назначении состава суда.

§ 23

На заседателей, которые без уважительных причин не являются своевременно на заседания или каким-либо другим способом уклоняются от исполнения своих обязанностей, председатель налагает дисциплинарное наказание (денежный штраф).

§ 24

Во всех уголовных делах, подлежащих ведению и обслуживанию мировых судов, председатели их должны выяснять обстоятельства дела, производя необходимое дознание, в особенности допрашивать свидетелей, экспертов и т. д. Для этой цели они могут привлекать местную полицию. По окончании судебного (предварительного) следствия — на заседании суда произносится приговор суда. Обвиняемый должен лично явиться на заседание суда.

Он должен быть своевременно оповещен и в случае неявки без уважительной причины приводится на заседание принудительным порядком.

§ 25

По гражданским делам заявления и споры одной из сторон могут быть приняты к судебному рассмотрению одним лишь председателем или заместителем председателя мирового суда. Судопроизводство должно проводиться публично и гласно.

§ 26

По местности судебные дела подсудны мировому суду той общины, в пределах которой обвиняемый имеет свое местожительство или местопребывание.

§ 27

Председатель назначает срок судопроизводства и извещает о нем тяжущиеся стороны устно или письменно.

Тяжущиеся должны явиться на заседание суда лично или письменно уполномочивают на это своего заместителя. Кто не является без уважительной причины, может быть приведен принудительно.

§ 28

В начале заседания председатель пытается примирить стороны. На примирение сторон составляется протокол за подписью председателя и сторон. Протокол есть обязательство обеих сторон.

§ 29

Перед решением надо выслушать стороны. Если одна сторона не является на заседание без уважительных причин и не высказывается несмотря на предложение, то достаточно выслушать одну сторону.

§ 30

Мировые суды обязаны производить все дознания, которые нужны или целесообразны для выяснения обстоятельств дела. Они могут допрашивать свидетелей или экспертов. Перед допросом свидетелей их обязывают говорить правду и предупреждают, что за ложное показание они могут быть строго наказаны.

§ 31

Мировые суды выносят свои решения по большинству голосов, кроме приговора мирового суда, который произносится после (?)нного обсуждения всего положения дела по общим принципам справедливости. Приговор суда с коротким обоснованием зачитывается и подписывается членами мирового суда.

V. Контроль приговоров мирового суда

§ 32

Приговор мирового суда может быть опротестован и обжалован всеми причастными к делу лицами в течение одной недели после объявления его.

Если в течение недели не последует обжалования, приговор входит в силу.

Если последует обжалование, то волостной мировой суд направляет судебное дело районному мировому суду своего района. На основании содержания дела суд может сделать постановление или вновь разобрать дело.

§ 33

Постановление районного мирового суда не подлежит обжалованию.

§ 34

Приговор районного мирового суда по гражданским и уголовным делам вместе с судебным делом вскоре после вынесения постановления представляется командующему Административным Округом. Командующий Административным Округом проверяет постановление суда. Он может отменить или изменить постановление, если оно не соответствует закону или грубо несправедливо.

Командующий Административным Округом может приглашать экспертов, принимавших участие в процессе для экспертизы.

Если командующий Административным Округом не видит повода для изменения или отмены постановления, то на подлиннике приговора мирового суда он делает надпись: «Просмотрено!» с числом, подписью и штемпелем и возвращает приговор вместе с делом районному мировому суду. После того как сделана отметка о предъявлении, приговор мирового суда входит в силу. То же самое относится к полюбовным сделкам, заключенным районным мировым судом.

§ 35

Вошедший в силу приговор по гражданским делам сообщается тяжущимся председателем мирового суда первой инстанции.

§ 36

Взимаются следующие судебные пошлины:

В волостном мировом суде за приговор — 20 рублей, за полюбовную сделку — 2 % с суммы полюбовной сделки, однако не больше 20 рублей.

В районном мировом суде:

За приговор при имущественных спорах до 1000 рублей — 20 рублей, свыше 1000 рублей — 2 % стоимости имущества, но не больше 500 рублей, при полюбовной сделке — 1 % стоимости имущества, но не более 300 рублей.

За развод — в зависимости от имущественного положения сторон, но не свыше 300 рублей.

§ 37

Расходы по судебному производству в гражданских делах несет при полюбовной сделке та сторона, которая взяла их на себя; если спор разрешается приговором суда — расходы несет виновная сторона.

Если обвиняемая сторона виновата только отчасти, то расходы делятся соответственно между обеими сторонами.

§ 38

Мировые суды должны вести списки судебных процессов отдельно по уголовным и гражданским делам по следующему образцу:

СПИСОК ПРОЦЕССОВ МИРОВОГО СУДА

№ по порядкуЧисло поступленияИмя и фамилия тяжушихсяПредмет спораСодержание полюбовной сделки или приговора судаЧисло заключенной полюбовной сделки или приговора суда

§ 39

Списки процессов мировых судов, согласно § 38, передаются один раз в месяц [к 5-му каждого месяца] на просмотр командующему Административным Округом, который возможно скорей возвращает с отметкой о просмотре.

VI. Исполнение

§ 40

1. Исполнение о взимании денежных штрафов и о присуждении к краткосрочному лишению свободы проводится председателем мировых судов.

2. Осужденные к лишению свободы на более долгий срок могут быть переданы для отбытия наказания в рабочий лагерь.

Засвидетельствованная копия приговора с отметкой командующего Административным Округом о просмотре должна быть переслана начальнику лагеря.

§ 41

Приведение в исполнение приговора мирового суда или полюбовной сделки в гражданских делах происходит только в случае выдачи исполнительного листа. Для выдачи исполнительного листа выигравшая сторона должна удостоверить, что противная сторона не выполнила приговора мирового суда и не согласна на полюбовную сделку.

Приведение приговора в исполнение производится председателем мирового суда или органами, назначенными им.

VII. Предписание об окончании

§ 42

Районные мировые суды организуются при Районной Управе.

Соответствующий надзор лежит на начальнике района, даже и тогда, когда он является одновременно председателем районного мирового суда.

§ 43

Вместе с правом мирового суда остается в силе право дисциплинарного взыскания начальников района и старшин, установленное Административным распоряжением № 5/42, цифры VI и VII, однако за один и тот же проступок виновный может быть наказан только

один раз. В остальном право начальников районов и старшин налагать дисциплинарные наказания заменяется вышеуказанными предписаниями.

§ 44

1. Лица с юридическим образованием и лично благонадежные могут быть допущены волостными и районными судами в качестве представителей тяжущихся сторон или защитников обвиняемых.

2. Допускаются они после проверки личности их командующим Административным округом. Разрешение о допущении их может быть отменено.

3. По своей профессии допущенный носит звание адвокат. Для него должны быть назначены часы приема населения, он должен вести безупречную жизнь и в одном деле имеет право давать советы и быть представителем только одной стороны.

4. Свои сборы за спорные и уголовные дела адвокат согласует с тяжущимися сторонами. По просьбе адвоката или тяжущейся стороны размер сборов утверждает председатель районного мирового суда, также и тогда, когда решение вынесено волостным судом. Заключение председателя районного суда должно быть утверждено командующим Административным Округом, и только тогда оно может быть приведено в исполнение.

§ 45

1. По мере надобности могут быть открыты нотариальные конторы для заключения всякого рода договоров и составления всякого рода документов.

2. Нотариус должен иметь юридическое образование и быть благонадежным.

3. Назначение на должность нотариуса производится после проверки личности командующим Административным Округом; оно может быть отменено.

4. Нотариус должен заботливо хранить полученные документы, составлять на них списки и каждый год сдавать их районному мировому суду.

5. Вопрос о пошлинах нотариус согласует с тяжушимися сторонами смотря по важности предмета. По просьбе заинтересованных сторон о них решает председатель районного мирового суда. Решение это должно быть утверждено Командующим Административным Округом и может тогда исполняться.

6. Относительно размера пошлин можно руководствоваться общими судебными ставками.

§ 46

За деятельностью адвокатов и нотариусов следит председатель районного мирового суда; в нужных случаях он извещает о них командующего Административным Округом.

§ 47

Лица, признанные немецкого происхождения, неподсудны мировым судам русских органов управления. Они подсудны исключительно немецким учреждениям, но они могут пользоваться услугами адвокатов и нотариусов.

§ 48

Военнопленные, а также все жители страны, борющиеся с оружием против советского строя [вооруженная служба порядка, милиция, отряды

добровольцев], неподсудны судебным учреждениям русских органов управления, они подчиняются дисциплинарному уставу Германской армии, а если дисциплинарные взыскания недостаточны, то привлекаются к Германскому военному суду. Для этого остаются в силе особые руководящие указания.

Распоряжение о судопроизводстве вступает в силу с 1 января 1943 г. Если до этого судопроизводство производилось по другим постановлениям, то оно остается в силе.

Главнокомандующий

2-й бронетанковой армией

Источник: ГАБО. Ф. 2608. Оп. 1. Д. 2. Л. 200–205 об.

Документ 3. Предписание для упорядочения проституции в г. Курске. 19 сентября 1942 г.

§ 1

Список проституток

Проституцией могут заниматься только женщины, состоящие в списках проституток, имеющие контрольную карточку и регулярно проходящие осмотр у специального врача на венерические болезни.

Лица, предполагающие заниматься проституцией, должны регистрироваться для занесения в список проституток в Отделе Службы Порядка г. Курска. Занесение в список проституток может произойти лишь после того, как соответствующий военный врач (санитарный офицер), к которому проститутка должна быть направлена, дает на это разрешение. Вычеркивание из списка также может произойти только с разрешения соответствующего врача.

После занесения в список проституток последняя получает через Отдел Службы Порядка контрольную карточку.

§ 2

Проститутка должна при выполнении своего промысла придерживаться следующих предписаний:

а) заниматься своим промыслом только в своей квартире, которая должна быть зарегистрирована ею в Жилищной конторе и в Отделе Службы Порядка;

б) прибить вывеску к своей квартире по указанию соответствующего врача на видном месте;

в) не имеет права покидать свой район города;

г) всякое привлечение и вербовка на улицах и в общественных местах запрещена;

д) проститутка должна неукоснительно выполнять указания соответствующего врача, в особенности регулярно и точно являться в указанные сроки на обследования;

е) половые сношения без резиновых предохранителей запрещены;

ж) у проституток, которым соответствующий врач запретил половые сношения, должны быть прибиты на их квартирах особые объявления Отдела Службы Порядка с указанием на этот запрет.

§ 3

Наказания

1. Смертью караются:

Женщины, заражающие немцев или лиц союзных наций венерической болезнью, несмотря на то что они перед половым

сношением знали о своей венерической болезни.

Тому же наказанию подвергается проститутка, которая имеет сношения с немцем или лицом союзной нации без резинового предохранителя и заражает его.

Венерическая болезнь подразумевается и всегда тогда, когда этой женщине запрещены половые сношения соответствующим врачом.

2. Принудительными работами в лагере сроком до 4 лет караются:

Женщины, имеющие половые сношения с немцами или лицами союзных наций, хотя они сами знают или предполагают, что они больны венерической болезнью.

3. Принудительными работами в лагере сроком не менее 6 месяцев караются:

а) женщины, занимающиеся проституцией, не будучи занесенными в список проституток;

б) лица, предоставляющие помещение для занятия проституцией вне собственной квартиры проститутки.

4. Принудительными работами в лагере сроком не менее 1 месяца караются:

Проститутки, не выполнившие данное предписание, разработанное для их промысла.

§ 4

Вступление в силу

Это предписание должно быть опубликовано Городским Головой г. Курска и вступит в силу с момента опубликования.

Комендант г. Курска

генерал-майор *Марсель*

Источник: Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М.: АСТ-Пресс-Книга, 2002. С. 324–327.

Документ 4. Приказ главнокомандующего 2-й танковой армией генерал-полковника Р. Шмидта от 19.07.42

Главнокомандующий Армией

№ 1023-42

Ставка, 19.7.42

Бургомистру Локотского уезда —

Господину Инженеру Б. Каминскому

Настоящим я поручаю Вам организацию самоуправления в администр. Округе Локоть и назначаю Вас командующим созданной в пределах этого округа милицией, на правах командира бригады войск милиции.

Ваш адм. округ охватывает, кроме района Локоть, районы Дмитриев, Дмитровск, Севск, Комаричи, Навля и Суземка.

Для решения вопросов военной подготовки, в качестве совещательного органа, Вам придается штаб инструкторов под руководством майора фон Вельтгейма. Майор фон Вельтгейм является одновременно офицером связи к главному административному округу Брянск и к штабу Армии. Для координации вопросов управления в соответствии с данными германским главным командованием установками ему приданы административный чиновник, а для решения вопросов сельского хозяйства — руководитель по сельскому хозяйству.

Германским учреждениям, которые равным образом будут

организованы в районах, приказано не вмешиваться непосредственно в дела управления. Они подчиняются исключительно майору фон Вельтгейму, и им надлежит ограничивать свою деятельность на помощи и совете. Я надеюсь, что таким образом в короткое время удастся дать стране самоуправление, охраняющее интересы крестьян и промыслов.

Что касается условий подчинения милиции Штабу фон Гильза для совместной борьбы против партизан в лесах восточнее реки Десна, положение этим не изменяется.

Германский подлинник имеет подпись: Шмидт, Генерал-Полковник и Главнокомандующий.

Точность перевода удостоверяется: Зондерфюрер (К) — подпись.

Источник: Голос народа. 1942. 25 июля.

Документ 5

Господину старшине города и уезда
Заведующего Финансовым Отделом
и Секретаря Городского Управления
ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

По смете города Вами предусмотрены средства для выдачи пособий нуждающимся гражданам, престарелым одиночкам и бывшим пенсионерам.

По Вашему поручению я просил Начальника Полиции через его аппарат зарегистрировать престарелых одиночков, но таковых оказалось всего 2–3 чел., все остальные устроены при близких или дальних родственниках, но все же в пособии они нуждаются, как нуждаются и многие пенсионеры, особенно из числа лишившихся способности передвижения и находящиеся при них близкие родственники (жены, сестры, матери, братья и др.) также не могут выходить на работу, как необходимые своим больным для ухода за ними и потому нужда у них еще больше обостряется.

Организация дома-приюта для таких людей была бы самым лучшим видом пособия, но осуществить это дело при настоящих условиях жизненно трудно да и рискованно — нет никакой гарантии регулярного обслуживания их питанием.

Но помочь им как-то необходимо; я полагал бы возможным и полезным осуществить дело этой помощи следующим порядком: по мере выявления в первую очередь лиц остро нуждающихся, престарелых, больных, не способных двигаться выдавать им пособия в размере от 50 до 100 руб. в месяц и одновременно за деньги отпускать им 2–3 килограмма муки и столько же сбоев и доставить им на дом хотя бы по 1 кубометру дров за наличные деньги.

Пусть эти люди в конце своей жизни почувствуют эту заботу о всех Городского Управления, а получив это хотя маленькое пособие, увидят, что вспомнили о них, в труде отдавших свои силы Государству.

Если Вы согласны с этим, просим Вас разрешить провести в… (документ обрывается).

Источник: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 13. Л. 101.

Документ 6. Торопецкое самоуправление города и района

12/XII-42

Заведующему Промкомбинатом.

Для большего охвата населения г. Торопец работой при Комбинате должно быть открыто отделение для переработки на дому шерсти и льняного волокна на нитки и всякого рода изделия из них.

Предлагается Вам организовать такое отделение при Вашем Комбинате.

Составьте правила и порядок выдачи сырья на дом для переработки и правила оплаты и сроки выполнения работ и представьте в Городскую Управу на утверждение к 15/XII.

Все изделия должны поступать в магазин Городской Управы для продажи населению.

Шерсть… получить от Льнозавода.

Первым днем начала работ назначено 17 декабря с/г. К этому числу Вам надо быть готовым к приему посетителей.

Старшина города *Николаев.*

Источник: ГАТО. Ф. Р-2757. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

Приложение 3
Документы и агитационные материалы идеологического характера

Документ 1. Манифест Народной социалистической партии России

Сего числа приступила к работе Народная социалистическая партия России.

Народная социалистическая партия была создана в подполье в сибирских концлагерях. Краткое название Народной социалистической партии — «ВИКИНГ» (Витязь).

Народная социалистическая партия берет на себя ответственность за судьбы России. Она берет на себя обязательство создать правительство, которое обеспечит спокойствие, порядок и все условия, необходимые для процветания мирного труда в России, для поддержания ее чести и достоинства.

В своей деятельности Народная социалистическая партия будет руководствоваться следующей программой:

1) Полное уничтожение в России коммунистического и колхозного строя.

2) Бесплатная передача крестьянству в вечное, наследственное пользование всей пахотной земли с правом аренды и обмена участков, но без права их продажи. (В руках одного гражданина может быть только один участок.) Размер участка около 10 га в средней полосе России.

3) Бесплатное наделение в вечное, наследственное пользование каждого гражданина России усадебным участком с правом обмена, но без права продажи. Размер участка в средней полосе России определяется приблизительно в 1 гектар.

4) Свободное развертывание частной инициативы, в соответствии с чем разрешается частным лицам свободное занятие всеми ремеслами, промыслами, постройка фабрик и заводов. Размер капитала в частном владении ограничивается пятью миллионами золотых рублей на каждого совершеннолетнего гражданина.

5) Установление на всех видах производств двухмесячного годового отпуска в целях использования его для работы на собственных усадебных участках.

ПРИМЕЧАНИЕ: На вредных производствах продолжительность отпуска увеличивается до 4 месяцев.

6) Наделение всех граждан бесплатно лесом из государственных дач для постройки жилищ.

7) Закрепление в собственность Государства лесов, железных дорог, содержимого недр земли и всех основных фабрик и заводов.

8) Амнистия всех комсомольцев.

9) Амнистия рядовых членов партии, не запятнавших себя издевательством над народом.

10) Амнистия всех коммунистов, с оружием в руках участвовавших в свержении сталинского режима.

11) Амнистия героев Советского Союза.

12) Беспощадное уничтожение евреев, бывших комиссарами.

Свободный труд, частная собственность в пределах, установленных законом, государственный капитализм, дополненный и исправленный частной инициативой, и гражданская доблесть явятся основой построения нового государственного порядка в России.

Настоящая программа будет осуществлена после окончания войны и после прихода Народной социалистической партии к власти.

В первую очередь все льготы получат граждане, с оружием в руках не щадя жизни участвовавшие в построении и укреплении нового строя.

Всякому паразитизму и воровству объявляется смертельная борьба.

Наша партия — партия национальная. Она помнит и ценит лучшие традиции русского народа. Она знает, что викинги — витязи, опираясь на русский народ, создали в седой древности Русское государство.

Наша страна разрушена и разорена под властью большевиков. Бессмысленная и позорная война, вызванная большевиками, превратила в развалины многие тысячи городов и заводов нашей страны.

Но партия «ВИКИНГ» верит в могущество и гражданскую доблесть русского народа и дает клятву возродить русское государство из большевистских развалин.

С образом Георгия Победоносца сражалась и победила русская армия в старину, так будет и впредь, а потому наше национальное знамя — белое полотнище с образом Георгия Победоносца и с Георгиевским крестом в верхнем углу знамени.

Каждый гражданин, разделяющий программу нашей партии, должен вести запись граждан, желающих в нее вступить.

По всем областным и районным центрам необходимо организовать комитеты партии «ВИКИНГ».

Народная социалистическая партия шлет привет мужественному германскому народу, уничтожившему в России сталинское крепостное право.

Руководитель Народной социалистической партии

ИНЖЕНЕР ЗЕМЛЯ (КПВ).

Источник: ЛАЕ. Манифест НСПР (типогр. экз.).

Документ 2. Резолюция, принятая на 1-й антибольшевистской конференции бывших командиров и бойцов красной армии, ставших в ряды Русского Освободительного движения

Мы, бывшие бойцы красной армии, оказавшиеся в плену и сейчас вступающие в ряды Освободительного движения, в этом документе хотим выразить свое отношение к большевизму, вот уже четверть века угнетающему нашу Родину. Большинство из нас выросло и сформировалось в условиях советской власти, возмужало и прожило свою сознательную жизнь под властью большевиков. Мы учились в советских школах и высших учебных заведениях, служили и работали в советских предприятиях и учреждениях, честно выполняли свой долг солдат и офицеров в рядах красной армии. И вот теперь, став под знамена борьбы против большевизма, мы должны дать правдивый ответ на вопрос — почему мы это сделали? Почему мы встали на этот путь?

Не только под влиянием личной обиды, не только в силу личных чувств, борьбу против большевиков мы признаем своим святым долгом. Не личная ненависть руководит нашими сердцами. Нет! Каждый из нас, плоть от плоти и кровь от крови Русского народа, сын своей страны, хорошо знает, каким мучением, какой пыткой для нашей Родины была власть большевиков, власть Сталина и его клики. Мы хорошо видели, какие неисчислимые бедствия принес большевизм Русскому народу и другим народам нашей страны. Подневольный труд в городе, рабское состояние в коллективизированной деревне, жизнь под управлением пробравшихся к власти евреев, пытки и муки в застенках и концентрационных лагерях, все бедствия нищеты и бесправия увенчались для Русского народа последним величайшим бедствием — вовлечением в войну за чужие интересы. Реки и моря русской крови уже пролиты в этой ненавистной войне. За что? За то, чтобы Сталин и его клика продолжали угнетать Русский народ? За то, чтобы английские и американские капиталисты могли и дальше спокойно эксплуатировать свои колонии? За власть большевиков и капиталистов над миром?! Ведь за это сейчас вынужден проливать кровь и отдавать жизнь лучших своих сыновей Русский народ! И не долг ли каждого честного русского человека, видящего это, грудью стать на борьбу за освобождение нашей Родины от большевистского ига, за прекращение кровопролитной войны, за создание Новой России, в которой мог бы построить свое счастливое будущее наш народ.

Большевизм — враг Русского народа и других народов нашей страны. Разумом и сердцем, всем своим существом мы ненавидим большевизм, как ненавидит его весь наш народ. 25 лет длилась власть большевиков, и 25 лет шла кровавая, жестокая, непрекращающаяся борьба между народом и узурпаторской властью. Ни расстрелы, ни тюрьмы, ни концентрационные лагери не могли заставить Русский народ склонить голову перед большевизмом, как ни пропаганда, ни насильственно прививаемая идеология не могли русских людей сделать большевиками. Мы были и остались Русскими! Но в условиях чудовищной системы террора, шпионажа, самим, без помощи извне, нам не удавалось объединить свои усилия для свержения ненавистной антинародной власти. Только теперь, опираясь на помощь Германского народа, поднявшего знамя борьбы против большевизма, как мирового зла, русские люди получили, наконец, возможность осуществить свою мечту.

Наши стремления, наши думы и мысли о борьбе против большевизма, о прекращении войны и заключении почетного мира с Германией, о строительстве Новой России без большевиков и капиталистов — мы

нашли выраженными в открытом письме генерал-лейтенанта А.А. Власова. Он является выразителем наших чаяний, выразителем дум и чаяний всего Русского народа. Именно в этом, в глубокой народности, — значение его идей, их сила. Письмо генерала Власова зовет нас не назад, не к отжившим формам свергнутого революцией старого мира, а вперед, к завершению национальной народной революции, и строительству будущего нашего Государства.

Мы знаем генерала Власова, мы верим ему! Мы свято верим в идеи великой освободительной борьбы Русского народа! Мы знаем, что только на путях освободительной борьбы Русский народ может создавать свое счастливое будущее. Это светлое будущее нашего великого народа будет построено нами, русскими людьми, под водительством и руководством лучших людей Русского народа во главе с генералом Власовым, в частности, взаимно выгодном и исторически обоснованном союзе с Германией, в равноправной семье свободолюбивых народов Европы.

Мы знаем, что от нас самих, от русских людей, зависит счастье нашего народа. Оно не дается легко, оно завоевывается в жестокой борьбе. Но мы верим и знаем, что эта борьба будет поддержана всем народом, ибо это борьба за правое, святое дело. Мы знаем, что от исхода нашей борьбы зависит жизнь и счастье матерей и жен, наших отцов и братьев, зависит счастье всего нашего народа. А за это не жалко отдать свою кровь, свою жизнь!

Нас не страшат трудности, не страшат жертвы, которые от нас потребует борьба против большевизма, смертельного врага Русского народа. Нами руководит великая идея строительства Новой России, нами руководит стремление к свободе и счастью, к справедливости и миру. Нам указывает путь великое прошлое нашего народа. Нас ведет на борьбу испытанный в боях наш русский человек. И мы победим!

Мы призываем всех русских людей становиться под знамена Освободительного движения. Русские люди! Друзья и братья! Вставайте на борьбу против большевизма!

Источник: Речь. 1943. 11 июня.

Документ 3. Открытое письмо красноармейцам и командирам от добровольцев Русской Освободительной Армии

Здорово, ребята!

Читали мы сброшенные к нам советские листовки. Спасибо за память!

Мы очень рады! Если Сталин приказал над германскими окопами разбрасывать листовки на русском языке, значит, мы уже стали опасной для него силой. Значит, шила в мешке не утаишь! Значит, беспокойно становится в партийных верхах, значит, стало известно там, что Русская Освободительная Армия, состоящая из русских людей, под русским командованием, борющаяся за свою родину против большевизма, рука об руку с дружественной Германией, — это совершившийся факт!

Листовки мы подобрали и прочли. Нас за это не расстреливают, потому что знают, что нас Сталину сагитировать трудно!

В них нас жалеют:

«…Вам насильно дали оружие и насильно ведут в бой…»

Заряженное оружие в руки многотысячной армии насильно не дашь!

Там пишется:

«…Вы идете в бой против своих отцов и братьев…»

Ложь! Всех, кроме жидов и наркомвнудельцев, мы зовем к себе. Беспартийный, коммунист, комсомолец, рабочий, крестьянин — все мы прежде всего русские, и жизнь показала, что если поскрести любого честного коммуниста, то сразу выступает наружу его русская душа.

И если на твоей совести нет русской крови, если ты не служил в карательных и заградительных отрядах и не забегал вечерами с доносами на товарищей в Особый отдел — у нас с тобой одна дорога и одна цель. Вместе за народ, за Россию, в которой не будет помещиков и капиталистов, но не будет и большевиков.

Правда на нашей стороне!

Листовки стыдят нас: «…Вы изменили родине и помогаете Гитлеру закабалить русский народ…»

Ложь! На другой же день после уничтожения сталинского режима будет заключен почетный мир между великими и равноправными народами Германии и России.

Германия не обманет, тут у власти нет ни одного жида!

Крепко смеялись наши добровольцы над словами:

«…Красная армия защищает счастливую жизнь народов СССР от нападения гитлеровских бандитов…»

Ну, уж нас на «счастливую» жизнь не поймать! 25 лет сами жили под советской звездой!

Мы видели жизнь германского народа. Нам не показывают ее, здесь показывать не принято, а просто говорят, смотрите сами.

Нет, не спровоцируют нашу дружбу с Германией листовки ваших «Окружкомов ВКП(б)». Этот номер у них не пройдет!

Листовка предлагает: «Воткните штык в спину ненавистным фашистам…»

Нас зовут: «Возвращайтесь обратно, еще не поздно…»

Хитры кремлевские заправилы, да раскусили мы их. Кое-кто из нас сам в НКВД сидел, а вообще-то нет советской семьи, которой не коснулись бы ежовские ежовые рукавицы.

А скажи откровенно, в твоей личной семье разве никого нет раскулаченных, сосланных, расстрелянных? Кто будет мстить за них?! Хорошо поет Сталин, да скоро сядет, близок конец его власти!

Ну, до свидания, ребята! Спасибо Окружкому партии за развлечение. Верим в то, что скоро встретимся с вами, но не как враги. Кровь у нас одна, одна должна быть и цель. А вот у власти, у советской, процент жидовской крови уж очень велик.

С товарищеским приветом

Добровольцы Русской Освободительной Армии

Источник: ЛАЕ. Открытое письмо красноармейцам и командирам… (Типогр. экз., серия 227/11-43.)

Документ 4. Открытое письмо штабам бандитских бригад и отрядов (начало 1944 г.)

Вы, сталинские опричники, никак не можете успокоиться от пребывания РОНЫ в Лепельском округе. Нам известно почему, да и вы тоже об этом знаете. Мы народ не гордый, и говорим прямо, что нам дает право сделать выводы относительно ваших листовок.

Мы будем говорить фактами, против которых, как вы говорите, не

попрешь. Вот вам первый факт. Когда еще бригады РОНА здесь не было, то вы, брехуны, говорили населению, что бригада Каминского, мол, перейдет в партизаны и т. д. Более того, вы посылали несколько предложений командиру бригады за подписями представителей сталинского правительства с целью переименовать славную бригаду РОНА во 2-ю антифашистскую армию и предлагали перейти на вашу сторону, обещая ему за это ордена и похвалы вашего кровавого правительства. Помимо того, вы не раз обращались со специальными листовками к офицерам бригады сделать то же самое, обещая им за это сохранение званий и зарплаты.

Это могут предлагать только бандиты, не имеющие понятия о идейности борьбы и ни гроша в кармане.

И что из этого получилось? В ответ на эти предложения бригада пошла в большой поход против вас.

Вы пытались этим воспользоваться и ударами на Лепель и Чашники думали сокрушить мощь бригады.

Но, как выяснилось, вы — хорошие бандиты, но не стратеги и вояки. Вы вместе с вашими большими силами вынуждены были бежать как зайцы. Сколько погибло при этом невинных людей, которых вы держите под страхом приближения фронта, под строгим глазом НКВД, но которые готовы сейчас бросить вас и это скоро сделают, как только узнают правду о наших идеях. Так вот, горе-вояки, вы пытались командира бригады и всю бригаду перетянуть к себе — это ведь факт. Ваши гнусные предложения находятся как документ в штабе бригады. Против этого факта не попрешь. Тогда Каминский и мы не были сворой бандитов, тогда Каминский не был «тушинским вором». Но после того, как бригада начала вас бить и изгонять из пределов округа, то наш комбриг и мы стали «народными палачами» и всем, чем угодно.

Кто же теперь из нас в истерике, кто в бессильной злобе — мы или вы, — представляем после этого судить только вам. Нам же важно отметить здесь, что ваша оценка льстит нам, ибо она ярко выражает наши удары по вам, бандитам.

А теперь посмотрим, кто же все-таки бандиты? Вы приводите пример с Поддуевым. Хороший пример, только не в вашу пользу — обратимся к фактам. Поддуев, Гладков и Масленников повешены по приговору военно-полевого суда Локотского округа, утвержденного комбригом Каминским, как агенты бандитов и бывшие сотрудники НКВД.

Эти люди могли творить бесчинства, убийства со свойственной вам жестокостью. Но как только Комарический район был включен в состав Локотского округа, песенка ваших братьев была спета. Кстати сказать, при отступлении большевиков Гладков взорвал Лопандинский завод. Факты! — против этих фактов никуда не попрешь. Вот вам другой факт, характеризующий лик «народных мстителей». В деревне Осеннице Бегомльского района вами была издевательски избита шомполами пожилая женщина Новицкая, которая кроме своей печки ничего не знала и не видела. Этот факт подтвержден медицинским освидетельствованием, и о нем очень «мило» отзываются мирные жители не только у вас, но и здесь. Акт помещен в печати, где вы можете узнать подробности. Подтвердить его может выродок рода человеческого, махровый бандит, находящийся у вас в большом почете, командир бригады «Железняк», производивший экзекуцию собственноручно.

Мы можем привести много таких фактов, но считаем лишним, ибо

кому из людей бывшего СССР не известны утонченные методы пыток НКВД.

Из вышеприведенных фактов можно судить, кто же является бандитами и зверями, вы, грабящие население и избивающие его, или же мы — спасающие население от ваших грабежей и насилий. Мы не вдаемся в дискуссию, а представляем судить об этом мирному населению.

А теперь несколько слов об идее.

Кстати сказать, наши идеи вы упорно замалчиваете, даже не пытаясь их дискутировать, отделываетесь только фразой «у бандитов, выродков идей нет и не может быть». А так как вышеприведенные факты ярко говорят, кто бандиты и выродки, то и понятно, что ваши «идеи»— грабеж, издевательства, насилия и т. д. С такими идеями далеко не уедешь и не победишь. И на самом деле, что вы можете противопоставить нашим лозунгам борьбы:

1. Земля должна быть бесплатно передана в частное пользование крестьянству.
2. Рабочий из крепостного пролетария должен стать свободным тружеником, участником создаваемых им прибылей.
3. Интеллигенция в своем творчестве должна быть свободна.

Впрочем, прочтите наш Манифест, и вы увидите, что день рождения Манифеста есть день начала гибели Сталина и всех его приспешников.

Смерть кровавому большевизму, обрекающему народы России на голод, нищету и ввергнувшему их в эту кровавую бойню!

Да живут и здравствуют патриоты России, кующие счастливое будущее нашей родине без большевиков и капиталистов!

Смерть бандитам!

Бойцы и командиры бригады РОНА

Источник: Дробязко С.И. Локотской автономный округ и Русская Освободительная Народная Армия. С. 201–203.

Документ 5. Обращение командования партизанского отряда им. Щорса к полицейским с призывом переходить к партизанам с оружием для совместной борьбы с фашистскими оккупантами

30 июня 1942 г.

Направляем Вам радостную весть — сообщение Советского Правительства о политических и военных итогах года войны. Читайте и думайте, достойны ли вы нашего героического народа. Надо ли вам еще разъяснять к тому, что написано. Мы думаем, что нет. Теперь все ясно. Наша родная Красная армия идет к нам! Слушайте своими ушами, как лупит фашистов наша «Катюша». Раскаты фронтовой артиллерии еще больше окрылили наших бойцов, которые рвутся сейчас в бой на славные подвиги. Партизаны сейчас представляют собой огромную силу, вооруженную первоклассной советской техникой. Настал час расплаты с врагами нашей Родины — немецкими фашистами и всеми, кто им помогает. Мы вам говорим, пока не поздно, действуйте по примеру своих товарищей — переходите к нам с оружием. В этом случае мы сохраним вам жизнь. Ваших товарищей у нас уже много. Больше того, на нашу сторону переходят немцы, мадьяры, закарпатские украинцы, которые видят крах фашистской Германии. Не верьте всякой чепухе, которую вам рассказывают о нас. Подумайте о себе и пожалейте свои семьи, ибо советский народ жестоко расправится с теми, кто стал на сторону врага.

Итак, подумайте и решайте. Мы вас ждем, чтобы совместно бить ненавистного врага.

Да здравствует наша Великая Родина — СССР!

Командование партизанского отряда им. Щорса

Источник: ЦНИБО. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 237. Л. 28–29.

Документ 6. Обращение Брасовского райкома ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся к населению района с призывом помогать Красной армии и партизанам громить немецких оккупантов

5 мая 1943 г.

Смерть немецким оккупантам!

Прочитай и передай товарищу!

Дорогие товарищи, братья и сестры!

19 месяцев вы испытываете на себе страшное, кровавое иго фашистской оккупации. Коварный и жестокий враг, вероломно напавший на нашу счастливую и дорогую Родину, принес вам, советским гражданам, неисчислимые страдания и унижения.

Произвол и насилие, бесчисленные казни, мучительные пытки, непосильное бремя налогов, тифозные и венерические заболевания, беспощадное истребление всего передового и здравомыслящего населения — вот что дали вам, советским гражданам, проклятые фашистские звери.

Прекрасный и цветущий поселок Локоть с его учебными заведениями, где учились ваши же дети, ныне осквернен и загажен вшивыми фрицами и их наемными собаками вроде Каминского, Мосина, Васюкова, Вашило[1074], Працук и др.

Гитлеровские палачи превратили Локоть в место пыток и издевательства над русским народом, что ни дом, то тюрьма, застенок; что ни аллея, то виселица. Ежедневно из застенков Локотской тюрьмы доносятся до вас стоны и ужасные крики умирающих от рук палачей ваших родных и знакомых. Они зовут вас к мести, к беспощадной мести фашистским мерзавцам.

Чувствуя свою гибель, враг все более и более звереет. В смертельной злобе он стремится нанести больше горя и несчастья нашему народу.

Не от больших успехов немцы состряпали из отбросов — уголовников и изменников — так называемый «русский комитет» и от его имени стали фабриковать лживые листовки, обращения к народам нашей страны. Не от успехов гитлеровцы проводят мобилизацию всего мужского населения и насильно гонят его на фронт для борьбы с Красной армией и нашими союзниками — Англией и Америкой, обрекая все это население на верную и неминуемую гибель. Разве мало убито полицейских и солдат «народной армии» под Комаричами и Севском, их немцы заставили воевать с Красной армией и трупы не убирают, говорят — это убиты партизаны.

Не от хорошей жизни гитлеровское командование за последнее время все чаще стало прибегать к распространению лживых сообщений о положении дел на советско-германском фронте.

Не верьте гитлеровской брехне! В их газетах и листовках нет ни одного слова правды…

1074 Так в тексте. Правильно — Вошило.

С каждым днем все шире разгорается пламя партизанской борьбы в тылу противника. Враг уже не раз изведал силу ударов партизан. Народные мстители — партизаны и партизанки не дают врагу покоя ни днем ни ночью.

Дорогие братья и сестры! Близок час освобождения нашего района. Так помогайте же Красной армии. Смелее крушите врага. Ускоряйте приближение славной победы! Помогайте славным партизанам бить фашистское зверье с тыла, бросайте службу в полиции и переходите к партизанам для борьбы с нашим общим врагом — немецкими захватчиками. Всеми средствами уничтожайте немецких палачей, рвите телефонную и телеграфную связь противника, жгите мосты на большаках, уничтожайте немецкие обозы, устраивайте крушения поездов, не давайте подвозить им к фронту боеприпасы и вывозить в Германию награбленное добро. Взрывайте и сжигайте склады боеприпасов и горючего. Собирайте и передавайте партизанам сведения о противнике. Прячьте от фашистских собак хлеб, скот, не платите налогов, беспощадно уничтожайте изменников и предателей Родины, ставших на службу к фашистам.

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует свобода и независимость нашей славной Советской Родины!

Да здравствует Героическая Красная армия и славные партизаны и партизанки!

Брасовский РК ВКП(б) и исполком райсовета депутатов трудящихся

Источник: Партизаны Брянщины. Брянск, 1962. С. 391–393.

Документ 7. Листовка ГлавПУРа «Смерть презренному предателю» (июль 1943 г.)

Смерть презренному предателю!

Бывший советский генерал Власов оказался холуем и шпионом немцев. Немецко-фашистские жулики трубят на весь мир о том, что у них подвизается генерал А. Власов, который якобы создает русскую армию на территории, оккупированной немцами.

Кто такой Власов?

Власов — подлец и предатель, продавшийся немцам. В 1937–1938 годах Власов участвовал в троцкистском заговоре против народа и вместе с другими врагами народа пытался загубить нашу Родину. Власов является активным участником контрреволюционной троцкистской организации, которая вела тайные переговоры с немцами и японцами о продаже им советских земель: Советского Приморья и Сибири — японцам, Советской Украины и Белоруссии — немцам. Когда советским органам стало известно о заговорщической деятельности Власова, он был привлечен к ответу. К этому времени контрреволюционная банда троцкистов была раздавлена и уничтожена. Привлеченный к ответу Власов делал вид, будто он раскаялся, и вымаливал прощение. Советское правосудие простило Власову его преступления и дало возможность искупить свою вину работой в рядах Красной армии против немецких захватчиков.

Летом 1941 года обманщик Власов нарушил военную присягу, сдался под Киевом в плен немцам, пошел в услужение к немецким фашистам, завербовался как шпион и провокатор.

Это было второе тягчайшее преступление Власова перед своей отчизной. Его раскаяние оказалось фальшивым. Двурушник Власов обманул советский народ. Власов был и остался презренным изменщиком.

Возвратясь по заданию немецкой разведки из-под Киева, шпион Власов объявил, будто бы вышел из окружения. Ему дали возможность доказать свою невиновность в боях против немцев на Западном фронте. Боясь, что его уличат как клятвопреступника и предателя, изменник Власов не решался здесь некоторое время вести свою преступную деятельность провокатора и шпиона. Попав позже на Волховский фронт, гитлеровский шпион Власов завел по заданию немцев части нашей 2-й ударной армии в немецкое окружение; погубил много советских людей, а сам перебежал к своим хозяевам — к немцам. С этого времени Власов полностью разоблачил себя как гитлеровский шпион, предатель и убийца советских людей.

Злодей Власов продал все: и Родину, и честь.

Немцы тысячами и тысячами убивают советских людей, а иуда Власов выдает немецко-фашистских захватчиков за благодетелей.

Немцы уводят тысячами и тысячами наших братьев и сестер на гитлеровскую каторгу, в немецкое рабство, а предатель Власов называет немцев освободителями.

Немцы заливают кровью и пытаются навечно закабалить Украину, Белоруссию, Молдавию, Литву, Латвию, Эстонию, русские земли. Они разрушают культуру наших народов, порабощают советских людей, а негодяй Власов считает немцев друзьями.

Вот почему немцы поднимают на щит Власова и помогают ему сколотить несколько отрядов из таких же негодяев, как он сам, чтобы бросить их против Красной армии! Вот почему немцы помогают предателю Власову насильно, обманным путем загонять в его отряды граждан оккупированных фашистами советских районов и кое-кого из военнопленных, которые не будут воевать против своих братьев и при первом же случае перейдут на сторону Красной армии.

Как бы ни орали гитлеровцы о своем холуе Власове, как бы ни тужился немецкий шпион Власов, но армии никакой у него нет и не будет. А созданные при помощи немцев банды Власова рассыплются при первом же столкновении с нашими войсками.

Отъявленный негодяй и предатель, продажный изменник, немецкий шпион — вот кто такой Власов.

Смерть презренному предателю Власову, подлому шпиону и людоеду Гитлера!

Источник: Соколов Б.В. Оккупация. С. 187–189.

Приложение 4
Документы советских партизан

Документ 1

Секретарю Калининского обкома ВКП(б) тов. Воронцову

от секретаря Себежского РК ВКП(б) комиссара п/бригады № 5 Кулеша А.С.

ДОКЛАДНАЯ

Считаю необходимым доложить Вам о делах 10-й (Красногородской) партизанской бригады, хочу указать лишь на то, что в течение полугода я установил личным наблюдением:

1. Судя объективно, по действиям, бригада проявляет паническую трусость перед врагом: только этим можно объяснить такие факты, как оставление без боя д. Горюшино, Брашкин Бор и др. Себежского р-на, которые были сожжены 14 полицейскими, как отказ от боевой поддержки соседей (26 мая в д. Козакове) и отсиживание, когда другие бригады вели бои с противником до последнего патрона (18 июня в Аф. Слободе) и т. д.

2. Бригада не оправдывает своего назначения, как бригада Красногородского р-на она все время околачивается в пределах Себежского р-на и БССР, причем, продолжительное время было так, что отряды находились в сев. части Себежского р-на, а командование бригады сидело в Белоруссии, за 100 км от отрядов.

3. Неизвестно, по каким причинам (желая иметь большую бригаду или создать основания для отсиживания и жалоб) командование провело широкомасштабную и бестолковую мобилизацию, собрало несколько сот безоружных людей, а потом встал вопрос: что делать? Вооружить на месте или вывести за линию фронта невозможно, распустить по домам — значит поставить под верный удар врага, содержать в бригаде трудно материально, да к тому же это связывает и людей вооруженных.

Все-таки часть распустили по домам, а около 400 человек и сейчас болтается без дела. Можно представить их настроение!

4. Но наиболее безобразно бригада ведет себя по отношению к населению. «Политику» в области заготовок вершит некто Миронов, которого они подхватили и посулили ему пост председателя райсовета Д. Т. Обыски и обирание населения стали массовым явлением. Больше того, в мае м-це (число не помню) бригада сожгла дер. Столбово и еще одну (название не помню) под тем предлогом, что немцы хотели якобы поставить в этих деревнях свои гарнизоны. Но сделано это было ночью и без предупреждения населения. Этой «операцией» возмущены не только население, но и партизаны.

В результате всех этих дел бригада сыскала себе дурную славу, слово «Десятка» (как ее именуют все) стало синонимом самого плохого.

Неудивительно, что честные командиры и бойцы бригады чувствуют себя очень неудобно и готовы сбежать из бригады.

Необходимо отметить, что все дела в бригаде вершит Вараксов, по какому-то недоразумению ставший комбригом.

Секретарь РК и комиссар бригады т. Козлов занимает неизвестно по каким причинам политику невмешательства, ведет себя по-обломовски — невозмутимо и спокойно.

Немедленно необходимо оздоровить бригаду. И для этого необходимо назначить новое командование, ибо Вараксов и Козлов не могут выправить положения.

Источник: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 240. Л. 16–17.

Документ 2. Политдонесение комиссара партизанской бригады № 5 (Себежской) за июнь 1943 г.

Обстановка исключительно тяжелая, и она порождает у населения большие колебания и беспрерывную борьбу настроений. Касаясь этого вопроса, необходимо отметить, что настроение населения значительно

портят неправильные, по существу антипартизанские отношения к населению других бригад, особенно 3-й и 10-й. Имея др. районы действия (Опочецкий и Красногородский), эти бригады с декабря 1942 г. полностью живут за счет нашего р-на. Да частично урывают и белорусские бригады, спецгруппы, это кроме нашей и 4-й, которые закреплены за районом. Пока брали общественный скот, вторых коров, пока был молодняк и мелкий скот (овцы, свиньи), крестьянин мирился. Но за последнюю корову он держится всеми силами как единственный источник питания семьи. Но разве будут с этим считаться бригады, не отвечающие за район? Конечно нет! Им надо мясо, и они берут и без всякого разбора берут не только у населения, живущего под гарнизонами, но и у того, которое ушло от немцев в лес под нашу защиту. Многие такие деревни (Белогурово, Черново и др.) остались без скота. Эти неправильные действия сопровождаются, кроме того, другими безобразными поступками и даже избиением населения. Так, например, в ночь на 12 июня партизаны 4-ой белорусской бригады забрали скот у населения д. Бологиники, издевались над населением и избили гр. Муханова А.И. В ночь на 18-го июня партизаны 3-ей Калининской бригады забрали скот у населения д. Анинск, а чтоб население не узнало, куда идти искать его, обстреляли, а назавтра, когда население все-таки узнало и пришли просить возвратить скот, то его посадили в баню (в д. Черенской). И такие факты не единичны. Кроме того, обыски, под предлогом поисков оружия и военного имущества, и обирание населения стало обычным явлением. Все это очень вредно отражается на настроении населения, вызывает законное недовольство его.

5-10 июля 1943 г.

Комиссар Себежской п/бригады № 5 */Кулеш/*

Источник: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 22. Л. 25–26.

Документ 3

Представителю ЦШПД на Калининском фронте

т. Рыжикову

от капитана тов. Дорош Захара Л.

РАПОРТ

Доношу до Вашего сведения о том, что 18.6.43 г. я был снят из должности нач. штаба бригады № 10 ком. бригады тов. Вараксовым за то, что я ему не помогал заниматься очковтирательством о проделанной работе бригады. За то, что я 18.6.43 г. не дал его жене свою верховую лошадь, за то, что я ему сказал, что я все доложу в штаб тов. Рыжикову.

Кратко доложу о тов. Вараксове. Во-первых, т. Вараксов систематически занимается ложными данными о проделанной работе бригады. Тов. Вараксов в каждом своем донесении Вам писал все ложные данные о боевой и политработе. Тов. Вараксов давал Вам неправильные радиограммы о спущенных воинских эшелонах, о взятых трофеях, количестве убитых, пленных, разбитых гарнизонах, о месте нахождения своего штаба и много другого. Тов. Вараксов скрывал о количестве боеприпасов и вооружения (где давал Вам неправильные Р. С.). Тов. Вараксов плохо занимался теми партизанами, которые занимались мародерством. Тов. Вараксов сидел около месяцев в Белоруссии и только упаивал представителей, т. е. держал около себя двоих старшин специально для того, чтобы гнать самогон. Тов. Вараксов держит у себя 4

лошади которую одну из них кормит только одной мукой и хлебом. Тов. Вараксов расформировал 3-й отряд и почти всех командиров снимал из должности и потом через 1–2 месяца назначал обратно. Тов. Вараксов грубо относится к личному составу бригады, командный состав не хочет с ним работать. Тов. Вараксов сжег 3 деревни около 70 домов, которые были ни в чем не винные, из этих горевших деревень 20 человек пошли в полицию в гарнизон Мозули.

Тов. Вараксов заставил бригадного врача сделать себе аборт, где сейчас лежит больная.

А поэтому прошу Вашего разрешения о вылете меня к Вам лично для доклада о безобразиях тов. Вараксова о его очковтирательстве и ложных данных. Я жду Вашего ответа в 3-й бригаде тов. Ковальчука.

Капитан *Дорош*

29.3.43 г.

Источник: ТЦДНИ: Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 14–15.

Документ 4

Уполномоченному от ЦШПД
на Калининском фронте
тов. Ковальчуку
от капитана Дорош З.Л.
РАПОРТ

Тов. Вараксов сжег 3-й деревни Луги, Столбово и Козлове общее число 70 домов. Деревню сжигали не предупредили никого из населения а уже когда дома горели бегают бойцы и кричат поднимайтеся вы горите население не вспело вынести своих вещей даже некоторые обгоревшие выскакивали из домов. Люди разошлись по селам и стали рассказывать что делают партизаны 10-й Калининской бригады, что не только сжигают немцы, а даже и партизаны. Из этих деревень 20 мужчин пошли в гарнизон Мозули и поступили в полицию получили оружие и ходят делают засады на партизан, вот какая политическая воспитательная работа тов. Вараксова среди мирного населения. Тов. Вараксов не принимает никаких мер к мародерам, некоторые партизаны ломают пчел, раскапывают ямы из вешами крестьян, берут лошадей и пропивают, берут в кого попало скот или ломают в ночное время замки и заберают коров и этим делають не довольствия между крестьянами и партизанами.

Тов. Вараксов занялся лично своим хозяйством, а не партизанской борьбой, в него в деревни Мылинки имеется лично для него 25 коров только по его указанию делают для него масло, сыр, сметану, в него имеется 4 патефона, одна веломашина, 4 лошади из них одну лошад специально держит одного человека и только кормит одной мукой.

Источник: ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 583. Л. 19 об.-20 об.

Приложение 5
Образцы поэтических произведений периода оккупации

СССР

Земля многострадальная,

Распутья сел, полей…
Над ними безначальная
Тоска глухих ночей.
Темница вековечная,
Где тешится палач,
Где радость — скоротечная
И не смолкает плач.
Земля долготерпения,
Невыплаканных слез,
Кто счел твои мучения?
Кто бремя твое снес?
Какую душу чуткую
Твой мрак не удручал?
Кто, повесть твою жуткую
Читая, не стонал?
Но пробил час решительный,
И над тобой взошел
День счастья упоительный,
И рухнул произвол.
Развейтесь, тучи черные!
Пройдите, злые сны!
Отходят дни позорные
Загубленной страны.

НКВД

Проклятый зверь — НКВД,
Питомец Сталина-злодея.
Как злой вампир, ты пил везде
Людскую кровь, отродье змея.
Наемник, раб, ты, стыд поправ,
И честь, и совесть, смотришь гордо,
И всем грозит, как злой удав,
Твоя оскаленная морда.
Мильонами невинных жертв
Твоя усеяна дорога,
И в день, когда ты будешь мертв,
С молитвой все прославят Бога.

Прощание с матерью

Тишина. От тлеющей лучины
Томный свет по горнице идет.
Мать, не плачь, расправь на лбу морщины,
Ухожу я, долг меня зовет.
Мать, не плачь, утри косынкой слезы,
Погляди на сына веселей.
Очень скоро отгрохочут грозы
Над любимой Родиной моей.
Не один я взял винтовку в руки —

Много добровольческих полков
Ринулось спасать страну от муки,
От ярма жидов-большевиков.
Я один из тех, кто любит землю,
Вольный труд и желтый шелест нив.
Русь зовет, ее призыву внемля,
Отпусти меня, благословив.

Иосиф-Мороз

Вглядись, молодица, смелее,
Каков я, Иосиф-Мороз!
Навряд тебе парня страшнее
И злее видать привелось!
Богат я, казны не считаю,
Народ же не видит добра.
Я царство мое обираю,
Кричать заставляю «ура!».
Задумаю я, непокорных
Надолго упрячу под гнет,
Построил я цепи стальные,
И ими скрутил я народ.
Люблю я в глухих казематах
Людей и душить и давить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.
А честному люду на горе
И всем непокорным на страх
Гоню я людей без разбору
На муки и смерть в лагерях.

Источник: Голос народа. 1942. 15 ноября.

* * *

Под свободные знамена
Добровольческих полков,
От Кубани и до Дона
Шли отряды казаков.
Не за власть кремлевской клики —
Тунеядцев и жидов —
За народ казачьи пики
Будут бить большевиков.
За поруганную церковь,
За расстрелянных отцов.
За погибших в тридцать третьем
Всех кубанцев и донцов.
За спаленный край казачий,
За станицы, хутора.
За детей и женщин плачи
Отомстить пришла пора.